

КОММУНИКАТИВНЫЕ КОНВЕНЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ СЦЕНАРИИ

Филологический практикум

Составители:

Светлана Борисовна Адоньева,
Софья Олеговна Куприянова

Санкт-Петербург
2014

УДК 81-22
ББК 81.2-67 = 82.3 (2-Рос = Рус)
К63

Составители:

Светлана Борисовна Адоньева
Софья Олеговна Куприянова

Рецензенты:

кандидат искусствоведческих наук
Евгения Владимировна Хаздан;
доктор филологических наук
Мария Дмитриевна Воейкова.

Фотография на обложке Э. Уорнер:

деревня Кимжа Мезенского района Архангельской обл.

К63 Коммуникативные конвенции и социальные сценарии: Филологический практикум / сост. С. Б. Адоньева, С. О. Куприянова; под общ. ред. С. Б. Адоньевой. — СПб., 2014. — 336 с. + 16 с. вкл.

ISBN 978-5-99038-223-7

В книге представлены исследования, в которых методы, используемые для анализа коммуникативных стратегий, формирующих социальные отношения, приложены к фактическому материалу — речевой и поведенческой практике современного российского общества. Объекты исследования разнообразны: социальные и языковые механизмы, позволяющие осваивать половозрастные роли, традиционные и новые символические практики (от обряда «убийства молодых» до современной рекламы). В фокусе внимания авторов — отношения между коммуникативными конвенциями и социальными сценариями.

УДК 81-22

ББК 81.2 + 82.3 (2-Рос = Рус)

© Коллектив авторов, 2013
© Э. Уорнер, А. В. Козлова, Д. Д. Сытникова, И. С. Веселова, Н. А. Курзина, Л. В. Голубева, Л. Гайна, А. Т. Джафарова, О. П. Барсукова, фотографии, 2013
© Пропловский центр, 2014

ISBN 978-5-99038-223-7

Содержание

Введение (С. Б. Адоньева)	5
---------------------------------	---

Статьи

Фольклор в свете теории коммуникации и конвенции сказочной речи <i>Адоньева Светлана Борисовна, Мариничева Юлия Юрьевна</i>	11
Половозрастные статусы в устной речи и социальной практике <i>Адоньева Светлана Борисовна</i>	24
Повседневные и символические практики: правила метафорического переноса. Охотники и добыча <i>Веселова Инна Сергеевна</i>	31
Платок как атрибут памяти в рекрутском обряде <i>Голубева Любовь Викторовна</i>	57
Брак «самоходкой» <i>Каретникова Анастасия Сергеевна</i>	74
Воспитательная функция колыбельных песен: исследовательская традиция и культурный контекст <i>Куприянова Софья Олеговна</i>	91
Жизненный сценарий советской женщины: «бойкая» <i>Мамаева Екатерина Сергеевна</i>	100
«А если не помнить, так и жить незачем»: практика «свободных» поминаний в Белозерье <i>Пономарева Марина Валерьевна</i>	110
Фольклорный хор на Мезени: поведенческие стратегии участниц <i>Семенова Антонина Сергеевна</i>	119
Маргинальная фигура в социальной практике и дискурсе: <i>примак</i> <i>Степанов Андрей Викторович, Хон Ольга Георгиевна</i>	132
Приложение	153

Полевые отчеты и сообщения

Социальная топография деревенского кладбища <i>Барсукова Оксана Петровна</i>	205
«Не ловленной не останется»: убийство <i>молодок</i> на Заговенье как обряд перехода <i>Баукова Ксения Станиславовна</i>	211
Рассказы о <i>порченных девках</i> как инструмент социального контроля <i>Борисова Анна Александровна</i>	221

Малые жанры фольклора в спонтанной речи: семантика и прагматика паремий <i>Гавриленко Анастасия Александровна</i>	230
Женские сценарии в рекламном тексте <i>Егорова Мария Сергеевна</i>	247
«Незнакомую старушку надо матушкой назвать»: к вопросу об отношениях свекрови и молодки <i>Курзина Надежда Александровна</i>	262
Шутки, притворы и прочие глупости в свадебном ритуале Мезенского района Архангельской области <i>Хотина Светлана Васильевна</i>	269

Публикации

«С горячим приветом к вам Митя»: письма учителя села Возгора Д. С. Назарова к жене Анне (1939–1941 годы) <i>Голубева Любовь Викторовна</i>	277
--	-----

Введение

Изучение коммуникативных стратегий, используемых любым речевым сообществом, нуждается в применении междисциплинарных подходов. Методология подобного исследования предполагает учет таких показателей, как возраст, пол и социальный статус участников коммуникации, а также анализ социокультурного контекста, учитывающий исторические изменения, происходящие в исследуемом обществе. В США и Европе изучение речевых сообществ имеет давнюю традицию и сильные теоретические и методологические основания, которые лишь частично освоены российской наукой. Социогуманитарные науки в России вплоть до 90-х годов прошлого века находились под сильным идеологическим давлением, в результате чего важнейшие современные социологические концепции до сих пор последовательно не введены в научный обиход гуманитарных дисциплин¹. Вместе с тем российские научно-исследовательские и учебные институты накопили уникальные данные для подобного рода исследований. Имеющиеся лингвистические, фольклорные и этнографические материалы, отражающие практически все аспекты общественной жизни отдельных речевых сообществ, предоставляют возможность для «насыщенного описания»².

Целью исследований, представленных в настоящем издании, является приложение методов, используемых для анализа коммуникативных стратегий и тактик, формирующих социальные отношения, к имеющемуся фактическому материалу — речевой и поведенческой практике современного российского общества.

Поставленная цель требует изучения современных междисциплинарных гуманитарных теорий. Я имею в виду теории, представляющие общество как многофункциональную иерархическую структуру, в которой отношения власти, подчинения и социального управления поддерживаются с помо-

¹ См., напр., важную для нашей темы проблематику теории практик, вводимую в российский научный оборот О. В. Хархординим в серии изданий Европейского университета в Санкт-Петербурге «Прагматический поворот».

² Geertz C. Thick Description: Toward an Interpretive Theory of Culture // The Interpretation of Cultures: Selected Essays. New York, 1973. P. 3—30.

щью отработанных лингвистических механизмов и символических практик. Подобные механизмы существуют в любом обществе и представляют собой языковые и поведенческие паттерны, которые принимаются как нормативные. Индивиды следуют им полусознательно для того, чтобы устанавливать и поддерживать «правильные» социальные отношения в своем сообществе, то есть «нормально» в нем функционировать.

Полевые исследования различных аспектов общественной жизни современной российской деревни дают значительное количество примеров использования подобных паттернов. Например, севернорусские полевые материалы фиксируют наличие определенных коммуникативных приемов, присущих зрелым женщинам (*большухам*) и используемых ими для осуществления своей доминантной роли в семье и обществе. В определенных случаях их речевой репертуар включает обценную лексику, особую ритмизованную поэтическую форму, специфические идиомы. В речевой норме эти показатели характеризуют мужское речевое поведение и совершенно невозможны для женщин, не достигших этого возрастного статуса. Примеры использования традиционных речевых и фольклорных форм как инструментов для конструирования социальной реальности будут рассмотрены в отдельных статьях настоящего издания.

Задача исследования состоит в использовании разработанных методов описания лингвистических и культурных феноменов в анализе ряда аспектов современной российской реальности:

- социальные и языковые механизмы, позволяющие осваивать половозрастные роли;
- возрастная динамика социальных ролей;
- поведенческие и лингвистические паттерны, актуальные для российской практики;
- традиционные и новые символические практики.

Каждый человек, проживая свою жизнь, сталкивается с необходимостью принимать на себя определенный социальный статус. Статус представляет собой комбинацию поведенческих стереотипов, которые вменяются персоне обществом и подлежат реализации в определенных жизненных ситуациях. Статус, с одной стороны, должен иметь идеологическую составляющую – совокупность образцов,

служащих базовыми моделями для конкретных жизненных ситуаций. С другой стороны, предполагает освоение носителем определенных поведенческих навыков, тактик поведения, и в первую очередь – речевого. Владение речевыми навыками позволяет с наименьшими энергетическими затратами осуществлять предписанные человеку его статусом взаимодействия.

Под образцом понимается не норма (она может быть соблюдена или нарушена), но идеал или *культурный императив*. Система культурных императивов образует модель социальной структуры, на которую ориентирована общественная практика. Бронислав Малиновский определял особый класс «священных историй», которые воплощаются в морали общества, в ритуалах, в социальной организации: «они создают догматическую основу примитивного общества»³. На сегодняшний день нет нужды доказывать, что у любого общества, а не только у «примитивного», есть набор «священных историй», определяющий его «догматическую основу». Отношение между «сильными состояниями коллективного сознания», как определил это явление Э. Дюркгейм, или культурными императивами, и нормами было описано им как отношение причины и следствия: коллективное убеждение определяет и поддерживает норму. Индивиды адаптируют заданные коллективным опытом стратегии, позволяющие им перемещаться в пространстве социальных статусов. Подобные стратегии и дискурсные нормы являются обязательными: любое языковое сообщество молчаливо предполагает, что все его члены с ними знакомы. Владение ими предполагает использование когнитивных паттернов (или фреймов) и входит в построение «картины мира», способа видения человеком себя и окружающих, понимания собственного статуса и определенных им ролей.

Отклонение от дискурсных норм может привести к конфликту – либо внутреннему, либо внешнему. Так, например, наш полевой материал показывает, что в деревенской речевой практике существуют особые выражения, которые позволяют определять свою дискурсивную некомпетентность. «Я – не местный», – говорит о себе человек, родившийся в другой деревне той же области, даже если он прожил в одной деревне более полувека. За таким признанием обычно стоит оценка коллектива, навсегда закрепляющая за чу-

³ Malinowski B. Magic, Science and Religion and Other Essays. Boston, 1948. P. 86.

жаком статус «неместного» и невысокую позицию во властных отношениях сообщества.

Вместе с тем отношение между коммуникативными стратегиями, формирующими норму, и социальной практикой имеет определенную динамику.

Так, например, статистическое исследование, проведенное на материале одного района (население 24 000 человек, 1991–1995 годы), показало, что смертность мужчин в период возрастных кризисов (29–33 гг. и 39–43 гг.) в 7 раз превышает смертность женщин. Пики смертности мужчин совпадают с периодами смены возрастных поведенческих моделей, которые вменяло традиционное сообщество своим членам посредством определенных речевых и ритуальных техник (изменение обращений, включение в мужское сообщество большаков и др.)⁴. Статистика досоветской деревни не дает такой диспропорции. Таким образом, за период XX столетия в русской деревне изменились статистические показатели мужской и женской смертности. Этот показатель обнаруживает связь между социальной практикой (разрушение социальных институтов возрастной социализации мужчин) и коммуникативными стратегиями (в этом частном случае – наличием особых ритуальных техник, посредством которых сообщество обеспечивало успешное проживание возрастного кризиса своим членам).

Речь, основанная на конвенциях, входит как подмножество в два единства. Первое из них – совокупность социальных механизмов, обеспечивающих поддержание *традиции*. Такими механизмами оказываются самые разные явления – праздники и похороны, нормы наследования и формы демонстрации возрастной иерархии. Второе – совокупность воспроизводимых текстов, принуждающих участников коммуникации к заданным традицией социальным ролям и сценариям. Отношение между коммуникативными конвенциями и социальными сценариями и составляет предмет анализа в настоящем сборнике. Его материал – речевая и поведенческая практика современной России.

⁴ Адоньева С. Б. Страх жизни: мужские и женские возрастные кризисы // Языки страха. Женские и мужские стратегии поведения. СПб., 2004. С. 15–20.

СТАТЬИ

Фольклор в свете теории коммуникации и конвенции сказочной речи

*Светлана Борисовна Адоньева,
Юлия Юрьевна Мариничева*

Заглавие настоящей статьи — отсылка к известным работам Кирилла Васильевича Чистова «Фольклор в культурологическом аспекте» [Чистов 2005a], «Специфика фольклора в свете теории информации» [Чистов 2005b], «Устная речь и проблемы фольклора» [Чистов 2005c], значение которых для современной фольклористики трудно переоценить. Предложенный в названных работах подход к фольклору до сегодняшнего дня составляет одну из наиболее дискутируемых и вместе с тем одну из наиболее перспективных методологических сфер филологической фольклористики.

В статье 1995 года «Фольклор в культурологическом аспекте», в значительной степени подытоживающей исследования прежних лет, К. В. Чистов писал: «...мы будем держаться взгляда, согласно которому фольклор — это совокупность структур, интегрированных... речью» [Чистов 2005a: 17]. Слово «речь» в этом высказывании использовано терминологически, так, как этот термин понимался П. Г. Богатыревым и Р. О. Якобсоном в программной для отечественной фольклористики статье «Фольклор как особая форма творчества» (1928): в рамках соссорианской антиномии языка и речи. Признание фольклора речью или «вербальной коммуникацией», — рассуждал далее ученый, — ставит перед исследователями ряд проблем. Одна из них определена необходимостью выделения фольклора из массива обыденной устной речи. В качестве ее решения К. В. Чистовым было предложено следующее рассуждение: если язык «не просто инструмент для говорения и письма, а система, моделирующая человеческий мир», то фольклор, так же, как мифология

и литература, – «вторичная моделирующая система, пользующаяся языком как материалом» [Чистов 2005а: 17].

Иными словами, те знаки, которые используются в обыденной устной речи, служат в речи фольклорной знаками второй степени, знаками знаков. Смысловая возгонка подобных знаков происходит за счет их употребления как в профанных, так и в сакрализованных или ритуальных контекстах [Адоньева 2001].

Вторую проблему, возникающую на пути рассмотрения фольклора как вербальной коммуникации или речи, Чистов охарактеризовал следующим образом: «В отличие от повседневной речевой практики, порождающей разовые тексты по определенным правилам (грамматическим, логическим и т. п.), в своей совокупности составляющим традицию языка, на котором общаются говорящие, фольклорная традиция – это трансмиссия текстов, вхождение текстов в традицию, усвоение их и воспроизведение» [Чистов 2005а: 17].

Здесь, казалось бы, он возвращается к тем фольклористическим определениям, по которым единицей фольклорного анализа служит зафиксированный фольклорный текст или вариант. Но Чистов поясняет свою мысль: «Тексты поставляются в традицию именно в процессе речевого общения. Первоначально создаются разовые тексты, в том числе и будущие фольклорные. Это тексты минимального объема – фразеологизмы, устойчивые речевые обороты, приобретающие вторичный смысл, вторичный моделирующий характер, это как бы „вторичные слова“, входящие из речи в традицию языка. Они обретают свою функцию и становятся простейшими элементарными фольклорными формами. Максимальные по объему тексты – контаминированные сказки, эпические поэмы и т. д. Между элементарными и максимальными формами размещается все разнообразие фольклорных жанров, имеющих самые разнообразные функции и структуру» [Там же: 17, 18].

Фольклорный текст, таким образом, был охарактеризован с точки зрения его места в общении, а его форма увязана с коммуникативными отношениями участников такого общения. Изучение фольклора как речи связывает собственно словесные явления с типологией ситуаций общения, учитывает не только закономерности построения текста, но и вза-

имозависимость между говорящим, наличной коммуникативной ситуацией, произносимым высказыванием и реакцией слушателя [Там же]. Еще в 1988 году Чистов указал на то, что объединенные усилия теории речевого акта, лингвистики текста и лингвистики устной речи могли бы многое дать для понимания природы фольклора, который ученый определял как урегулированную, или иначе – конвенциональную – устную речь. Им были сделаны наблюдения, выстраивающие в единый методологический ряд филологические работы разной проблематики: работы М. М. Бахтина, посвященные речевым жанрам и теории речевого поступка, и монографию Л. Я. Гинзбург «О литературном герое» (1979). В частности, его интересовал отмеченный названными учеными факт, что именно и только в речи персонажей средства изображения (слова нарратора) тождественны объекту изображения (словам, сказанным персонажем): то есть посредством высказывания изображается другое высказывание. Иными словами, природа диалогической или прямой речи отличается от природы речи повествовательной по характеру знаков: слова автора, описывающие события, отличаются от его же слов, изображающих чужую речь. К. В. Чистов обратил внимание на это различие в связи с тем, что в фольклоре оно представлено на уровне звуковой, ритмической и интонационной формы: речь персонажей в фольклорной прозе оказывается значительно более организованной, чем повествовательная речь.

Мы, следуя за подходом К. В. Чистова, можем констатировать следующее: в исходном, аутентичном своем состоянии фольклор представляет собой устную коммуникацию. От спонтанной устной речи речь фольклорная отличается значительно большей урегулированностью или оформленностью, что обеспечивает дополнительную по отношению к речи спонтанной конденсацию смыслов. Степень и характер урегулированности фольклорной речи различны, эти различия соотносимы с жанровыми характеристиками. Но и в рамках одного фольклорного текста степень урегулированности речи также оказывается неравномерной. Так, например, диалоги в сказке оказываются значительно более оформленными, нежели повествовательная речь. Н. М. Герасимова, которая во многом опиралась на исследования Чистова, отмечала, что сказочные диалоги являются «речью в речи».

Сказочник разыгрывает диалоги между персонажами и одновременно общается с аудиторией. Как отмечала исследовательница, в ситуации сказки мы всегда имеем дело с двумя уровнями сказочного повествования: уровнем персонажей, находящихся в отношении драматического диалога, и уровнем сказочника и аудитории, также находящихся в отношениях диалога [Герасимова 2012].

Проиллюстрируем сказанное примерами из русской сказки о животных.

В качестве материала для анализа был использован корпус текстов из сказочных сборников преимущественно XIX–XX веков (350 текстов). Как показал анализ, диалоги персонажей в сказках о животных занимают от 70 до 90 % от общего речевого объема. Действия персонажей в большинстве своем совершаются посредством их слов: сказочные животные совершают то, что в лингвистике и аналитической философии принято называть речевыми действиями. Они льстят, хвалят, хвастают, лебезят, передразнивают, угрожают и выведывают. Диалоги персонажей служат приводным рычагом сказочного повествования.

На уровне звучащей речи речевые действия персонажей особым образом оформлены: сказочники разыгрывают животных по ролям, сменяя интонацию волка на интонацию лисы, меняя высоту и тембр голоса, изображая персонажей с помощью специальных игровых жестов и мимики.

Анализ сказочных текстов, а также тех данных, которые удалось собрать в отношении коммуникативной ситуации сказывания, позволил выделить определенные закономерности в организации сказочной речи.

1-я закономерность: ритмическая оформленность речи персонажей.

В сказках встречаются речевые конструкции, которые представляют собой предложение или группу предложений, ритмически организованных внешней или внутренней рифмой, а также лексическими повторами. Такие речевые конструкции оказываются наиболее устойчивыми речевыми фрагментами сказки и сохраняются в разных вариантах одного и того же сюжета. Покажем это на примере одного из самых известных сюжетов «Кот, петух и лиса» (СУС 61В=АА*61 I): в отсутствие кота лиса выманивает и обманом уно-

сит петуха, кот настигает ее и спасает петуха. Собственно обман лисы заключается в том, что она выманивает петушка при помощи специальной песни. Иными словами, обман лисы представляет собой речевое действие, которое состоит в ритмическом произнесении этой песни⁵.

Вариант 1

*Кикареку-петушок,
Золотой гребешок!
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.
Дам и зернышков* [Афанасьев 1957: № 37].

Вариант 2

Петушок, петушок, золотой гребешок, маслена бородушка, зелёной хвост, выглень-ко за окошечко, слюнь горохово зернятко [Смирнов 2006: № 16].

Вариант 3

*Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Выгляни в окосечко,
Дам я тебе горосеца,
Дам и зернысков.
Молодые-то катаюца,
Орехов насыпали,
Куры-те клюют,
Петухам не дают* [Карнаухова 2006: № 84].

Вариант 4

*Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головка,
Шелкова борода,
Выглянь на окошко,
На окошке гумажка,
Отвори окошко,
Хоть с игольное ушко.
Пойдем вместе золотым колечком играть
И золотым яичком катать.*
[Русские сказки Сибири и Дальнего Востока 1993: № 34].

⁵ Мы приведем пять вариантов этой сказки из пяти разных сборников.

Вариант 5

*(Эй) Петушок, Петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка,
Выгляни на улочку,
Боярыни пришли,
Гороху привезли,
Пойди попорхайся [Архангельские сказки 2002: № 11].*

Как мы видим, все варианты песни лисы разнятся между собой; на уровне речи неизменным остается лишь обращение к петушку. Мы можем наблюдать следующую градацию: слова персонажей значительно более урегулированы, чем речь повествовательная, а в пределах реплики персонажа наиболее оформленным и наиболее устойчивым оказывается определенная ее часть — обращение. Не менее важно и другое — этот речитатив оказывается наиболее устойчивым сегментом сказки, он сохраняется во всех пяти вариантах. В 2008 году в деревне Азаполье во время интервью с одной из жительниц, у которой есть внуки и правнуки, мы стали говорить о сказках. Оказалось, что самих сказок Анна Васильевна не рассказывает, зато поет внукам песенки, среди которых оказалась и «Петушок, петушок...». При этом саму сказку целиком наша собеседница не вспомнила, однако песенку лисы она полностью воспроизвела:

*Ак вот Петушка еще пою.
Петушек-петушек,
Золотой гребушек,
Выглянь-ко
За окошечко,
Там малыньки ребятки
Катаются
От ворот до ворот
На писаных саночках
В валеных чулочках,
(В) баских рукавичках.
Наехали бояра,
Насыпали гороху,
Курицы клюют,
А нам, петушкам, петушок вот,
Посмотреть не дают.*

*Вот. Петушок на окошке сидит. Он и выскакиват, выскочил, стекло сломал, вылетел и это опять рассказывает. Всех кур разгонил и сам, сам клевать стал*⁶.

Обман лисы, который она осуществляет, песенкой выманявая петуха, оказывается максимально значимым для этой сказки: он ее создает. Сказочник может не помнить, не хотеть или не уметь рассказывать всю сказку, но если он вспоминает основной ее конфликт, то регистр его речи немедленно сменяется устойчивым речитативом, специально ритмически оформленным.

2-я закономерность: оформленность диалогической речи в сказке проявляется в особой интонации, смене голосов, жестах и мимике, к которым прибегают сказочники, переключая регистр речи с повествовательной на диалогическую. Приведем несколько примеров.

В «Сказках и преданиях Северного края» И. В. Карнаухова подробно описала манеру исполнения животной сказки: «Пелагея Никифоровна Коренная, 60 лет. Неграмотная, очень живая и веселая, рассказывает быстро, выразительно, эмоционально, иногда даже „играет“ действующих лиц – прикладывая ладони к макушке, изображает зайца; диалог ведет разными голосами и меняет манеру говорить: медведь у нее говорит низким басом, очень медленно и запинаясь, лиса быстро тараторит сладеньким голоском, а заяц заикается. Несмотря на быстрый голос, сказочница слегка растягивает гласные, поэтому речь ее легка, звучна и своеобразно-певуча. Почти все сказки являются ритмической речью, обильно пересыпанной рифмованными фразами» [Карнаухова 2006а: 464].

Т. С. Макашина, описывая манеру исполнения животных сказок сказочницей А. М. Мелеховой (записи конца XX века), заметила, что «они стройны по композиции и просты по форме. Рассказывает их Мелехова с большим мастерством. Ее манера исполнения сказки типична для этого края (пос. Дворишный Приозерского района Архангельской области). Она любит играть сказку „на голосах“, но почти избегает жестуляции и мимики. Главное – игра голосом» [Макашина 1996: 80].

В нашем фольклорном архиве есть аудиозаписи двух животных сказок: «Кот, лиса и петух» (61В) и «Медведь на ли-

⁶ ФА СПбГУ, Мез16-39, Архангельская обл., Мезенский р-н, Целегорский с/с, Азаполье, д.; Казакова А. В., 1927 г. р., местная; зап. Троцило М. А., Мариничева Ю. Ю. 10.07.2008.

повой ноге» (СУС 161 А*=АА*161=АТ 163 В*). Обе сказки рассказаны пожилыми женщинами. В этих записях можно услышать смену голосов персонажей в диалогах.

Оба наблюдения позволяют говорить о том, что переключение на «сказочный» регистр речи, состоящий в изменении речепроизведения, актуализируется в диалогах. А. И. Никифоров, собирая сказки на севере России, обратил внимание на отдельную группу сказок, которые характеризуются «специфическими элементами исполнительского характера» [Никифоров 2008: 106, 107]. Изменяя интонацию, включая мимику и жестикуляцию, передавая диалог персонажей, сказочник отождествляется с теми, от чьего лица он говорит, и в этом заключается «драматизм» (театральность) животной сказки.

3-я закономерность: поэтически оформленные – развернутые – именованья персонажей сказок о животных.

Наша начальная гипотеза заключалась в том, что именованья животных персонажей могут различаться у сказочников разного возраста и пола, прежде всего детей и взрослых, – иными словами, что сказочная обрядность особенно характерна для искусных сказителей. Было рассмотрено 84 исполнителя, от которых был записан исследуемый корпус сказок и о которых нам известна хоть какая-нибудь информация. Среди этих сказочников: 14 – дети в возрасте 12–14 лет, 16 мужчин, средний возраст которых 50–60 лет. Остальные сказочники – женщины, среди которых есть молодые, но большинство старше 60 лет. Мы сравнили способы именованья персонажей в текстах, записанных у этих сказочников. Обнаружить специфику именованья персонажей в повествовательной части не только у сказочников разного возраста и пола, но и вообще у разных сказочников не удалось. На основании проведенного анализа материала можно утверждать, что формы именованья персонажей в повествовательной речи сказочников однотипны. Но как только повествовательный план речи сменяется диалогическим, случается разнообразие форм именованья сказочных персонажей: *плутовка-лиса; лисица зараза хитрая; мати моя, лисица, сахарные уста, ласковые словеса, льстивый твой язык; лисичка-хитричка; лиса-злодейка*. Иными слова-

ми, в сказках о животных именно обращения оказываются поэтически оформленными. Вероятно, это связано с тем, что начало диалогов в сказке о животных и есть начало сказочного сюжетного развития. Переключение сказочника со своей речи на речь персонажей происходит в тот момент, когда нейтральная повествовательная форма именованная персонажей сменяется на обращение. В этот момент происходит переключение регистра сказочной речи. В волшебной сказке, «чтобы оказаться в сказочном мире, необходимо принять „правила игры“, которые задаются в сказке инициальными и финальными формулами, образующими рамку сказочного текста: это правила места, времени и лица» [Герасимова 2012: 77]. Для того чтобы оказаться в «сказочном мире» животной сказки, необходимо переключить (вернее сказать – включить) регистр сказочной речи. Суть этого особенного регистра заключается в изменении голоса, а также в придумывании, в употреблении поэтически оформленных обращений.

4-я закономерность связана, казалось бы, с избыточной символической нагруженностью фольклорной речи. Сказочные символы для слушателя-ребенка пусты. Лиса, медведь, петух, кот и другие для недавно овладевшего речью – имена собственные. Персонажи, действующие под этими именами в сказках, обнаруживают определенную семантику в своем действии и за счет действия закрепляют эту семантику за именем.

Покажем это на приведенных выше сказочных примерах. Сказка о лисе и петушке, несомненно, детская. И в ней непременно присутствует речь (песенка) лисы, в которой она предлагает петушку поесть ее горошка. Развернутые варианты предлагают дополнительные устойчивые компоненты «песенки», обнаруживающие ритуальные формулы, стоящие за этой детской сказкой:

*Боярыни пришли,
Гороху привезли,
Пойди попорхайся.
Молодые-то катаюца,
Орехов насыпали,
Куры-те клюют,
Петухам не дают.*

И уже совсем прозрачно:

*Пойдем вместе золотым колечком играть
И золотым яичком катать* [Русские сказки Сибири и
Дальнего Востока 1993: № 34].

В былине о Ставре Годиновиче и Василисе Микуличне жена так рассказывает мужу об их отношениях:

*Помнишь, Ставер, помятуешь ли,
Как мы малыньки на улицу похаживали,
Мы с тобой свачкой поигрывали:
Твоя-то была свачка серебряная,
А мое было колечко позолоченное?
Я-то попадывал тогда-сёгды,
А ты-то попадывал всегда-всегда...* [Песни, собранные
П. Н. Рыбниковым 1989: 254]

Для изображения того, как лиса соблазняет петуха, используются формулы эротического и свадебного фольклора. Лакомиться горошком, лакомиться орехами, кормить петуха, кататься с гор — не действия, но метафоры, означающие иные — сексуальные — действия. Их значение общеизвестно носителям традиции — взрослым.

В вариантах этого сюжета часто происходит обратная сюжетная ситуация: кот, спасая петуха, песней выманивает поочередно детей лисы, а затем и ее саму. Приведем несколько вариантов:

*Жила-была лиса красна
во своем золотом гнезде;
у нее было семь дочерей:
первая дочь Чучелка,
другая Подчучелка,
третья Подай-челнок,
четвертая Мети-шесток,
пятая Трубу-закрывай,
шестая Огня-вздувай,
а седьмая Пеки-пирого* [Афанасьев 1957: № 38].

*Уж как дома ли лиса, Лиса Ивановна,
со своими малыми детушками?
Первая-то дочь Чучелка,
а вторая-то Получелка,
третья-то Подай-пирожок,
а четвертая Зажми-кулачок* [Русские сказки для детей
1860: № 1].

Чучелка, Палачелка и Подай челнок из-под лавочки – три устойчивых имени лисят, которые встречаются в большинстве текстов. Отметим одну особенность: формы именования некоторых дочерей лисы – императивная форма глаголов. Иными словами, в основе их имен лежит какое-то действие. Причем особенно любопытен вариант, в котором через произнесение имен детей лисы последовательно описывается процесс приготовления пирогов: *Мети-шесток, Трубу-закрывай, Огня-вздувай, Пеки-пирогои*. Очевидно, что сказочник в игровой и ритмической форме учит слушателя (скорее всего, ребенка) исполнению этих императивов. В этом смысле возможна интересная, хотя и отдаленная, параллель с несказочными фольклорными жанрами, например с игровой песней:

*Летела чечеха летела чечеха через боярский двор,
Поймали чечеху поймали чечеху на боярском дворе,
Посадили чечеху посадили чечеху за решоточку.
Нажила себе чечеха ровно семь дочерей:
Все Марью, да Дарью,
Анисью, Федосью,
Окулину, Степаниду,
А седьмую Катерину,
Душечку Катюшу.
Ивана, Степана,
Диментия, Клементия,
Евстигнея, Пестимея,
а седьмого Алексея
Душечку Алешу.
Два сидня,
Два лежня,
Два походня,
Два у лавочки стоят
и учится не хотят
Две ульки в люльки валяются
Две аленки в пеленках лягаются
Две валюхи ко краюхе подбираются.
Две наташки у каши питаются.
а на лавочке сметана –
у сметаны два Ивана,
два Степана подбираются⁷.*

В основе этой шуточной песни лежит тот же принцип перечисления имен детей с их предикативной характери-

⁷ Из собрания Лешуконского любительского хора / сост. А. Л. Шишова. С. 15. № 29. Шуточная // ФА СПбГУ. (Орфография оригинала сохранена).

стикой, хотя сюжет несколько иной. Если в сказочной песне имена связаны с совершаемыми действиями или действиями, которые необходимо совершить (императивная форма), в игровой песне именованная (*два сидня, два лежня*) свидетельствуют об отсутствии действия и направлены на высмеивание лени.

Следуя предположениям К. В. Чистова, мы можем сказать, что переход от разового текста к фольклорному осуществляется в зоне возрастания урегулированности устной речи. Если мы исследуем зафиксированные фольклорные тексты, то это качество фольклорной речи, напрямую связанное с коммуникативными особенностями фольклора, уходит на второй план. Вместе с тем представляется очевидным, что повышенной упорядоченностью (интонационной, ритмической, морфологической, синтаксической, семантической) отличается то, что является наиболее ценным в высказывании в смысловом отношении, подлежащим усвоению и сохранению, то, что должно удержаться в Большом времени и обеспечить сохранение общекультурных паттернов. Сказку о животных как особую поэтическую форму сохраняют во времени речевые действия ее персонажей. Вопрос о том, почему именно речевые манипуляции, именно обманы, персонификациями которых служат животные персонажи сказки, оказываются наиболее поэтически организованными, мы оставляем открытым, но трудно не признать тот факт, что решение этого вопроса – в компетенции науки о фольклорной речи.

Литература

Адоньева 2001 – *Адоньева С. Б.* Волшебная сказка в контексте традиционной культуры. СПб., 2001.

Архангельские сказки 2002 – Архангельские сказки. Архангельск, 2002.

Афанасьев 1957 – *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. М., 1957.

Герасимова 2012 – *Герасимова Н. М.* Сказка как речевая деятельность // Герасимова Н. М. Прагматика текста: фольклор, литература, культура: сборник статей. СПб., 2012. С. 91–109.

Карнаухова 2006а – *Карнаухова И. В.* Сказки и предания Северного края. СПб., 2006.

Карнаухова 2006б – *Карнаухова И. В.* Сказочники и сказка в Заонежье // Сказки и предания Северного края. СПб., 2006. С. 459–475.

Макашина 1996 – *Макашина Т. С.* Современная севернорусская сказочница А. М. Мелехова // Современный русский фольклор. М., 1996. С. 78–95.

Никифоров 2008 – *Никифоров А. И.* Народная детская сказка драматического жанра // Никифоров А. И. Сказка и сказочник: Сборник статей. М., 2008. С. 104–122.

Песни, собранные П. Н. Рыбниковым 1989 – Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: в 3 т. Т. 1: Былины. Петрозаводск, 1989.

Русские сказки для детей 1860 – Русские сказки для детей, рассказанные нянюшкой Авдотьей Степановною Черепьевою, изданные К. Авдеевой. СПб., 1860.

Русские сказки Сибири и Дальнего Востока 1993 – Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: волшебные и о животных. Новосибирск, 1993.

Смирнов 2006 – *Смирнов А. М.* Великорусские сказки архива РГО. Кн. 2. СПб., 2006.

Чистов 2005а – *Чистов К. В.* Фольклор в культурологическом аспекте // Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция. М., 2005. С. 11–25.

Чистов 2005б – *Чистов К. В.* Специфика фольклора в свете теории информации // Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция. М., 2005. С. 26–43.

Чистов 2005с – *Чистов К. В.* Устная речь и проблемы фольклора // Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция. М., 2005. С. 52–67.

Половозрастные статусы в устной речи и социальной практике

Светлана Борисовна Адоньева

В устной речи русской деревни существуют слова, отдельно называющие разные возрастные классы мужчин и женщин, они предполагают не только физический возраст, но целую область правил, представлений и отношений. Эта речевая практика просматривается на всем объеме русской устной речи от среза «живаго великорусскаго», зафиксированного В. Далем, до современных диалектных картотек и словарей русских говоров.

В отношении мужчины: *парень* (от рождения до женитьбы), *мужик* (от женитьбы до самостоятельного хозяйствования), *сам*, *хозяин*, *большак* (с момента обретения собственного дома и хозяйства и до смерти). В отношении женщины: *девка/девушка* (от рождения до замужества), *молодка/молодая* (от замужества до первого ребенка или до первой дочери), *баба* (замужняя женщина, но не хозяйка в доме), *большуха*, *хозяйка*, *сама*. *Большухой* женщина становилась при выходе мужа на *большину*, смерти свекрови или же когда свекровь передавала ей *большину* в случае своей физической немощи. Тогда *большаком* оставался свекр, а хозяйкой — жена старшего сына. *Большаками* и *большухами*, естественно, становились также и тогда, когда семья выделялась в отдельное хозяйство [Ефименко 2009: 56–57].

Так, например, в картотеке «Псковского областного словаря» [ПОС] (записи 1960–1970 годов) лексема «большуха» описана очень подробно, что свидетельствует о том, что для русской деревни позднесоветского периода этот социовозрастной статус был привычным и понятным:

Большуха — сынова мать, пака не умрёт. Большанить будет сынова жёнка.

Свекровки нет — сразу за большуху.

Я первый год стала большухой, полной хозяйкой. Свекровь умерла и стала большухой.

Идентификация с тем или иным социовозрастным статусом предполагала включенность в определенную сеть горизонтальных и вертикальных отношений, а также определенные имущественные права и определенные статусные обязанности.

Описание статусных отношений, в основе которого — интервью с жителями севернорусских деревень 1900—1960-х годов рождения, позволяет представить половозрастную структуру русского деревенского сообщества в динамике социальной истории XX века⁸.

Горизонтальные отношения между людьми, принадлежащими к одной возрастной группе, были отношениями договора и конкуренции. Парни бились за престиж — *честь* и *славу*. Этот престиж определяется лихостью и отвагой личного поведения, а также групповой доблестью в драках. Лидер признавался *атаманом/ватаманом ватаги/шайки* или *шати* (группа парней одной деревни), и он же был бесспорным фаворитом среди девушек. Отношения групп парней и девок также были состязательными. На кону была *честь*. Задача девиц состояла в сохранении своей *чести* до брака, задача парней — в стяжании «мужской чести», которая определялась количеством любовных связей (смелостью в обращении с женщинами) и смелостью в драках. Неженатая молодежь подчинялась своим родителям, а также людям того же, что и родители, возрастного класса. Эта форма вертикальных отношений сохранилась в обращениях «тетя» и «дядя» к старшим мужчинам и женщинам, сохраняющихся в речевой практике современного русского просторечия.

Иерархии менялись, когда парень или девушка вступали в брак. Молодка перепоручалась семье мужа. Она выходила из подчинения своим родителям, их связь преобразовывалась в горизонтальные отношения свойства, которые предполагают взаимопомощь, проведывание, праздничную гостьбу. Вступив в брак, женщина становилась в подчиненное положение по отношению к мужу и его родителям — свекру и свекрови. Муж и его родители отвечали теперь перед *миром* за свою невестку.

Иначе устраивались отношения подчинения мужчины. До свадьбы парни подчинялись отцам и матерям-большухам, причем как своим, так и чужим. Мужчины выходили из-под власти класса матерей после свадьбы. Такое преобразова-

⁸ ФА СПбГУ. Территориальные коллекции: Вологодское, Псковское, Архангельское собрания.

ние отношений имело ритуальное оформление. Практически повсеместно русский свадебный обряд включал в себя «испытание молодой». Оно происходило на второй день свадьбы. Испытание могло быть связано с предъявлением знаков девственности молодой, но могло быть связано и с ее хозяйственными умениями. «Ритуальная проверка хозяйственности молодой и введение ее в домашнее хозяйство совершались в первое утро пребывания в доме мужа; на второй день свадьбы молодуха метет пол. На пол кидают мусор: какое-либо „старье“, сено, песок, деньги. Веник невестке подает свекровь. Если она подает веник вершиной, молодуха надевает на него платок. Утром после завтрака свекровь приходила с прялкой, садилась и прядла. Невестка должна была покрыть ее (подарив тем самым) платком. Потом на пол кидали мусор, черепки, деньги, молодая мела. Если мела не чисто, ей говорили: „Ой, не умеет и мести невеста, не чисто еще и метет“» [Адоньева, Бажкова 1998].

Испытание могло длиться сколь угодно долго, смотреть на него собирались товарки свекрови, то есть молодая женщина была окружена старшими посторонними женщинами, мужниной родней и соседками, действиям которых она не имела права сопротивляться. Остановить это мог только молодой муж. В случае обсуждения вопроса девственности именно он решал, какую информацию донести до общественности. Второй день свадьбы был днем испытания и для молодого мужа: первый раз в жизни он давал публичный отпор матери и женщинам ее возраста — *теткам*, — защищая от них свою жену. Власть матери над мужчиной-сыном заканчивалась его браком, но старшему мужчине, отцу, большаку сыновья подчинялись вплоть до собственного выхода на *большину* или отделения.

Социальной задачей молодого мужчины (*мужика*) было завоевание признания в среде мужиков-домохозяев, дабы постепенно быть принятым в состав *деревенского схода*. Деревенский сход — управляющий орган деревни, состоявший из хозяев-мужчин. Отцы-большаки-домохозяева, которые его составляли, несли полную ответственность перед миром — государством и общиной — за поведение всех членов своей семьи, а также за материальное состояние своего хозяйства (крестьянского двора).

Экономическая и социальная компетентность крестьянина-большака (в отличие от, например, колхозника, совхозника или рабочего) состояла в необходимости управлять общесемейной собственностью, находящейся в коллективном владении семьи. *Свои и семейники* процветали за счет его умелого и разумного управления.

Отношения между мужскими поколениями русской деревни существенно изменились с приходом советской власти, и в особенности после коллективизации и раскулачивания. В начале тридцатых годов XX века уничтожались крепкие большаки, опытные и успешные хозяева (на языке совдепа – «кулаки» и «средняки»), был разрушен институт схода. Власть в деревне захватывали те, кто получал санкции большевиков в губернских центрах. Обычно это были молодые мужчины, не достигшие статуса большака, их крестьянская мужская судьба еще не состоялась. В российскую деревню двадцатых годов прошлого века вернулись уполномоченными новой властью «сыновья» – парни и молодые мужчины, призванные в армию и вернувшиеся к себе в деревню «солдатами и матросами». Революция в российской деревне была в значительной степени конфликтом мужских поколений. В процессе коллективизации и раскулачивания был разрушен порядок освоения статусных степеней ответственности, определявшихся мужской статусно-возрастной иерархией. Слово «большак» постепенно уходит из русской устной речи, сохраняясь лишь в речи женщин, так именующих своих мужей – *мой большак, сам*.

Социализация мужчин советского времени успешно проходила до социального статуса *мужиков*: ватага, армия/война, женитьба. Именно эти возрастные модели поведения эффективно транслировались советскими поколениями: мужская группа с сильными коллективистскими связями, ответственность перед нею, риск и агрессивность. На этапе освоения *большины* советский институт возрастной социализации давал сбой: молодые мужчины уходили на фронт и погибали, уезжали на стройки страны, поднимали целину, служили в армии, сидели на зонах и т. д., и т. п. Функцию оценивающей группы старших мужчин приняла на себя коммунистическая партия. И не только с ее геронтократией верхов, но и с приватностью отношений местных парткомов: парторг с каждым на «ты». Стратегией социальной мобильности мужчины

стала «партийная лестница». На каждом ее марше форма отношений выстраивалась подобно шатии, где ценность товарищества («коллектива») выше ценности своей семьи. Ни у кого нет собственности и персональной ответственности за нее. Есть только безграничная собственность государства, и разные степени доступа к ней и различный пафос ответственности за «народное добро». Советский мужчина, таким образом, успешно осваивал статус парня и оставался в нем, вовлекаясь во внесемейные отношения и иерархии.

История возрастной социализации женщин разворачивалась иначе, чем мужская. Внесемейная социализация девочки начиналась со вступлением ее в *малую беседу* (деревенские собрания девочек-подростков 11–12 лет) и позже – в *большую беседу* (собрания девушек брачного возраста).

Бывают беседы, что и прясть собираются специально. Только девки собираются. А парни так, иногда посидеть заходили. Бывало, что и женщина пряли с девками. А девки больше полотенца вышивали, скатерти вязали. А старухи, дак эти прядут, да ткут. Девки не ткали – не умели. Этим занимались сами хозяйки. Учились ткать у женщин, которые снуют. Молодые не умеют, выйдут замуж, так свекровка покажет. Научит, как сновать (учат после свадьбы). А если свекровка молодая, так она сама будет ткать. Ткать начинают, когда свекровка состарится. Раньше старики были в почете – хозяевами были. Уж если не может делать свекровку, только тогда дети учились. Свекровка и печку топит, и ребенка в зыбке качает, а молодые работают. А за стол садятся – первую ложку отец хлебнет, а затем – остальные⁹.

Так же как парни одного поколения оставались «парнями» друг для друга, женщины одного поколения (одной беседы) оставались «девушками» друг для друга. Но отношения между возросшими до статуса хозяек «девчатами» существенно отличались от мужских: они были конкурентными. «Топоры вместе, а грабли – врозь», – говорит пословица о мужских и женских отношениях в деревне.

Женщина накапливала свой социальный капитал в семье мужа. Оценивающей группой женщины был ее *род*: родом для женщины была не ее собственная семья, а та семья, в которую она вошла, выйдя замуж. Так, например, во многих интервью деревенские женщины, отвечая на вопрос о

⁹ ФА СПбГУ, Бел18-290, Вологодская обл., Белозерский р-н, Ануфриевский с/с, Кадково (Калкоболь); Гришина А. Ф., 1926 г. р., ур. д. Рогачево; зап. Адоньева С. Б., Мальцева М., Пономарева А. 13.07.1994.

своих семье и роде, рассказывают о предках мужа, а не о своих собственных.

Большуха — хозяйка крестьянской усадьбы¹⁰. Значительная часть хозяйства (огороды, скот, домашняя утварь, одежда и все, что связано с ее изготовлением, заготовка и запасы продуктов) под ее контролем, ей подчиняются все женщины семьи, дети и неженатые молодые мужчины. В компетенцию большух входил контроль над поведением всех членов крестьянского сообщества, формирование общественного мнения и его публичное оглашение. На попечении большухи — дом, скот и дети (и собственные, и дети сыновей — внуки). Хозяйственную состоятельность большухи оценивал большак. Критерии оценки — здоровье семьи и скота, в том числе и защита от магических чар «завидующих». Успешность большухи — мир между членами семьи, рациональная организация быта (запасов, одежды). В ее компетенции — организация всех семейных ритуалов: календарных праздников, на которых гостят *по семьям*, поминок, свадеб, проводов в армию.

Большаки заботились как о семейном благе, так и о благе социальном: сход отвечал перед властями за сбор налогов, распределение земли, отправку на военную службу и др. Условием благополучия общины было разумное и компетентное поведение домохозяев.

С постепенным разрушением статуса *большаков*, членов схода, институт *большух* набирал силу в сороковые—пятидесятые годы прошлого века. Старшая женщина принимает социальную ответственность за семью перед государством и главенствует в доме.

Что же касается девушек, их «девичья честь» становится с 1930-х годов предметом особого социального контроля. Задача советской семьи и школы — дорастить девицу до брака невинной. Фактически, начиная с послевоенного времени на уровне идеологии институт «девичьей чести» устанавливается в патриархальном дореволюционном объеме¹¹.

Конфликт молодых невесток и свекровей (две хозяйки в доме) переживался в позднесоветское время как универсальный, хотя в деревенской традиции таким не был. В деревне невестка получала хозяйствование от свекрови и от нее же — большинство необходимых для этого навыков. Ее защитой перед властью свекрови был муж. Традиционная

¹⁰ Крестьянский двор (хозяйство) до революции состоял из усадьбы (земля при доме и постройки на ней) и земель под пашню и сенокос, выделяемых с определенной периодичностью из общей площади земли, принадлежащей общине.

¹¹ См. [Адоньева 2009: 26–64]

свадьба была ритуалом, который в том числе разрывал отношения подчинения между матерью и сыном. Их отношения становились равными: они оба подчинялись отцу. Исчезнувшие или перенесшие свой авторитет в область народного хозяйства советские отцы устроились из семейной иерархии. Роль хозяина-домостроителя советским мужчинам давалась с трудом, она выпала из системы стереотипов. Патриархальная роль отца семейства и забота о благосостоянии семьи оценивались как «мещанство».

Такими представляются половозрастные статусы в устном дискурсе советских деревенских жителей.

Анализ современной речевой и социокультурной практики может помочь нам в определении половозрастной иерархии, актуальной для социальной структуры современной России.

Литература

Адоньева 2009 – *Адоньева С. Б.* Дух народа и другие духи. СПб., 2009.

Адоньева, Бажкова 1998 – *Адоньева С. Б., Бажкова Е. В.* Функциональные различия в поведении и роли женщины на разных этапах ее жизни. По материалам фольклорного архива Санкт-Петербургского государственного университета (Белозерское собрание) // Белозерье. Краеведческий альманах. Вологда, 1998. Вып. 2. С. 204–212.

Ефименко 2009 – *Ефименко П. С.* Народные юридические обычаи крестьян Архангельской губернии. М., 2009.

Повседневные и символические практики: правила метафорического переноса. Охотники и добыча

Инна Сергеевна Веселова

Известно, что горизонты языка определяют когнитивные возможности, поведение и саму жизнь человека. Сама переживаемая нами реальность есть производное от дискурсивных формаций культуры. Живи мы вне времени и тела, наверное, реальность носителей одного языка стремилась бы к гомогенности. Но опыт, вбирающий в тело время, делает реальность разнообразной. По мере нашего возраста, пола, занятий, интересов, физических возможностей и темперамента мы получаем свой опыт. Опыт прошлого приходит к нам с языком, наш опыт оседает в нашей речи. Фольклорная речь, будучи общим достоянием, обращается к индивидуальному опыту и предлагает для него стереотипизированные формы. Будучи формацией сложной семиотической природы, фольклорная речь использует для называния нового опыта категории и отношения опыта уже существующего, сходного с наличным по одному из признаков. Сходство это — предмет негласного договора. Продукт такого переноса — фольклорная метафорическая топика. Культура занята «гармонизацией опытов и постоянным подкреплением, которое каждый из них получает из индивидуальных или коллективных (например, во время празднований), импровизированных или запланированных (при сказки, поговорки) выражений сходства или тождественности» [Бурдые 2001: 112, 113]. Фольклорная метафора есть субстрат телесного, эмоционального и социального коллективного опыта, но оживает она каждый раз в конкретном высказывании отдельного человека. Отношение общей метафоры, практики и опыта составит предмет моего анали-

за. Материалом послужит корпус текстов и описаний, собранных в ходе полевых исследований СПбГУ в Мезенском и Лешуконском районах Архангельской области в 2007–2013 годы, имеющих общую топику, которая и была вынесена в заглавие статьи: охотники и добыча¹².

Охота для деревенского жителя на Русском Севере – занятие обыденное. Многие мужчины и некоторые женщины вовлечены в этот промысел. Обыденность занятия добычей зверей и птиц, «раскрывающая порядок¹³ в самой его сути» [Фуко 1994: 33], проникает во все сферы деревенской жизни. Основу традиционного промысла до сих пор составляют нормы обычного права, специфические техники тела, дающие в свою очередь основания для метафор и сравнений в фольклоре и обрядах. Знание «как охотиться» встроено в естественное течение жизни. Оно передается всей совокупностью привычек и умений. Никто не учит и не учится охоте по учебникам или на тренерских курсах, и навыки промысла, строго по Бурдые, «объективно „следующие правилам“ и „упорядоченные“, ни в коей мере не являются продуктом организующего воздействия некоего дирижера» [Бурдые 2001: 102]. Слушая охотничьи рассказы, угощаясь продуктами промысла и знакомясь с его орудиями, антрополог в русской деревне имеет дело с габитусом как системой «устойчивых и переносимых диспозиций, структурированных структур, предрасположенных функционировать как структурирующие структуры, то есть как принципы, порождающие и организующие практики и представления...» [Там же].

Именно это – структурирующее и организующее воздействие габитуса – можно обнаружить в разнообразных экспликациях топики охоты¹⁴, представленных в символических практиках севернорусской деревенской жизни: в свадебном ритуале и обряде «охоты на молодок»¹⁵, в привычных образах ряженья-травестирования и припевках, в росписи прялок и величаниях-виноградиях. Жесты, действия, эмоции, атрибуты и костюмы охоты используются не для промысловой магии, а для того, чтобы при их помощи артикулировать отношения и категории из других сфер. В частности, отношения желания и желаемого, азарта и соревнования, воли и подчинения между мужчинами и женщинами, старшими и младшими. Нас будет интересовать то, какие именно категории и отношения повседневной практики экстра-

¹² Интервью, фото и видеоматериалы хранятся в ФА СПбГУ и тематических коллекциях АНО ПЦ.

¹³ Следуя Фуко, я понимаю «порядок» как «то, что задается в вещах, как их внутренний закон, как скрытую сеть, согласно которой они соотносятся друг с другом, и одновременно то, что существует, лишь проходя сквозь призму взгляда, внимания, языка» [Фуко 1994: 33].

¹⁴ Полагаю, что само название промысла «охота» ясно указывает на связь процесса добывания с состоянием и устремлением его субъекта. См.: «Охота, ж. состояние человека, который что-либо хочет; хотенье, желанье, склонность или стремление, своя воля, добрая воля; страсть, слепая любовь к занятию, забаве; ловля, травля и стрельба диких животных как промысел и как забава; полеванье, лесованье, лешня, полешня» [Даль 1995: 773].

¹⁵ См. описание и анализ обряда *охоты/ловли/убийства молодоки* в наст. изд.: Баукова К. С. «Не ловленной не останется»: *убийство молодок* на Заговенье как обряд перехода. С. 211–220,

полируются в символическую деятельность. Как метафоры охоты (вербальные, визуальные, поведенческие) дают возможность выразить в ритуалах, художественной практике и фольклоре эмоции и чувства, определить суть социальных ролей и сценариев. Привычный инструментарий структурно-семиотической фольклористики недостаточен для анализа такого рода высказываний. «Словарные» трактовки мифологических представлений об охоте, охотниках и представителях фауны, которые мы можем встретить в разных энциклопедиях и научных статьях, посвященных традиционным культурам, не объясняют ни смысла, ни прагматики многих жестов и образов.

Я полагаю, что для понимания практик и высказываний, а не инвариантных схем обрядов и системных описаний языка культуры, важно отдавать себе отчет в том, к какому именно социальному, эмоциональному, телесному опыту обращается «пользователь» метафоры, совершая перенос по сходству. Джордж Лакофф и Марк Джонсон, авторы классического труда «Метафоры, которыми мы живем», утверждают: «Наши понятия упорядочивают воспринимаемую нами реальность, способы нашего поведения в мире и наши контакты с людьми. Наша понятийная система играет, таким образом, центральную роль в определении повседневной реальности. И если... наша понятийная система носит преимущественно метафорический характер, тогда наше мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обуславливается метафорой» [Лакофф, Джонсон 1990: 387]. С благодарностью разделяя с классиками идею ценности метафоры для формирования понятийного горизонта, я хотела бы показать, что в фольклорной речи метафора берет свои основания из повседневного телесного, социального и психологического опыта каждого отдельного человека. Метафора – знак знака, метка сходства, связывающая, создающая смысл одной практики через другую.

Приведу пример. В первый день свадьбы, когда в доме жениха происходит свадебный пир, мужики деревни в верховьях реки Мезени собираются под окнами и стреляют из ружей. Некоторые из них говорят, что их цель – конек на крыше, другие метят по *побасулькам* – украшениям на фасаде дома. А кое-кто утверждает, что они таким образом «загоняют куницу в дупло».

А охотники кто, у кого ружья, любят стрелять, пострелять. Значит, куницу надо загонять, чтобы она не выходила. Из этого, из дупла. Понял? <Это как, это про невесту?> Да, невесте... ну стреляем-то что. Охотник, видишь, если в лесу там куница зашла в это, дупло... где живет. Ты выстрелишь, чтобы она там сидела. И выскочила, стреляешь. Она так же, я тоже родственник со стороны невесты, со стороны жениха. И тоже были приглашены. Охотник да, вот у меня патроны...¹⁶

Честно говоря, можно было бы и пропустить этот не самый понятный и не самый впечатляющий элемент в описании свадебного обряда, что чаще всего и происходит при описании свадебного обряда Архангельской области (например, почти у всех корреспондентов П. С. Ефименко). Если же заняться «расшифровкой» семантики «загона куницы», то можно попробовать синтезировать смысл этого жеста из суммы его составляющих. Например, обратившись к этнолингвистическому словарю «Славянские древности», мы выясняем значение концепта «куница» в фольклоре и традиционной культуре. Из авторитетного издания становится понятно, что «куница» — носительница эротической и брачной символики и в череде метафор невесты сходство ее с куницей (наравне с лисицей, утицей, лебедью, белкой, тетерой) занимает свое заметное фольклористам место. Охотник, по мнению авторов энциклопедии, — прежде всего не человек, занимающийся звероловством, но, «наряду с другими „знающими“, лицо, которому приписывались магические способности и колдовское знание» [Левкиевская 2004: 600]. Е. Е. Левкиевская в посвященной промысловичу словарной статье упоминает сюжет охоты на куницу в севернорусском свадебном обряде. Но вкупе с упомянутыми магическими способностями охотников это упоминание не делает обряд понятнее. Зачем мужики изображают себя охотниками за куницей? В чем смысл ритуального высказывания для них? Суммируя данные словаря, можно предположить в этом ритуальном действии эротическую магию, но что-то не сходится. Возможно, мешает опасная близость обнаружения реликтов групповых браков или чего-то еще более удивительного из «архаизированной» жизни традиционной русской деревни. Все-таки следов древнего про-

¹⁶ ФА СПбГУ, DTxt11-173_Arch-Lesh_11-07-11_MatveevIK. Архангельская обл., Лешуконский р-н, Олема, д. Матвеев И. К., 1930 г. р., местный; зап. Баранов Д. К., Шеркунова А. А. 11.07.2011.

мискуитета у старообрядческого по преимуществу населения здешних мест не наблюдается.

Разбираясь в семантике свадебной стрельбы, зададим простым вопросом: стрелявший соревновался с женихом или помогал ему? И более сложным: какой культурный императив двигал им?

До рассказа о свадьбе Исаак Кириллович Матвеев вспоминал охотничьи истории. Оставшись без ноги после неудачной охоты на медведя, он все равно ходит проверять *силы* на птиц на своем *путьке*. Он лишь вскользь упомянул о технике охоты на куницу, думая, что его собеседник догадывается о ней. Не имея представления об этой технике, я обратилась к описаниям охоты на куницу, отличной от добычи уток, гусей и доступной только опытному охотнику¹⁷. Куница – хитрый и ловкий зверь: она почти летает по верхушкам деревьев. Позволю себе привести почти тургеневское описание охоты на куницу, размещенное на одном из профессиональных сайтов:

«Охотник решил обойти ель стороной и стронул сторожкого зверя. С елей посыпалась кухта, и куница, точно птица, замелькала с одной ели на другую. Пес молча бросился за ней, не спуская зверя с глаз. Пройдя грядой метров сто, куница вновь затаилась. Охотник рядом с собакой и готов к выстрелу. Но не успел он и переступить, чтобы лучше прицелиться, как куница опять пошла верхом. <...> Нередко куница скрывается в дупле или в гайне белки. Тогда следует стукнуть по стволу дерева обухом топора. Иногда достаточно поцарапать по коре дерева, как хищник высунет из отверстия острую мордочку и, перемахивая с ветки на ветку, пойдет грядой»¹⁸.

Символически загоняя куницу в дупло стрельбой на свадьбе, наш собеседник не сомневается, что куницей является молодая жена. Но **дело** метафоры не в том, чтобы создать еще одну номинацию невесты. Дело в том, что отныне с невестой **нужно поступать, как с куницей**. Загоняя добычу в дупло на охоте, охотник создает для зверя патовую ситуацию: куница может выскочить из укрытия только ценой собственной жизни. Стреляя около дома, мужчины полагают, что в дом-дупло «надо загонять, чтобы она не уходила», чужую жену-куницу. Если я правильно поняла технику охоты, то свадебная стрельба метафорически демон-

¹⁷ По мнению опытных охотников Мезенского края, охота на уток – самый простой из всех видов охоты. Т. е. настоящими охотниками добычки уток даже и не считаются. Так, один из информантов отозвался об охотничьих навыках другого: «Ну кааак... За утками ходит...». Уничжительная характеристика была дополнена еще и сообщением, сколько патронов у знакомого ушло на добычу: «Это по двадцать патронов в утку. Это п...ц. Сорок патронов на две утки». (ФА СПбГУ, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Ценогора, д. П. А. Г., 1981 г. р., местный; зап. Елян К. Б., Лаврина М. Н. 18.07.2010).

¹⁸ Сибирский охотник: сайт. URL: <http://www.hunting.ru/articles/view/56455/>

стрирует, что «женщина-куница должна забраться в дом и не выходить из него под угрозой стать добычей» со стороны других мужчин. Будучи априори «охочими» до нее, похоже, они признают, что женщина-куница является **не их добычей**. Семантика стрельбы как превентивного устрашения по-иному проговаривается в рекомендации, обращенной к женатым гостям, из «свадебного приветствия» «человека с железным крюком»¹⁹: «Слушайте, послушайте: своих жен на улицу не распушайте, будете распушать, то молодцы ребята будут хватать» [Ефименко 2009: 214]. Стреляющие мужчины сообща загоняют в новое дупло женщину-куницу, демонстрируя угрозу и одновременно указывая жертве локус защищенности от них же. Думаю, что именно эту интерпретацию в своем рассказе охотник И. К. Матвеев предложил интервьюируемому его студенту и желал убедиться в понимании метафорического переноса процедуры охоты на свадебную ситуацию. Я не уверена, что понимание произошло: у исследователя-горожанина не было опыта охоты. Современный дискурс представляет эротическое общение с противоположным полом в категориях иных метафор: рыбной ловли (*подцепить*) или уроков труда (*склеить*), причем эти метафоры являются метафорами-«унисекс» — так могут выражаться и женщины, и мужчины.

Нужно сказать, что спектр ритуальных, фольклорных и визуальных жестов, в которых обнаруживается топика «охоты», по полевым материалам, собранным в деревнях по Мезени и Вашке, очень широк. Представляя максимум метафорических валентностей этой практики, я надеюсь выявить актуальные для культуры отношения и связи. Те, которые кажутся самоочевидными, не выговариваются и не обсуждаются, оставаясь в зоне подсознательного и автоматического знания. Много раз повторенные и транслируемые через все каналы восприятия культурные паттерны обеспечивают безошибочное воспроизводство отношений. «Бессознательность, связанная с привычкой, экономит как мышление, так и сознание; то же верно и в отношении недоступности процесса восприятия для сознания. <...> В этом смысле искусство становится... если хотите, видом игрового поведения, функция которого, помимо всего прочего, состоит в том, чтобы практиковать и совершенствовать коммуникацию сознательного с бессознательным» [Бейтсон 2009: 202].

¹⁹ Пространное «свадебное приветствие» оглашал знающий его наизусть один из крестьян деревни, не участвующий в свадебном застолье. Стуча кочергой по полу, он отрывисто произносил пятнадцатиминутный спич [Ефименко 2009: 214].

Продолжим семантический анализ символических практик с топикой «охоты» на материале свадебных фольклорных жанров и обрядовых действий.

В 2010 году мы работали в деревне Кеба в 85 км от районного центра села Лешуконского вверх по реке Вашке, практически на границе с республикой Коми. В деревне нас интересовал хор, который в начале 90-х годов прошлого века выезжал на гастроли во Францию: специалисты Института человека в Париже выбрали его по признаку аутентичности из многочисленных здешних хоров для большого фестиваля. Хор сейчас состоит из 8–10 участниц (1925–1975 гг. р.) без музыкального образования. В основном хор собирается летом, когда все участницы приезжают в деревню. Они поют только то, что знали их матери, бабушки, и половину хора составляют дочери-матери. В процессе записи их обрядового репертуара возникло множество вопросов, на которые, по счастью, у наших собеседниц находились ответы.

Первый свадебный день начинается в деревне Кеба с обряда представления участников. Встреча жениха с невестой происходит под следующий диалог:

Там пришли охотники, вот закроют невесту, спрятают по старинному обычаю, а жених стучится в дверь, а мы спрашиваем:

– Зачем ты идешь сюда, в этот дом?

Он говорит:

– За такой-то, за такой, за невестой.

А мы говорим:

– А у нас такой невесты нет, превратилась в щуку да в море ушла.

И отвечает жених:

– А у нас рыбаки хорошие, сети поставили и вашу невесту как бы выловили.

Опять они говорят:

– Такой у нас нету, она превратилась в птицу, в лебедя, улетела, там, в сине небо!

А он отвечает:

– У нас охотники, там, за дверьми, у нас охотники удалые, стреляют метко, вот ее, там, убили, и она у вас!²⁰

Сценарий ловли щуки и охоты за птицей объявляется метафорическим лейтмотивом свадьбы. Роли распределе-

²⁰ ФА СПбГУ, Леш1-81. Архангельская обл., Лешуконский р-н, Кеба, д. Смородина Е. В., 1925 г. р., местная, Норина К. И., 1955 г. р., ур. г. Северодвинск, Петракова Г., ок. 1940 г. р., местная; зап. Воронков П., Козлова А. В. 14.07.2010.

ны. Однако разучивание этих ритуальных ролей начинается задолго до начала свадьбы. Так, в репертуаре хора нашлись *припевки* – короткие песни, которыми на вечеринках припевавали девке парня и наоборот. До сих пор женщины поют эти припевки в разных ситуациях, с удовольствием подставляя имена подруг и их мужей.

*Тетера на стол прилетела,
Там Марья спать захотела,
Она стала спать-посыпати,
Стала ждать-дождати,
Не придет ли Данил ночевати,
Осеннюю ночь коротати,
Осенняя ноченька долгая,
А летняя ночка коротка.
Не пил бы, Данил, ты допьяна,
Не пропил бы с себя да кафтана,
С Марьи-души сарафана,
Не стали бы люди смеяться,
Что не в чем Марье одеться,
Васильевне разгуляться*²¹.

Для объяснения возникающего в припевке с прилетом *тетеры* желания молодой *спать* достаточно привести минимальный обрядовый контекст. Публичное объявление желания такого рода возможно в единичных, преимущественно ритуальных, ситуациях. В частности, в ходе свадебного обряда: «После каши сенницами поется обыкновенная застольная песня. Живо, как пропойют в песне стих: „Теперь-то стол пристал, молода спать захотела“, молодые ускользают из-за стола и уходят в особое отделение для отдыха. Гости же, пожелав вдогонку молодым: *в первую ночь сына да дочь, доканчивают обед и пьют вино, а потом расходятся*» [Ефименко 2009: 206].

В припевке поющие удивительным образом осведомлены как о желании спать молодой, так и о ее уже супружеском ожидании мужниного возвращения с гулянок и, в свою очередь, о ее собственном праве «одеться» и «разгуляться». Как и положено искусству и сновидениям, логика лирического текста игнорирует причинно-следственные и хронологические последовательности. Всеведущие певицы знают и об относительной длине ночей, и о реакции публики на пропойство мужа, хотя припевки поются на мо-

²¹ ФА СПбГУ, DTxt10-154_Arch-Lesh_10-07-11_кеbskiihog. Архангельская обл., Лешуконский р-н, Кеба, д. Норина К. И., 1955 г. р., ур. г. Северодвинск, Левкина Е. С., 1929 г. р., местная, Цивилева М. П., 1952 г. р., местная, Смородина Е. В., 1925 г. р., местная, Левкина М. К., 1946 г. р., местная, Сахарева Р. Ф., 1934 г. р., местная, Харькина Г. А., 1949 г. р., ур. д. Смоленец, Прокацкая А. А., 1968 г. р., ур. д. Чупрово; зап. Веселова И. С., Беляева Е., Козлова А. В. 11.07.2011.

лодежных вечеринках и адресованы девушке или парню, еще не вступившим в брак, а только замеченным во взаимном интересе. Но прагматическая цель припевки – не описание претензий или желаний, а установление связи между пациентами, создание отношений, в которых возможно и то и другое.

Позволю себе длинную цитату из статьи Грегори Бейтсона «Стиль, изящество и информация в примитивном искусстве», поясняющую действующий в фольклорной лирике механизм метафоризации: «...на фрейдистском языке обычно говорят, что операции бессознательного структурированы в терминах первичного процесса, в то время как сознательные мысли (а особенно вербализированные мысли) вторичным процессом. Первичный процесс характеризуется (по Отто Фенихелю²²) отсутствием отрицания, временных форм, какой бы то ни было идентификации лингвистического наклонения (то есть изъявительности, сослагательности, желательности и т. д.) и метафоричностью. <...> В первичном процессе вещи и лица обычно не идентифицируются, а в фокусе дискурса находятся отношения между ними, существование которых утверждается. В действительности, это только другой способ сказать, что дискурс первичного процесса – метафорический. Метафора оставляет неизменными отношения, которые она „иллюстрирует“, но заменяет *relata* (объекты, связанные отношениями) другими вещами и лицами. Попросту говоря, факт использования метафоры маркируется вставкой слов „как если бы“ или „подобно“. В первичном процессе (как в искусстве) нет маркеров, которые указали бы сознательному уму на метафоричность материала сообщения» [Бейтсон 2009: 205].

Если метафорическое высказывание тренирует отношения, то *relata* должны нанизываться по принципу сходства отношений. Избыточность художественного высказывания доводит паттерн до автоматизма, то есть, меняя *relata*, метафора будет повторять высказывание до тех пор, пока принцип отношения не будет усвоен пользователем. В свадебной припевке я обратила внимание на *тетеру*, прилетевшую на *стол* и запустившую цепочку ассоциаций в тексте припевки. Спросив у певиц, про какую тетеру они поют, я поставила их в неловкое положение. Они никогда не задумывались о словах песни, которые были им и так понятны. И только через

²² Отто Фенихель (Otto Fenichel) (1897–1946) – известный немецко-американский психоаналитик. Автор классического учебника «Психоаналитическая теория неврозов», представляющего собой энциклопедическое руководство по клиническому психоанализу.

некоторое время с моими собеседницами случилось озарение. Они вспомнили, что на второй день свадьбы *на тещин стол* (во время общей трапезы свойственников в доме родителей молодой) ставят на стол тетеру:

Вот положит, а может, тетеру положат сваренную. <Вареную?> Да не живу же, вареную, мясо, ну вот так, куры, гуси, как стрелять, закрывают его, чтобы вот эти вот эти, стреляют в это, это ружье считается, ну они как целятся и как раз, стреляют. Вот я не попала, вот худой этот, а надо, чтоб в гуся попала таким ружьем...²³

Гости ожидают «стрельбу по гусю/тетере» как обязательное свадебное увеселение. Каждый из «зятьев» за *тещиным столом* имеет импровизированное ружье — расщепленную надвое лучинку, похожую на ученические восточные палочки для еды. В конец ружья вставляются маленькие щепки для стрельбы по поставленной посреди стола закрытой платком *тетере* — любой целиком приготовленной птице. В момент стрельбы взрослым мужикам становится очень важно попасть в *тетеру-куру-гуся* из ненастоящего ружья.

<Скажите, вот они вчера объясняли, как вот в гуся стрелять...> Кура обыкновенная, куру закрывают, полотенце или платок красивый и стреляют. Ой, не попал, ты худой у нас, а ты попал. У нас и потом невеста будет отдаривать, кто кого попал, да, по-моему, всех отдарит, кто попал, кто не попал. А, если попадет, да мимо, дак скажут: «Вот, осечка у тебя!». Смеяться будут: «Ты худой стрелок, не попал ты в гуся-то!»²⁴.

Кура, закрытая платком, похожа на незатейливую шараду. Ведь невеста пребывала в таком сокрытом состоянии от сватовства до замужества. Сохранилось достаточное количество фотографий и свидетельств об этом моменте обряда. Побывать в роли птицы, закрытой платком, мне пришлось в ходе демонстрации сватовства, и надо сказать, что это не самый приятный телесный опыт, напоминающий бесконечную игру в жмурки [Богданов 2001]. В отличие от игры, где лишенный зрения не утрачивает активности, оставаясь агенсом игры, не видящая ничего из-под платка, ведомая за руку *просватанка* — пассивный пациент управления. Лишение визуальной активности невеста не может компенсировать активностью тактильной или аудиальной.

²³ ФА СПбГУ, DTxt10-159_Arch-Lesh_10-07-14_SmorodinaEV. Архангельская обл., Лешуконский р-н, Кеба, д. Смородина Е. В., 1925 г. р., местная, Норина К. И., 1955 г. р., ур. г. Северодвинск, Петракова Г., ок. 1940 г. р., местная; зап. Воронков П., Козлова А. В. 14.07.2010.

²⁴ Там же.

Она может переживать безволие, погружаясь в состояние лиминальности. Судя по интервью, доминантной эмоцией свадьбы, о которой вспоминают наши информантки возраста около 80 лет, был страх. Чего именно они боялись (чужих родственников, мужа, новой жизни), наши собеседницы чаще всего сказать не могут. Психологи считают, что возникновение и развитие чувств выражает формирование устойчивых эмоциональных отношений (иначе говоря, «эмоциональных констант») и основывается на опыте взаимодействия с объектом. Однако у невест, вышедших замуж *по-старому*, еще не было опыта взаимодействия со своими «объектами»-женихами, этой эмоции их «научили» в ходе всего предбрачного периода.

Разыграла для нас реконструкцию собственного сватовства в той же деревне Кеба Лидия Павловна Левкина 1932 г. р. (родилась в деревне Олема). Лидия Павловна рассказала, что в начале 1950-х годов ее дядя принял решение выдавать ее замуж «по-настоящему». Когда за Лидию Павловну посватался молодой счетовод из Архангельска, родня сочла, что «первой жених – перво счастье», и порешила выдать девушку за него. В знак согласия дядя накрыл девушку огромной шалью до пола и несколько раз провел кругом против часовой стрелки по избе за красную ленту. Бедный счетовод был готов сбежать. Уж больно «дикой» показалась ему вся эта старина. После третьего круга в небольшом помещении, будучи закрытой платком, ты теряешь ориентацию и волю. Дядя невесту еще и щипал, чтобы она рыдала погромче, но та хохотала. Впрочем, хоть рыдай под платом, хоть хохочи, не важно – ты поймана. Накрытая платком невеста и накрытая платком *тетера*, которая стоит посреди стола и служит целью для мужчин-охотников, обозначают одно и то же. Это – цель, **мишень**. Она накрыта платом и таким образом **лишена личных черт**. Стреляют, строго говоря, не по самой невесте. Стрельбой демонстрируют ловкость и удачливость, умение *попасть* в добычу, но невеста одаривает платками тех, кто удачно *попадает*. Меткими охотниками, попадающими в цель, искренне желают показать себя мужчины. В то время как женщину «встраивают» в отношения «охоты» за нею и телесно (под платком, лишив ее возможности ориентироваться и осуществлять визуальный контроль), и проведя

череду обрядов первой брачной ночи, когда сексуальный опыт приравнивается к «подчинительной связи».

Вербально то же отношение насилия и жертвенности, в ходе ритуала трансформирующееся в принятие и заботу, реализовано в метафорах свадебных песен. Например, до сих пор самой популярной в Мезенском крае остается свадебная песня «Вдоль по морю...». В ней сокол, налетающий на белую лебедь и пускающий ее кровь, «колыблет» воды под нею.

*Вдоль по морю, вдоль по морю,
Вдоль по морю, морю синему (2),
Плывет лебедь (2)
Плывет лебедь с лебедятами (2),
Со малыма (2),
Со малыма со уятами (2),
Под ней вода (2),
Под ней вода не всколыбнется (2),
Под ней вода (2),
Под ней вода всколыхнулась (2),
Бела лебедь (2),
Бела лебедь встрепенулася (2),
Налетает (2),
Налетает тут ясен сокол (2),
Он шел сгубить (2),
Он шел сгубить лебедушку белую (2),
Вдоль по морю,
Вдоль да по морю,
Вдоль по морю, морю синему (2)²⁵.*

Метафора женщины-добычи создает подчинение чужо-му желанию вербальными (припевки и свадебные песни) и визуальными (скрытое **нечто** просватанной невесты и свадебной тетеры) средствами. Стрельба зятьев за столом демонстрирует ценность мужской меткости в охоте, причем охоте любого рода. Несколько раз меняются *relata*, но женская подчиненность **мужской охоте**, отмена **личных качеств у добычи**, ценность **мужской меткости** остаются константами свадебных символических высказываний от молодежных гуляний на вечорках до *тещино* пира с поощрением метких стрелков.

Иной — визуальной — ипостасью «охотничьей» топики являются центральные «сюжетные» сцены на прялках *палашельской росписи*. Палашельские прялки (с называемой

²⁵ DTxt07-199_Arch-Mez_07-07-24_KuznetsovaKI_KuznetsovVA. Архангельская обл., Мезенский р-н, Жердь, д. Кузнецова К. И., 1932 г. р., местная; Кузнецов В. А., 1933 г. р., местный; зап. Веселова И. С., Козак В. В., Семенова А. С. 24.07.2007.

также *мезенской* росписью) распространены на протяжении всего течения рек Мезени и Вашки, а также Пинеги и Печоры. В каждом старом деревенском доме всегда найдется несколько штук этих артефактов разного размера – для пряж разного возраста и роста. Мезенская прялка представляет собой лопасть на ножке с сиденьем из цельного куска дерева (в форме перевернутой перекладки вниз буквы «Г»). Для ее изготовления берут выкорчеванное из земли с корнем дерево. Его нижняя, корневая, часть образует сиденье прялки, а верхняя, стволовая, – лопасть, к которой крепится кудель или шерсть и которую и украшают детальной росписью.

По сведениям искусствоведов, в деревне Палащелье в середине XIX – первой половине XX века почти в каждом доме расписывали прялки. Сейчас сохранились имена только мастеров-мужчин, хотя известно, что женщины помогали в росписи. Мастера ставили на изделия свои инициалы, цену, имена заказчика и адресата дара. Особенностью мезенской прялки как женского инструмента является «маскулинность» ее производства и сбыта: мастерами, так же как покупателями на ярмарке и заказчиками для жен, невест и дочерей, были мужчины. Именно они были носителями и заказчиками художественного канона. Материалом росписи служили сажа, разведенная со смолой, и красная глина (мергель), из которой состоят здешние берега-щельи.

Роспись прялок для непосвященного зрителя сродни египетским иероглифам. В странных существах на паучьих ногах со временем научаешься видеть коней, оленей и даже распознавать в красных жирных закорючках, похожих на зеркально перевернутые S, стаи кур-лебедей. Привычка палащельских мастеров рисовать изящных тонконогих лошадей, в то время как местная порода лошадей-*мезенок* отличается короткими мощными ногами, приспособленными к езде по снежным заносам, намекает на то, что не всегда фактическая реальность определяет реальность символическую. В художественном паттерне росписи конь значим не из-за способности прыгать по сугробам. Орнаментальные фигуративные полосы, состоящие из бегущих друг за другом коней, оленей, птиц, чередуются с полосами сложных геометрических узоров, называемых *бёрда*. Лишь одно место на прялке отведено не орнаменту, а разовому, часто сюжетному изобра-

жению. Сюжетные рисунки на прялке (всадники, сражающиеся наездники, санные выезды, сцены охоты или корабли) удивляют своей «детскостью» и неловкостью по сравнению с четкостью орнаментальной росписи. Рисовальщик утрачивает контроль за пространством росписи, и композиция теряет равновесие, строгую симметричность. Как будто бы, выходя из строгого ритма и вступая в область импровизации, он теряет ориентацию. Перечисленные выше сюжеты росписи выдают художественную логику, подобную логике детского рисунка, описанной М. Осориной: «Нормальный ребенок до пяти-шести лет, рисуя от себя, по собственному желанию... воспользуется возможностью осуществить желаемое. При помощи изобразительного языка на листе бумаги, где незапуганный взрослыми ребенок обычно чувствует себя всевластным правителем, он по мотивам увиденного создаст аналогичную ситуацию, где действующие лица будут другие. В центре событий поместится сам автор рисунка, а рядом предстанут те, кого он захочет взять с собой. <...> Ребенок помладше поступит прямолинейно-просто — заменит персону, которая действовала в реальной ситуации, портретом самого себя. <...> Ребенок, которому уже около четырех лет или больше, действует хитрее. Его типичный ход — представить себя в желаемых обстоятельствах не в собственном облике, а в виде любимого героя, с которым ребенок себя отождествляет. Чаще всего это бывает предпочитаемый образ животного» [Осориная 2010: 114–116].

В сюжетном изображении практически не встречается женских фигур (я знаю лишь одно-два исключения). Выбирая сценку для прялки (путешествия на лодке-пароходе, или санный выезд с ездоком с плеточкой, или охоту), художник изображает «идеального» с мужской точки зрения избранника пряжи. То есть из мужского лагеря в женский стан передается сообщение о ценностях.

Сюжетный ярус расположен на той стороне лопасти, на которую смотрит пряжа, сидя на этой прялке. Большую часть времени сюжетное изображение закрыто куделью, но по мере прядения кудель истончается и открывается сама картинка. Она предназначена только ей. Как изображение на дне тарелки. Как портрет в медальоне. Различить одну прялку от другой можно только по этому, центральному, скрытому куделью в рабочих прялках рисунку.

На больших полноразмерных прялках, предназначенных для взрослых женщин, на этом месте чаще всего изображен **один** конь²⁶, реже — два сражающихся коня, еще реже — два мирно бредущих коня. В то время как с внешней стороны, обращенной к другим, на прялке нарисовано несколько полос бегущих друг за другом коней-олений-лосей²⁷. Количественное сопоставление со всей очевидностью переводит в «женский» регистр предостережение женатым мужчинам держать своих жен под присмотром. Для прях прялка не устает повторять: «Снаружи мужчин, может, много, но твой, предназначенный тебе конь, — один!». Противопоставление желательной и спасительной единственности опасному мужскому множеству формируется, как замечено С. Б. Адоньевой, и в практиках святочных девичьих гаданий: «Все мантические усилия опекающих девушку направлены на то, чтобы прорваться от все- и внаходимости этого мужского „Ты“, внешним воплощением которого оказывается нерасчленимое мужское сообщество — „женихи“, к единственности и личности — имени, лица и тем самым освободиться от одержимости ожиданием и близостью „кого-нибудь“» [Адоньева 2001: 88].

На маленьких прялочках, предназначенных для девочек или совсем юных девушек, устойчиво встречаются изображения лебеди-птицы-курицы. То есть там, где «конь» как *animus* в бессознательном еще не проявлен, пряхе назначено тренировать «воображаемое» на своей *anima* в виде курицы/птицы.

Достаточно часто (десять из почти сотни прялок, которые учтены при анализе) в центральном ярусе «взрослой» прялки изображена сцена охоты на птицу: елка, собака, охотник, на елке птица.

Елка, иногда замещающая птицу-курицу в изображениях на прялках для девочек, — важный атрибут другого местного обряда — **новизны**. Новизну (*новисьню*), типичный обряд «включения», устраивали при первом выходе на сенокос молодой жены на позже мужчиной семьи. Молодая просила кого-то из мужчин рода вырубить ветки на верхушке выбранной ею елки (лучшей: высокой, ровной, растущей на сухом месте подальше от реки, чтобы ее не смыло). В результате получалась елка-флаг, заметная издали. Женщины регулярно проводывали *свою* елку: проезжая мимо, бес-

²⁶ В рамках данной статьи семантику коня я могу только обозначить. Все старинные дома в Мезенском крае имеют *князевое бревно* с фронтальной скульптурой головы коня или оленя (к коньку прибиваются олени или лосиные рога). Хозяин дома метафорически воплощен в этом коньке. Так, умирая, пожилой знающий прошил приподнять конек, чтобы облегчить себе агонию. Сны с комлевым деревом (дерево с корнем, из которого делают князевое бревно) предвещают судьбу хозяину дома.

²⁷ Иногда в «сюжетном» картуше рисуют разрушихся коней или сражающихся всадников. Упомянувшийся в самом начале эпизод со стрельбой вечером свадебного дня, как уже говорилось, имеет еще одну интерпретацию: около избы, куда девушку только что выдали, собираются парни, которые «жалели» эту девушку, т. е. гуляли. Они-то и стараются попасть в конька на *охлупне* дома, который символизирует хозяина дома. Метафорический вызов мужу, по рассказам наших собеседников, не раз перерастал в драку.

покоясь, не пала ли или не засохла, очевидным образом испытывая связь своей судьбы с судьбой дерева.

Новизна... Новизна, да, есть-есть. Такая елка, наверху так, а здесь это раз, и там опять так... Это значит первый год замуж выйдешь, на сенокос пойдешь, и там вот это самое. У меня тоже зарубали новизну, у меня есть там... все еще наверно стоит. <А вы не знаете, как дерево выбиралось?> *А высокое чтоб было, чтоб видно было эта новизна-то, не то чтоб там внизу, а видно чтоб*²⁸.

На нескольких уровнях визуального высказывания центрального медальона прялки утверждалось несколько смыслов, организованных знаками разных типов – иконическими, индексальными и условными²⁹.

Во-первых, определялось индексальное различие единственного и множественного числа, неопределенности и определенности. Есть множество птиц – и есть единственная. Есть множество коней – и есть один Конь.

Во-вторых, иконически визуальные знаки сообщали, обращаясь прямо к пряхе: «Ты – птица».

А при помощи условного рисунка для более взрослых прях рисовальщицы сообщали: «Среди череды коней есть один, **твой**». Сюжетные картинки со сценами охоты добавляли: «Птица – добыча охотника». Другие сюжеты предлагали выбор идеала: «**Он** – моряк, охотник, ездок». Но ни одна из прялок не предложила женщине иной, кроме птичьей или елочной, судьбы, никакой, кроме как быть добытой, роли.

* * *

Переходя к охоте как повседневной деятельности, я попробую описать временные, пространственные, гендерные, социальные и психологические аспекты практики. Охота, как и многие другие повседневные занятия, аккумулирует опыт в некоторую типическую схему, в многослойность порядков.

Самый, пожалуй, легко проговариваемый из них – порядок *организации времени* (промысловый календарь и прямо связанный с ним посредством локального рациона календарь кулинарный). Сезоны охоты сменяют друг друга: на бортовую дичь, болотно-луговую и водоплавающую, на медведей, кабанов, лосей и на пушного зверя. Иногда подготовка к сезону начинается задолго до его наступления – так, к

²⁸ ФА СПбГУ, Леш1-16. Архангельская обл., Лешуконский р-н, Ценогора, д. Прошина А. А., 1932 г. р., местная; зап. Адоньева С. Б., Веселова И. С., Матвиевская Л. Ф., Баранов Д. К. 15.07.2009.

²⁹ Согласно Ч. С. Пирсу, «знак может быть либо иконой, либо индексом, либо символом»: «Знак может быть **иконическим** (iconic), т. е. может репрезентировать свой объект главным образом через подобие... (образы, схемы, метафоры)»; «**Индекс** есть знак, который немедленно потерял бы качество, делающее его знаком, с исчезновением своего объекта... Такова, к примеру, мульда с отверстием, проделанным пулей, как знак выстрела; ибо без выстрела не было бы отверстия, но оно есть, приписывает ли кто-либо его появление выстрелу или нет»; «**Символ** не может указать на какую-либо конкретную вещь – он денотирует некоторый тип вещей. При этом он сам является не единственной вещью, но общим типом» [Пирс 2000: 77–93].

осеннему прилету гусей на лугу за деревней выращивают небольшое поле-приманку с горохом. К началу других сезонов хозяева стараются успеть закончить домашние дела, подгадать отпуск на работе, чтобы на одну-две-три недели отъехать в охотничью избушку. Сезоны наступают не столько по мере официального объявления об открытии охоты, сколько по мере складывания погодно-природных обстоятельств.

Благосостояние семьи и местные **кулинарные привычки** также зависят от охоты: мясо в ежедневные супы, томящиеся в русской печке, попадает чаще, если в доме есть охотник. Добыча должна стать едой. И первое, что заводят современные деревенские хозяйки при появлении в доме денег, — большие лари-морозилки для сохранения запасов, равномерного распределения их в течение года. Охота в севернорусской деревне — не спорт и развлечение, а **добывание пищи и средств** (*У мяса быть, да без мяса жить грешно*). Парнишние *виноградия*, припевающие парня девке, прославляли именно охотника, «куницами-лисицами» увешанного, умеющего обеспечить свою семью мясом и мехом.

*Не во далече, в далече, во чистом было поле,
Да виноградиё, красно-зелёное.
Там стоял-то постоял да бел-полотяный шатёр,
Да виноградиё, красно-зелёное.
Бел-полотяный шатёр, да полубархатный,
Да виноградиё, красно-зелёное.
Как во этом во шатре да дубовы столы стоят,
Да виноградиё, красно-зелёное.
А за этими столами сидит девица-душа,
Да виноградиё, красно-зелёное.
Сидит девица-душа, да уж Ольга-госпожа,
Да виноградиё, красно-зелёное.
Сидит Ольга-госпожа да свет Васильевна душа,
Да виноградиё, красно-зелёное.
Она шила-вышивала да тонко бело полотно <...>
А тут шёл да прошел да удалой молодец,
Да виноградиё, красно-зелёное.
Удалой молодец да свет Виктор-молодец,
Да виноградиё, красно-зелёное.
Да свет Александрович,
Да виноградиё, красно-зелёное.
Он куницами-лисицами обвешался,*

*Да виноградиё, красно-зелёное.
 На золотое он копье да опирается,
 Да виноградиё, красно-зелёное.
 Небылыми словесами похваляется...*

Социальный порядок как горизонтального/синхронного, так и вертикального/диахронического толка обнаруживается в существующей **пространственной** сети охотничьих избышек и *путиков*. Охотничьим путикам посвящен полевой отчет по экспедиции 2010 года А. А. Шматко «Охотничьи путики: траектории социальных отношений» [Шматко 2010]. По ее определению, «путик – это охотничья тропа в лесу, вдоль которой ставятся ловушки на зверей. Тропа принадлежит роду и передается по наследству» [Там же]. Маршрут тропы имеет форму петли, то есть охотник не возвращается тем же путем, каким пришел в крайнюю точку маршрута. У большой петли есть малые ответвления, что объясняется расположением поваленных деревьев – удобных мест для установки *силышек* или засад. По наблюдениям А. А. Шматко, самый близкий от деревни путик, о котором упоминали информанты, находится в 3–4 км; самый далекий – в 100 км. Охотники деревни знают путики друг друга, но иногда путик помечается родовым клеймом, так же, как клеймят срубленный лес, стога сена, заготовленный мох и орудия: «... в лесу охотники ходили там, все уже он что-то там, своё клеймо поставил – это моё, это значит он там уже» [Там же].

Социальная организация проявляет себя, во-первых, в порядке **очередности** пользования избышкой и путиком несколькими родственниками или свойственниками, например братьями или зятями:

Несколько братьев, много, так в один путик и ходили! <...> По очереди ходили, ловились³⁰.

Организация очереди отражает локальное представление о справедливом распределении ресурсов между легитимными субъектами обычного права (которыми в данном случае считаются только состоящие в родстве лица).

Во-вторых, **родовая³¹ организация социума** воспроизводится в правилах наследования избышек и путиков. Избышки и путики наследуют мужчины рода от отцов и дедов.

М. К.: У дедушок вот занимают сыновья, и боле у дедушок да у отцов. Н. Т.: У прадедушок!³²

³⁰ ФА СПбГУ, DTxt10-156_Arch-Lesh_10-07-12_LevkinaMK.txt.

Архангельская обл., Лешуконский р-н, Кеба, д. Левкина М. К., 1949 г. р., местная, Левкина Н. Т., 1933 г. р., ур. д. Олема; зап. Веселова И. С., Воронков П., Беляева Е., Козлова А. В. 12. 07.2010.

³¹ Род как большая семья в ее временной протяженности – от предков к потомкам. Нынешняя глава одного из самых старых родов в деревне Засулье, Людмила Васильевна Бобрецова, называет себя через свекра – *Люська Пронькина*, а вот ее старшего сына, Александра Дмитриевича Бобрецова, зовут и по сей день *Саша Митьки Проньки Ваньки Ильюхина сына* [Там же].

³² Там же.

В деревне Засулье Лешуконского района в 2013 году нам рассказали про избушку, которая принадлежит роду Бобрецовых уже как минимум столетие. Территория вокруг нее вместе со всеми путиками местным обычным правом приписана к ней. На советское время сенокос вокруг избушки переходил в ведение колхоза, и в избушке даже ночевали колхозники во время косьбы, но охотиться там никто не мог себе позволить.

В практике местной охоты и рыбной ловли заложен еще один базовый социальный принцип – **неприкосновенности чужой собственности**. Ни один из местных охотников не может позволить себе забрать добычу с чужого путика, улов из чужой *вёрши* (особой сетки для ловли рыбы).

Значит, два охотника были, и вот тоже всё грешили, что один у другого там проверяет, да всё, и вот... И один сгорел в избушке, и дверь была подперта снаружи... подперта. Да, он не мог уйти.

Описывая практики пользования избушками и путиками, А. А. Шматко сделала интересное замечание, «сопоставив абсолютный запрет на присваивание добычи на путике с открытостью избушки» [Шматко 2010]. Всеми нашими собеседниками признавался тот факт, что до последнего времени охотничьи и рыболовные избушки держали открытыми, давая возможность переночевать в них всем нуждающимся и пользоваться запасом крупы, спичек и дров (по возможности их восполнив). Исследовательница считает, что, по представлениям местных жителей, запасы в избушке и добыча имеют разный источник происхождения. «Количество и качество добычи не зависят от охотника. Оно определяется только его удачей, его жребием и, соответственно, связано с некими высшими силами... и распределением блага, имеющегося в ограниченном количестве, между охотниками. Тогда выходит, что вор не просто забирает нечто, принадлежащее другому человеку, а претендует на его долю. Такого рода преступление подвергается более жестокому наказанию, чем просто кража» [Там же].

Соблюдение этоса и габитуса промысла происходит, во-первых, под контролем охотников-современников – именно они следят за неприкосновенностью добычи, во-вторых, в перспективе ответственности перед предками, разработавшими путик и построившими избушку. И то и другое нужно

держать — содержать в исправности; в случае, если путиком несколько лет не пользовались, его нужно *поднять*.

Эмоциональные и психические нормы поведения на местной охоте также общеизвестны и в то же время существенно отличаются от описываемой в литературе и произведениях искусства дворянской охоты. Во-первых, местная охота — дело преимущественно одиночное (*Раньше все одно ходили, че по двое ходить?*), как максимум позволяющее напарника. Пара эта образуется из взрослых братьев или *братанов* (двоюродных братьев), одноклассников или зятьев. Чаще всего охотничья двойка состоит из ровесников и не меняется десятилетиями. Исключение из привычки горизонтальной связи составляют отцы с сыновьями-подростками:

*В охоту мы ходим. Я же хожу с ними. Уже кое-чему показываю, хоть азы это, хотя бы азы-то, это. Хотя бы различали, чей где след, куда ушёл зверь, потом уж пойдёт и поволока выволока*³³.

Если у семейной пары нежные отношения, то иногда они отъезжают на охоту вдвоем, но чаще супружеские пары выезжают за грибами-ягодами и на рыбалку.

Имея в виду сказанное о доле и распределении благ, о доступе к ресурсам и вообще о том, что напарникам необходимо провести в прямом смысле бок о бок длительное время, они должны идеально совпадать друг с другом в психологическом и этическом планах. Полагая охоту **одиночным промыслом** (*Полагайся сам на себя да и все. Если хочешь охотиться...*) по преимуществу, охотники отправляются в лес с напарником, которому **доверяют, как самому себе**. Так, в рассказе Василия Федоровича Воронцова сохранился случай из жизни отца и его товарища, когда оба были на волосок от гибели и оказывали помощь друг другу.

А потом случай был ишшэ такой. Пошли они с товарищем. Так. На охоту, наверно. Берёзы. Медведи маленькие ползают чё-то где-то тут. Маленькие. А медведица вышла на них. О-о-о, какая горячая вышла! Беда! У него ружьё всего на двадцать... Двадцатикалиберный. Да и больше ничего нет. <смеётся> И она подвигается и подвигается всё к нему. Ближе, ближе. «Федька, ты, говорит, мало ли ак, топором ей. Или стрель да брось ружьё-то ей в морду». <Это другу говорит?> Да, другу. «Не трусь». Вот, едрит. Собаки куда-то убежали, лают где-то. Близко уже стала подходить. Подходит

³³ ФА СПбГУ, Мез26-276. Архангельская обл., Мезенский р-н, Жердь, д. Нечаев В. И., 1956 г. р., местный; зап. Туминас Д. К. 24.07.2009.

и подходит потихоньку. Фушкат, всех слюной забрызгала. И потом собаки выбежали, две собачки, маленькия-то — хать, вторая-то — так, опять с другой стороны. <смеётся> И она так, так, не может схватить некого. Стояла, стояла, стояла тут, фушкала, фушкала и... повернулась и убежала. Собаки-ти вот, которые хорóши-ти дак. Дворняжка одна-та была. Дворняжки-ти они зубасты таки тоже. <смеётся> Не струсили они. Вот так вот. Дак ведь вот так вот. Тут вот как раз смерть-то была. Если бы не собаки, дак и всё бы. <Это он рассказывал, ваш отец?> Да³⁴.

Отрицательный опыт охоты с напарником, которого наш рассказчик не только не зауважал, но который поставил жизнь товарища под угрозу, стал темой эмоционального (количество вводных слов сокращено из экономии места) рассказа одного из наших молодых информантов. Надо сказать, что опытные охотники вообще гораздо менее эмоциональны и сдержанны в оценках и речи.

Там ходит: бух, бух, что-то стреляет, нах... Потом тут слышу: бух, я головой повел, тут слышу: жжж, чё-то над башкой. Думаю: «Чё за х...ня? Что жужжит? Сначала думаю, может, к<ак> это, шмель? Да какой, на х., шмель, октябрь, конец. Какой ещё шмель?» Потом: бух, еще раз, опять: жжж. ... да это дробь евонная летает, нах.... Я под крышу залез, г<ово>рю: «Не стреляй, б...ть!» Вот. Тока, бошку высунул — буух. Я <нрзб.> на песок выскочил, слышу: бух-бух, еще раз. Подождал, он пришёл: «Ты чё, сука, творишь? Ты, — г<ово>рю, — меня чуть не застрелил».

Гендерная характеристика охоты, казалось бы, очевидна — это мужское занятие, но на Вашке и Мезени охота на мелкую дичь с силками на путиках — вполне распространенное занятие и для женщин. Частенько наши собеседницы рассказывали, что у них есть собственные путики недалеко от деревни.

<Вы на охоту тоже ходите?> Да. <Ничего себе!> Я хожу, силки ставлю нынче-то, там, это самое, ловушки ставлю³⁵.

Но охота с ружьем с длительным проживанием в избушках (так называемая **активная** охота в терминологии этнографов) — это, конечно, абсолютная мужская прерогатива. Редкие исключения только подтверждают правило. Так, в одной из деревень в верховьях Мезени нам указали, что одна из жительниц считается односельчанами *полмужичьем*, то есть

³⁴ ФА СПбГУ, Мез24-483. Архангельская обл., Мезенский р-н, Жердь, с. Воронцов В. Ф., 1929 г. р., местный; зап. Веселова И. С., Маточкин А. А. 21.07.2009.

³⁵ ФА СПбГУ, DTxt12-114_Arch-Lesh_12-07-17_PotashvaUV. Архангельская обл., Лешуконский р-н, Вожгорский с/с., Вожгора д., Поташева У. В., 1956 г. р., местная; зап. Козлова А. В. 17.07.12.

не соответствующей нормам местной женственности. Оказалось, что ей свойственно такое сочетание повседневных практик, как: ходить на охоту, заниматься строительством и носить штаны. Отдельно взятые последние характеристики не приводят к репутации «полмужичья», штаны носят многие женщины: в них удобно заниматься огородом и убирать сено, но замеченная привычка ходить на охоту с ружьем в одиночку — однозначный приговор.

С точки зрения физической и интеллектуальной подготовки, охота предполагает **ловкость и смекалку** охотника, его знание леса и повадок зверей и птиц. По одному из здешних рассказов, дед передал в пользование внуку путик, начертив ему схему леса и предложив разгадать квест. Внук получил право на наследство, сумев самостоятельно найти избушку в лесу и восстановить путик. Без предварительного овладения практикой охоты такой квест неразрешим. Как уже говорилось, охотники различают уровни овладения мастерством: от простейшей охоты на уток до добычи крупных хищников или ловких и ценных своим мехом зверей (куниц, песцов).

Охота опасна встречей с хищником, более хитрым и сильным, чем человек, прежде всего с медведем, и тем, что человеку нужно уметь быть одному в лесу, не поддаваясь страху. Именно **управлению страхом**, по мнению опытного охотника В. И. Нечаева из села Жердь, он должен научить своих сыновей на охоте в первую очередь:

*Эти, вот если где-то чего-то слышалось, вот в доме чужом ли <нрзб.> чего-то, надо всегда сходить и досмотреть. Перебороть в себе страх и посмотреть, что там где-то*³⁶.

Еще одним не самым заметным психологическим правилом является **отсутствие жалости к уже добытому зверью**:

*...даже раньше папа, когда чё ли с охоты принесёт, там гуся ли чё ли, тоже раньше маленькие жале-ели. Папа говорит: «Никогда не жалейте», — говорит, — «нельзя»*³⁷.

Как видно, этот навык воспитывается специальными запретами.

И, возвращаясь к этимологии названия промысла — «охота», укажем на испытываемый в процессе промысла **страстный азарт**:

³⁶ ФА СПбГУ, Мез20-261. Архангельская обл., Мезенский р-н, Жердь, д. Нечаев В. И., 1956 г. р., местный; зап. Туминас Д. К. 15.07.2009.

³⁷ ФА СПбГУ, Мез22-135. Архангельская обл., Мезенский р-н, Жердь, д. Нечаев И. В., 1994 г. р., местный; Нечаев А. В., 1996 г. р., местный; зап. Туминас Д. К. 14.07.2009.

В смысле нет, просто охотиться, надо как-то, чтоб интерес был, подкрадываться, б...ь, скрадывать, интересно. Я тут в этом году осенью-то, выбрался на охоту. Это за два года я первый раз выбрался. Вот той осенью. <Да ладно!> Той осенью, которая была... никуда не ходил. Вот. А вот в том году выбрался. Ай б..., я когда первую птицу убил, меня аж колотун, как у пацана, как будто я вообще первый, в жизни первый раз птицу убил, б... Вообще, блин³⁸.

А также и на неперемное **удовольствие** от результатов промысла:

В другой раз пойдёшь, восемь штук попадёт глухарей таких. Отнесёшь. Сердце радует. Всё равно, не опростоваешь <устаёшь. — А. М.>³⁹.

Перечисленные выше социальные, гендерные, временные, эмоциональные и пространственные правила и парадигмы охоты — лишь самые очевидные из всей этой области повседневности, в которую вовлечены многие мужчины на протяжении всего течения реки Мезени. Описывая метафоры охоты в символическом поведении здешних жителей, я показала, какие отношения создаются ими. Но изначально эти отношения кроются «в теле» практики охоты.

«Все символические манипуляции с телесным опытом, начиная с перемещений в символически структурированном пространстве, стремятся навязать *интеграцию* телесного, космического и социального пространств, мысля их одними и теми же категориями и расплачиваясь за это изрядным логическим примиренчеством; внушить связь между человеком и природным миром, состояниями и действиями, дополняющими и противопоставляющими представителей разного пола в разделении сексуального труда и разделении труда по полу, а следовательно — биологическом и социальном воспроизводстве» [Бурдые 2001: 151].

Поскольку охота (и особенно промысел активный — с ружьем) является по преимуществу мужской практикой, мы имеем дело с **мужскими гендерными** ценностями. Именно они транслируются как в мужских по исполнителю символических действиях (рописи прялок, речах сватов и дружек, свадебной стрельбе), так и в «женских» текстах (лирических песнях, *охоте на молодок*).

В охоте-промысле актуальны **горизонтальные социальные** связи: деревенские охотники следят за правилами пользо-

³⁸ ФА СПбГУ. Архангельская обл., Лешуконский р-н, Ценогора, д. П. А. Г., 1981 г. р., местный; зап. Елян К. Б., Лаврина М. Н. 18.07.2010

³⁹ ФА СПбГУ, Мез24-459. Архангельская обл., Мезенский р-н, Жердь, с. Воронцов В. Ф., 1929 г. р., местный; зап. Маточкин А. А. 14.07.2009.

вания, распределения и неприкосновенности добычи, очередностью пользования избушкой-путиками. Та же референтная группа объединяется в ритуальном «загоне куницы» или «стрельбе по гусю/тетере».

Они же декларируют как желанность чужой женщины, так и символический мораторий на **чужую добычу**, если владелец (муж) будет трудиться сохранить ее. Если добыча на промысле безусловно неприкасаема, то чужая жена неприкасаема при условии содержания ее под присмотром в доме, в то время как в публичном пространстве высок риск посягательства: если на улице «будете распускать, то молодцы ребята будут хватать». То есть поведение жены находится в зоне ответственности и контроля мужа, она сама в этом отношении уязвима и безвольна.

Она как добыча всегда является объектом чужого **удовольствия и желания** – главных эмоциональных доминант промысла охоты. Удовольствие от азарта и интерес, блокировка страха и жалости – воспитанные «эмоциональные константы» субъекта охоты. Объект охоты, добыча, наоборот, испытывает страх и взывает к жалости (именно *пожалеть* ее просит невеста родных и подруг в свадебных причитаниях).

Мы видим, что, усвоив предписанные «эмоциональные константы», социальные и телесные навыки в промысле, охотники переносят эти отношения в иное поле: поле сексуальной и семейной жизни. В промысловой практике охотник тренирует навыки соревнования, неприкасаемости чужой добычи, ответственности за свои действия, кормления-содержания, отсутствия страха и жалости, азарта и желания. Эти навыки возникают в отношениях с субъектами и объектами действия: с добычей, с другими охотниками, с родом, с напарником, с окормляемыми домочадцами. М. Серто утверждает, «что именно отношения (всегда являющиеся социальными) определяют участвующие в них категории, а не наоборот, и что каждая индивидуальность является местом, где действует не связанная (и часто противоречивая) множественность ее относительных детерминаций» [Серто 2013: 39]. Отношения с каждым из контрагентов создает этос, типичный для охотников и знакомый окружающим их людям. Каждый охотник вправе переносить или не переносить метафоры из символической деятельности далее в

реальную жизнь и отношения. Сложно представить себе мужчину и женщину, проживших жизнь в заученных раз и навсегда ролях. Сложно не признать друг за другом личных качеств и индивидуального опыта. Под воздействием опыта приходится менять сценарий и одним учиться не бояться, а другим – жалеть. Очень искреннюю беседу с известным в низовьях Мезени семейным дуэтом, прожившим вместе на момент знакомства 50 лет и когда-то давно *припетых* друг другу традиционным *виноградием*, муж закончил признанием:

В. А.: Я ее берег, берег. У нас судьбы схожи, вот. Я, может быть, не столько ее так любил, как я жалел ее. У меня любовь-то... К. И.: Не рассказывай ты... В. А.: Жалость. У меня вот это-то было.

Литература

Адоньева 2001 – *Адоньева С. Б.* Суженый – ряженный – animus – бес // Адоньева С. Б. Категории ненастоящего времени (антропологические очерки). СПб., 2001. С. 77–100.

Бейтсон 2009 – *Бейтсон Г.* Стил, изящество и информация в примитивном искусстве // Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума. Избранные статьи по антропологии. М., 2009. С. 191–219.

Богданов 2001 – *Богданов К. А.* Игра в жмурки: сюжет, контекст, метафора // Богданов К. А. Повседневность и мифология. Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб., 2001. С. 109–181.

Бурдые 2001 – *Бурдые П.* Практический смысл. СПб.; М., 2001.

Даль 1995 – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1995.

Ефименко 2009 – *Ефименко П. С.* Обычаи и верования крестьян Архангельской губ. М., 2009.

Лакофф, Джонсон 1990 – *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: сборник. М., 1990. С. 387–415.

Левкиевская 2004 – *Левкиевская Е. Е.* Охотник // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 2004. С. 599–604.

Осорина 2010 – *Осорина М. В.* Рисованные истории в изобразительном творчестве детей и их зрительском опыте // Русский комикс. М., 2010. С. 107–170.

Пирс 2000 – *Пирс Ч.* Начала прагматизма. СПб., 2000.

Серто 2013 – *Серто М., де.* Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб., 2013.

Фуко 1994 – *Фуко М.* Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.

Шматко 2010 – *Шматко А. А.* Охотничьи путики: траектории социальных отношений. Отчет по полевой практике. 2010 // Архив научных полевых отчетов. ФА СПбГУ.

Платок как атрибут памяти в рекрутском обряде

Любовь Викторовна Голубева

В наше время платок — это лишь деталь костюма, аксессуар. Мало кому известно, что на протяжении веков платок был универсальным объектом обмена. Неудивительно, что в русском языке лексемы «платок» и «платить» являются однокоренными. Холст, в отличие от денег-монет, был формой оплаты обрядового труда. Цельное полотно, полотенца, платки, фартуки — архаичные женские «деньги» славянской традиции [Седакова 1990: 58]. Впоследствии, как я полагаю, одаривание платком превращается в ритуальный жест в обрядах жизненного цикла — в свадебном, похоронном обрядах и, что важно для темы настоящей статьи, — в рекрутском.

В своей статье я бы хотела более подробно остановиться на описании ритуального значения платка⁴⁰ в обряде проводов в солдаты, а именно рассмотреть данный предмет как атрибут памяти.

Прежде чем описывать символические функции платка, необходимо уделить внимание его практической функции⁴¹ в женском и мужском костюмах.

Платок как деталь русского костюма

Женский костюм

Женский костюм чаще всего состоял из подпоясанной домотканой рубахи, поверх которой надевался сарафан, и головного убора. Последний представлял собой сложную конструкцию. Это были *подобрusник* (убор из холста, ситца, атласа, шелка) или *повойник* с *подзатыльником* (головной убор замужней женщины). Поверх подобрusника или по-

⁴⁰ Более подробно о платке см. [Голубева 2010].

⁴¹ П. Г. Богатырев в статье «Вопросы теории народного искусства» на примере национального костюма Мордавской Словакии показал, что любая вещь обладает не одной, а целым набором функций, среди которых можно выделить как практические, так и символические [Богатырев 1997: 308]. Практическим и символическим назначениям вещей посвящены работы А. К. Байбурина [Байбурин 1981] и Ю. М. Лотмана [Лотман 1975].

войника накидывался *убрус* – богатый вышитый головной убор в виде полотенца [Лаврентьева 1999: 40], предшественник современного платка. Повсеместное же распространение в качестве головного убора *платок* («кусоч ткани, лоскут») получил в XIX веке. Его носили девушки и женщины. Изначально платки были домоткаными, но ближе к XX веку начали появляться платки фабричного производства (см. ил. 1).

Платки стали различаться следующим образом:

1) по названиям – в зависимости от узора, материала и изготовителя;

2) по способу ношения (*внакидку, на покровку*) и способу завязывания (спереди или сзади).

По тому, как носили платок, можно было узнать социальный статус женщины: девушка, невеста, молодуха (первый год после свадьбы), баба и др. При этом в одной возрастной группе (например, в группе девушек) различались будничные и праздничные платки [Лаврентьева 1999: 44]. Так, в Поморье девичий будничный головной убор состоял из ленты в косе (*косник*), шнурка (*покорешек*), простого или шелкового платка. Праздничный головной убор представлял собой повязку, ленту, украшенную бисером и жемчугом косынку [Бернштам 1983: 34]. После венчания девушка переходила в новый статус – молодой. Со сменой статуса менялся и головной убор: им становился повойник⁴² с повязанным сверху платком. Замужняя женщина не имела права появляться на улице без платка: «Молодкой платы носят обязательно, шелковы, рёпсовы, баские» [Картотека словарного кабинета 1972: 6].

Помимо определенного социального статуса, платок был маркером материального достатка. У девушек с хорошим приданым был целый набор платков: домотканые или покупные (шелковые, ситцевые, шерстяные, теплые шали) – платки для каждого дня, особые – для церкви, праздника и т. д. [Там же]. Однако наличие большого количества платков в приданом могло быть связано не только с материальным достатком семьи, но и с одним обычаем, который мне приходилось неоднократно наблюдать на территории Вологодской и Архангельской областей. Согласно этому обычаю, старшие члены семьи дарили платки младшей девушке в семье. Такой подарок делала женщина старшего возраста: мать, *божат-*

⁴² «Повойник, повой, повоец (от повивать) – старинный русский головной убор замужних женщин, главным образом крестьянок, чаще всего платок, полотенце, повязанные поверх другого головного убора. Иногда повойником называли также мягкую шапочку из ткани, имевшую различную форму, но большей частью с круглым или овальным дном, околышем и завязками сзади. Как правило, повойник носили в будни (в праздники же надевали кокошники). К началу XX в. повойник вытеснил более сложные головные уборы – сороку, кичку» [Даль 1979: 118].

ка⁴³, тетья, деденька⁴⁴. Часто демонстрируя свое «платочное» богатство, женщины указывали на ту или иную дарительницу: «Плат шелковый старинной от матери покойной» [Картоотека словарного кабинета 1962: 8].

Еще одну разновидность женских платков представляет собой ручной платок. В словаре В. Даля дается следующее определение: «ручной платок — не головной, не шейный, носовой, карманный» [Даль 1982: 683]. Такой платок девушка держала в руках на игрищах, демонстрируя свой талант рукодельницы⁴⁵. Именно его девушка вышивала, а затем и дарила понравившемуся парню.

Мужской костюм

Самым известным и распространенным способом ношения платка у мужчин было подвязывание его вокруг шеи подобно галстуку. Именно шейный платок является прообразом всех видов современных галстуков и бабочек⁴⁶.

В русском быту галстук появляется в начале XVIII века при Петре I [Кирсанова 1995: 74]. До этого на торжественных встречах необходимо было присутствовать в русском традиционном платье, даже иностранцам [Калашникова 2000: 13]. При Петре Великом, вследствие подражания западноевропейскому обычаю, произошло различение костюма на городской (западноевропейский) и традиционный [Там же: 18]. При этом некоторые элементы нового городского костюма (в частности — шейный платок) начинают распространяться и в деревенском обиходе. Со временем платок — атрибут западноевропейского мужского костюма — оказывается деталью костюма деревенского. Существует иная точка зрения на появление шейного платка в русском народном мужском костюме, высказанная В. В. Пименовым. Он полагал, что способ ношения платка на шее к русским пришел от вепсов: для вепсских народов было характерно ношение мужчинами шейных платков [Пименов 1965: 14–24; Мы живем на одной земле 1992: 164–184]. Для моего исследования важным представляется тот факт, что деревенские мужчины (женатые) и парни (неженатые) дополняли свой костюм таким аксессуаром, как шейный платок. Уже в XIX веке деревенский костюм молодого парня на игрищах состоял из штанов,

⁴³ Божатка — северорусское название крестной матери как девочки, так и мальчика [Голубева 2012].

⁴⁴ Деденька — жена родного дяди по линии отца (Архангельская обл.) [Там же].

⁴⁵ «Рукоделие было одним из главных символов переходного значения. <...> Групповое рукоделие на стадии молодости имело исключительно символический (игровой) характер» [Бернштам 1999: 191].

⁴⁶ В русский язык слово «галстук» пришло из немецкого языка (Halstuch дословно переводится как «шейный платок»). У французов галстук стал элементом мужского костюма в XVII в., при Людовике XIV. Его первоначальная форма (платок или косынка) заимствована у хорватских наемников (отсюда французское название галстука «cravat», искаженное «хорват»). Во времена Французской революции шейный платок был не просто модным аксессуаром, но и служил выражением бунтарских политических взглядов. Википедия. Свободная энциклопедия: сайт. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Галстук>

суконного сюртука или камзола, ситцевой или кумачовой рубахи. Вокруг шеи был повязан шелковый цветной платок [Морозов, Слепцова 2004: 113]. Мужской шейный платок также был маркером материального достатка. Согласно данным энциклопедии «Мужики и бабы», только парни из зажиточных семей могли себе позволить подобную манеру ношения платка [Мужики и бабы 2005: 305–307]. На это указывает и исследователь русского костюма А. Ю. Андреева. Она пишет, что шейные платки носили мужчины только из богатых семей [Андреева 2005: 50]. Платок могли носить и небогатые парни, но в определенных случаях — на праздниках или игрищах. На фотографиях конца XIX века, представленных в книге Т. А. Бернштам, посвященной культуре Поморья [Бернштам 1983: 68], молодые парни одеты в праздничные наряды с платками на шее. В Заонежье парень, который становился женихом, начинал носить на шее косынку красного или белого цвета [Логинов 1993: 13]. Так как шейные платки были дорогими, не каждый парень мог его себе позволить, а если и мог, то только в определенных обрядовых ситуациях. На этом основании можно предположить, что девушка могла подарить парню шейный платок, однако это был слишком дорогой подарок, который заменился на другой — ручной (аналог современного носового) — платок, который девушка сама ткала и вышивала.

История носового платка в личном обиходе

Предшественником носового платка принято считать тщательно обработанный лоскуток пергамента: в древней Ассирии он использовался для вытирания лица. Также о носовых платках есть упоминания в истории древнего Китая. Там использовались не тканые, а бумажные платочки [Митрофанова 2001]. Первые упоминания о китайских платках приходятся на II век н. э.⁴⁷ При этом именно китайцы стали первыми использовать носовые платки не только как средство гигиены, но и как декоративный аксессуар. Каждый такой платок обладал значительной художественной ценностью. Лучшие каллиграфы наносили на этот бумажный аксессуар тексты стихов⁴⁸. В III веке до н. э. греческие и римские па-

⁴⁷ Википедия. Свободная энциклопедия: сайт. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>

⁴⁸ Там же.

триции пользовались во время обильных и продолжительных пиров особым платком для лица, который назывался *сударий*⁴⁹. Чуть позже в обиходе греков появляются платки *маппа* (прообраз современной салфетки). Постепенно сударий и маппу знатные горожане стали носить на шее, плече, запястье в качестве аксессуара. При византийском дворе только дамы из правящих семей могли позволить себе носить платки публично (то есть напоказ). Они закрепляли кусочек воздушной ткани на левом плече или локте [Николаева 2006: 5], часто использовали его в качестве веера. Платок как аксессуар на долгое время становится женской привилегией. В средневековье был известен обычай: знатная женщина вешала на копье победителя в рыцарском турнире платок, который должен был напоминать рыцарю о цели его участия в турнире — победе в честь возлюбленной⁵⁰. Носовой платок стал модным дополнением к костюму в Италии, начиная с эпохи Ренессанса. С XVII века это модное веяние получило широкое распространение по всей Европе⁵¹, в том числе и в России.

В русской истории носовой платок носил название «ширинка». Самые ранние образцы музейных коллекций относятся к XVI веку. В XVI—XVII веках ширинки шили из кремовой шелковой ткани полотняного переплетения, они были квадратными по форме и украшались вышивкой. Вышивка красивой орнаментальной полосой располагалась по краям платка. Ширинка была парадно-декоративным изделием, украшением княжеского и боярского костюма XVI—XVII веков.

К началу XVIII века в России, как и в Европе, носовые платки становятся деталью не только дамского туалета. По требованиям моды и этикета XVIII века русскому дворянину полагалось иметь гардероб из сотен предметов, в том числе и из многочисленных платков. Так, например, по описи, составленной в начале XIX века, в гардеробе графа Н. П. Шереметьева (1751—1809) числился 381 носовой платок⁵².

Основным источником для изучения истории носового платка в русском дворянском обиходе является художественная литература того времени, а также дневники и воспоминания известных людей той эпохи. Носовые платки, отделанные *блондой* (шелковым кружевом), часто фигурируют в произведениях русской литературы как характерная деталь

⁴⁹ Сейчас сударий имеет другое применение: «Сударь, сударий (греч. *σουδαριον* — платок) — покров, ткань для покрытия сосудов. Используется также в проскомидии и евхаристии при приготовлении и освящении Святых Даров» (Библиотека. Икона. Иконография. Иконопечатание: сайт. URL: http://nesusvet.narod.ru/ico/gloss/g_index.htm.)

⁵⁰ Википедия. Свободная энциклопедия сайт. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>

⁵¹ Afield. Поле надежды: сайт. URL: <http://afield.org.ua/index.html>

⁵² Виктория. Носовые платки и махровые полотенца: сайт. URL: <http://viktoriyaspb.ru/>

великосветского быта [Кирсанова 1995: 232]. Для вытирания носа и лица носовые платки стали использоваться публично только с конца 1830-х годов. Именно в то время в моду вошли большие мужские носовые платки, которые носили так, чтобы они были заметны. Обычно они виднелись из кармана: ткань и орнамент были предметом щегольства:

«Каким ты щеголем нынче! — оглядывая его новый ментик и вальтрап, сказал Несвицкий.

Денисов улыбнулся, достал из ташки платок, распространивший запах духов, и сунул в нос Несвицкому»⁵³.

Культуролог Р. М. Кирсанова пишет: «После 1856 года платками перестали щеголять. Дамы стали прятать свои маленькие носовые платочки в ридикулях, которые стали популярны с конца XVII до начала XX века» [Кирсанова 1995: 232].

Со временем платок становится декоративной деталью (мужского и женского) костюмов. В истории этикета началась эра, когда огромное значение отводилось взмахиванию платочком, просто держанию платочка в руке или упавшему платочку. Долгое время этот аксессуар оставался важным инструментом невербальной коммуникации. Он обладал «магической силой бессловесного пароля» и мог служить завершением определенного жеста, условным знаком, поводом начать желаемое знакомство [Косоурова 2006: 151]. Если дама роняла носовой платок, мужчина, находящийся рядом с ней, должен был поднять платок и вернуть его женщине. Иногда дама специально роняла кружевной платок, чтобы познакомиться с понравившимся ей мужчиной. Этот обычай появился в Европе, но бытовал и в России⁵⁴.

Подаренный девушкой носовой платок с вышитыми инициалами был одним из ценных подарков для влюбленного молодого человека. Значение такого подарка было велико. Например, П. А. Вяземский рассказывает в «Старой записной книжке» об А. И. Тургеневе:

«...когда он ухаживал за одною барышнею в Москве, в знак страсти своей похитил он носовой платок ее. Чрез несколько дней, опомнившись и опасаясь, что это изъявление может показаться слишком обязательным, он возвратил платок, проговоря с чувством два стиха из французского водевиля, который был тогда в большом ходу в Москве: Il trou-

⁵³ Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 1—2. М., 1953. С. 182.

⁵⁴ Так, в романе «Евгений Онегин» главный герой пытается ухаживать за замужней Татьяной и считает наградой малейшее проявление внимания с ее стороны: «Он счастлив, если ей накинет / Боа пушистый на плечо, / Или коснется горячо / Ее руки, или раздвинет / Пред нею пестрый полк ливрей, / Или платок подымет ей...» (Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. М., 1960. Т. 4. С. 167). Среди прочих перечисленных знаков женского внимания в отношении мужчины оказывается нарочно уроненный на пол платок. В романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» эпизод встречи Кити с Левиным описан следующим образом: «Давно ли вы здесь? — сказала она, подавая ему руку. — Благодарствуйте, — прибавила она, когда он поднял платок, выпавший из ее муфты». (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.; Л., 1930. Т. 1. С. 20).

blerait ma vie entiere, / Reprenez le, reprenez le. („Он осложнит мне жизнь, Возьмите его, возьмите его“ (фр.))»⁵⁵.

Приведенные выше примеры относятся к городской традиции. История носового платка в деревенском обиходе изучена в значительно меньшей степени. Тем не менее наших полевых записей, которые хранятся в ФА СПбГУ, достаточно, чтобы представить способы использования носового платка в крестьянской традиции XX века.

Раньше до замужества кисеты дарили. А еще гуляли по дружбе. Вот я дружу с девчонкой, это из уважения – она или платок подарит, носовой платок вышитой, или кисет. Вышито: «Кого люблю, тому дарю»⁵⁶.

Как было сказано выше, помимо головного платка у девушки был ручной платок, который, в принципе, по форме напоминал современный носовой платок. В соответствии с современными записями и примерами из поздних частушечных текстов можно утверждать, что девушка дарила парню именно носовой (ручной) платок. Носовой платок в деревенском обиходе, так же как и в городском, мог выполнять символическую функцию, в частности он мог служить инструментом для невербальной коммуникации между парнем и девушкой.

Символические функции платка

В традиционной культуре социальный статус любого человека определялся в том числе и по тому, как он был одет [Лаврентьева 1999: 40]. Как я уже отмечала, у женщин акцент делался на головной убор, и в первую очередь – на платок. Девочка впервые получала платок одновременно с первыми сарафаном, юбкой и сережками в возрасте 7–11 лет [Там же: 46]. С момента наступления регул девочка получала право на ношение яркой (чаще всего красной) ленты или косынки [Веселова 2006: 109]. Примерно в это же время девушка могла покрывать платком уже не только голову, а также шею и плечи. Такой способ ношения платка маркировал зрелость девушки и ее готовность вступать в брачные отношения [Лаврентьева 1999: 46]. С этого момента в дом девушки могли уже приходиться сваты. После *рукобитья* (когда родители давали окончательное согласие на брак) на просватанную девушку накидывали платок, который она не

⁵⁵ Вяземский П. Старая записная книжка. Ч. 1. М., 2000. С. 47.

⁵⁶ ФА СПбГУ, Сям1–14, Вологодская обл., Сямженский р-н, Голузинский с/с, д. Пирогово; Кузнецова К. И., 1924 г. р., д. Климусино; зап. Степанов А. В. 02.10.2005.

снимала до венчания. Так, в псковской традиции девушку-невесту, покрытую платком, водили по всей деревне: «Меня взяли, накрыли платком и водили по деревне» [Картотека словарного кабинета 1971: 64].

Платок невесты обладал двумя основными символическими функциями: он демонстрировал лиминальное состояние невесты и обладал апотропической функцией⁵⁷ (например, платок охранял невесту от сглаза и порчи).

После венчания на молодую надевали повойник, а сверху набрасывали платок:

Доколь не спишутся (жених и невеста), косу не плетут, спишутся, тогда и нарядят молодкой, косы заплетут, повойник надёнут, платок закинутя золотым [Картотека словарного кабинета 1966: 8].

Существовал запрет на снятие повойника; платок женщина могла снимать, но только находясь дома. Оказаться на улице без платка считалось опасным и непристойным.

Однако в современной русской деревне девушки и молодые женщины не носят платков. Можно сказать, что для них он перестал быть социовозрастным маркером. Его символическая ценность утратилась. Но для представителей старшего поколения наличие платка и сейчас остается обязательным. Действительно, встретить бабушку без данной детали костюма практически невозможно. В этом смысле интересны два случая, произошедшие со мной и с моими коллегами в экспедициях. Одна моя коллега, работавшая на территории Лешуконского района Архангельской области, рассказала мне следующее. Для фольклорного архива мы всегда просим у информанта разрешения сфотографировать его. Одна бабушка отказалась фотографироваться без платка. Кроме того, когда одна из участниц экспедиции сама захотела сфотографироваться с этой бабушкой, та немедленно открыла шкаф, в котором висело несколько платков, и стала примерять на нее каждый. Для нее было важным не только наличие платка у девушки-студентки, но и его цветовая гамма: он должен был обязательно подходить к одежде. Этот пример далеко не единственный (см. ил. 2). Действительно, в фотоколлекции ФА СПбГУ редко можно увидеть фотографию деревенской женщины 60–70 лет без платка (см. ил. 3–5). Очевидно, что для представителей старшего поколения платок и сейчас остается чем-то очень важным: пока-

⁵⁷ На охранительную функцию платка-покрова указывали несколько исследователей [Веселова 1996: 7; Лаврентьева 1999: 46–48; Маслова 1984: 79].

заться на людях без него по-прежнему неприлично. То, что отсутствие платка на голове в некоторых ситуациях считается не просто неприличным, но и недопустимым, демонстрирует история, записанная мной в 2011 году в деревне Едома Лешуконского района Архангельской области от женщины 45 лет. Она с осуждением рассказывала мне о том, что одна молодая женщина на похоронах собственного мужа не надела платка. В рассказе женщины читалось явное возмущение, что молодая вдова не продемонстрировала свое горе публике (см. ил. 6). Про себя же добавила, что, когда сама хоронила мужа, просто не могла быть без платка – «горе покрыть надо»⁵⁸.

Это далеко не все примеры символических функций платка. В рамки выделенной темы не входит их полное описание. Мне лишь необходимо было показать, что платок является не просто деталью костюма. Он служил социовозрастным маркером, выполнял охранительную функцию, демонстрировал лиминальное состояние невесты в свадебном обряде и вдовы – в похоронном, и др. В рекрутском же обряде платок представлен в качестве атрибута памяти и верности, о чем и пойдет речь ниже.

Платок в рекрутском обряде: ситуация и фольклорный контекст

Практически при любом описании рекрутского обряда русской деревни так или иначе упоминалось о ритуальных действиях, связанных с платком. Чаще всего платок представляется как дар уходящему в армию парню со стороны матери или девушки. Наряду с описанием данного обычая я упомяну также о традиции *заломки* дерева и дарении кисета.

Рекрутский обряд – это обряд проводов в армию. По мнению А. ван Геннепа, рекрутский обряд необходимо считать обрядом инициации наряду с родильным, свадебным и похоронным обрядами [Ван Геннеп 2000: 64–107]. Но, в сравнении с тремя последними, он сформировался значительно позднее, поэтому в нем и присутствуют элементы, встречаемые в других переходных обрядах. Предлагаемое описание ритуала проводов в солдаты (который вплоть до сегодняшнего дня в некоторых местах продолжают имено-

⁵⁸ Так как беседа была очень личной, информантка просила не записывать историю на диктофон. Ее пересказ находится в моем полеводном дневнике [Голубева 2012].

вать *рекрутским* или *некрутским*, а парней-призывников, соответственно, — *некрутами*) основано на рассказах жителей севернорусских деревень и относится преимущественно ко второй половине XX века.

Обряд проводов в армию начинается с момента оповещения о призыве и продолжается до момента отъезда парня-призывника. На *беседах* рекруты были главными героями. С их приходом начинались все игрища, они были заводилами и вели себя достаточно вольно. В рекрутском обряде девушки, на первый взгляд, принимали мало участия либо только пассивное. Однако это лишь на первый взгляд. Именно девушка совершает обряд *заломки* деревца, по состоянию которого возможно было судить о судьбе солдата на службе (этот обычай существовал в Вологодской области до конца XX века, в некоторых деревнях сохранился до настоящего времени). Перед проводами в армию парень со своей девушкой шел в лес, где он смыл вершину елки (с развилкой) или вырывал маленькую елочку с корнями, которую затем они вместе несли в дом его родителей, украшали там ее цветными тряпочками и привязывали под конек крыши, где дерево висело до возвращения парня из армии⁵⁹. Либо *заломку* делали в отдаленном месте в лесу; часто выбиралось такое место, где скотина не паслась, а значит, и не могла бы их поломать. Девушка ходила в лес проверять состояние «заломанной» ветки. Или заламывалась ветка березы и вставлялась в бревно на углу дома, где жил парень⁶⁰.

Другой обряд состоял в том, что парень и девка перед уходом в армию ходили на реку. Там девушка умывала рекрута водой⁶¹.

Но наиболее важным для нашего анализа является следующий обычай: девушка делает парню подарок — дарит платок или кисет. Об этом обычае свидетельствуют как многочисленные частушечные тексты, так и тексты песенного репертуара, относящегося к рекрутскому обряду:

*Ясен сокол с тепла гнезда улетает
Добрый молодец с фатеры уезжает,
Не отец его, не мать не сопровождают,
Сопровождают молодца чужие люди,
Чужие люди, сприближенные соседи.
Сприближенные снаряжены красны девки.*

⁵⁹ ФА СПбГУ, Ваш23-16, Вологодская обл., Вашкинский р-н, Островский с/с, Нефёдово, д. Алексеев Н. И., 1927 г. р., ур д. Никоново; зап. Маточкин А. А. 22.07.2002.

⁶⁰ ФА СПбГУ, Ваш23-12, Вологодская обл., Вашкинский р-н, Островский с/с., Матвеева гора д., Пантелеева А. С., 1938 г. р., ур д. Захарово; зап. Маточкин А. А. 12.07.2002.

⁶¹ ФА СПбГУ, Сям 23-1, Вологодская обл., Сямженский р-н, Раменский с/с, п. Гремячее; Паутова А. С., 1926 г. р., ур. д. Катрома; зап. Карпова А., Аркадова П., Мариничева Ю. 16.07.2005.

*Одна девица подальше спровадила
На прощальнице платочек подарила
Не за то ли меня маменька бранила,
Не за то ли меня маменька журила,
Что своему дружку платочек подарила* [Устное народное поэтическое творчество 1965: 124].

Исполняются эти песни в день проводов парня в армию. Каждый в деревне считал своим долгом проводить рекрута. В день отправки никто не работал, все выходили на улицу: родственники, соседи. Эту песню исполняли девки из деревни парня.

По описанию очевидцев, проводы выглядели следующим образом: после того, как новобранец простился со всеми родными, со скотиной, с двором, получил материнское и отцовское благословение, все выходили на главную улицу: во главе процессии находились женщины (мать и женская родня), новобранца вели под руки два его друга. В этот момент женская половина процессии исполняла песни или причитала.

Женская часть деревенского населения играла важную роль в обряде. Домашние и родственницы преподносили в подарок парню цветные платочки, которые парень связывал между собой и носил их при себе. Мать отдельно давала сыну в дорогу два платочка. Один платочек оставался у солдата, второй он бросал недалеко от села, а провожавшие его дети подбирали его и отдавали матери в качестве гарантии возвращения ее сына [Там же: 57]. Очень похожее символическое действие совершалось и в свадебном обряде, когда жених по дороге к венцу демонстративно выбрасывал платки, подаренные ему бывшими *милками*, чтобы навсегда забыть о прошлых отношениях.

Платок дарился не только матерью и родственницами-женщинами, но и девушкой, дружившей с парнем на момент его ухода в армию. Такой подарок оказывался значимым для обоих. Есть обычай дарить кисет и платок в знак верности уходящему в армию парню.

*<А вы дарили платок?> Дарили такой... вышитой, чего-то было вышито маленько да. <А что там вышито было?> А ничего... дарю платочек милому другу да и всё. <А вышивали цветочки, может, какие-нибудь?> Да, как-то нет, вышивали всяко вышивали, девушки, вышивали*⁶².

⁶² ФА СПбГУ, Мез4-41, Архангельская обл., Мезенский р-н, Дорогородский с/с, Кимжа д.: Паюсова А. Е., 1925 г. р., местная; зап. Адоньева С. Б., Веселова И. С., Мариничева Ю. Ю. 19.07.2007.

Главной темой, которая звучит в рассказах о таких подарках, оказывается тема памяти и верности:

Нет, это раньше вышивали. У меня вот двоюродный братан пошёл в армию, вот и с той половины, из той, так вот ему девушка подарила платок и это... вышила «на память», его, знаешь, какое имя было, у нас в деревне его нету – Флегонт⁶³.

Вот я хоть вот гуляла, так вот гуляла с парнем, подарить платок носовой и подарить, этот, кисет, раньше кисеты были так вот под табак. Пойдёт этот парень-то на память всё и понесёт с собой⁶⁴.

Тема памяти возникает и в частушках:

*Взяли дрочечку в солдаты,
Маменьке я не скажу,
Вышлю беленький платочек,
И на память подарю⁶⁵.*

Именно «на память» совершался описанный выше обряд заломки:

А том пойдёт, далёко ли-то дойдёт, проводила я уж его, как, далёко ли, дак там людно идёт веди. А вот там на кустике сломит веточку, чего-нибудь тряпочку какую-нибудь привяжет.<Это зачем?> На память! Пока он служит⁶⁶.

Значимым в описании обряда заломки оказывается то, что в нем присутствует такая деталь, как тряпочка (а также ленточки, *рипки*, *ляпки* и др). Как показало исследование семантики тряпичных атрибутов в русской традиционной культуре, лоскуты, ленты, платки оказываются сигналами ритуальной (индивидуальной и коллективной) активности девушки [Веселова 2005: 296, 314]. Большая часть ритуальных манипуляций совершается девушками – незамужними, но достигшими половой зрелости [Веселова 2006: 109]. Получается, что девушка, достигшая зрелости, то есть способная вступать в брак и иметь детей, допускается к различным обрядам, в которых значимыми атрибутами и инструментами оказываются ленты, отрезки ткани и лоскут. Девушка наделяется полномочиями отвечать за память и за сохранение этой памяти (метафорой которой является заломка) о парне, ушедшем в армию (в военные годы – на войну), то есть, по сути, следуя за определенным А. Ван Геннепа [Ван Геннеп 2000: 20], – ушедшего в

⁶³ ФА СПбГУ, Мез16-50, Архангельская обл., Мезенский р-н, Дорогорский с/с, Кимжа д., Поляк Ф. Ф., 1932 г. р., местная; зап. Морозов М. А., Мамаева Е. С. 13.07.2007.

⁶⁴ ФА СПбГУ, Сям23-1, Вологодская обл., Сямженский р-н, Раменский с/с, п. Гремячее; Паутова В. С., 1926 г. р., ур. д. Катрома; зап. Карпова А., Аркадова П., Мариничева Ю. 16.07.2005.

⁶⁵ ФА СПбГУ, Онеж8-33, Архангельская обл., Онежский р-н, Чекуевский с/с, д. Верховье; Прохорова Е. П., 1906 г. р., ур. д. Мондино; зап. Демиденко Е., Калинина А. 19.07.1981.

⁶⁶ ФА СПбГУ, Сям23-1, Вологодская обл., Сямженский р-н, Раменский с/с, п. Гремячее; Паутова В. С., 1926 г. р., ур. д. Катрома; зап. Карпова А., Аркадова П., Мариничева Ю. 16.07.2005. Ниже о платке как атрибуте памяти и верности будет сказано более подробно.

иное пространство. Память внутри сообщества хранит девушка, ухаживая за украшенным платками, лентами и отрезками ткани деревцем. Парень-солдат хранит память в виде платочка или кисета, подаренных девушкой. Платок служит звеном, связывающим дарительницу и одаренного. Очевидной метафорой данного действия является общеславянский свадебный обычай: с помощью платка родственники соединяют руки жениха и невесты.

С момента вручения платка ни парень, ни девушка не чувствуют себя свободными, поэтому с платком тесно связана, как уже упоминалось, тема верности. Это хорошо прослеживается в частушечном тексте:

*Милый мой, у нас с тобой
Любовь платочком связана.
Из-за тебя, мой дорогой,
Семерым отказано*⁶⁷.

По рассказам информантов, взаимообмен подарками реализует собой невербальную клятву в верности:

*А, дак это носовые платки-ти дарили. А шо подаришь-то, дак? Это <нрзб.> провожают щас. Ей выписали в лес. Она ходила с парнем. Он ей ещё ходить не будет, дал в залог золото кольцо. Она уехала в лес. Она из лесу приехала – он женился. Но потом она отдала кольцо*⁶⁸.

Платок служит подарком – залогом верности в отношениях и гарантией будущего брака. Эти мотивы прослеживаются в рекрутской лирике: уходя на службу, парень, как и девушка, больше всего грустит из-за долгой разлуки. Парень просит девушку дожидаться его; девушка, в свою очередь, обещает ждать и клянется в верности. Все это скрепляется взаимным обменом подарками: вышитым платком или кисетом со стороны девушки, украшением (кольцом, брошкой и т. д.) со стороны парня⁶⁹.

Платок, как и любой подаренный предмет, был метафорой связи между дарителем (девушкой, матерью, старшими женщинами) и одариваемым (рекрутом). На мой взгляд, разные дарители образовывали разные связи. Девушка и парень относились к одной половозрастной группе. Я предполагаю, что оставшаяся девушка и рекрут должны были сохранить отношения внутри группы молодежи, в которую

⁶⁷ См. [Симакова]

⁶⁸ ФА СПбГУ, Мез26-15, Архангельская обл., Мезенский р-н, Дорогорский с/с, д. Заозерье; Юрьева Е. М., 1922 г. р., ур. с. Лешуконское; зап. Цветкова А. Ю., Козак В. В., Кравчук И. А. 25.07.2007.

⁶⁹ Тема обмена подарками часто встречается в песенном репертуаре: при измене или при женитьбе на другой парень может выпрашивать подаренное кольцо обратно («Ты отдай, отдай золото кольцо! Тебе тем платком жениха дарить, а мне этим кольцом обручатися» [Шейн 1877: 206]).

должен вернуться рекрут. Связь с домом (назову ее условно родовой связью) осуществлялась за счет подаренных старшими женщинами или матерью предметов. По возвращении солдат обязан был предъявить платочки для «узнавания». Получается, что символическое значение платка в обряде проводов солдата — не только сохранение памяти о нем, но и обеспечение связи между оставшимися членами группы или рода и покинувшим их.

Для парня платок служил напоминанием о родной земле, доме, о родных и, конечно, о девушке, обещавшей дождаться. Примечательно то, что парень не просто брал эти предметы с собой в армию, а хранил их на протяжении всего срока службы и возвращался с ними на родину. Для чего он сохранял такой подарок? Возможно, такая реализация памяти связана не столько с прошлым опытом (то есть с напоминанием и воспоминанием). С памятью связано направление ориентации в прохождении времени: от памяти прошлого к памяти будущего. Память нужна для будущего как способ навигации и узнавания: с помощью подаренного предмета не только поддерживаются отношения на расстоянии, но и обеспечивается узнавание после разлуки. Это можно сравнить со сказочным мотивом узнавания. Так, например, в сказках царевна-невеста узнает будущего жениха по подаренному перстню или платку, которым она перевязывает рану во время боя с антагонистом [Афанасьев 1985: 320, 321]. Платок дается для того, чтобы уходящий, вернувшись домой, мог предъявить его сообществу и тем самым подтвердить свою с ним идентичность.

Литература

Андреева 2005 — *Андреева А. Ю.* Русский народный костюм: путешествие с севера на юг. СПб., 2005.

Афанасьев 1985 — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. М., 1985. Т. 2.

Байбурин 1981 — *Байбурин А. К.* Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология: сборник музея антропологии и этнографии. 1981. Т. 37. С. 215–227.

Бернштам 1983 — *Бернштам Т. А.* Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX века. Этнографические очерки. Л., 1983.

Бернштам 1999 — *Бернштам Т. А.* «Хитро-мудро рукодельице» (вышивание-шитье в символизме девичьего совершеннолетия у восточных славян) // Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России. Сборник музея антропологии и этнографии. СПб., 1999. Т. 57. С. 191–249.

Богатырев 1997 — *Богатырев П. Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1997.

Ван Геннеп 2002 — *Ван Геннеп А.* Обряды перехода. М., 2002.

Веселова 1996 — *Веселова И. С.* Покров Богородицы и бытование платка в русской женской субкультуре // Живая старина. М., 1996. № 3. С. 7–9.

Веселова 2005 — *Веселова И. С.* Тряпичная парадигма, или «В рипках родились, в рипках жили, в рипках и помрем» // Антропологический форум. СПб., 2005. № 2. С. 289–316.

Веселова 2006 — *Веселова И. С.* Красные девицы и кумач: цветовые атрибуты праздника // Морфология праздника: сборник статей. СПб., 2006. С. 103–120.

Голубева 2010 — *Голубева Л. В.* Платок в матримониальных отношениях: ситуация и фольклорный контекст. Выпускная дипломная работа. Кафедра русской литературы филологического факультета СПбГУ. 2010 // ФА СПбГУ.

Голубева 2012 — *Голубева Л. В.* Полевой дневник. 2012 // ФА СПбГУ.

Даль 1979 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1979. Т. 3.

Даль 1982 — *Даль В. И.* Толковый словарь великорусского живого языка: в 4 т. М., 1982. Т. 4.

Ефимова — *Ефимова Е. С.* Субкультура тюрьмы и криминальных кланов. [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика: сайт. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/efimova5.htm>

Ефимова 2004 — *Ефимова Е. С.* Современная тюрьма. Быт, традиции и фольклор. М., 2004.

Калашникова 2000 — *Калашникова Н. М.* Семиотика народного костюма. СПб., 2000.

Картотека словарного кабинета 1962 — Картотека словарного кабинета СПбГУ, АК. Печ. — 482, д. Сергеев — Щелы, 1962, II.

Картотека словарного кабинета 1966 – Картотека словарного кабинета, АК. Печ. – 539, д. Ярмица, 1966, I.

Картотека словарного кабинета 1971 – Картотека словарного кабинета СПбГУ, АКП – 601, 1971, I.

Картотека словарного кабинета 1972 – Картотека словарного кабинета СПбГУ, АК. Печ. – 626, Прусово, 1972, I.

Кирсанова 1995 – *Кирсанова Р. М.* Костюм в русской художественной литературе XVIII – первой половины XX в.: опыт энциклопедии. М., 1995.

Косоурова 2006 – *Косоурова Т. Н.* Вышивка Западной Европы XVI – нач. XX века в Эрмитаже: интерьер и костюм. Каталог выставки. СПб., 2006.

Лаврентьева 1999 – *Лаврентьева Л. С.* О платке // Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России. Сборник музея антропологии и этнографии. СПб, 1999. Т. 57. С. 39–52.

Логинов 1993 – *Логинов К. К.* Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб., 1993.

Лотман 1975 – *Лотман Ю. М.* Памяти П. Г. Богатырева // Труды по знаковым системам. Тарту, 1975. Т. 7. Вып. 365. С. 5, 6.

Маслова 1984 – *Маслова Г. С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984.

Митрофанова 2001 – *Митрофанова А.* Универсальный лоскут [Электронный ресурс] // „Penstyle“: сайт. URL: <http://penstyle.com.ua>.

Морозов, Слепцова 2004 – *Морозов И. А., Слепцова И. С.* Круг игры. Праздник и игра в жизнедеятельности севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М., 2004.

Мужики и бабы 2005 – Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре. СПб., 2005.

Николаева 2006 – *Николаева И. О.* Из истории носового платка // Просто живи со вкусом. 2006. № 4. С. 5.

Пименов 1965 – *Пименов В. В.* Вепсы: очерки этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965.

Седакова 1990 – *Седакова О. А.* Тема «доли» в погребальном обряде (восточно- и южнославянский материал) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М., 1990. С. 53–64.

Симакова – *Симакова М. С.* Платок в русской частушке: традиция и новации. [Электронный ресурс] // «Фольклор и постфольклор: структура,

типология, семиотика»: сайт. URL: www.ruthenia.ru/folklorelaboratory/Simakova.htm

Устное народное поэтическое творчество 1965 – Устное народное поэтическое творчество Вологодского края. Сказки. Песни. Частушки. Вологда, 1965.

Мы живем на одной земле 1992 – Мы живем на одной земле: население Петербурга и Ленинградской области. СПб., 1992. С. 164–184.

Шейн 1877 – *Шейн В. П.* Русские народные свадебные песни. СПб., 1877.

Брак «самоходкой»

Анастасия Сергеевна Каретникова

При слове «самоходка» первое, что приходит на ум, – это образ самоходной военной машины или баржи, – так глубоки следы милитаризации русского языка, случившейся в XX веке. И когда женщина лет семидесяти, жительница вологодской деревни, в начале XXI века на вопрос о том, как она вышла замуж, отвечает: «Самоходкой», в сознании возникает довольно странный образ. Омонимия неслучайна, благодаря ей раскрывается дух эпохи с ее войной, неустроенностью быта и пренебрежением им, неустойчивостью положения человека в обществе и в своих убеждениях, бедностью, готовностью в любую минуту сняться с места и по собственной воле или по принуждению обстоятельств переместиться в другое пространство. И одно слово для наименования девушки, женщины, жены и военного орудия...

Чтобы несколько снизить напряжение, отмечу, что слово «самоходка», произнесенное в контексте разговора о браке, появилось раньше. В «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» [ЭСБЕ 1900, 28^а] есть статья «Самокрутка или самоходка» о форме заключения семейного союза. Первое в паре слово, более распространенное в XIX веке, чем «самоходка», означало женщину, «вышедшую замуж украдкой, без воли отца-матери, краденой свадьбой (от окрывать, рядить невесту в бабий убор)» [Даль 1956: 134]. Этимологию слова «самокрутка» дает и словарь М. Фасмера: «Самокрутка – девушка, которая выходит замуж без согласия родителей, арханг. (Подв) нижегор. (Мельников). От „сам“ и „крутить“, напр. „крутить свадьбу“» [Фасмер 2007: 554]. В картотеке к словарям псковских и печорских говоров⁷⁰ есть такие тексты на слово «самокрутка»:

У нас так все сходились (самокрутки), сами собой поженятся и косу заплетут.

Бабка говорила, девки идут, самокрутки, короткие будут носить юбки-то, платья без рукавов...;

⁷⁰ Картотека хранится в Межкафедральном словарном кабинете им. Б. А. Ларина филологического факультета СПбГУ.

...а та, самокрутка, разъехались, дом продали, ребят по-брали с собой и сошлись опять⁷¹.

Итак, общее значение слов «самоходка», «самокрутка» — женщина, самовольно, не спрашивая согласия родителей, вышедшая замуж и сменившая прическу с девичьей на бабью. Эти слова также иногда обладают негативной окраской: быть самокруткой неправильно, но допустимо, тем более, что «так все сходились».

В самом слове «самоходка» заключено значение самостоятельности и, следовательно, ответственности девушки за свои действия. При анализе глагольных форм в тех интервью⁷², где женщины рассказывают о том, как они вышли замуж *самоходкой*, заметно, что информантки, как правило, используют глаголы в первом лице: не «меня выдали замуж», а «я вышла замуж». В статье «Частушечный агон» С. Б. Адоньева пишет: «На фоне общей установки на исходную активность именно „сил“, а не человека, переход к агентивности речи оказывается особенно значимым. Знающие о том, что инициатива в изменении реальности не принадлежит человеку, отдают себе отчет в степени ответственности за проявление собственной инициативы. Использование форм первого лица в активном залоге предполагает максимальный градус ответственности» [Адоньева 2002: 11]. При выходе замуж «самоходкой», несмотря на возможные угрозы, насилие или даже обман со стороны парня, вся ответственность за поступок ложится на девушку: она сама выходит из-под ответственности родителей, сама отвечает за выстраивание отношений с родственниками мужа, и, в случае неудачи (если ее прогнали, и она возвращается домой), всё осуждение тоже достается ей. Задача парня сводится к тому, чтобы привести девушку к себе домой (по предварительной договоренности с ней или даже без оной) и добиться того, чтобы она осталась у него до следующего дня, пока весть о ее выходе замуж, действительном или мнимом, не дойдет до ее родителей и всего сообщества. Действия парня сравнимы с кражей или поимкой добычи силой или хитростью, и успех предприятия принесет ему уважение других парней. А вот с чем сравнить поступок девушки?

Выход из-под ответственности родителей «в никуда», «под собственную ответственность» создает конфликтную ситуацию. Для девушки, да и для парня не санкционированный

⁷¹ Там же.

⁷² ФА СПбГУ, ФА ПЦ.

старшими переход из социальной группы незамужних/неженатых в группу замужних/женатых – это посягательство на права старших. Причем девушка оказывается на чужой, неизвестной территории, без поддержки своего сообщества, в состоянии беспомощности и безоружности, да к тому же в положении нападающего – никому не пожелаешь попасть на ее место. Но вот что удивительно: женщины, рассказывавшие об этом жизненном эпизоде, вспоминают о пережитом с увлечением, с подробностями – как об одном из самых ярких событий их жизни.

Все на гулянке были, а он меня затолкал, огня нету, тогда лампы были. У него была двадцатилинейная большая лампа, висела. Другая сидит – Авдотья была сноха – они, две снохи вот из Нефедьева, да бабушка-то, моя свекровка, сидят против окошка: в Ильин день-то тёмненько было. Сидят две женщины. Он толкнул меня в эту, в избу, да всё я запинаясь, незнакомо, ни за порог да за всё. И сам чё-то куда-то вышел, не знаю уж, ворота запирать... Я стою у порога. Они сидят, а другая, наша-то, Авдотья-то, что давай, Елена, зажигай огонь, Костюша – он её крёстной звал – Костюша какую девку-то привёл, хорошую ли, худую. Сидят и ничего. Огня не зажигают, ничего. Вот пришёл, опять меня туда в комнату протолкал. А девки-то ходят на гулянке-то: «Я тёте Александре нажалуюсь, – это маме, – что ты ушла». Я как самоходкой ушла. Так-то тогда сватали, тогда, в то время-то было. А я вот самоходкой. Мама не знала. Вот так. Ой, долго рассказывать, девки⁷³.

В приведенном фрагменте мы видим, что парень действует активно, даже грубо («затолкал», «протолкал»), но маме девушки ее подруги «нажалуются, что ушла», и сама о себе она говорит: «А я вот самоходкой».

По сведениям, собранным «Этнографическим бюро» князя В. Н. Тенишева с 1897 по 1901 год, в Никольском, Сольвычегодском, Устьысольском, Устюгском и Яренском уездах Вологодской губернии брак «самоходкой» не обнаружен и крайне редким он является в Тотемском уезде – всего одна запись от А. А. Жукова: «браки уходом или убёгом в данной местности чрезвычайно редки» [Тенишев 2007с: 199]. А в Вологодском и Грязовецком уездах, напротив, это частое явление. «Бывают браки уходом или убёгом и называются „самохотками“. В нынешний год в приходе Поченгском их было

⁷³ ФА СПбГУ, Кир1-3. Вологодская обл., Кирилловский р-н, Феропонтовский с/с, Красново, д. С. В. К., 1927 г. р., ур. д. Шульгино; зап. Гаазе Е. М., Кудина Е. О. 19.07.2003.

до пятнадцати», – сообщает корреспондент Я. О. Кузнецов [Тенишев 2007а: 364].

Практически все корреспонденты «Этнографического бюро» В. Н. Тенишева описывают браки «самоходкой» одинаково. Непременно отмечается, что родители не давали своего благословения на брак, далее следует рассказ о стговоре между молодыми и описание сложных манипуляций с приданым невесты. «По уговору с женихом, с невестой, последняя ранее выдаёт тайком, ночью, понемногу своё платье жениху, который приходит на посиденку, или перетаскает своё приданое к кому-либо из соседей (конечно, после согласия на молчание) или, навязавши узлы с одеждой, спрячет около дома и велит в условную ночь приехать за нею жениху с кем-либо из его знакомых» [Там же: 518, 519]; «приданое-то невеста и старается заранее выдать тайком жениху» [Там же: 576].

Описание того, как парень увозит девушку-самоходку к себе на лошади в сопровождении помощников тоже встречается достаточно часто. И все без исключения корреспонденты сообщают о том, что родители невесты бывают оскорблены таким поведением молодых и гnevаются долгое время: самое частое – упоминание периода в две недели. Они не участвуют в обеде в честь молодых да и вообще не являются в дом к жениху. Традиционного обмена подарками на свадьбу тоже не происходит. После истечения двух недель молодые идут просить прощения у родителей невесты и благословения, обязательно кланяются в ноги. Родители хоть и не сразу, но прощают, потом благословляют. В одном письме есть упоминание о том, что «сначала их и в дом не пустили, а потом, через некоторое время, помирились и стали гоститься» [Тенишев 2007б: 144, 145]. Таков ход обряда заключения брака «самоходкой» по материалам «Этнографического бюро».

Экспедиционные материалы ФА СПбГУ начала XXI века по Вологодской области дают аналогичную картину хода обряда. А обилие этих материалов показывает, что в первой половине XX века уже почти все наши информантки замуж выходили «самоходкой». Это происходило потому, что традиционная свадьба с венчанием в церкви стала невозможной: браки регистрировали в сельсовете, а обильное свадебное застолье, подарки и ритуалы начали считаться мещанским пере-

житком. Географическая территория, где собирался материал, — Белозерский, Вашкинский, Кирилловский и Кадуйский районы. Возраст информанток — от 60 до 90 лет; рассказывают они либо о себе, либо о своих сверстницах. Одни говорят, что было принято выходить замуж «самоходкой»: *«Ну а раньше возили так, уходили замуж самоходкой»*⁷⁴, а у других отношение негативное: *«А мама: „Зараза ты. Это такая ты. Что ты сделала? Еще не выучилась и вышла замуж. Самоходкой ушла, самоходкой ушла! Какой позор, какой позор!“»*⁷⁵.

Всякий переход из одного социального статуса в другой на символическом уровне совершается благодаря обряду перехода, разделяющемуся на три этапа [Геннеп 1999]. Первый шаг — выход из своей социальной группы. В случае брака «самоходкой» одним из условий, необходимых для начала обряда, является присутствие парня и девушки на «нейтральном», «ничьем» пространстве и в составе своих сообществ. Таким пространством является пространство *беседы* или престольного праздника. В каждой деревне и сейчас празднуют свой престольный праздник и на этот праздник сходятся со всех окрестных деревень, приезжают из городов. В советскую эпоху *беседа* заменилась клубом, хотя слово сохранило свое значение до сих пор: говорят «на беседу в клуб пойду».

Между парнем и девушкой мог существовать предварительный сговор о дне ухода замуж, впрочем, сговор мог состояться прямо на беседе, а мог и вовсе не случиться. И тогда говорят об уводе замуж силой, без согласия девушки, например:

*Я ещё незамужняя была, я девушкой была. Три года в армии тогда была служба, семь годов дома не бывал. Вот пришёл на побывку, была беседа на Палшемском, вот и познакомились. Он меня и полюбил, провожать пошёл, письма писал. И пришёл из армии, выхода никому не давал, ни с кем ни гулять, ни это не давал, с ножиком бегал, и с бритвой раз на гулянке, и вот. Сказал, что никому не дам, моя будешь. Вот до колодца дошли, в праздник, в Ильин день я вышла, в Ильин день. Вот поднял на руки да затащил-то толчками в избу. А свекровушка сидит на кухне, с места... и огня не засветила, и с места не встала. Вот так*⁷⁶.

Второй этап — собственно переход — совершается в буквальном, физическом смысле, причем девушка оказывается

⁷⁴ ФА СПбГУ, Кад1-3. Вологодская обл., Кадуйский р-н, Барановский с/с, Успенское, д. К. А. С., 1913 г. р., местная; зап. Борисова И. Ю., Туминас Д. К. 20.07.2003.

⁷⁵ ФА СПбГУ, Ваш1-27. Вологодская обл., Вашкинский р-н., Островский с/с, Остров, с. Д. Л. А., 1928 г. р., ур. д. Малая Чаготма; зап. Каретникова А. С., Мариничева Ю. Ю., Хотина С. В. 14.07.2003.

⁷⁶ ФА СПбГУ, Кир1-3. Вологодская обл., Кирилловский р-н, Феррапонтовский с/с, Красново, д. С. В. К., 1927 г. р., ур. д. Шульгино; зап. Гаазе Е. М., Кудина Е. О. 19.07.2003.

в пассивной роли переводимой, что совпадает с ее ролью в свадебном обряде. Но вот странно: скажут-то про нее — «вышла», в то время как он ее «привел», «затащил».

Следующим условием благополучного совершения обряда является договоренность между парнем и его родителями о том, что он вечером приведет *самоходку*.

Вот, например, парень с дивчиной, и, значит, это дома предупредишь, что «Мама, я сегодня приведу самоходку», сама, значит, не какая-нибудь, а самая самоходкой называется, ну как расшифровать, сама уходит, да?»⁷⁷

Тогда родители парня к событию готовились, собирали стол, девушку угощали, поили чаем.

Приехали домой, что дядюшка зашёл, что «мы привели самоходку, бабки». Ну, привели самоходку, дак, бабка что: «Заходи, матушка. Заходи». Ноги мне тряпкой снег опახала, «проходи в переднюю, переодевайся». Самовар налила. Тут сошёл, этот, дядя, дак, сказал, что Ванька жонилси. Ну, Ванька жонилси, дак...»⁷⁸

Могли и холодно встретить, как это видно в одном из предыдущих примеров.

Девушка иногда предупреждала своих родных о том, что вечером не вернется, выйдет замуж.

Пришёл на беседу, с беседы ушли и всё. Матери сказала своей, что уйду, она знала»⁷⁹.

Но чаще родители узнавали, что их дочь вышла замуж, только по тому факту, что она не вернулась с беседы.

Сегодня вечером ушла, а завтра день, дак вся деревня знает! Все девки пошли, а меня не отпустил дак. Все знают, что я ушла! Так взяли, самоходкой»⁸⁰.

В тот вечер, когда девушка ушла *самоходкой*, родственники могли поехать за ней и вернуть ее, тогда считалось, что «парень ей ничего не сделал», она возвращалась домой, во-первых, и, во-вторых, в свой социальный статус незамужней девушки.

А самоходками дак увозили, увезут вот самоходкой, а батька с маткой поедут да отберут невесту-то. И всяко было. Вот у нас дядя с Горки, ну ещё за Еремеево там, дак высватали, а батька с маткой приехали отбирать, дак увезли»⁸¹.

Однако такой поворот событий был редкостью. Для того чтобы брак «самоходкой» состоялся, девушка должна провести в доме парня по крайней мере одну ночь. Пересече-

⁷⁷ ФА СПбГУ, Кад1-3. Вологодская обл., Каду́йский р-н, Барановский с/с, Успенское, д. К. А. С., 1913 г. р., местная; зап. Борисова И. Ю., Туминас Д. К. 20.07.2003.

⁷⁸ ФА СПбГУ, Ваш1-20. Вологодская обл., Вашкинский р-н, Островский с/с, Трошино, д. А. Е. А., 1927 г. р., ур. д. Филимоново; зап. Каретникова А. С. 23.07.2003.

⁷⁹ ФА СПбГУ Кад1-28. Вологодская обл., Каду́йский р-н. Барановский с/с, Сосновка, д. К. А. Г., 1920 г. р., ур. д. Ларионовская; зап. Самойлова Е. Е., Горлова Е. В. 06.07.2003.

⁸⁰ ФА СПбГУ Кад1-29. Вологодская обл., Каду́йский р-н, Барановский с/с., Шигодские, д. М. М. К., 1913 г. р., ур. д. Порог; зап. Горлова Е. В., Туминас Д. К., Самойлова Е. Е., Борисова И. Ю. 11.07.2003.

⁸¹ ФА СПбГУ Кад1-32. Вологодская обл., Каду́йский р-н, Барановский с/с, Алеканово, д. М. О. М., 1927 г. р., ур. д. Алеканово; зап. Самойлова Е. Е., Горлова Е. В. 22.07.2003.

ние пространственной, информационной и временной границ обеспечивало закрепление нового статуса замужней.

Дальше в течение двух недель она живет у парня в доме, садится за стол вместе с его семьей, ходит на работу от него и возвращается опять к нему домой.

<А в чём девушка замуж уходит? И что носит потом?> А я в каком на беседу вышла, в таком и пошла. <А потом вы в этом же ходили?> Нет, потом-то неделя в этом же ходила, в этом, неделя-то прошла, к маме-то сошла, дак переделалась⁸².

Это этап включения молодоженов в новые для них сообщества замужних/женатых, невестки — в семью мужа, этап завязывания новых связей и формирования основы для будущих отношений. Но пока конфликт с родителями молодой остается, рано говорить об окончании обряда. Поэтому спустя несколько дней, много — одну-две недели, новобрачные приходят к родителям молодой на мировую, просят прощения, забирают приданое, если оно имелось. На мировой могло состояться благословение молодых иконой.

<Так она перед беседой вас благословляла?> Нет, я вышла замуж и поехала с ним домой, тогда меня она благословляла⁸³.

На мировой договаривались о том, будут или не будут устраивать застолье для всей семьи.

А потом всё наладится. Они идут, когда она уйдёт самоходкой-то, идут, милая, на второй день или на третий с поклонами к родителям. Например, меня увели, дак я иду с женихом со своим, разрешения спрашиваю. И прощают тут, и угощают. А я жениха привела домой, да и всё. Прощают всегда. Как же не простить? Они же живут потом нормально, так же, как и все⁸⁴.

Этот способ выйти замуж или взять в жены в первой половине XX века и позже оказывался весьма распространенным, подчас единственно возможным, если не считать «комсомольских свадеб», активно внедряемых советской пропагандой. Поэтому слова о том, что живут дальше «так же, как и все», относятся, скорее, к постулируемой норме, чем к обычной практике: все как раз так и делают, имея в качестве не реализованного образца традиционную свадьбу из детских воспоминаний, затем — из рассказов старших, а после — из разыгрываемых в клубе, на сцене и в костюмах по сценарию

⁸² ФА СПбГУ Ваш1-55. Вологодская обл., Вашкинский р-н, Васильевский с/с, Пиньшино, д. Ф. Т. П. 1923 г. р., ур. д. Глухареву; зап. Горшкова Е. П., Богданович Е. В. 10.07.2004.

⁸³ ФА СПбГУ Кад1-28. Вологодская обл., Кадуйский р-н, Барановский с/с, Сосновка, д. К. А. Г., 1920 г. р., ур. д. Ларионовская; зап. Самойлова Е. Е., Горлова Е. В. 06.07.2003.

⁸⁴ ФА СПбГУ Бел26-127. Вологодская обл., Белозерский р-н, Панинский с/с, Зарецкая, д. К. М. П., 1918 г. р., местная; зап. Каретникова А. С., Кудина Е. О. 19.07.2002.

отдельных эпизодов традиционного свадебного обряда, сакральным хранителем знания о котором является заведующая клубом приезжая выпускница института культуры.

Примечательно в этой связи наблюдение за контаминацией двух речевых формул [Остин 1999], обнаруженной в одном из интервью: совмещены фразы «я беру в жены...» и «выйти замуж самоходкой».

Ну, пришел: «Тётка Анна, я беру в самоходки!» – «Так ты не мне говори. Захочет она – с ней говори». А чё, она согласна, они договорились⁸⁵.

Слово «самоходка» в советскую эпоху стало почти синонимом слова «жена», освободилось от негативной окраски и приобрело оттенок чуть ли не героический, с идеей независимости, благодаря корню.

Но и в XIX веке бывали случаи, когда невозможно было сыграть свадьбу, потому что венчание в церкви, например, не признается в среде старообрядцев или есть препятствия для свадьбы⁸⁶. И тогда молодые люди обращались к альтернативной форме заключения брака – к браку «самоходкой». В рассказе С. В. Максимова о происходившем в 1884 году в г. Каргополе браке «убёгом» дано любопытное описание этого обряда. Событие это произошло на Троицкой неделе, или, как ее еще называют, на *зеленых святках*. В это время в город со всей округи приходят люди, во-первых, чтобы посетить храм на Троицу и, во-вторых, на ярмарку невест. И вдруг мимо центральной площади, на которой в это воскресенье собралось много народа, проносится телега, запряженная парой лошадей, а в телеге два парня и две девушки. После этого на площади раздаются причитания матери, которая ругает свою дочь, вышедшую замуж без ее разрешения, и брань отца. Через некоторое время все стихает. И вот какой комментарий дает повествователь: «Случилось, собственно, довольно обычное в олонецком краю дело – затеялась свадьба-самокрутка, свадьба „убёгом“, как говорят олончане. В этот день разыгралась, впрочем, не одна такая, а целых пять с такими же криками, при той же обстановке и чуть-чуть не с такими же подробностями, как две вчера вечером и как эта, описанная, первая сегодняшняя. В глазах праздных свидетелей все остальные потеряли всякий интерес. Для нас, впрочем, очень важно то, что в 1884 году в

⁸⁵ ФА СПбГУ Кад1-27. Вологодская обл., Кадуйский р-н, Барановский с/с, Алёканово, д. И. З. А., 1934 г. р., ур. д. Еремеево; зап. Самойлова Е. Е., Горлова Е. В. 20.07.2003.

⁸⁶ О подобном способе заключить брак в старообрядческой среде подробнее см. [Макашина 1978: 141].

яве и в лицах совершаются те самые обычаи „умыкания невест“, о которых свидетельствует первоначальная летопись и на которые сетует преподобный Нестор в XII веке, как на грубый остаток поганых языческих обыкновений и, именно у тех славян, которые жили в лесах. „У древлян, — пишет он, — брака не бываше, но умыкаху у воды девицы“. К тому же, следует заметить, что в нынешние времена такой способ приобретения жён начинает более усиливаться и распространяться, и, конечно, в весеннее время, как наиболее выгодное и вдохновляющее» [Максимов 1884].

С. В. Максимов соотносит напрямую обряд брака «убёгом» с древнейшим способом заключения брака, ссылаясь, впрочем, как и большинство ученых, интересовавшихся этим вопросом, на «Повесть временных лет». Однако есть различие между «некультурным», по мнению летописца, поведением древлян и поведением олонецких или вологодских молодых людей во второй половине XIX века, потому что вторые имеют возможность выбрать и тот сценарий свадьбы, который мы, собиратели, называем «традиционным». Две формы заключения брачного союза в XIX веке сосуществуют одновременно и на одной и той же территории. Выбор брака «самоходкой» закономерен в старообрядческой среде, а подчас продиктован и чисто экономическими соображениями: нежеланием семей тратить на пышную свадьбу. Иногда к этой форме прибегают по причине несогласия родителей невесты на брак или угрозы нежелательного брака.

Историческую перспективу развития русского свадебного обряда дает А. И. Козаченко в статье «К истории великорусского свадебного обряда» [Козаченко 1957]. Он полагает, что в период разложения первобытнообщинного строя на Руси, который был в VI–VII веках, у славян существовала патриархальная семья, которой была свойственна полигамия, но с переходом к моногамии. С принятием христианства на Руси постепенно устанавливается обязательность моногамии и церковного брака. Церковный брак был нововведением, и достаточно долгое время люди им пренебрегали. Аргументом является тот факт, что «Иоанн упрекает простой народ („простых и невежд“) в том, что они обходятся без церковного брака, продолжая сохранять обычай умыкания — „без церкви Божией, без благословения творят свадьбу, так называемую тайное поимание“» [Там же: 59].

По мнению А. И. Козаченко, традиционный свадебный обряд полностью сложился лишь к середине XIV века и таким был закреплён в «Домострое». Иного мнения придерживается Я. Н. Шапов, утверждающий, что традиционный свадебный обряд окончательно вытеснил брак умыканием уже к середине XI века [Шапов 1970]. Как бы то ни было, ко времени появления первых этнографических исследований народных обычаев России все браки оформлялись записью в церковных книгах, а сожителство без венчания считалось грехом и осуждалось церковью. Противостояние двух брачных обрядов как «правильного» и «неправильного», их взаимовлияние и взаимопроникновение показательны. В браке «убёгом», если он происходил не в старообрядческой среде, тайное венчание в церкви стало обязательным этапом обряда. А в традиционном обряде то и дело проступают символические черты более древней кражи невесты (перегораживание дороги свадебному поезду, охотничьи метафоры невесты как добычи в свадебных песнях и др.).

Итак, острота переживаний, сопровождающих брак «убёгом» или «самоходкой», оправдана вступлением на чужую территорию, попранием прав старших давать разрешение на брак младших. Менее остро переживаются события, если они происходят по предварительной договоренности между всеми участниками и лишь с целью сократить расходы на свадьбу, потому что фактически согласие на брак молодые получают, только оно не оформлено ритуально. А вот необходимость спустя две недели публично просить прощения у родителей невесты, кланяться в ноги, чтобы получить благословение на уже совершившийся брак, следует из общего для всех участников понимания события: обида была нанесена. Метафора брака как торговой сделки сталкивается с метафорой брака как кражи (ср. у Даля «краденая свадьба») или охоты. Социальная группа старших обокрадена молодыми, и для восстановления равновесия требует восполнения ущерба.

Брачный ритуал не только обеспечивает переход из одной социальной группы в другую, но и точнейшим образом выстраивает равновесные отношения между двумя породнившимися семьями в сфере экономического и символического капиталов [Бурдые 2001: 36]. Например, родители невесты хотели бы выдать дочь замуж за богатого хозяина, желатель-

но — за единственного наследника, а вынуждены мириться с тем, что зять их из бедной или многодетной семьи. И если бы не мировая, то они оказались бы безнадежно проигравшими. Но этого не происходит, потому что дочь они замуж все-таки выдают, а в расходах на свадьбу могут участия не принимать. В одном из рассказов корреспондентов «Этнографического бюро» дочь убеждает родителей не препятствовать ей уйти к парню таким образом: «Когда отец и мать нашли ее, то стали звать ее домой — она не шла; ее хотели заставить идти силой — она упиралась. Наконец, стали ее бить — она ничему не повиновалась, а кланялась отцу и матери в ноги, прося их простить ее проступок и согласиться на брак, говоря: „Я теперь опорочена этим поступком, а потому меня уже никто больше не возьмет замуж“» [Тенишев 2007b: 144, 145]. Социальное неравенство или вражда семей, дети из которых желают вступить в брак, диктует последним выбрать конфликтный, «неправильный» путь. Николай Попов — еще один из корреспондентов «Этнографического бюро» — объясняет редкость неравных браков так: «Что касается браков лиц неравных по своему общественному и имущественному положению, то также весьма не часто, больше идут ровня к ровне. К обстоятельствам, которые служат препятствием для заключения браков между богатыми и бедными, прежде всего и главным образом относится боязнь первых потерять уважение и почитание соседей; нежелание породниться с худым домом, а также тягота от новой бедной родни — необходимость им помогать, поддерживать во всяком деле» [Тенишев 2007a: 408]. При браке «самоходкой» богатые родители молодой избавлены от необходимости поддерживать родственные отношения с семьей своего зятя и его родней, а о дочери они могут заботиться по-прежнему, потому не лишают ее наследства. Да, потратиться на богатую свадьбу, может быть, гораздо выгоднее, чем сэкономить, потому что это возможность пополнить свой символический капитал, но в некоторых случаях не менее выгодно позволить совершиться браку и при этом избежать ответственности, накладываемой новыми родственными связями.

Просьба о прощении, мировая — способ разрешить конфликт между детьми и родителями, восстановить пошатнувшееся социальное равновесие и обязательный этап брака «самоходкой». Внутри этой формы брака есть еще одно ме-

сто для потенциального конфликта, но теперь уже между девушкой и парнем, как в следующем интервью:

Была Троица. Было у меня женихов здесь: на Марекке один, в Шубаче другой, в Вашпане третий, в Липином Бору четвертый, в Роксеме пятый. Ну, они собрались как раз в один круг на Троицу. А куда удирать? А мама мне купила такой белоснежный плащ, беленький, фирменный... всё. Родители мне разрешали, там, многое чего. Я одна, считай, была. Иду, а они взяли меня и обрызгали. Топнули и всю облили грязью. Отомстили мне. <За что?> За то, что их много, а я одна. Ну и ладно. Мы с сестрой... стоим, замыкаемся в озере. Я грю: «Ой, мама теперь отлупит меня, плащ-то новый». Сзади стоит какой-то мужик, грит: «Ничего не будет. Сегодня тебя мать не будет ругать». Я грю: «А тебе-то какое дело?» Дальше помылись, и мы с сестрой пошли. Он сзади путешествует. Шли-шли. До Васютино дошли. Там дом, первый дом, вот, там никто не живёт. Это моя тётка жила, и теперь другой дом сразу от <нрзб.> идти. Напротив, голубой-то. Ну, говорит, зайдём, сейчас высушим хоть плащ-то, да это самое, да утром домой пойдёшь. А то в каком виде пойдёшь. А я этого типа видела один раз. Смотрю на него — NN, я его видела на выпускном вечере его, это самое, в армии был, дали увольнительную. И он у нас на баяне хорошо играет. И он играл на баяне у нас на вечере. Я его всего лишь раз и видела его там. И две учительницы у нас, драка из-за него была, он очень красивый, интересный был. Короче говоря, он меня уговорил. Я и зашла по-соседски. А там уже ждали. Матка. Он уже решил жениться на мне. Тётка ждали уже все это там. Стол был накрыт. Мне стаканчик водки влили. Для меня стакан было это уже слишком много. Я утром просыпаюсь — какой-то мужик на полу валяется. Я на кровати сплю. Я оделась да и пошлёпала домой. Меня ж никто не трогал, чего мне волноваться. Я только выхожу, а тётки уже разнесли везде, что N вышла замуж. Я только выхожу, тётка мне навстречу летит с таким скандалом. «Ах ты, сучка, ах, ты сволочь, да что ты натворила-то!» Обозвали по-всякому. Так я и вышла замуж⁸⁷.

Брак обманом становится возможен из-за существования в практике социальных отношений формы брака «самоходкой», и если не все участники осведомлены о его правилах,

⁸⁷ ФА СПбГУ, Ваш1-22. Вологодская обл., Вашкинский р-н, Роксомский с/с, Мян-да, д., Иванова С. С., 1940 г. р., местная; зап. Алимова О. И., Самойлова Е. Е., Веселова И. С. 13.07.2002.

то это не избавляет их от ответственности за последствия. История С. С. Ивановой закончилась более или менее благополучно: после трех месяцев скандалов и ссор девушка вернулась к родителям, а парень уехал из деревни, конфликт таким образом разрешился. Но любопытно, что во второй половине XX века в Вологодской области брак «самоходкой» — настолько обычное явление, что разыгрывание его сценария способно провести по пути смены социального статуса человека, по наивности не подозревающего о происходящем.

* * *

Брачный сценарий, понимаемый в метафоре охоты, находит свое отражение во множестве фольклорных жанров и в поведенческих моделях⁸⁸. Одним из текстов, смысл которого проясняется благодаря сопоставлению его с описанием брака «самоходкой», оказался текст старинной севернорусской баллады «Дмитрий и Домна». Неразрешимость конфликта отдается фольклорному жанру баллады и проживается в пении и слушании, в сопереживании героям баллад. Жанр предоставляет возможность соприкоснуться со страшным сценарием, пережить катарсис и освободиться от сложного чувства неопределенности («что было бы, если...»).

Большинство записей этой баллады было сделано собирателями на территории Русского Севера, а именно: по берегам Белого моря, рек Онега, Пинега, Северная Двина, Мезень и Печора, вокруг Онежского озера. Есть также два варианта, записанных П. В. Киреевским и А. А. Титовым в Симбирской губернии во второй половине XIX века. Основная волна собирания баллады о Дмитриии и Домне падает на рубеж XIX—XX веков, причем А. Д. Григорьев пишет о необычайной распространенности этого сюжета в Поморье и на Пинеге — практически каждая женщина знала и пела эту *старину*, но эта баллада принадлежала исключительно к женскому репертуару. Последняя опубликованная запись баллады была сделана в 1985 году в деревне Немнюга Пинежского р-на Архангельской области. [Современная баллада и жестокий романс 1996: № 254].

Балладу «Дмитрий и Домна» отличает узорность и достаточно четкая ограниченность территории распространения. Д. М. Балашов, исследовавший время и место возникновения

⁸⁸ См. в наст. изд.: *Веселова И. С.* «Повседневные и символические практики: правила метафорического переноса. Охотники и добыча» С. 31–56.

этого балладного сюжета, выделяет две версии баллады о Дмитрие и Домне: с убийством Домны в финале (древнейшая, по мнению Д. М. Балашова) и с самоубийством (позднейшая переработка первой версии) [Балашов 1959]. Территорией зарождения древнейшей версии исследователь считает Великий Новгород конца XIV – XV века, то есть последние века независимости Новгорода. «Что же касается распространения сюжета „Домны“ к северу от Новгорода, то характерно, что оно в точности отвечает пути именно новгородской и именно боярской колонизации (т. е. колонизации собственно новгородской, при которой промысловые отряды снабжались и направлялись крупным новгородским боярством), нигде не выпадая из этого пути: это Заонежье и берега Белого моря начиная от Поморского берега. Пути шли по Онежскому озеру, и новгородские ловецкие поселки располагались на Поморском берегу, распространяясь отсюда на Летний и Карельский берега, а с Карельского – на Терское побережье» [Там же: 87]. Родиной второй версии баллады Д. М. Балашов считает нижнюю Двину, «в месте столкновения новгородского и московского колонизационных потоков» [Там же: 95]. Переработка баллады, по всей видимости, произошла под воздействием былины о Даниле Ловчанине, в которой жена Данилы кончает самоубийством, чтобы не попасть в руки князя Владимира. Эта былина была известна москвичам, пришедшим на нижнюю Двину, и послужила источником новой версии баллады «Дмитрий и Домна». А с нижней Двины, поскольку эта новая версия оказалась весьма продуктивной, она распространилась на Пинегу и дальше вокруг Архангельска по побережьям Белого моря [Там же].

Сюжетная линия баллады складывается так: Дмитрий неотступно сватается к Домне «по три лета, по три зимы», «на четвертый год только свадьбы быть». Он отправляется в церковь «ко честной заутрене», идет мимо Домнина окна. Домна, увидав Дмитрия в окно, начинает его всячески поносить и высмеивать его внешность. Дмитрий так или иначе узнает об этом и либо отправляет послов к Домне с приглашением, либо обращается к своей сестре, чтобы она созвала к себе домой подружек и Домну или только Домну и сказала бы, что его, Дмитрия, дома нет. Сестра трижды зовет Домну к себе в гости, на третий раз та соглашается и собирается в гости, не обращая внимания на предостережения матери,

которой ночью снился сон, предвещающий беду (впрочем, мотив вещего сна для этой баллады не является обязательным). Девушка, не послушав совета матери, уходит «на широкий двор, на почестный пир» со словами: «Ай же ты родна моя матушка! Если спустишь – пойду, и не спустишь – пойду». Домна приходит на беседу в дом к подруге и встречается там Дмитрия, который ее угощает и либо, наказывая Домну за хулительные речи, забивает ее плетью до смерти, либо предлагает ехать венчаться в церковь, на что Домна якобы соглашается, но просит отпустить ее за благословением. Дмитрий позволяет Домне отлучиться, она приходит на могилку отца или в чистое поле, где и закалывается. В некоторых вариантах баллады Дмитрий, увидев тело своей невесты, тоже кончает жизнь самоубийством. Пинежская редакция баллады отличается одним существенным моментом: Домну трижды зовут на беседу, она трижды отказывается, и тогда ее мать вместо предостережения советует Домне идти на беседу, а иногда даже настаивает на этом. Тогда Домна идет, но сразу берет с собой ножички.

Обилие формул свадебной лирики – корильных и величальных песен, свадебного причета с мотивом вещего сна, свадебных песен, в которых брак осмыслен в метафорах охоты, – настраивает на понимание конфликта баллады как свадебного, хотя сюжет баллады – это сюжет мести парня девушке за оскорбления. Ключевое действие мести – обман: сестра Дмитрия убеждает Домну прийти на беседу к ней, так как:

*У ней Митрея братца его дома нет,
Его дома нет да не случилось,
Не случилось да не пригодилось.
Ушол Митрий братец за охотамы,
За охотамы, за куницамы,
За куницамы, за лисицями,
За черныма соболями да сибирскимя,
Он стрелеть-палить да гусей-лебедей,
По воды гонеть да серых утушек⁸⁹.*

А в доме девушку встречает сам охуленный жених, и обманом разыгрывается сценарий брака «самоходкой» или «самокруткой» для Домны, отказывавшей Дмитрию при его традиционном сватовстве. Совпадения сюжета баллады и последней истории об обманном браке очевидны. В бал-

⁸⁹ [Астахова 1951: № 225]. Записана баллада от Авдотьи Антоновны Петуховой в 1932 г. в д. Нюхча Беломорского района.

ладе этот конфликтный сценарий доведен до трагического финала, он и не может по-другому разрешиться в рамках балладного жанра. Существует закономерность фольклорного нарратива: «О том, что нарративы, регулирующие бытовое поведение, имеют статус сообщения, свидетельствует, как кажется, и такая давно замеченная фольклористами особенность: правовые установления даны в них часто в перевернутом, инвертированном виде. Примером могут служить многочисленные рассказы о том, какая кара постигла человека, обидевшего огонь (притом, что почитание огня являлось непреложным законом), или об инцесте родоначальников (притом, что в самом коллективе такие браки строжайше запрещались). Во всех этих и многих других случаях социальные установления изображаются сначала „нарушенными“ и потому ведущими к конфликтам, которые и создают сюжет рассказа» [Новик 1984: 274]. Принцип инверсии реализуется и в сюжете баллады. В развитии сюжета происходит нарушение существующего социального порядка, а слушающие узнают о том, что нормально, а что нет. Таким образом, баллада дает понять современные ей нормативные установки и правила поведения, более того, вероятно, она призвана эти правила регулировать. Но нарушением правила оказывается вовсе не брак без сватовства и традиционных свадебных церемоний, а обман, заставляющий девушку принять на себя роль самостоятельно идущей там, где она хотела бы быть вдовой.

Литература

Адоньева 2002 — *Адоньева С. Б.* Частушечный агон // Язык — Гендер — Традиция. СПб., 2002. С. 5–12.

Астахова 1951 — *Астахова А. М.* Былины Севера. М.; Л, 1951. Т. 2.

Балашов 1959 — *Балашов Д. М.* «Князь Дмитрий и его невеста Домна» (к вопросу о происхождении и жанровом своеобразии баллады) // Русский фольклор. Материалы и исследования. М., 1959. С. 80–99. Вып. 4.

Бурдые 2001 — *Бурдые П.* Практический смысл. СПб., 2001.

Геннеп 1999 — *Геннеп А., Ван.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999.

Даль 1956 – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1956. Т. 4.

Козаченко 1957 – *Козаченко А. И.* К истории великорусского свадебного обряда // Советская Этнография. 1957. № 1. С. 57–71.

Макашина 1978 – *Макашина Т. С.* Свадебный обряд русского населения Латгалии // Русский народный свадебный обряд (исследования и материалы). Л., 1978. С. 138–159.

Максимов 1884 – *Максимов С. В.* Семиць и самокрутка // Новости и биржевая газета. 1884. 24 мая (5 июня).

Новик 1984 – *Новик Е. С.* Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. (Опыт сопоставления структур). М., 1984.

Остин 1999 – *Остин Д.* Как производить действия при помощи слов // Остин Д. Избранное. М., 1999. С. 13–135.

Современная баллада и жестокий романс 1996 – Современная баллада и жестокий романс. СПб., 1996.

Тенишев 2007a – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губерния. Часть 1. Вельский и Вологодский уезды. СПб., 2007.

Тенишев 2007b – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губерния. Часть 2. Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб., 2007.

Тенишев 2007c – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губерния. Часть 4. Тотемский, Устьысольский, Устюгский и Яренский уезды. СПб., 2007.

Фасмер 2007 – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 2007. Т. 3.

Щапов 1970 – *Щапов Я. Н.* Брак и семья в Древней Руси // Вопросы истории. 1970. № 10. С. 216–219.

Воспитательная функция колыбельных песен: исследовательская традиция и культурный контекст

Софья Олеговна Куприянова

Определение воспитательной направленности колыбельных песен стало общим местом исследовательской традиции. Воспитательная функция жанра не была предметом исследования, поскольку вопрос о функции колыбельных представлялся очевидным. История этого вопроса в отечественной научной и культурной традиции и составляет предмет настоящей статьи.

Если обратиться к истории изучения колыбельных, можно заметить, что восприятие колыбельных «как средства народного воспитания» появляется в определенном культурно-историческом контексте. А также и интерес к жанру возникает в период времени, когда категория воспитания предполагает вполне определенный смысл (а именно в последней трети XIX века).

Если мы обратимся к словарям, отражающим языковую ситуацию XVIII–XX веков, то увидим, что содержание, вкладываемое в понятие «воспитание», не было устойчивым. Попытавшись проследить, что вкладывалось и вкладывается в значение слова «воспитание», мы обнаружим, что оно представляет собой культурный концепт⁹⁰, а не понятие: его значение менялось, и эти изменения были идеологически значимы.

«Словарь русского языка XVIII века» фиксирует два основных значения глагола «воспитать». Первое значение относится к заботе о физическом аспекте: «Вырастить, вскормить (грудного младенца)» [СРЯ 1988: 85]. Второе значение отражает заботу о нравственном состоянии воспитуемого: «Вырастить ребенка в определенных жизнен-

⁹⁰ По определению Ю. С. Степанова, концепт, в отличие от понятия, включает «“пучок” представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово. Концепт – описание типичной ситуации культуры» [Степанов 2007: 19]. То есть в концепте находит отражение культурная и идеологическая ситуация.

ных условиях, обстановке, в определенных нравственных правилах» [СРЯ 1988: 85].

В «Словаре церковнославянского и русского языка» (воспроизводящем издание 1847 года) находим три значения слова «воспитывать». На первом месте – «вскармливать (детей)», на втором – «стараться о научении и образовании», и третье значение – «возращать, воспитывать (растения)» [СЦРЯ 2001: I, 163].

«Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля (воспроизводящий издание 1880 года) отражает следующие значения: «воспитывать – заботиться о вещественных и нравственных потребностях малолетнего, до возраста его; в низшем знач. вскармливать, возращать (о растении), кормить и одевать до возраста; в высшем знач. научать, наставлять, обучать всему, что для жизни нужно» [Даль 1935: 254].

Как мы видим, на первый план, как в «Словаре русского языка XVIII века» и в словаре «Словаре церковнославянского и русского языка», составленном в середине XIX века, выходит восприятие «воспитания» как заботы о физическом «взрачивании» младенца.

«Толковый словарь» под редакцией Д. Н. Ушакова, вышедший в 1937 году и отражающий языковую ситуацию 20–30-х годов XX века, на первое место помещает отнюдь не заботу о физическом воспитании, а «воздействие на развитие кого–чего-н.» [Ушаков 1994: 91]. Второе значение на первый взгляд совпадает с определениями словарей русского языка XVIII и XIX веков: «воспитанием сделать, образовать» [Там же]. Однако разница в этом значении становится заметной, если обратить внимание на примеры контекстного употребления слова. Так, в «Словаре церковнославянского и русского языка» XIX века иллюстрацией «образования, воспитания» служит следующий пример: «Воспитывать детей в правилах веры и благочестия – есть главный долг родителей» [СЦРЯ 2001: I, 163]. А в словаре Д. Н. Ушакова «образование» иллюстрируется цитатой из В. Ленина: «Вы должны воспитать из себя коммунистов» [Ушаков 1994: 91]. Переменной оказывается идеологическая составляющая, с изменением политической и культурной ситуации меняются идеалы «от веры и благочестия» к «коммунистическому будущему», но понимание «воспитания» как направленного воздействия остается.

В статье «Воспитание», помещенной в «Большой советской энциклопедии», главное внимание уделяется воспитанию как формированию личности: «Процесс целенаправленного, систематического формирования личности в целях подготовки ее к активному участию в общественной, производственной и культурной жизни... Формирование нового человека, строителя коммунистического общества, — главная цель коммунистического воспитания, которое предполагает выработку научно-материалистического мировоззрения, превращение норм коммунистической морали в личные убеждения и правила повседневного поведения... Всестороннее развитие личности, сочетающей духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство, становится реальным благодаря равным возможностям, которые предоставляются каждому члену социалистического общества» [БСЭ 1971: V, 235].

«Формирование» личности путем «воздействия» на физическую и нравственную стороны фиксируется как основное значение в словарях второй половины XX века: «путем систематического воздействия, влияния сформировать характер» [МАС 1981: I, 232]; «планомерное воздействие на умственное и физическое развитие детей, формирование их морального облика привитием им необходимых правил поведения» [ССРЛЯ 1991: II, 351]; «растить (ребенка, детей), воздействуя на умственное и физическое развитие, формируя характер, моральный облик, прививая необходимые правила поведения» [БАС 2005: III, 230]; «вырастить (ребенка), воздействуя на духовное и физическое развитие, дав образование, обучив правилам поведения» [Ожегов 2004: 345].

С течением времени, как мы видим, на первый план выходит идея передачи навыков психологического и социального свойства, а не забота о теле. Представляется, что такое смещение фокуса с понимания «воспитания» как заботы о физическом развитии к восприятию воспитания как формирования «нового человека — строителя коммунизма», обусловлено культурным и идеологическим контекстом. Н. К. Крупская в статьях «Женщина и воспитание детей» (1899), «К вопросу о коммунистическом воспитании молодежи» (1922), «Проблема коммунистического воспитания» (1924) высказывает мнение о том, что «правильное» воспитание — это, прежде

всего, дело общества, то есть власти, а не семьи. Женщина, по утверждению Крупской, не знает, как правильно воспитывать детей: «Итак, мы видим, что в большинстве случаев женщина-работница поставлена в полную невозможность разумно воспитывать своих детей. Она совершенно не подготовлена к роли воспитательницы: она не знает, что вредно, что полезно ребенку, не знает, чему и как учить его» [Крупская 1988: 16]. Правильное воспитание оказывается в компетенции новой власти: «...в октябре 1917 г. трудящиеся взяли в руки власть, они получили возможность воспитывать подрастающее поколение так, как они считают это нужным» [Там же: 78].

Функция воспитания оказывается в компетенции власти, а не семьи, родителей.

Возникновение интереса к жанрам детского фольклора и, в частности, к колыбельным песням обусловлено культурным и историческим контекстом. К. А. Богданов, исследуя понятие «народность», цитирует высказывание М. К. Азадовского о том, что «развитие фольклористики в несравнимо большей степени, чем история других научных дисциплин, демонстрирует взаимосвязь политической практики, общественных утопий и научной теории». [Богданов 2006: 145]. Это справедливо и по отношению к жанру колыбельных песен, поскольку изначально интерес к колыбельным был обусловлен восприятием жанра как «средства народной педагогики». Для того, чтобы приблизиться к пониманию идеологемы «народности воспитания» и «народной педагогики», обратимся к работе исследователя детского фольклора М. Н. Мельникова [Мельников 1970]. В разделе, посвященном истории исследования жанра, автор подробно освещает историю педагогического движения последней четверти XIX века. Его значимыми историческими вехами было учреждение Петербургского педагогического собрания в 1859 году, а также реформы образования 1860-х годов в начальной гимназической и высшей школе. С конца 50-х и на протяжении 60-х годов XIX века выходят журналы «Воспитание» (изд. А. А. Чумиков), «Журнал для воспитания» (изд. П. Г. Редкин), журнал «Учитель» (изд. И. И. Паульсон). В задачи журналов входило исследование вопросов, связанных с воспитанием и обучением. Одним из участников и идеологов общественно-педагогического движения был

К. Д. Ушинский, автор концепции «народности в воспитании», не потерявшей своей популярности на протяжении всего XX века, о чем свидетельствуют исследования последних лет, посвященные анализу этой концепции [Гвоздецкий 2010]. В 1856 году выходит статья К. Д. Ушинского «О народности в общественном воспитании». Пафос статьи заключен в том, что невозможно просто позаимствовать у другого народа систему воспитания и образования: «воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях» [Ушинский 1856]. В идее о воспитании и образовании лежит мысль (унаследованная еще из педагогических сочинений Ж.-Ж. Руссо [Руссо 1981]) о разделении на природное и культурное («духовное» — по выражению К. Д. Ушинского). Если природное заложено в человеке изначально, то культурное вырабатывается посредством воспитания и культурных обстоятельств.

Итак, воспитательная функция колыбельных и восприятие колыбельных как средства народной педагогики имеет корни в концепции «народной педагогики», которая в России складывается к 60-м годам XIX века. Обратимся к исследованиям жанра колыбельных песен, опирающимся на эту концепцию.

Первая работа, посвященная исследованию жанра, принадлежит А. Ветухову [Ветухов 1892]. Он предлагает классификацию колыбельных на «мотивы, посвященные исключительно ребенку»⁹¹, «песни со значительным лирическим элементом»⁹², «песни на исторической подкладке»⁹³. Несмотря на то, что такая классификация не представляется хоть сколько-нибудь удовлетворительной с точки зрения систематики, эта работа важна для нас, поскольку в ней впервые высказана мысль о том, что колыбельные выражают внутренний мир исполнителя. В работе А. Ветухова были определены два подхода к колыбельным: с одной стороны, колыбельные — выражение внутреннего мира матери, а с другой — средство народного воспитания [Ветухов 1892: 113]. Мысль о том, что колыбельные — выражение внутреннего мира матери, развития не получила, зато воспитательная функция фиксировалась как основная на протяжении всей истории исследования этого жанра.

⁹¹ К этому разделу автор относит песни, описывающие «мир животных» (кот, голуби, куры, воробей, козел, кукушка и т. д.) и «неодушевленные и отвлеченные предметы» (колыбель, сон) [Ветухов 1892: 144].

⁹² Раздел предваряет следующий комментарий автора: «здесь мы от знакомства с внешним миром и бытом творца колыбельных песен переходим в область его внутреннего мира». [Там же: 129]. В этот раздел включены следующие песни: 1) пожелания здоровья и счастья (например, мотивы «будешь в золоте ходить»); 2) радостные и грустные мечты матери [Там же: 130].

⁹³ Сюда автор относит мотивы «воспоминания о татарах» и песни о «крепостном праве» [Там же: 139].

Для подтверждения того, что мнение А. Ветухова о воспитательной роли матери – это, прежде всего, идеологический штамп, приведем высказывание Н. Румянцева из статьи «Н. И. Пирогов. Его взгляды на природу детей и задачи воспитания»: «...лучшей воспитательницей является женщина, которая, по мнению Пирогова, и должна стоять у колыбели человечества. Ее естественное призвание – быть воспитательницей» [Румянцев 1910: 16]. Для сравнения приведем цитату из А. Ветухова: «Женщина является перед нами как мать, как кормилица и воспитательница будущих граждан, как дочь своего отечества и, наконец, как женщина вообще» [Ветухов 1892: 113]. Оба высказывания состоят преимущественно из идеологических формул и выражают скорее устойчивый гендерный стереотип, нежели реальное положение вещей.

Статья Г. О. Добрякова «О колыбельных песнях» была опубликована в журнале «Вестник воспитания». В задачи автора входило «выяснение вопросов образования и воспитания на основах научной педагогики». Исходя из такой направленности журнала, колыбельные песни понимаются автором как средства народной педагогики: «некоторые из таких песенок, побаяек, прибауток... могут служить хорошим педагогическим подспорьем, средством к воспитанию в здоровой, радостной атмосфере» [Добряков 1914: 152]. Мысль о воспитательном значении колыбельных воспринимается автором как факт, не требующий доказательств. Интересно, что эта мысль будет повторяться у многих исследователей, со ссылкой на работу Г. О. Добрякова: «Содержание колыбельных песен определяется их назначением в данный момент. По мере подрастания ребенка баюкают его песенками, рисующими мир предметов и явлений, окружающих ребенка. Подрастает ребенок – песни приобретают воспитательное значение, в них широко вводится нравоучительный элемент» [Мельников 1970: 37].

К. А. Богданов рассматривает функционирование жанра колыбельных в советской культуре. Колыбельные песни оказались востребованным жанром, активно используемым в советский период в кино, музыке, литературе, т. е. в сферах искусства, рассчитанных на массовую аудиторию. В колыбельных советской культуры стираются границы между частным и публичным. «„Семейный фольклор“ становится

в этих случаях общественным, „семейный нарратив“ – общенародным. Выражение нежных чувств к ребенку санкционируется коллективно и идеологически, а сама сфера идеологии оказывается открытой для ответной интимности. <...> Субъективный опыт предстает при этом не просто социализованным, но и предельно идеологизированным, заставляющим считаться с тем, что жизнь со всеми ее радостями и горестями – это лишь то, что санкционируется коллективом и властью» [Богданов 2007]. Таким образом, в работе показан процесс идеологизации жанра колыбельной в советское время. Если обратиться к истории исследования жанра, то восприятие колыбельных через призму «воспитания», «формирования» тоже оказывается идеологическим концептом и данью традиции, восходящей к концу XIX века.

Остается добавить, что культурный концепт колыбельной формировался еще в дореволюционных работах [Ветухов 1892: 132; Добряков 1914: 146]. Более того, все, что связано с детьми, описывалось через идею воспитания. В этом отношении исключительно справедливо замечание К. А. Богданова о том, что «язык научного описания в большей степени, чем „обыденный“ язык, „типизирует“ реальность» [Богданов 2007]. Практически все исследователи без приведения какого-либо фактического материала отмечали педагогическую направленность колыбельных. Отмечу также и еще одно немаловажное обстоятельство: о воспитательном аспекте колыбельных часто писали исследователи-мужчины, вряд ли имевшие дело с реальным процессом успокоения ребенка (А. Ветухов, Г. О. Добряков, М. Н. Мельников). Более близок к оценке реальной ситуации в этом отношении В. В. Головин, чье исследование колыбельной в значительной степени построено на привлечении полевого материала. Он отмечает, что колыбельная нужна для того, чтобы освободить время баюкающей: «Мать или нянька стремились в кратчайшее время усыпить ребенка, наваять ему здоровый, спокойный сон, освободить себе время для работы и отдыха» [Головин 1999: 97].

А. Н. Мартынова, приводя классификацию жанра, разделяет колыбельные песни на императивные, повествовательные и песни других жанров. Целью классификации является выявление генезиса жанра. Автор делает выводы о более древнем происхождении песен первой группы (императив-

ные песни) и более позднем – песен второй группы (повествовательные песни). При классификации колыбельных автор рассматривает жанр как функциональный, направленный на ребенка: «Основная функция колыбельных песен – усыпление ребенка, вторая не менее важная их функция – воспитательная: они приобщают ребенка к человеческой речи, знакомят его с окружающими людьми, предметами, животными и т. д. Колыбельные песни имеют и эстетическое значение, выражают эмоциональное отношение исполнительницы к окружающему миру, и в первую очередь к ребенку» [Мартынова 1974: 101].

Итак, связь жанра колыбельных с воспитательной функцией – дань традиции, идущей от идеи восприятия жанров детского фольклора как средства народной педагогики. В этом отношении советская и досоветская идеологии характеризуются преемственностью: основные тенденции направленного идеологического воздействия на воспитуемых по сути не изменились, оставив своей целью взрастить легко управляемого гражданина, человека нового времени.

Литература

Богданов 2006 – *Богданов К. А.* О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М., 2006.

Богданов 2007 – *Богданов К. А.* Право на сон и условные рефлексы: колыбельные песни в советской культуре (1930–1950-е годы) // Новое литературное обозрение. 2007. № 86. С. 7–46. Цит. по: Журнальный зал: сайт. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/86/bo1-pr.html>

Ветухов 1892 – *Ветухов А.* Народные колыбельные песни // Этнографическое обозрение. 1892. Кн. 15. С. 96–115.

Гвоздецкий 2010 – *Гвоздецкий М. Ю.* Развитие идеи К. Д. Ушинского о народности воспитания в теории и практике общественного образования. Ярославль, 2010.

Головин 1999 – *Головин В. В.* Убаюкивания Клавдии Фоминичны Петровой // Живая старина, 1999. № 1.

Добряков 1914 – *Добряков Г.* О колыбельных песнях // Вестник воспитания. 1914. № 8. С. 145–156.

Крупская 1988 – *Крупская Н. К.* Избранные произведения. М., 1988.

Мартынова 1974 – *Мартынова А. Н.* Опыт классификации русских колыбельных песен // Советская этнография. 1974. № 4. С. 101–116.

Мельников 1970 – *Мельников М. Н.* Русский детский фольклор Сибири. Новосибирск, 1970.

Руссо 1981 – *Руссо Ж.-Ж.* Эмиль, или О воспитании // Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: в 2 т. М., 1981. Т. 1.

Степанов 2007 – *Степанов Ю. С.* Концепты: тонкая пленка цивилизации. М., 2007.

Даль 1935 – *Даль В. И.* Толковый словарь: в 4 т. М., 1935. Т. 1.

Ожегов 2004 – *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. М., 2004.

Ушаков 1994 – *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка: в 4 т. М., 1994. Т. 1.

Ушинский 1856 – *Ушинский К. Д.* О народности в общественном воспитании // Цит. по: „Lib.ru“: сайт. URL: http://az.lib.ru/u/ushinskij_k_d/text_0050.shtml

Жизненный сценарий советской женщины: «бойкая»

Екатерина Сергеевна Мамаева

В последнее время в фольклорных экспедициях на территории Вологодской и Архангельской областей в интервью с деревенскими жителями можно было нередко услышать следующие реплики:

*О... она-то боева*⁹⁴.

*Я ведь такая бойкая была шибко это. Хоть мала, а такая боевуха была*⁹⁵.

Обычно такие реплики фиксировались в разговорах о женщинах (соседках, подругах или наоборот, врагах), а также в частушках:

*Говорят, что боевая, / Но и верно – смелая, / Восемнадцатому милушке / Измену сделала*⁹⁶.

Довольно частое и неоднозначное упоминание этих определений деревенскими жителями в разговорах на разные темы, постоянное использование их в частушках дает основание думать о том, что данные номинации появляются в речи неслучайно и маркируют определенную поведенческую стратегию. Какие действия, реакции и оценки предполагает такая стратегия – вот основной вопрос, интересующий меня в рамках данной статьи.

Для того чтобы описание стало возможным, необходимо посмотреть на то, как данный эпитет функционирует не только в речи наших информантов (деревенских жителей), но и в словарях, текстах художественной литературы и кино.

Говоря о поведенческой стратегии, я в первую очередь опираюсь на социологические исследования Пьера Бурдьё, согласно которым структура любого сообщества определяется системой принятых ролей и статусов, набором поведенческих стратегий и характером повседневных практик [Бурдьё 2004]. При этом любая поведенческая стратегия определя-

⁹⁴ ФА СПбГУ, Леш10-025, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Лешуконский с/с, д. Смоленец; П. А. А., 1940 г. р., местная, Х. А. Г., 1936 г. р., местная, П. Г. М., 1948 г. р., местная; зап. Мариничева Ю. Ю., Полякова А. А. 17.07.2010.

⁹⁵ ФА СПбГУ, Леш26-32, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Ценогорский с/с, д. Селище; М. А. Г., 1921 г. р., ур. д. Колмогоры; зап. Матвиевская Л. Ф., Воробьева Е. Л. 07.07.2009.

⁹⁶ ФА СПбГУ, Вологодская обл., Череповецкий р-н, Яргоможский с/с, д. Раменье; Ш. В. М., 1928 г. р., ур. д. Абаканово Абакановского с/с; зап. Алейник А. Г., Подпоркина А. Г., Черенцова К. В., Хотина С. В. 13.07.2007.

ется совокупностью тактик и в свою очередь диктует жизненный сценарий действующего.

Итак, как уже было сказано выше, в данной статье речь пойдет о номинациях «боевая» («бойкая»), которые используются в деревне для обозначения определенного типа женского поведения. Стоит оговориться, что оба эпитета в соответствии с предметом моего исследования являются синонимичными. О некоторых наблюдаемых мною семантических различиях будет сказано ниже.

Прежде чем говорить о том, какие смыслы актуализируются при помощи этих слов, хотелось бы понять, как именно они функционируют в речи, в каких контекстах и как часто встречаются и как часто использовались раньше и используются до сих пор.

В «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля зафиксирована только номинация «бойкий»: «Бойкий — человек смелый, ловкий, проворный, находчивый, сметливый, расторопный. На тихого Бог нанесет, а бойкий (резвый) сам набежит. Тихий наедет, а бойкий сам наткнется (наскочит). Живете бойконько: ребят многонько. Боек каналья: весь в поповский род пошел» [Даль 2010].

Эпитеты или примеры, которые бы характеризовали черты женского поведения, в словарной статье отсутствуют, но мы легко можем их обнаружить в описаниях диалектных слов:

Застрелять — шутя, употребл. Застрельщица, бойкая женщина, начинающая брань, ссору, спор вместе с товарками, которые ее поддерживают.

Воскорица — ж. оструха, бойкая, девка, бабенка.

Жемжура — ж. скорая, бойкая, вертлявая женщина, прово-ра. Также народная пляска с вертлявыми, не всегда пристойными выступлениями. Жемжурить — жужжать или болтать без умолка, тарантить, сплетничать. [Там же].

В текстах художественной литературы, представленных в «Национальном корпусе русского языка»⁹⁷, встречается довольно большое число контекстов, в которых используются данные номинации. Примечательно, что в контекстах XIX — начала XX века эпитет «бойкая» (187 текстов) встречается чаще, чем «боевая» (16 текстов). В литературе послевоенных лет число контекстов, в которых фигурирует эпитет «боевая», увеличивается до 164.

⁹⁷ Национальный корпус русского языка: сайт. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

Приведу несколько примеров:

«Небольшое село Колотовка, принадлежащее некогда помещице, за лихой и бойкий нрав прозванной в околотке Стрыганихой... лежит на скате голого холма...» (Тургенев И. С. Певцы. 1850).

«Баба бойкая и за словом в карман не полезет» (Мамин-Сибиряк Д. Н. Озорник. 1896).

«Это почти всегда бывает бойкая, на все искусившаяся в городе бабенка, которая сейчас готова, что хотите, устроить» (Лесков Н. С. Пагубники. 1885).

«Но вот голосистая бойкая молодлица выходит из толпы, весело вокруг себя озирается и, ловко подбоченьясь, заводит громким голосом „созывную“ песню» (Мельников-Печерский П. И. На горах: Книга первая. 1875–1881).

«Дам было только две: Дарья Алексеевна, барыня бойкая и выдавшая всякие виды, и которую трудно было сконфузить, и прекрасная, но молчаливая незнакомка» (Достоевский Ф. М. Идиот. 1869).

«Марфутка эта была, впрочем, баба бойкая, разбитная: она отлично играла на гармонике, могла выплясывать часа по три без отдыха, знала наперечет все местные песни и обладала таким звонким, пронзительным голосом, что за версту отличишь его в хороводе» (Григорович Д. В. В ожидании парома. 1857).

«— Да нет же, я ведь хотел сказать, что вы бойкая, а не скромная, а не то, что вы нескромная» (Сологуб Ф. К. Мелкий бес. 1902).

«Жена — очень энергичная, интеллигентная женщина, решительная и боевая, из разряда тех русских женщин, которых боятся из-за их беспощадного, не знающего компромиссов языка» (Изгоев А. Об интеллигентной молодежи (заметки об ее быте и настроениях). 1909).

«Все так и смотрят на меня: „энергичная, боевая, с инициативой и неглупая, пойдет далеко“» (Вересаев В. В. Сестры. 1928–1931).

«Их было пятеро подруг, боевая пятерка: Настя, Лариса, Лиза, Галя, Мария» (Горбатов Б. Л. Непокоренные. 1943).

«А здесь, в старом штабе, есть наша верная боевая подруга, с руками легкими и искусными...» (Шпанов Н. Н. Связная ЦиньФын. 1935–1950).

«На эту встречу должна была выйти охраняемая своими ребятами отрядная разведчица Маня Шерстнюк – девушка боевая и толковая» (Герман Ю. Дорогой мой человек. 1961)⁹⁸.

Согласно данным словарей и текстов художественной литературы, бойкая (боевая) женщина – это та, кто начинает брань, ссору с кем-либо вместе с подругами, которые ее поддерживают; имеет лихой нрав; за словом в карман не полезет, говорит больше всех; любит посплетничать; готова устроить что угодно, нескромная; отлично играет, пляшет по три часа без отдыха, знает все песни, обладает особенным голосом. Она – острая на язык, проворная, вертлявая, разбитная, выдавшая всякие виды, на все искусившаяся, голосистая. И при этом энергичная, неглупая, решительная и толковая.

Расширение круга значений эпитета «боевая» происходит в период Великой Отечественной войны. Известна история героя Советского Союза Марии Октябрьской, которая, после того как на войне был убит ее муж, сама отправилась на фронт на танке, который назвала «боевая подруга». Эта практика была воспринята с большим воодушевлением другими женщинами (см. ил. 1–4).

Расширяясь в значении, эпитет «боевая» одновременно «раскалывается» на две семантические противоположности. В нарративах о войне «боевая» – с одной стороны, «участвующая в сражении», «знающая, что такое война», выполняющая совсем не женские (но мужские) задачи, и при этом скромная и верная.

Из военных мемуаров Марины Чечневой «Небо остается нашим»: «Наша боевая подруга и полковой поэт Ира Каширина выразила чувства каждой из нас, когда в своей поэме, посвященной полку, написала о Евдокии Давыдовне идущие от сердца слова: ...Нет, кажется, женщины более скромной / Чем наша майор, командир боевой / В работе большой, напряженной, огромной / Прекрасный товарищ, простой, волевой»⁹⁹.

А с другой стороны, в мужских военных нарративах словосочетание «боевые (фронтовые) подруги» встречается в описаниях женщин, с которыми у солдат на фронте складывались интимные отношения: «...многие становились „полевыми походными женами“ (сокращенно – ППЖ) офицерского

⁹⁸ Цит. по: Национальный корпус русского языка: сайт. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

⁹⁹ Чечнева М. Небо остается нашим. М., 1976. С. 151.

состава. Существовал негласный порядок, по которому обо всех прибывших в полк женщинах строевая часть сначала докладывала командиру полка, его заместителю и начальнику штаба. По результатам доклада, „смотрины“, а иногда и короткого собеседования определялось, куда (это нередко означало, к кому в постель) направят служить новую однополчанку. Девушка питала надежду стать в конце концов настоящей женой этого человека и, как могла, старалась завоевать его сердце. Мне известно несколько случаев, когда ППЖ добивались своего, но чаще они оказывались покинутыми и, как правило, оставались одинокими до конца дней. Из-за отсутствия автотранспорта почти всем нашим „боевым подругам“ (курсив мой. — Е. М.) приходилось наравне с солдатами совершать долгие марши, до 30–40 километров за ночь¹⁰⁰. (См. ил. 5).

Еще одной иллюстрацией отношения к такому женскому поведению может служить стихотворение К. Симонова 1941 года «На час запомнив имена»:

Спасибо той, что так легко, / Не требуя, чтоб звали милой, / Другую, ту, что далеко, / Им торопливо заменила. / Она возлюбленных чужих / Здесь пожалела, как умела, / В недобрый час созрела их / Теплом неласкового тела. / А им, которым в бой пора / И до любви дожить едва ли, / Все легче помнить, что вчера / Хоть чьи-то руки обнимали. / Я не сужу их, так и знай. / На час, позволенный войною, / Необходим нехитрый рай / Для тех, кто послабей душою. / Пусть будет все не так, не то, / Но вспомнить в час последней муки / Пускай чужие, но зато / Вчерашние глаза и руки¹⁰¹.

Оценка женского поведения в этом стихотворении дана как бы между строк, через словосочетания «легко, торопливо заменила», «не требуя, чтоб звали милой», «неласковое тело», «хоть чьи-то руки», «час с чужою», «нехитрый рай», сосредоточившие в себе авторскую оценку.

«Боевые» женщины становятся объектами художественного описания в послевоенные годы. Появляются повести и фильмы, в которых актуализирован иной образ «боевой женщины» — женщины-труженицы, способной выполнять тяжелую, неженскую работу.

¹⁰⁰ Кобылянский И. А. Прямой наводкой по врагу. М., 1970. С. 235.

¹⁰¹ Симонов К. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 1. М., 1979. С. 170.

Одним из примеров такого нарратива может служить повесть Евгения Воробьева «Высота»¹⁰², вышедшая в 1952 году и экранизированная пятью годами позже.

Главную героиню произведения Катю называют «боевой». Она строитель, высотница, единственная женщина в бригаде, курит. Отдельные персонажи говорят про нее, что она «надкусанное яблочко». После встречи с Николаем Пасечником поведение героини резко меняется, происходит трансформация образа, выраженная в реплике: «Я ведь грубая была, все назло делала, а теперь тебя слушаться буду». Катя собирается вступить в комсомол, бросает курить. Отдельный эпизод книги и фильма посвящен исповеди Кати – рассказу о тяжелом военном детстве, о том, как погибли ее родители. Этот рассказ становится объяснением и одновременно оправданием ее «боевого» поведения. Переход в иное состояние как будто бы завершается – в финале герои уже живут вместе. Однако в экранизации, когда Николай из-за сломанной ноги не может пойти на открытие доменной печи, Катя идет без него одна и, в красном платье, пляшет под гармонь на помосте, в окружении мужчин. Фильм заканчивается многоточием, зрителю не предлагается узнать, как сложится жизнь Кати и Николая. Они вроде бы вместе, но, тем не менее, финал остается открытым.

В отличие от фильма повесть завершается вполне определенно: у героев рождается дочь, но Катя погибает, упав с высоты. Смертельное падение главной героини неслучайно. Ведь Николай также падает, ломает руки и ноги, но остается живым. В образе Кати, ее жизни и смерти, актуализирована идея обреченности пути «боевых», маркируется разделение женских и мужских ролей, пересечение которых может быть опасно. Если «боевая» так и не осваивает другую роль (верной жены и матери), ее ждет падение (прежде всего, социальное). Фрагмент Катиной пляски в красном платье на празднике, куда она пошла одна, без мужа, после проговоренных намерений «слушаться» – иллюстрация невозможности этого освоения.

Совершенно особым образом словосочетание *боевая (бойкая, боевая) девка* функционирует в деревне. Его специфика заключается прежде всего в том, что оно постоянно маркирует на речевом уровне черты определенного женского поведения. Про «боевых» в деревне говорят всегда и

¹⁰² Воробьев Е. З. Высота. М., 1952.

¹⁰³ ФА СПбГУ, Леш10-025, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Лешуконский с/с, д. Смоленец; П. А. А., 1940 г. р., местная, Х. А. Г., 1936 г. р., местная, П. Г. М., 1948 г. р., местная; зап. Мариничева Ю. Ю., Полякова А. А. 17.07.2010.

¹⁰⁴ ФА СПбГУ, Леш11-72, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Лешуконский с/с, д. Кеба; Ц. М. П., 1952 г. р., С. Е. В., 1925 г. р.; местные; зап. Козлова А. В., Каплан Е. Д., Шеркунова А. А. 11.07.2011.

¹⁰⁵ ФА СПбГУ, Леш24-127, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Лешуконский с/с, с. Лешуконское; Ш. М. И., 1941 г. р., ур. д. Олема Олемского с/с, Л. Т. И., 1953 г. р., местная; зап. Козлова А. В., Беляева Е. А. 21.07.2010.

¹⁰⁶ ФА СПбГУ, Леш26-32, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Ценогорский с/с, д. Селище; М. А. Г., 1921 г. р., ур. д. Колмогоры; зап. Матвиевская Л. Ф., Воробьева Е. Л. 07.07.2009.

¹⁰⁷ ФА СПбГУ, Леш11-169, Архангельская обл., Лешуконский р-н, с. Лешуконское; С. А. П., 1914 г. р., местная; зап. Мамаева Е. С., Козлова А. В., Шеркунова А. А. 05.07.2011.

¹⁰⁸ ФА СПбГУ, Леш11-008, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Олемский с/с, Чуласа, д.; А. А. А., 1939 г. р., ур. д. Олема, Ф. Е. И., 1939 г. р., местная; зап. Мариничева Ю. Ю., Гавриленко А. А. 08.07.2011.

с большой охотой. Трудно найти более распространенный эпитет, используемый в разговоре о женщинах. При этом внутри него формируется два семантических поля. В одном из них транслируется идея физической силы и социального успеха:

О...она-то боева. <Боевая, да?> А. А.: Такая и была боева... Хороша... Г. М.: Покрывало тогда выкручивала – так будь здоров! Попробуй-то выкрути покрывало...¹⁰³

Я помню, мы с Ваней Харькиным, ведь годы-ти были тяжелы, лед пилили дак, ой, зимой там... до Руси съездят, конги нарубят, это так привезут, дак мы пилим с ним. Она и говорит: «Ты бойко работаешь, а Ваня-то баловато у тебя робит, а ты боевая бишь...»¹⁰⁴

А эта, как назвать-то? Была она приезжая сама-то, а за селищного выходила, ой, какая была работна... Я как раз шла на аэропорт на семинар куда-то, она идет, поздоровалась я с ней, боевая была, работна. Она говорит: «Вот люди все на больничном, то друго куда-то идут да едут, а я, – говорит, – только все со <скотом>». На босу ногу зимой сапоги оденет, здорова така, хохлуха была...¹⁰⁵

Я ведь такая бойкая была шибко это. Хоть мала, а такая боевуха была. Везде успевала. В грязи-то не заросла. Раньше шестеро в школу, все учились дак, в газете писали, в районной, что дети-то всегда обшиты, обмыты-ти, чисты-ти ходят дак. Хоть и не все в новом, а уж все равно были чисто ходили¹⁰⁶.

На учебу никто из них так и не поступил, за что мать очень ругала. Говорили, мол, на врача выучиться, а не выучилась. Но работать пошла в больницу. Сначала работала санитаркой. Чай носила больным, еду, помогала. Потом главврач перевел Анну Петровну работать в родилку, так как она «боевая»¹⁰⁷.

<Значит, я бойкая?> Е. И.: Да, ты бойкая, ты боева. Настя тоже боева. <Да?> Конечно. Е. И.: Молоды, что еще, конечно, а как? А. А.: Молоды да на язык-то востры. Е. И.: Востры, конечно¹⁰⁸.

<Хваленка, да? А еще часто говорят, вот она была бойкая. Бойкая – это какая?> Ну дак бойкая, вишь, какая ты боевая, все спрашиваешь¹⁰⁹.

Я приехала, тетя Дуся меня давай... Мама-та, она молчит, ниче не говорит. А тетка-та... Она такая боевая тетка у

нас. Она: «О-ой, с ума сошла Нина, куда скота-то столько. Мы вдвоем справиться не могли! С ума сошла! Че д... Куда со скотом-то, надо че-то уничтожай или куда девать, че надо? Ищи мужика себе! Замуж выходи!»¹¹⁰

То есть бойкая — это физически сильная, трудолюбивая, разговорчивая, уверенная в себе женщина.

Другая же область значений связана с характером отношений с мужчинами:

<А у вас были в деревне боевые?> Да, была у нас одна, гуляющая была, от председателя постоянно абортыв делала. <А почему она боевая-то?> А потому что озорная была, никого не боялась, путалась с разными¹¹¹.

<А у вас один был кавалер или еще были до него?> Были... мы боевые были дак. <А почему вы его выбрали?> Не знаю, почему-то вот он больше всех понравился¹¹².

Семерых с ума свела, ницего, что я мала, с неба звездочки рвала, не особенно красива, семерых с ума свела <смеется>. Вот так-то знаю. Вы сидите по одному, а за мной ухаживали много, так что... Я потому что работала от души... я была боева. Нравилось¹¹³.

Бойкая я, бойка я / Бойка я не в меру, / Все четыре стороны — / Есть по кавалеру¹¹⁴.

<А вообще, что важно для семейной жизни: за любого выйти или что-то другое?> В. А.: Ну как, для спокойствия семьи, конечно, чтоб уважали друг друга, но ведь сначала-то переживают, но это все не показываешь ведь никому, терпишь в себе там как-то. Е. Е.: Но, может, и загуляют за тех, за мужиков, которых они... вышла не за любого, а бы, остался, она все равно свое сделает, если она боевая. Как говорит, пойдет корову доить, и кто найдет? Но так уже притерпятся¹¹⁵.

Своенравность, рабочая активность и сексуальная раскрепощенность «бойких» («боевых»), непредсказуемость их действий выделяют их из числа обычных женщин.

Исходя из интервью с деревенскими жителями, жизнь женщины может делиться на публичную, в которой все по правилам, и теневую, где действуют в соответствии со своими желаниями («она все равно свое сделает, если она боевая»¹¹⁶). Боевые — те, кто может действовать в соответствии со своими желаниями и намерениями, игнорируя общественные нормы и предписания и при этом не утрачивая в со-

¹⁰⁹ ФА СПбГУ, Леш26-152, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Олемский с/с, Чуласа, д.; А. А. А., 1939 г. р., ур. д. Олема; зап. Мариничева Ю. Ю., Гавриленко А. А. 08.07.2011.

¹¹⁰ ФА СПбГУ, Леш9-01, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Ценогорский с/с, Селище, д.; Б. Н. Г., 1932 г. р., местная; зап. Мариничева Ю. Ю., Матвишевская Л. Ф. 08.07.2009.

¹¹¹ Личный архив Е. С. Мамаевой. Г. Владимир; С. Е. М., 1937 г. р., ур. д. Ильинское Юрьев-Польского р-на Владимирской обл. 19.08.2011.

¹¹² ФА СПбГУ, Вологодская обл., Кирилловский р-н, Ивановоборский с/с, д. Иванов бор; С. А. Д., 1925 г. р., ур. д. Домниково Глазатовского с/с, С. Ф. И., 1927 г. р., ур. д. Ширичево Глазатовского с/с; зап. Карманова М. А. 17.07.2006.

¹¹³ ФА СПбГУ, Леш22-91, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Лешуконский с/с, д. Кеба; Л. Е. С., 1929 г. р., местная; зап. Веселова И. С., Беляева Е. А. 14.07.2010.

¹¹⁴ ФА СПбГУ, Леш22-91, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Лешуконский с/с, с. Лешуконское; С. Е. В., 1925 г. р., ур. д. Кеба; Козлова А. В. 19.07.2010.

¹¹⁵ ФА СПбГУ, Мез26-34, Архангельская обл., Мезенский р-н, Козьмогородский с/с, д. Кильца; Ш. Е. Е., 1928 г. р., ур. г. Котлас, Б. В. А., 1947 г. р., местная; зап. Веселова И. С.

¹¹⁶ Там же.

циальном пространстве своего положения и поддерживая «стабильное состояние»¹¹⁷ деревенского сообщества.

Женщина становится «боевой» («бойкой») в глазах других, когда выходит за пределы женской предписанной жизненной стратегии, осваивает мужское дело, нарушает нормы (будь то смелость в отношениях с противоположным полом или выход в круг, пляска и пение частушек), имеет мужские привычки и увлечения (курение, рыбалка, охота). «Боевые» бросают деревенскому сообществу вызов, который воспринимается неоднозначно, потому что, с одной стороны, они – те, кто способен «взорвать» нормальное течение жизни и поменять «сюжет», с другой – непонятные, действующие по своим правилам, игнорирующие запреты и предписания, а значит – неконтролируемые.

Женщина может сама сказать о себе, что она боевая или бойкая в очень редких случаях. Чаще это внешняя оценка, высказанная соседями или родственниками. Называние себя «боевой» публично (например, в разговоре) означает присваивание и закрепление за собой этой роли, предполагающей поведение за пределами нормы и большую ответственность. «Боевые» не говорят про себя – они действуют. Пожалуй, единственной формой, в которой возможно высказаться о себе таким образом, остается частушка, так как частушечный регистр предусматривает откровенность и экспликацию внутренних отношений.

Пляска, сопровождающая частушечное пение, со всеми характерными движениями, создает очевидный параллелизм с распределением ролей между бойкими и небойкими (*смирёнными*):

*Потом девчонки, девки пляшут, потом, когда они кончатся, другой раз заиграет гармонь, одна вышла плясать, которая смелая вышла, а другая, смирная весь вечер на скамейке так и просидит. Небоевая. А которая боевая не сойдет. Пока вот если кадраль кончится*¹¹⁸.

Когда девушка впервые исполняет частушку, все остальные в круге оценивают. Если оценка будет положительной, текст станет регулярно повторяться другими, а сама исполнительница «закрепит» или подтвердит свою репутацию.

При этом даже в частушке нередко можно встретить апелляцию к третьему лицу («говорят», «зовут»):

¹¹⁷ См. [Бейтсон 2000: 156–158].

¹¹⁸ ФА СПбГУ, Вологодская обл., Кирилловский р-н, Ивановоборский с/с, д. Иванов бор; В. А. В., 1924 г. р., ур. д. Улома; зап. Карманова М. А. 19.06.2006.

*Говорят, что боевая, / Правда, я боюжена, / Как услышу – заиграют, / Убегу без ужина*¹¹⁹.

Если принять во внимание контекст, систему представлений и эвфемистический характер данных эпитетов, становится понятно, что нужно иметь определенную смелость, чтобы утверждать о себе подобное. Поэтому использование неких третьих лиц, подтверждающих бойкость, позволяет, во-первых, снять с себя ответственность за высказывание, а с другой – усилить эффект от сообщаемого, потому что если «говорят», значит, так оно и есть.

В момент исполнения частушки, равно как и в момент любого «бойкого» действия, формируется отношение к тому, кто действует. Оно всегда разное и зависит от результата. Успешность стратегии «боевых» определяется ее итогами, причем эти итоги должны быть связаны с областью повседневного, и сообщество внимательно отслеживает результативность этого поведения, подобно тому, как остальные в круге следят за теми, кто выходит на его середину. «Боевая» женщина может нарушать нормы, но если добивается при этом социальных или профессиональных успехов, данный эпитет становится ее положительной характеристикой. Но если на каком-либо уровне случается провал или достижение не происходит, он будет использован с противоположными коннотациями.

Литература

Бейтсон 2000 – *Бейтсон Г.* Экология разума. М., 2000.

Бурдые 2004 – *Бурдые П.* Практический смысл. М., 2004.

Даль 2010 – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. РМГ Мультимедиа. 2010.

¹¹⁹ ФА СПбГУ, Вологодская обл., Кирилловский р-н, Ивановоборский с/с, д. Иванов бор; С. Е. И., 1927 г. р., ур. д. Беррег; зап. Мокина И. А., Наливкина А. А. 17.07.2006.

«А если не помнить, так и жить незачем»: практика «свободных» поминаний в Белозерье

Марина Валерьевна Пономарева

Состав коллекции фольклорных записей определяется интересом собирателя и направленностью его поиска. Мой интерес к обозначенной теме — личное свидетельство, личный опыт собеседника, озвученный в заданных традицией формах поведения, переживания, высказывания.

Задача этой статьи — донести особую интонацию тех, кто рассказывает о личном опыте поминания близких. Думаю, именно с этим связана немногочисленность подобного рода экспедиционных записей. Чтобы рассказ о личном поминании близкого человека состоялся, необходима определенная степень открытости и доверия между рассказчиком и слушателем, информантом и собирателем. Кроме этого, недостаток материала подобного рода, как мне видится, связан с проблемой фиксации фольклорного материала в целом. Нередко улавливается, фиксируется и сохраняется то, что «и так известно»: обрядовые действия или опознаваемые фольклорные жанры; то же, что цитируется в моей статье, может и не опознаваться собирателем как «фольклор». Между тем все приведенные высказывания укоренены в традиции и, так или иначе, находят в ней свое место. При этом они трансформируются личным переживанием носителя традиционной культуры, рассказывающим о себе, то есть, принадлежа традиции, выходят за установленные ею рамки. Тем знаменательнее возникающие в этом случае переклички и совпадения с традицией. Интервью записаны мной и моими коллегами в фольклорных экспедициях Санкт-Петербургского государственного университета в Белозер-

ском и Вашкинском районах Вологодской области в период с 1998 по 2002 годы¹²⁰.

В поминальной традиции Белозерья, как и в общеславянской традиции, известны различные практики поминания умерших. Во-первых, это годовой цикл поминок, связанный с конкретным лицом. К нему относятся поминки после погребения, на девятый, двадцатый или двадцать первый день, сороковой день, спустя полгода со дня смерти и годовщины смерти. Сюда же можно отнести и поминания умершего в день его рождения, хотя подобная практика в Белозерье не является общей. Во-вторых, это ряд календарных праздников, элементом которых выступает поминание так называемых родителей – предков, умерших родственников и свойственников. Одни из этих праздников – такие, как Радуница, Дмитриевская суббота, поминальные субботы, – являются собственно поминальными или осмысляются как таковые. Другие праздники – Пасха, День Победы, реже престольные праздники, Вознесение, в единичных случаях Масленица и Маковеи (14 августа, Первый или Медовый Спас) – включают поминание в качестве составной части праздничной «программы». Так, праздник Пасхи в первую очередь осмыляется как «Христов день», а День Победы – как годовщина Великой Отечественной войны.

Одно из главных отличий между этими двумя циклами – индивидуальным циклом поминок, совершающимся в течение года после смерти, и календарным поминальным циклом – сам субъект поминания. Индивидуальный поминальный цикл представляет собой определенный порядок поминаний конкретного человека, точкой отсчета которого является день его смерти. Календарные же поминания – это установленные извне даты коллективного поминовения всех «родителей».

Однако, помимо обозначенных поминальных дней, существуют поминания, не приуроченные ни к определенной дате индивидуального годового цикла, ни к календарным поминкам. Такие поминания я буду называть «свободными».

Первое, на что хочу обратить внимание в приводимых ниже интервью, – это употребление глаголов «поминать» и «вспоминать». В речи наших собеседников эти глаголы выступают в качестве синонимов, являются смысловыми эк-

¹²⁰ ФА СПбГУ.

вивалентами¹²¹. Синонимичное употребление глаголов «поминать» и «вспоминать» в исследуемых мной материалах может встречаться и в описаниях поминального годового цикла или календарных праздников, но чаще появляется в описаниях поминаний в день рождения, годовщин смерти или «свободных» поминаний.

Отрывок из беседы с Лидией Михайловной:

<Дома поминаете <здесь и далее подчеркнуто мной. — М. П.> или только на кладбище?> Ну, сына-та? <Ну да, вообще, и сына, и мать, и всех.> Господи! ну как, ну как ведь ее не вспомнить, если она была настоящая, порядочная хозяйка. Чистоплотная бабка была. Шила прекрасно, безо всяких выкровок, она любила, выкраивала любое: зимней ли, летней ли, мужское ли, женское ли <...> Так ее не вспомнишь хорошим, добрым словом? Все она сама шила. <А как вы, когда вы поминаете ее?> Как! Вот при разговорах поминаем вот. Вот она умерла 16-ого октября, значит, только год прошел, я чего-то, может, пеку, может, кого-то приглашаю чаю попить, что вот вечная память так. А свои приедут — тоже поминаем. Дни рождения, вот у Сашки <у сына рассказчицы, покончившего с собой> 10-го августа день рождения, так вот <...> с Валеи вот невесткой посидели, что вот 10-го скоро у Саши день рожденья. Жалеет она, жалеет. Мужа этого, мужа нету, она все вот и пишет письма хорошие, и приезжает. <...> <А вот, Лидия Михайловна, первый-то ваш муж на войне погиб.> Убит. <Вы его поминаете?> Да как сказать поминать. Все время в голове. Все время в голове. Вот 9-го мая я, конечно, туда на торжества не ходила никуда я. Я дома почитала егонные письма, его письма почитала, поплакала — как? Мы любили друг друга, не с кем до его не знакома была. Ну не вернулся дак¹²².

В приведенном отрывке отчетливо прослеживается тождественность значений глаголов «поминать» и «вспоминать», употребляемых Лидией Михайловной. Причем собиратель пользуется только глаголом «поминать», продиктованным собирательской интенцией узнать процедуру поминок (так как в роли собирателя в данном случае выступает автор статьи, говорю об этом с уверенностью). В речи же моей собеседницы возникает глагол «вспоминать» в том его значении, которое, кажется, не несет никакого специального «ритуального»

¹²¹ При предварительном изучении данных корпуса национального русского языка в литературном русском языке такой синонимии не наблюдается. См. Национальный корпус русского языка: сайт. URL: www.ruscorgora.ru

¹²² ФА СПбГУ, Ваш27-1б. Вологодская обл., Вашкинский р-н, Киснемский с/с, Троицкое, д., Кирюшина Л. М., 1920 г. р.; зап. Грибова Е. В., Пономарева М. В., 12.07.2001.

оттенка. Более того, глагол «поминать» дважды выступает в значении 'вспоминать': про мать — «при разговорах поминаем», про мужа — «дак как сказать поминать. Все время в голове». Возможно, «вспоминание» и есть одна из главных составляющих поминальной процедуры, в некоторых случаях единственная.

В приведенном фрагменте кроме «свободных» поминаний («Так ее не вспомнишь хорошим, добрым словом?», «при разговорах поминаем», «свои приедут — тоже поминаем») можно найти привязки поминальных дней к фиксированным датам — день рождения и День Победы. Меня интересует второй случай, точнее говоря, сам способ поминания — чтение писем: «Я дома почитала его письма, его письма почитала, поплакала». Такой способ поминания умерших — через текст — не является исключительным. Приведу еще один пример поминания погибших на войне из интервью с Михаилом Кирилловичем:

<А те, кто на войне погиб, как их поминают?> Как поминают? Кто как поминает. У нас «Книга Памяти» есть, у меня, и написано, кто в войну взято в армию, кто вернулся. Две книги дали. <А вот вы своих товарищей поминаете?> А как же? <И как вы, в какой день?> Вот в какой день? Книгу достанешь, с кем служил дак вспоминаю»¹²³.

«Книга памяти»¹²⁴, о которой говорит Михаил Кириллович и другие наши собеседники, есть во многих домах обследуемых нами районов и, как правило, стоит на почетном месте, например, в красном углу: в традиционном, рядом с иконами, либо в модернизированном — у телевизора.

В случаях поминания погибших на войне, которое происходит либо в установленный традицией день — в День Победы, либо, в случае «свободного» поминания, в любой другой день, не один раз фигурирует некий текст («Книга Памяти» или письма в истории Лидии Михайловны). Вернее, некая манипуляция с текстом — его прочтение, то есть взаимодействие с ним, а через взаимодействие с ним — и с теми, о ком вспоминают.

Еще несколько примеров.

Роза Савватьевна — об отце, погибшем в 1943 году и похороненном на Украине:

Я даже, даже не представляю, какой он есть, даже фотографии нет. Только вот эта, книга-то дана, «Книга Памяти»

¹²³ ФА СПбГУ, Ваш17-21. Вологодская обл., Вашкинский р-н, Киснемский с/с, Киуй, д., Варламов М. К., 1923 г. р.; зап. Грибова Е. В., Перехвальская Е. В., Пономарева М. В. 23.07.2001.

¹²⁴ Книга Памяти Вологодской области. Вашкинский район. Вологда, 1993; Ветераны Великой Отечественной. Вологодская область, Вашкинский район. Вологда, 1999.

то есть. Вот потом там есть, вот имя-то напечатано, там все. Ну как Вашкинский район. «Книга памяти»¹²⁵.

Можно сказать, что единственное, что осталось от отца, чем располагает Роза Савватеевна, – это его имя, занесенное в «Книгу памяти». И поминая/вспоминая отца, она обращается к книге.

Из рассказа от письмах погибшего на войне мужа уже знакомой нам Лидии Михайловны:

Ну в общем, девочки, сейчас-то тошно делается, тошно делается, так вот верите ли нет, так почитаю и поплачу – и всё <...> Сколько тут написано, вот, вишь? Вот 41-й год, вот первого декабря, в октябре взяли, а вот уж сколько было написано. Вот, видишь, все «милая», «дорогая», «жена» да. «Моя Лидочка» да и все. Вот. Вот, девочки. Дак вот, вот почитаю да делается худо – поревлю¹²⁶.

Случай с Лидией Михайловной представляется мне особенно интересным. С письмами от своего первого мужа, погибшего в самом начале войны, связан целый жизненный сюжет. Эти письма, все до единого, бережно хранятся у Лидии Михайловны, она отказалась представить их в качестве экспоната в краеведческий музей. Более того, по утверждению Лидии Михайловны, ее дети – ни сын погибшего на войне мужа, ни дети от второго брака, – не знают о том, что она хранит эти письма. Об этом знает только ее невестка, вдова, бывшая замужем за сыном Лидии Михайловны, который покончил с собой. Лидия Михайловна с невесткой читали письма вместе:

Дети мои этих писем не знают, что я храню, что того мужа. Я им никогда не говорила, я им никогда не показывала. Вот невестка приехала вот в этот раз вот с ей почитали¹²⁷.

Так, с одной стороны, письма с фронта организуют личную поминальную традицию, с другой, маркируют принадлежность к определенной социальной группе: и Лидия Михайловна, и ее невестка – вдовы.

Подобное использование текста выступает своеобразным аналогом личного общения с умершим. Говоря о личном общении с покойным, кажется уместным провести параллель с трактовкой причитания как общения с близким человеком.

Из беседы с Евстолией Константиновной:

¹²⁵ ФА СПбГУ, Ваш17-77. Вологодская обл., Вашкинский р-н, Островский с/с, Большая Чаготма, д., Кузнецова Р. С., 1940 г. р., зап. Казанович А. Я., Пономарева М. В. 14.07.2002.

¹²⁶ ФА СПбГУ, Ваш27-1а. Вологодская обл., Вашкинский р-н, Киснемский с/с, Троицкое, д., Кириллова Л. М.; зап. Грибова Е. В., Пономарева М. В. 12.07.2001.

¹²⁷ ФА СПбГУ, Ваш27-1б. Вологодская обл., Вашкинский р-н, Киснемский с/с, Троицкое, д., Кириллова Л. М.; зап. Грибова Е. В., Пономарева М. В. 12.07.2001.

Предлагала старуха: «Давай тоску-то отниму». А тут тоску отнимут, в могилу уходят из-за этого, все сдавит. Не надо тоски отнимать, поплачешь, выплачешь и все. А че? Колдовать, какую-то дрянь пить – не. Буду плакать, буду жалеть, вспоминать»¹²⁸.

В наших случаях традиционное понимание тоски как нежелательной, опасной болезни, которая может привести тоскующего к смерти и от которой необходимо избавиться, получает совершенно неожиданную оценку. Тоска, напротив, как будто выступает залогом жизни («не надо тоски отнимать», сказуемое в будущем времени «буду плакать, буду жалеть») и инициирует общение с умершим («сейчас-то тошно сделается, тошно сделается, так вот верите ли нет, так почитаю и поплачу – и всё», «поплачешь, выплачешь и все. <...> Буду плакать, буду жалеть, вспоминать»). Хочется обратить внимание на вновь возникающий мотив поминания/вспоминания в последнем примере, тем более что это высказывание характеризует причетную поминальную традицию.

Подступившая тоска провоцирует поминание умерших, является одним из поводов для «свободного» поминания: «как растоскую, так помяну»¹²⁹.

Нежелание расстаться со своей «тоской» кажется тесно связанным с мотивом памяти, переплетающимся в свою очередь с представлениями о жизненных способностях и силах. Так, например, моя собеседница Анна Ивановна, рассказывая о чем-то, вдруг запнулась и пожаловалась на ухудшающуюся память:

Всё, всё забывать стала. А если не помнить, так и жить незачем. Так и жить незачем. Помирать пора»¹³⁰.

Поминание/вспоминание умерших происходит во время приезда родственников, который может быть специально приурочен к известной дате (как в случае с днем рождения покойного отца), но может быть совершенно не связан с ней («А свои приедут – тоже поминаем»¹³¹). Так, приезжая на малую родину, нужно обязательно посетить кладбище, где похоронены родственники.

Особый способ поминания – за чаем. В описаниях индивидуального годового цикла поминаний и календарных поминок чаепитие тоже может выступать в качестве поминальной трапезы. Поминание за домашним чаем, о котором

¹²⁸ ФА СПбГУ, Бел17а-6. Вологодская обл., Белозерский р-н, Маэкса, д. Теканова Е. К., 1926 г. р., местная; зап. Адоньева С. Б. 07.07.1998.

¹²⁹ ФА СПбГУ, Ваш17-18. Вологодская обл., Вашкинский р-н, Киснемский с/с, Чертеж, д., Данилова А. А., 1927 г. р., зап. Грибова Е. В., Пономарева М. В. 13.07.2001.

¹³⁰ Вологодская обл., Вашкинский р-н, Киснемский с/с, Демидово, д., Кузнецова А. И., 1928 г. р., зап. Пономарева М. В. 27.07.2001.

¹³¹ ФА СПбГУ, Ваш27-1б. Вологодская обл., Вашкинский р-н, Киснемский с/с, Троицкое, д., Кирюшина Л. М., 1920 г. р., зап. Грибова Е. В., Пономарева М. В. 12.07.2001.

я говорю сейчас, не является приуроченным к какому-либо определенному дню поминального цикла.

Из беседы с Антониной Васильевной:

<А дома поминают?> Как не помянуть! Дома покрестишься, сядешь за стол чаю пить, дак всех и вспомнешь, перед иконкой. Что царство умёршее всем умёршим¹³².

Дина Артемьевна:

<А дома поминаете?> Дома да. <А как дома это происходит?> Ну, дома чай соберем дак, попьем, за чаем помянем всё. <За чаем это как?> Ну чай соберем, пить чай попьем, вскипятим чай, соберем стол, ну помянем¹³³.

Поминают родню в утренних молитвах. Александра Николаевна:

А каждый день мы вот помянем утром. <А как?> Умоемся и помянем всех, кого надо: «Царство небесное, вечный...» Ой, забыла уж. Там отцу Николаю дак матери Александре царство небесное, вечный покой, светлый им рай, на день Господень пухом земля¹³⁴.

Разговор с Александрой Дмитриевной:

<А вы как, утром молитесь?> Утром. <...> <А вы что-то говорите, когда молитесь?> Да я просто свое, никаких я молитв не знаю, меня никто не учил молитвы, так просто свое, детей всех собираю, что дай Господи здоровья за всем детям, всех переберу, за все дак, скотина была – скотинку всю переберу, всех. <Поименно?> Поименно. <...> <А вы вот когда молитесь утром, вы и живых, и мертвых поминаете?> Мертвых потом, потом напоследок мертвых помяну всех своих, всю родню. <А кого вы поминаете мертвых?> Отца, мать, свекровь, свекровью, всех этих тетушек, дядюшек, всех этих, всех вместе всех вспоминаю, тетушек, дядюшек, всех... еськинских и костинских... у дедушки у Игоря, моего мужа, это в Костино там деревня была, дядюшки, тетушки были, а у меня в Еськине, всех помяну и золовушка тетю Дусю, вот умерла зимой сей в январе, всех-всех это помяну. <...> <А бабушку свою вы помните, поминаете?> Бабушку свою так и не помню, какая была бабушка-то, а мама умерла дак мне ведь пять лет было дак, а счас мне семьдесят дак... мама умерла, поминаю маму и все... <А бабушку вы не поминаете?> Нет, бабушку не поминаю, не помню, не знаю, дак¹³⁵.

В приведенных фрагментах интервью проявляются такие аспекты поминального обряда, как определенное время, от-

¹³² ФА СПбГУ, Ваш17-13. Вологодская обл., Вашкинский р-н, Киснемский с/с, Дудрово, д., Тимошина А. В., 1926 г. р., зап. Иванова Е. А., Самойлова Е. Е. 15.07.2000.

¹³³ ФА СПбГУ, Ваш17-62. Вологодская обл., Вашкинский р-н, Островский с/с, Босово, д., Федотова Д. А., 1935 г. р., зап. Горлова Е. В., Маточкин А. А. 14.07.2002.

¹³⁴ ФА СПбГУ, Бел17-120. Вологодская обл., Белозерский р-н, Глушковский с/с, Большое Кожино, Аполосова А. Н., 1914 г. р., д., зап. Маслинский К. А., Пономарева М. В.

¹³⁵ ФА СПбГУ, Ваш24-49. Вологодская обл., Вашкинский р-н, Островский с/с, Мосеево, д., Белова А. Д., 1931 г. р., зап. Казанович А. Я., Пономарева М. В. 10.07.2002.

веденное для поминания (утро), словесные клише («царство небесное, вечный покой, светлый им рай, на день Господень пухом земля»), индивидуальное – поименное – перечисление родственников. В молитвах «за здоровье» и «за упокой» Александра Дмитриевна, во-первых, очерчивает круг своих родных (включая в него домашнюю скотину), во-вторых, определяет границы своей актуальной родословной, напрямую связанные с индивидуальной памятью совершающей поминание: «бабушку не поминаю, не помню, не знаю, дак».

Границы актуальной семейной родословной зависят, как правило, от личного знакомства с родственником: знал ли его лично наш собеседник или нет. Так, зачастую последним, самым «древним» поколением в поминальном ряду оказывается поколение родителей, то есть мать и отец, а поколение бабушек и дедушек уже не входит в поминальную практику.

Роза Савватъевна:

Бабушку Елену-то я немножко припоминаю. Потому что рано очень умерли. И дедушка тоже рано. А отцовских-то я не знаю. Отцовских. <И вы их не поминаете?> Нет, я даже их не знаю. Знаю, что у отца тоже <нрзб.> звали батю, а больше ничего не знаю, потому что я не видала. Не видала¹³⁶.

Однако и в этом случае имеются исключения: погибших на войне отцов могут не помнить, но поминать, как это делает та же Роза Савватъевна, не поминающая бабушек и дедушек с отцовской стороны, потому что не знала их.

Итак:

- «свободные» поминания могут совершаться утром за молитвой (ср. с правилом утреннего посещения кладбища, формульные пожелания «Царства небесного, легкого лежаньца» и под.);
- утром за чаем (ср. опять же с правилом утреннего посещения кладбища и совершаемой трапезой на могиле или дома);
- в случае приезда родственников (в календарные поминки и во время индивидуального поминального цикла происходит сбор семьи);
- любое воспоминание о покойном может выполнять функцию его поминания;
- «свободные» поминания совершаются по внутренней необходимости, которую испытывает поминающий, и могут

¹³⁶ ФА СПбГУ, Ваш17-77. Вологодская обл., Вашкинский р-н, Островский с/с, Большая Чаготма, д., Кузнецова Р. С., 1940 г. р., зап. Казанович А. Я., Пономарева М. В. 14.07.2002.

осуществляться с помощью своеобразного общения с покойным: причитание, чтение текста (писем, «Книги памяти»). В этом случае я склонна рассматривать «свободное» поминание как внутренний выбор, как личный поступок и личную ответственность поминающего, который, оставаясь верным традиции, поддерживает связь между миром живых и миром мертвых.

Фольклорный хор на Мезени: поведенческие стратегии участниц

Антонина Сергеевна Семенова

Начиная с 2007 года фольклорные экспедиции филологического факультета СПбГУ проходят в Архангельской области. Почти в каждой относительно крупной деревне, в которой мы побывали, существует так называемый *фольклорный хор*¹³⁷, то есть любительский певческий коллектив, в репертуар которого входят традиционные песни. Многие наши информантки¹³⁸ являются (или являлись до недавнего времени) участницами таких хоров. Множество раз мы наблюдали их выступления на сцене, обычно приуроченные ко Дню деревни (см. ил. 1), присутствовали на репетициях, общались с хористками.

Массовая практика пения немолодых деревенских женщин в фольклорных хорах¹³⁹ заставляет задуматься о причинах, подвигающих их к этому. В рамках научно-исследовательского семинара «Коммуникативные конвенции устной речи» (филологический факультет СПбГУ, 2012–2013 годы) нами было предпринято описание нескольких фольклорных хоров, по которым в ходе экспедиций был собран материал. На семинарах была создана структура описания, предполагающая разработку информационных полей историографического и аналитического типов:

- аудио-, видео-, фотоматериалы; текстовые материалы (песенный репертуар); биографические заметки и речевые портреты участников хора; история хора;
- описание репетиционной, концертной, приватной и «чужих» площадок исполнительской деятельности хора, репетиционного и концертного циклов; выявление речевых и поведенческих стратегий участниц: текстовых, певческих, личностных, исполнительских, «сценических» (распределение мест на сцене, пространственные перемещения, пластика), а также «внешних» стратегий (в рамках

¹³⁷ По официальным данным, всего сейчас в Архангельской области народных, фольклорных хоров – 28, музыкально-инструментальных коллективов – 7, народных театров – 20. Правительство Архангельской области: сайт. URL: <http://dvinaland.ru/>

¹³⁸ Об участии мужчин в хоре будет сказано ниже.

¹³⁹ Об истории массового появления любительских хоровых коллективов в 1930-х гг. см., напр., [Иванов; Olson 2004; Иванова 2009].

последних были выделены «горизонтальные» – взаимоотношения с другими хорами – и «вертикальные» – взаимодействие с местной властью, доступ к финансовым и организационным ресурсам).

На сегодняшний день наиболее подробно удалось описать два хора – А***ский¹⁴⁰ и Кебский (первый – по материалам экспедиции 2008 года в деревню А*** Мезенского района, второй – по материалам, записанным в 2010 и 2011 годах в деревне Кеба Лешуконского района).

В настоящей работе я могу более или менее подробно остановиться только на части названных выше параметров описания хора. Вкратце будет сказано об истории создания А***ского хора, составе его участников, репертуаре. Из перечисленных стратегий я коснусь текстовых, певческих, личностных, исполнительских и внешних горизонтальных.

Помимо описания структуры хора как группы, имеющей определенную организацию и занимающейся специфической деятельностью, особый интерес для меня представляют поведенческие сценарии участниц хора, которые могут быть выявлены на основе анализа интервью. Моя цель – обнаружить идеологические основания, лежащие в основе поведенческих сценариев, реализуемых хористками. В итоге я хочу предложить возможное объяснение актуальности, широкого распространения среди деревенских женщин практики участия в фольклорном хоре. В исследовании я буду опираться на имеющиеся у нас описания структуры А***ского хора, проанализирую ряд высказываний участниц этого и других хоров, показательных в интересующем меня отношении.

Общие сведения об А***ском хоре можно найти на сайте «Культура Архангельской области»¹⁴¹. Позволю себе полностью привести эту небольшую заметку: «А***ский фольклорный народный хор работает на базе А***ского сельского Дома культуры Мезенского района Архангельской области.

Фольклорный хор сложился в 30-е годы XX века¹⁴². В военные годы хор перестал существовать. Второе рождение коллектива относится к концу 60-х годов.

Вновь хор был создан в 1990 году по инициативе директора А***ского Дома культуры И. А. М***, которая и стала его руководителем. С этого времени А***ский фольклорный хор стал постоянно действующим творческим коллективом, с постоянным графиком репетиций, гастрольными поездка-

¹⁴⁰ По этическим соображениям здесь и далее название хора и фамилии участниц скрыты под звездочками, а имена заменены на вымышленные.

¹⁴¹ Культура Архангельской области: сайт. URL: <http://culture29.ru/>

¹⁴² Нам известны две конкурирующие версии о том, кто был организатором хора. По одним данным, хор создала мать И. А. М***; по другой версии – М. К. Дьячкова, мать нынешней запевалы.

ми по району и участием во всех концертах сельского Дома культуры.

В 2000 году коллективу было присвоено почетное звание „Народный самодеятельный коллектив“.

Коллектив принимал участие в районных праздниках и фестивалях „Играй гармонь, звени частушка“, районном смотре народных коллективов „Народные коллективы – юбилею Победы“¹⁴³.

В 2008 году, когда мы познакомились с этим хором, в его основной состав входило десять человек. Это были те, кто пришел на репетицию перед концертом на День деревни, на которую разрешили прийти собирателям. В дальнейшем мы организовали две встречи с хором, на которых он собирался не в полном составе. Кроме того, мы общались с несколькими бывшими участниками хора. Еще в начале 2000-х годов состав хора достигал примерно двадцати человек. Многих из них, в том числе одной из запевал и единственного мужчины, гармониста и балалаечника, уже нет в живых. В последнее время активность хора заметно снизилась. Репетиции происходят нерегулярно, только перед выступлениями.

В составе хора можно выделить три поколения: самые старшие (1920-х годов рождения), средние (1930-х гг. р.) и младшие (1960–1970-х гг. р.). Более молодыми участниками состав хора не пополняется.

Репертуар хора, по подсчетам его бывшего руководителя, состоит примерно из восьмидесяти песен. Наряду с традиционными, в их число входят советские и современные песни. В 2000-е годы участниками хора был поставлен спектакль «Сбежавшая невеста» по сценарию Нины Михайловны Б***, запевалы и поэтессы. Это – инсценировка местного свадебного обряда, оживленная драматическими перипетиями. Она же написала сценарий постановки «Гостьба на Рождество».

Под «текстовыми стратегиями» мы понимаем, в частности, выбор песен для конкретных случаев, сокращения текстов для выступлений, историю появления песен в репертуаре и др. В качестве примера реализации «текстовых стратегий» можно рассматривать выбор песен для исполнения на разных площадках: на официальных мероприятиях, в приватной обстановке и в присутствии собирателей. Просмотрев съемки выступлений из видеоархива хора, я узнала, что при встрече приезжих коллективов на Троицких гуляниях в А*** и во вре-

¹⁴³ Культура Архангельской области: сайт.

мя купания в крещенской проруби почему-то уместным считалось петь свадебную игровую песню «Вдоль по морю». На официальных мероприятиях обязательно исполняется «Гимн А***», сочиненный неким жителем г. Мезени к 400-летию деревни. В присутствии собирателей он исполнялся несколько раз, причем в неофициальной обстановке: так, восьмидесятипятилетняя Пелагея Петровна пела его с соседской девушкой лет семнадцати у себя дома, во время импровизированного застолья, устроенного для собирателя; в другой раз гимн был исполнен на дне рождения мужа Нины Михайловны, в кругу родственников и друзей; с большим воодушевлением пели его на прощальном чаепитии в клубе перед отъездом собирателей. Такую востребованность этого текста можно объяснить, предположив, что он выполняет какие-то важные функции: например, выражает коллективные верования, транслирует мифологию сообщества.

Приведу столь популярный текст целиком:

*А*** мое, А***,
С детства милые сердцу края!
Север крайний, могучий, привольный,
Красоту полюбил твою я.*

*Припев:
Куда ни поеду, куда ни пойду,
Куда ни забросит судьба,
Родительский дом, родной уголок,
Нигде не забуду тебя.*

*На широких бескрайних просторах
Вырос я, креп душой и мужал,
Здесь впервые, робея, поморку
А***чку поцеловал.*

*Города повидал я большие
В них, признаюсь, комфорт и уют,
А***ские дали родные,
Как магнит, к себе манят, зовут.*

*Земляки вы мои, а***льцы,
Я горжусь вашей доброй душой,
Вашей дружбой и хлебосольством,
К А*** любовью большой.*

К «певческим стратегиям» мы относим технику пения и обучение ей, распределение голосов и др. Певческие стра-

тегии хора заслуживают отдельного исследования и не могут быть описаны в рамках данной статьи.

Сейчас в хоре осталась одна запевала – Нина Михайловна Б***, 1937 г. р. Еще в 2004 году запевал было две, раньше – несколько человек. Нынешняя запевала и ее близкая подруга составляют ядро хора. Они отлично поют дуэтом, а поодиночке петь отказывались. Молодые участницы поют *тонким* голосом (так на Мезени называется вторящий в октаву подголосок).

«Личностными стратегиями» мы называем поведенческие роли, реализуемые хористками: участие/неучастие во встречах хора, вступление в хор и выход из него и др. В структуре хора могут быть выделены следующие роли: руководитель, запевала, «эксперты», *молодежь* (молодой состав), балалаечник/гармонист.

Прежний руководитель А***ского хора, Ида Антоновна М***, 1937 г. р., оставила свой пост примерно в 2005 году. Ее сменила Валентина П*** (прим. 1965 г. р.). Как и ее предшественница, нынешний руководитель в основном занимается организационными вопросами: ведет подготовку к выступлениям, назначает дни репетиций и созывает хористок, собирает материалы о хоре, проводит праздники и т. п. Руководитель хора является также заведующей клубом, и в ее обязанности входит, в частности, организация досуга местной молодежи. Ида Антоновна посетила только одну репетицию хора – первую, на которой тихо подпевала и вообще держалась отстраненно. Некоторое время назад она носила траур по мужу. Валентина П*** присутствовала на всех наших встречах с хором, активно помогала собирать хористок.

Уже на первой встрече с хором стало понятно, что лидер – Нина Михайловна, на ней держится хор. Она запекает почти все песни, твердо знает репертуар. Ее мать тоже была запевалой, поэтому Нина Михайловна – запевала *потомственная*. Спустя некоторое время после нашего знакомства Нина Михайловна, с которой мы оказались соседями, сообщила нам о том, что они с мужем и подругой придут к нам в гости на Петров день. Женщины нарядились в свои сценические костюмы, Валерий Иванович взял с собой балалайку (см. ил. 2). Собиратели встретили гостей накрытым столом. Застолье длилось часа три, мы дружески и непринужденно

общались. На этот раз женщины пели песни в основном по своему выбору: они хотели спеть то, что мы не слышали на репетиции. Однако после этой многообещающей встречи наши попытки позвать Нину Михайловну на общую спевку в клуб заканчивались неудачей. Несмотря на просьбы собирателей и увещания руководителя, Нина Михайловна осталась непреклонной. У нас сложилось впечатление, что, посетив собирателей — в парадных костюмах, с музыкой, продуманной программой, — она посчитала, что миссия ее исполнена эффективно и сполна и дальнейшее общение излишне. Хор испытывал большие трудности из-за ее отсутствия. Положение пытались спасти старшие участницы хора, иногда с трудом, но все же запевая песни. Женщины помоложе отказывались запевать категорически, ссылаясь на неумение.

Среди хористок поколения 1930-х есть женщина, имеющая репутацию «знатока старины» в том, что касается обрядов, преданий, сказок и др., однако в пении она остается непризнанным «экспертом». Она критикует политику руководства, утверждает, что песни поются неправильно, пляшут на сцене не так, как раньше, поправляет произношение младших женщин, следя за соблюдением диалектных особенностей, — одним словом, ее усилия направлены на сохранение аутентичной манеры исполнения. При этом певица она очень посредственная, голос у нее слабый, напев она воспроизводит нетвердо и вообще большим авторитетом в хоре не обладает. Анна Сергеевна К***; одна из старейших участниц хора, 1928 г. р., скорее могла бы претендовать на статус эксперта, поскольку твердо знает напевы, может запевать, но она сохраняет нейтральную позицию: иногда запекает, иногда отказывается.

В младший состав хора входят три женщины примерно 1960-х гг. рождения. Хотя у них уже есть дети, а у одной их них даже внуки, они продолжают позиционировать себя как младшие. Молодые редко и крайне неохотно запевают и больше проявляют себя в плясках.

Балалаечник или гармонист¹⁴⁴ в хоре обладает высоким статусом, сравнимым с запевалой. После смерти Василия Петровича А*** — единственного мужчины в А***ском хоре, всеобщего любимца, — хор впал в уныние. Василий Петровича был душой компании, возглавлял процессии христовлавщиков с рождественской звездой, вдохновлял встречи в

¹⁴⁴ О ведущей роли гармониста на празднике см. [Адоньева 2004: 161–163].

клубе. У руководителя хора остались кассеты с записями его игры, под которые хор теперь иногда пляшет.

Мотивы вступления в хор представляют собой отдельную интересную тему. Далеко не всегда желание участвовать в хоре продиктовано способностью к пению. Некоторые хористки приходят в хор, потому что любят старинные песни (при этом они могут не обладать музыкальным слухом и хорошими голосами). По словам одной информантки, желание петь в хоре у нее было всегда, но она пошла в хор, когда вырастила детей и «семейная жизнь начала рушиться». В итоге по времени развод примерно совпал с поступлением в хор. Участница хора деревни Кеба, 1946 г. р., рассказала, что, хотя особой склонности к пению у нее никогда не было, она пришла в хор, когда ее мать, хористка с большим стажем, перестала туда ходить по старости.

Вступление в хор вносит в личную жизнь хористок радикальные перемены: можно сказать, что участие в хоре открывает другую степень свободы. Показательны воспоминания одной из хористок:

...да я ездила ведь по городам-то ездила ведь, все видала да все пела да, <нрзб.> была молода да молодёхонька, да веселым да веселёхонька. О, никакo горе меня не брало никогда. Мужик хорошей, мужик не пьяница, волю давал мне...¹⁴⁵

Примечательно, что под «волей» здесь подразумевается возможность вести артистическую жизнь: участвовать в гастролях, выступлениях на гостьбах. И хорошим называется тот муж, который не мешает такому образу жизни. Не всем хористкам повезло в этом смысле с мужьями: нам рассказывали о ревнивых мужьях, которые запрещали своим женам принимать активное участие в выступлениях.

Гастроли дают возможность увидеть много новых мест, узнать иную жизнь. География гастролей А***ского хора охватывает Архангельскую область. Кебский хор ездил с гастролями по России и Европе.

Кроме пространственной мобильности хористки получают возможность перемещаться в пространстве социальных статусов. Ясно, что должность руководителя хора почетна, но и рядовые участницы хора, как мне представляется, приобретают более высокий статус по сравнению с остальными местными жителями. В советское время доярки и телятницы, телефонистки и продавщицы становились артистками

¹⁴⁵ ФА СПбГУ. Архангельская обл., Лешуконский р-н, Олемский с/с, Кеба, д. Л. Е. С., 1929 г. р., местная; зап. Веселова И. С., Беляева Е. А. 14.07.2010.

(см. ил. 3, 4). Как мне кажется, представление об артистическом статусе как высоком и желанном складывается у деревенских жителей под влиянием телевидения. Кроме того, советская практика присуждения государственного звания «Народный артист СССР» сформировала ореол почтения перед профессией певца. Участвуя в художественной самодеятельности, в районных конкурсах, олимпиадах, смотрах, на которых также присуждались почетные звания, деревенские женщины становились причастными к миру людей искусства, уважаемых и поощряемых государством.

В данном контексте примечательна история ставшего знаменитым фольклорного коллектива «Бурановские бабушки», который участвовал в конкурсе «Евровидение» 2012 года. В результате победы в конкурсе они получили широкое общественное признание, популярность, повышенное внимание СМИ, обеспечили себе концертную ангажированность на ближайшие годы. Все выступавшие участницы коллектива указом президента Удмуртской Республики получили звание народных артисток¹⁴⁶. Как мне представляется, этот коллектив реализовал формулу успеха на пути стяжания артистической славы, чаемой многими деревенскими хористками.

Приведу фрагмент из интервью с К*** – семейной парой из деревни Жердь, известными в районе песельниками, всю жизнь участвовавшими в художественной самодеятельности:

...вся филармония архангельская стояла – не даешь другим вести концерт. Хлопают. А там сидел заслуженный артист, Плотников наш, архангельский, так он говорит: «Этого парня задержите, я с ним еще побеседую». А я сразу, там спрятался, меня ищут там, под руки. А он меня сразу: «Ты где учился?» Я говорю: «Как где учился? Я с четырьмя классами, из Жерди...» – «Как ты все, выражение там у тебя все правильно!» Ну, я ему рассказал. Он говорит: «Везите его щас же на телевидение, будем без всяких»¹⁴⁷.

Как пример карьеры, сложившейся благодаря поступлению в хор, приведу биографию одной из хористок, 1941 г. р.: «После окончания школы М. И. работала в колхозе „Заря“ дояркой. Она не могла продолжить образование, поскольку ее, как ребенка родителей-колхозников, не отпускали из колхоза. В итоге... проработала дояркой десять лет. <...> „Потом она работала телефонисткой на почте. Отработав в свя-

¹⁴⁶ Википедия. Свободная энциклопедия: сайт. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Бурановские_бабушки

¹⁴⁷ ФА СПбГУ. Архангельская обл., Мезенский р-н, Жердский с/с., Жердь, д. К. К. И., 1932 г. р., К. В. А., 1933 г. р., местные; зап. Веселова И. С., Козак В. В., Семенова А. С. 24.07.2007.

зи год, она получила отпуск и поехала в Архангельск, где случайно увидела объявление о наборе в студию Северного хора. М. И. пошла на прослушивание, которое проводил хормейстер... Он предложил исполнить народную песню, она спела лешуконскую „Лучше бы я, девушка, у батюшки жила“ и была принята“. А вот как описывает М. И. свое поступление: „Ак нечего делать-то, и пошла в это, зашла. Зашла, и там были девки-то, тоже телефонистки с Засулья да всё. Тетя приехали поступать, а я без юбки, в одних трусах да в этом <смеется>. Я раз да два, зашла. Откуда? Да, я, говорю, с Лешуконского, тут в отпуске, дак. <...> И вот я, бляха, на всю эту филармонию, в Архангельске-то. Голосить тогда молода была, ох, раз спела, они там забегали, там, другие прибежали, еще это: „А вы чё здесь делаете?“ Говорю: „Да я в отпуске“. „Где живете?“ Я говорю: „Так-то там“. „Вы завтра не можете еще прийти?“ Я говорю: „Не знаю“. Тетке говорю: „Песню ходила пела“. „Где?“ Я говорю: „В этом, как его, в филармонии“»¹⁴⁸. М. И. поступила в хор, освоила нотную грамоту. Спустя некоторое время ей предложили занять место заведующей клубом в поселке Б*** Щ***. Там она создала хор и два вокально-инструментальных ансамбля.

Уход из хора также является важным событием в жизни хористок. В качестве мотивов ухода называют старость и болезни, страх перед общественным мнением, внутренние конфликты, траур. Часто еще, казалось бы, достаточно бодрые пожилые женщины говорили нам о том, что стесняются выступать на сцене, так как им стыдно перед зрителями за свою старость.

Я боюсь людей-то, я пою, дак меня осужают, что стара да петь пошла, меня осужают люди-те.

Что касается траура, не всегда смерть близкого человека накладывает запрет на пение. Нам известны случаи, когда хористки продолжают петь, выполняя предсмертную волю покойного. Женщина 1959 г. р. рассказала, что мать наказывала ей выступать на празднике:

Ирина, ты на меня траур не держи, я не хочу тебе праздник портить, потому что такое <имеется в виду юбилей деревни> раз в жизни бывает.

«Исполнительскими стратегиями» были условно названы манипуляции с костюмами: их моделирование, приобретение, передача и др. Сценический костюм А***ского и Лешу-

¹⁴⁸ Из биографической заметки об этой хористке, составленной в рамках семинарских занятий Е. Беляевой по материалам интервью и Интернет-публикациям о хоре.

конского хоров состоит из шелкового платья с длинными рукавами, называемого здесь *сарафаном*, головного убора девушки-невесты – *повязки*, рипсовой шали, пояса и белого платочка. К повязке крепятся ленты и иногда – искусственная коса (см. ил. 5). Из интервью с хористками у меня сложилось впечатление, что старинные, бережно сберегаемые сарафаны воспринимаются ими не как семейные реликвии, а в первую очередь как сценические костюмы:

...она никуда не ходила, она не, че, куда с ней, продают, продают <сарафаны>. <А покупают только те, кто поет, да?> Кто поет, да. А так зачем он¹⁴⁹.

Ведь надо выступать-то. Не по чужим бедам – своё есть¹⁵⁰.

Не каждая женщина может похвалиться доставшимися по наследству старинными нарядами. Например, мы познакомились с женщиной, обладающей не лучшей репутацией в деревенском сообществе. По ее словам, препятствием для вступления в хор для нее было отсутствие костюма. Старинные платья, полushалок и бусы она заработала прополкой соседских огородов. Однако, несмотря на обретение костюма, в хоре она так и не поет.

Костюм – предмет похвальбы в частушках о хоре, сочиненных Ниной Михайловной для выступления на фестивале. Бывший руководитель хора, читавшая нам эти частушки по своему песеннику, особо отметила, что их костюмы были самыми красивыми (хотя после просмотра фотографий и видеозаписей концертов на съезжих праздниках у меня создалось впечатление, что костюмы деревенских хоров на Мезени примерно одинаковые). Нам рассказывали о конкурсе, на котором оценивалось, насколько аутентичны костюмы хористок. Проверяли даже, правильные ли рубахи у них надеты под платьями.

Из «внешних» стратегий я остановлюсь на «горизонтальных» отношениях А***ского хора с другими хорами. Дух соперничества даже спустя десятилетия чувствуется во взволнованных рассказах о конкурсах, смотрах, фестивалях, где встречались ансамбли из разных мест. Один из самых острых вопросов – борьба за репертуар. Об одних и тех же песнях в разных деревнях нам говорили, что это их исконные песни, позаимствованные другими хорами. Вообще отношения с конкурентами, то есть с другими хорами, имеют характер

¹⁴⁹ ФА СПбГУ, Мез24-211, Архангельская обл., Мезенский р-н, А***, д., Б. Н. М., 1936 г. р., местная; зап. Мариничева Ю. Ю., Семенова А. С. 15.07.2008.

¹⁵⁰ ФА СПбГУ, Мез24-214, Архангельская обл., Мезенский р-н, А***, д., Б. М. В., 1938 г. р., местная; зап. Семенова А. С. 16.07.2008.

агона – соревнования в стяжании славы, числе побед на конкурсах, мастерстве, красоте нарядов.

Интересно понаблюдать над тем, как высказывания о конкурентах в личной беседе, иногда откровенно неприязненные, преобразуются в официальном регистре говорения о жизни хора. Приведу тексты частушек, которые были спеты А***ским хором на фестивале, как очень показательные в отношении «внешней политики» хора:

*На фестиваль нас пригласили –
Мы не отказались.
И на лодке, и пешком,
Но все же добирался. <...>*

*Как на этом фестивале
С многими сдружились:
С чукчами и ненцами,
С французами и немцами,
С казáками, туля́ками,
С коми и тувинцами.*

*Много пели и плясали,
Очень сильно уставали,
Ахали да охали,
Но зато нам хлопали.*

*По Архангельску гуляли
И в Корелах побывали,
Хоть и не гадали,
А в гала-концерт попали. <...>*

*Много пели и плясали,
Много говорили,
Нарядами своими
Всех мы покорили. <...>*

*А гостиница «Двина»
Очень вкусно пахла.
А духи нерусские,
А духи французские¹⁵¹.*

Хор изображен как открытый для общения, дружелюбный, веселый, энергичный. В последней частушке примечательно упоминание французских духов, которые в данном случае символизируют приоткрывающийся доступ к заграничным благам, в частности – к духам. Ими почему-то пах-

¹⁵¹ ФА СПбГУ, Мез8-59. Архангельская обл., Мезенский р-н, А***; д. М. И. А., 1939 г. р., местная; зап. Уорнер Э., Гречкина Е. С., Семенова А. С. 09.07.2008.

нет гостиница в Архангельске, но так, вероятно, и должно быть в ситуации выхода за границы обыденности. Эти французские духи, как мне представляется, придают гастролирующим хористкам особый шик, а участие в хоре делают особенно заманчивым.

Итак, я рассмотрела некоторые аспекты структуры фольклорного хора. Как было сказано выше, в первую очередь меня интересовали сценарии поведения, реализуемые участниками этой группы. Представляется, что можно выделить коллективные и индивидуальные сценарии поведения. Коллективной я бы назвала стратегию стяжания славы на всех доступных уровнях. Индивидуальными сценариями – занятие ключевых позиций в хоре (руководителя, запевалы или «эксперта»), обретение репутации «знатных песельников» и гастролирующих артистов. Хор представляет собой площадку, на которой могут быть реализованы разнообразные таланты: музыкальные, поэтические, организаторские и др. К индивидуальным сценариям можно также отнести вступление в хор тех, кто, не зная песен и не умея петь, хочет быть причастным, подпевать. Вероятно, так поступают те, кто не нашел свою «нишу», но испытывает необходимость в интеграции и поддержке группы. Выше я упоминала рассказ о вступлении в хор в кризисной жизненной ситуации, и это не единственный случай.

Желание участвовать в хоре кроме названных выше символических и вещественных бонусов объясняется, на мой взгляд, еще и тем фактом, что хор представляет собой социальное пространство, в котором, видимо, нуждаются немолодые деревенские женщины. Репетиции напоминают *беседы* – традиционные вечерние собрания молодежи – или взрослые *компании-шайки*¹⁵² – компании по интересам. Как мне представляется, деревенские хоры восполняют потребность в организованном внесемейном досуге, которая раньше обеспечивалась *беседами* и *компаньюшами*.

Участие в концертах и особенно выступления на съезжих праздниках вносят значительное разнообразие в деревенские будни. Еще в конце 1990-х съезжие праздники отмечались с масштабом: сохранились видеозаписи, и они производят сильное впечатление. Гости приплывали в деревню, где проходил съезжий праздник, на барже. Хористы несли в руках большие чемоданы с костюмами. На *угоре* их с пени-

¹⁵² Об этом см. [Матвиевская 2012: 114–116]

ем под гармонь встречала принимающая сторона. Эффектно выглядели хористки в старинных нарядах, ходившие с песнями по деревенской улице, выстроившись в колонну длинной в несколько десятков человек.

Широта распространения практики пения в фольклорном хоре наводит на мысль о том, что участие в хоровом коллективе входит в габитус пожилой деревенской женщины советской и постсоветской эпохи. Это предположение, как мне кажется, позволяет понять приведенную выше историю о женщине, пришедшей в хор на смену своей престарелой матери. На Пинеге я слышала рассказ об аналогичном случае. Эти женщины, достигнув определенного возраста (примерно шестидесяти лет), почему-то почувствовали, что пора идти в хор, хотя до этого у них не возникало такого желания. В обеих историях фигурировали матери, только в первом случае мать ушла из хора по старости, а во втором – умерла. Вступление в хор, таким образом, здесь объясняется то ли стремлением соответствовать габитусу определенного возраста, то ли потребностью пойти по стопам своей матери.

Пение в *фольклорном хоре*, таким образом, можно назвать поведенческой культурной формой, появление которой относится к 30-м годам XX столетия, позволяющей члену деревенского сообщества осуществлять выбор и реализовать себя в другом качестве.

Литература

Адоньева – Адоньева С. Б. Прагматика фольклора. СПб., 2004.

Иванов – Иванов А. С. Художественная самодеятельность. [Электронный ресурс] // БСЭ. Цит. по: Энциклопедии&Словари: сайт. URL: http://enc-dic.com/enc_sovet/Hudozhestvennaja-samodejatel'nost-97277.html.

Иванова 2009 – Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 гг. СПб., 2009.

Матвиевская 2012 – Матвиевская Л. Ф. «Во пиру ли я была да во компаньюше»: внесемейная организация социума // Филологический практикум. Речевая и обрядовая культура Русского Севера. СПб., 2012. С. 112–124.

Olson 2004 – Olson L. J. Performing Russia: Folk Revival and Russian Identity. New York; London. 2004.

Маргинальная фигура в социальной практике и дискурсе: *примак*

Андрей Викторович Степанов, Ольга Георгиевна Хон

В данной публикации мы хотим описать такое неоднозначное социальное явление русской деревни, как примачество, и представить его посредством интерпретаций, данных непосредственными участниками складывающихся вокруг этого феномена социальных взаимодействий. В работе собраны архивные записи Кабинета фольклора СПбГУ и АНО «Пропповский центр», сделанные в ходе экспедиций 2005–2012 годов на Русский Север: в Вологодскую (Сямженский, Верховажский, Череповецкий, Тотемский районы), Архангельскую (Мезенский, Лешуконский районы), север Кировской области (Нагорский район). Основной массив информации охватывает реалии второй половины XX – начала XXI века, то есть от послевоенного времени до наших дней.

Примачество, в рассматриваемом здесь контексте, представляет собой разновидность брака, при которой муж (зять) входит/принимается в дом жены (тестя). В исследованных регионах такой зять носит именование *примак* (арханг., волог., киров.), *приемыш* (арханг., волог.), *животник*, *привал* (волог.), *принятой*, *дворовик* (арханг.). Смысл всех номинаций, кроме одной – *животник*, – в целом прозрачен. *Животник* – более емкий термин. По мнению исследователей, он восходит к древнему обычаю «большие и тяжелые работы, такие, как устройство водяных мельниц, расчистка леса под пашню, делать миром, коллективом, на паях, в складчину или, как тогда называли, в „складной живот“ – общее имущество. Каждый участник „складного живота“ имел в нем пай, часть, называвшуюся „сутки“ и равную числу отработанных суток. Складничество перешло в семейный быт. Когда брали в дом зятя, а не выдавали дочь на сторону, то его хозяйство, его

имущество принимали в свое, как бы в складчину, в „складные животы“ – общее имущество. С течением времени про такого зятя стали просто говорить: „В животы ушел!“ или „Животника взяли!“» [СРНГ 1972: 159]. Эта интерпретация, как будет видно ниже, перекликается с полевыми данными. Далее в тексте для удобства мы будем использовать только термины *примак* и *приемыш*.

Указанный феномен достаточно подробно освещен в дореволюционной этнографической литературе. Преимущественно о нем писали специалисты по обычному праву («этнографы-обычники»), которые делали акцент прежде всего на экономических и правовых аспектах примачества [Ефименко 1884; Ефименко 1900; Островская 1913; Тютрюмов 1879; Шейн 1900 и др.]. Эти же вопросы поднимались в основном и в исследованиях советского периода [Александров 1984 и др.]. В данной работе мы хотим представить и кратко проинтерпретировать данные, дискурсивно артикулирующие социально-психологическую и экзистенциальную стороны проблемы.

Приход мужчины в дом тестя, так же как и привычный для русской традиции патрилокальный вариант брака, есть результат встречных матримониальных стратегий, устаивающий или, по меньшей мере, долженствующий устраивать обе стороны (и выдающих, и принимающих). Это – более редкий и более специфический вариант, чем «обычный», но, тем не менее, типовой, так как подобные ситуации так или иначе регулярно случаются и случались. Они отвечают жизненной необходимости и, соответственно, хабитуально обусловлены. В этом смысле мы не видим основания считать его «отступлением от обычного порядка»¹⁵³.

Среди «объективных» условий данного феномена можно выделить, по меньшей мере, три магистральных линии, прослеживаемых как в дореволюционных материалах, так и в данных наших интервью:

1) **Сторона невесты:** в семье одни дочери [Приложение. Тексты: IV, X, XVI, XX, XXIII, XLI¹⁵⁴], либо единственная дочь [VIII, XIII, XVIII, XXII, XXIV, XXXIV, XL, XLI], либо последний оставшийся в доме ребенок-дочь [XVI, XLIX]; вдова (в своем доме, в доме покойного мужа; вариант: дочь вдовы [XXIV]) [XVII, XIX, XXVI, XLIII, LVI]; сирота [VII, XXXII, XXXIII, XLIV]. **Сторона жениха:** в семье несколько сыновей,

¹⁵³ См. [Щепанская 2005: 493].

¹⁵⁴ Далее мы будем указывать только номера текстов Приложения.

так что сложно выделить долю всем [I, II, IV, X, XIII, XVIII—XX, XXX; XXXIV, XXXVIII]. Эта ситуация является наиболее часто встречаемой.

2) **Сторона жениха:** жених из бедной семьи [XXXV, XL] (вариант — погорелец [XLV]). **Сторона невесты:** то же.

3) **Сторона жениха:** приезжие [IX, XLIII]: промысловики [XXXIX; XLVIII], завербованные [XLIV, XLVIII], ссыльные, детдомовцы [III], «бродяги» [XLV] и т. п. **Сторона невесты:** то же.

Любая матримониальная стратегия преследует в числе других две цели: воспроизводство (продление рода) и сохранение состояния (приумножение хозяйства, развитие ресурса)¹⁵⁵. Рассматриваемый сценарий направлен еще и на восполнение двойной недостачи: рабочей/производящей силы — в семье невесты, материального ресурса (доли) — в семье жениха (через его убытие). Для обеих сторон этот сценарий заложен в порядке и логике возможностей семьи. В семье жениха старшим сыновьям стараются построить дом — на них еще хватает ресурса, младший остается в родительском доме, кто-то из средних выходит в примачи. Это обыкновение отражено и в записанной в одной из экспедиций сказке, по сюжету которой старший сын строит дом, средний уходит приемышем, младший приводит жену в отцовский дом [IV]. В одном из интервью прямо акцентируется то обстоятельство, что именно среднему суждено *выйти в дом* [XLV]. Для семьи невесты, то есть для ее отца и матери, принять примача — значит, как уже указано, обеспечить (а) продолжение рода и (б) сохранение хозяйства или, особенно учитывая экономические реалии советской эпохи, хотя бы просто прокорм в старости. При этом вторая мотивация, насколько позволяют судить данные, выражена в примачестве едва ли не ярче, чем первая. Примачество как форма брака коррелирует с другой формой приема в дом: с целью заботы о себе и хозяйстве престарелые и не имеющие детей люди (пожилые пары или одиночки) могли принимать к себе в дом на различных условиях детей, взрослых и даже семейные пары. Они включались в наследование уже, разумеется, не по родственному признаку. Они также номинировались как *животники* (Вологод. обл.) и *принятые* (Арханг. обл.). Подобное примачество стоит в тесной связи с усыновлением, но не тождественно ему. В нашем распоряжении есть несколько подобных примеров, которые мы приводим в При-

¹⁵⁵ См. в этой связи: [Бурдые 2001: 123 и след.]

ложении [XX–XXIII, LXIX], но оставляем без комментария, поскольку они заслуживают отдельного исследования.

Входя («выходя») в дом, приемыш вступает также и в новые отношения с социумом. При обычае заключения браков преимущественно с жителями других деревень (VIII, X–XII, XIX, XXXII, XLIX) примак становился членом не только семьи, но и общины – реалья, характерная для дореволюционного периода и, вероятно, некоторого времени после революции. Примак зачастую принимался в дом с согласия схода, по «приговору» общины [Русские крестьяне 2004: 189]. Даже сама номинация, конституирующая это социальное событие, определяла примака не только как принятого в дом, но и в общину (вят.) [СРНГ 1997: 127]. Слово «животник» в ряде интервью также связывается именно с пришельцами из других деревень, а не с местными приемышами [VII, X–XII, XIX], и, более того, они считались *животниками*, пока не были особым образом «приняты» в деревню [XIX] (см. ниже). На женщин, как известно, земельный пай не полагался [XXXIII, XXXIX, XLI, LV]. А примаку община была обязана выделить пай [Там же]. Это обстоятельство было болезненным для общины – как для ее материальных ресурсов, так и для морали «ограниченного блага» [Foster 1965]. Так, одна из наших информанток, вспоминая рассказ деда, сообщила, что бывали случаи, когда мужики выводили примака за пределы деревни [XXXIII]. С другой стороны, для семьи, берущей примака, этот ход (прием в дом) являлся способом получить лишний кусок земли, что в определенной степени сталкивало интересы семьи и общины. И это – один из источников напряженности.

К социальной практике вхождения примака в сообщество дольщиков восходит обычай «приема в зятя»¹⁵⁶, который состоял в обязанности примака «проставиться» водкой мужикам той деревни, в которую он приходит [X, XIX, XXIII, XXIV]. После этого приемыш считался полноценным членом общины [X, XIX] и получал право участвовать во всех коллективных практиках [XIX], то есть, соответственно, вносить свой вклад в общее благо. Этот обычай сохранился и в советское время.

С уничтожением общины и лишением крестьянства земли (за вычетом приусадебных участков) болезненный вопрос выделения примаку земельного пая исчезает, то есть

¹⁵⁶ Практика, вероятно, сопутствовавшая факту записи примака в волостную книгу.

входящий в домохозяйство жены мужчина перестает задевать экономические интересы социума. Теперь весь спектр отношений переходит в область собственно семьи, в которой, по меньшей мере, формально – согласно законодательству¹⁵⁷, – примак получает равные имущественные права с остальными. И тем не менее, как свидетельствуют наши интервью, настороженное отношение сообщества к примакам остается в силе. Защитный механизм социальной системы, которым в данном случае можно считать «общинное сознание», обусловленное нуждами и практиками коллективного бытия, а потому сохранившееся и после официального упразднения общины, продолжает селективную работу, стремясь, по меньшей мере, обозначить нежелательные для нее факторы. Так, даже появление в деревне чужих фамилий вследствие прихода приемышей оценивается неблагоприятно [V, VI, XXIII]. На Мезени номинация «дворовик» может применяться специально к приезжим (*бродягам*), проживающим с женщинами вне законного брака и неработающим [XLV] (что в настоящее время случается нередко) или просто к проживающим с женщиной вне брака, хоть и к местным [XLVI]. В данном случае и «чуждость», и внебрачные отношения есть факторы одинаково нерелевантные для единства общины, почему они и подводятся под один знаменатель. Деревенский же примак, даже если он из другой деревни, живущий в официальном браке, прозывается в этом случае *боровиком* [XLIV, XLV]. Чтобы быть принятым социумом, пришлый примак должен также непременно «показать себя» – трудом и согласием с коллективом [XLV].

¹⁵⁷ «Лица, входящие в состав двора вследствие брака или приимачества, приобретают право на пользование землей и имуществом общего пользования в составе данного двора на общих основаниях» (Земельный кодекс РСФСР 1922 г. Ст. 66, примеч. См. Землеустроительная экспертиза: сайт. URL: <http://kadastr61.ru/biblioteka/7-kodeksy/116--30-1922.html>).

* * *

Огромную роль в истории и характере описываемого социального феномена сыграл фактор исторического *события*. Таким событием явилась Вторая мировая война. Она повлекла изменение соотношения сил в различных сферах социальной и, в том числе, половозрастной стратификации. На войне полегло большое количество мужского населения всех социальных возрастов – парней, мужиков, большаков, поэтому практика приема мужчины в дом стала в определенной степени способом выживания (этот механизм, по всей вероятности, срабатывал и раньше, но в гораздо меньшем масштабе, ибо в прежних войнах под ружье не ставилось

практически все мужское население). Случаи приема в дом участились именно после войны, как свидетельствуют сами информанты [XX, XXVI, XXVII, XXX], с этим связывают, в частности, как мы уже отметили, появление чужих фамилий [V, VI, XXIII, XXXVI]. Кроме того, по причине дефицита мужской части населения — отбывшего на фронт, погибшего — возросла социальная активность, значимость, самостоятельность женской части¹⁵⁸.

Брак в «традиционном» обществе есть, как известно, не индивидуальный союз, а связь между родами/семьями. Невеста или жених приходит в дом. Специфический акцент в отношениях возникает у приходящего со свекровью или тестем (соответственно). Как свидетельствуют записи, в отношениях примак — тесть доминирует тесть, *большина* переходит (если переходит) к приемышу после смерти тестя [XX, XXIII, XXVII, XXXIX, XLIX]. Этот паттерн очень мощный: примаку фактически невозможно поставить себя так, чтобы изначально быть в семье главным, это значило бы перевернуть вертикаль отношений. Следствием непреодолимости этого же паттерна является, по всей видимости, то, что между приемышем и тестем обычно царит согласие (например, [XL]). Коллизии, как свидетельствуют интервью, имеют место с тещей. Наши записи демонстрируют либо подчиненность зятя-примака теще, либо его сопротивление ей [XVI, XX, XLIII] (хотя все индивидуально (ср. [XI]), гипертрофированное порой до совершенной анекдотичности [XVI]¹⁵⁹). И на это есть свои причины. Как показано в монографии Лоры Олсон и Светланы Адоньевой, парень, женившись, то есть перейдя в разряд мужиков, становится в горизонтальные отношения со старшими женщинами — большухами (матерью, тещей): они равны по рангу в половозрастной иерархии [Olson, Adonyeva 2013: 6–11]. Собственно говоря, при патрилокальном браке зятю с тещей делить особо нечего: даже на ее территорию он заступает в ритуально оформленные моменты времени (праздничная *гостьба*). Примак же входит на территорию тещи на ПМЖ, что уже само по себе может инспирировать определенные трения. Кроме того, в связи с тем, что многие большаки полегли на войне, власть большух-тещ и расширилась, и усилилась [XLIII], число семей, оставшихся без «мужского начала», как известно, было огромно. Таким образом, примак зачастую входит в отношения именно с тещей,

¹⁵⁸ Чему война явилась, конечно, очень существенной, но не единственной причиной.

¹⁵⁹ Что, безусловно, коррелирует и с городской реальностью с ее анекдотами про тещу и зятя.

и конфронтация может быть обусловлена тем, что хотя «традиционно» они находятся в положении статусного паритета, реально теща претендует на главенство. Примечательно, что эпитеты и фразеологизмы, которыми наделяется примак, определяют его отношение именно к теще, а не к тестю и не к жене: *чужой сошток* [XIII, XIV], *подсосошник*, *подшестошник* [XIV, XVI], *на бабы щи пришел, на пизды щи пришел* [XLIV]. Шесток – горизонтальная площадка перед устьем печи (на который, в частности, выставляются по готовности щи для поддержания температуры). Подшесток, подшесточник – углубление под шестком, в котором держат кухонный инвентарь [СРНГ 1994: 254]. Печь, как известно, есть статусный топос хозяйки, метонимически с ней взаимосвязанный. Устье печи символически связывается с фертильностью хозяйки. В фольклорных текстах неоднократно встречаются намеки на квазисексуальные отношения между тещей и зятем [Olson, Adonyeva 2013: 7–10]. Приведенные нами эпитеты также содержат эротический подтекст, но в нем особо акцентировано подчиненное положение зятя-приемыша. Сюда же, видимо, семантически примыкает и обычай *записывать в зятя* примака деревенскими бабами во время свадьбы – таким образом, они как бы становятся в позицию коллективной тещи [IX].

В определенной степени, как демонстрирует рассказ одного из информантов, хозяйке-большухе для удержания своей власти может быть даже выгоднее иметь зятя при дочери, чем невестку при сыне: гораздо легче поддерживать согласие с дочерью, чем с невесткой: «Ночная кукушка дневную перекукует» [XLII].

Одной из категорий, нуждающихся в «восполнении недостачи» (о чем мы говорили выше), являлись вдовы или/и семьи, в которых они проживали. Решение *принять в дом* принималось, как правило, свекром и свекровью и предлагалось или навязывалось невестке-вдове [XXVI, XXVII, XLIII], либо, в особых обстоятельствах, иницилирующей силой могли выступать иные родственники [LVI]. Можно предположить, что это было психологически очень непростое решение, ибо в этом случае под их кровом оказывались уже фактически чужие люди и их потомство, особенно если у вдовы не было детей от первого мужа – их сына. В одном из интервью повествуется о том, что одна такая свекровка-теща, столкнув-

шись с подобной проблемой, настояла на том, чтобы двум из четырех детей ее невестки и принятого в дом зятя была дана фамилия ее погибшего сына (то есть первого мужа невестки) [XLIII] – таким, пусть и достаточно условным, образом, род и его имущество получили возможность существовать далее.

Видимо, с этой же целью – продления рода и сохранения за ним собственности – примачков (уже не обязательно в ситуации их женитьбы на вдовах) в ряде случаев принуждали принимать фамилию жены, то есть ее рода, чтобы тем самым передать ее потомству [XXX, XXXIX, XLIX].

В ситуации, если вдова – с детьми или бездетная – проживала одна, она сама могла брать в дом приемыша [XVII, XIX]. Светлана Жаворонок считает вдовство и примачество взаимомотивирующими парными институтами [Жаворонок 2000]. С этим мнением можно согласиться с той оговоркой, что эта мотивация не является единственной. Безусловно, не является единственно определяющим и фактор послевоенного вдовства (хотя он наиболее частотен): высокая мужская смертность в деревне (причины: алкоголизм, самоубийства и др.) есть один из признаков советской и постсоветской эпох¹⁶⁰, что, кроме прочего, является причиной немало числа разновозрастных браков – когда жена-вдова старше мужа, – часто матрилокальных (см. [XLVI, XLVII]). «Вдовый вопрос» вообще неоднозначен – как в плане «жизненной позиции» самой вдовы, так и в плане ее репутации в социуме. Исследователи, следуя за фольклорной традицией, выделяют *честных вдов*, то есть тех, которые не выходили повторно замуж, не имели связей с мужчинами и были сосредоточены на воспитании детей (если таковые имелись), и *молодых вдов*, ориентированных на повторное замужество, либо имеющих внебрачные связи [Жаворонок 2006; Семенова 2012]. Именно молодые вдовы занимают «щекотливую» позицию в поле гендерных взаимоотношений и дискурса. «Традиционно» носили специфический характер, например, контакты молодых вдов и парней: в сексуальных отношениях со вдовой парень получал добрачный опыт, который считался необходимым. После Второй мировой войны «удельный вес» молодых вдов среди женского населения существенно возрос, создавая, во-первых, ощутимую конкуренцию в области брачных стратегий (см. ниже), а во-вторых, «соблазн»

¹⁶⁰ См. в этой связи: [Адоньева 2004], а также Введение к настоящему сборнику.

для мужской части социума. Вследствие этого незамужняя вдова могла оказаться предметом ревности других деревенских баб («...нельзя с чужим мужиком поговорить там... Лучше принять животника, чем худословие терпеть»), и, таким образом, гнет общественного мнения подталкивал ее к браку [XXVI]. Свободная женщина в фертильном возрасте есть источник напряженности в деревне, и этот фактор вносит еще одну ноту в темы вдовства и примачества. Возможно, следствием неоднозначного отношения к контактам со вдовами можно считать и следующую историю: отец запрещает дочери выходить замуж за *вдов(у)ча* (он — сын вдовы и ее мужа-приемыша) [XVII].

С этим связано одно важное обстоятельство: приемыши (женившиеся как на вдовах, так и не на вдовах, или, правильнее сказать, вышедшие за них) очень часто были младше своих жен [VII, VIII, XI, XII, XXIX], это подросток за время войны поколение (что, в частности, могло способствовать их подчиненному положению). Конечно, соотношение возрастов вступающих в брак могло быть различным, но отмеченное нами обстоятельство достаточно частотно. Война, кроме всего прочего, сдвинула рамки брачного возраста в женской среде, а также и сместила соотношение сил в ней. Как свидетельствует интервью, вдовы и «девушки постарше» уводили у молодых девушек их ребят, поскольку у них был довоенный опыт общения-ухаживания и, в частности, опыт *бесед-посиделок*, во время которых и образовывались парочки. У молодых девушек этот опыт отсутствовал — во время войны, по понятным причинам, *бесед* не было [XXX]. Безусловно, факт «увода» женихов более опытными девушками у молодых еще необязательно свидетельствует о матрилокальном браке, но, по нашему мнению, он весьма для него характерен, к тому же «девушка в возрасте» по объективным причинам нередко оказывалась последним оставшимся в родительском доме ребенком. Заметим также, что это часто отсрочивало момент вступления в брак молодых девушек, что в свою очередь способствовало становлению габитуса разновозрастных браков.

С обстоятельством старшинства невест связано и следующее зафиксированное нами на Вологодчине обыкновение. Если мужчина приходит в дом жены, то в этом случае сватовство осуществляется со стороны невесты, соответствен-

но, *смотр места, просватки* происходят в доме невесты, на Масленицу невеста едет к свекрови на блины [VII, VIII, XI, XII, XVIII – XXIII, XXVIII]. Брачные действия невесты и жениха могут при этом выражаться в следующих категориях: невеста *женится* [XI, XX], а жених *выходит замуж* [XI], а также может сравниваться с невестой [XX]¹⁶¹. Собственно говоря, мужчина при матриликальном браке в дом жены не столько входит, сколько выходит: устойчивые сочетания типа *вышел в дом* [I, XVII, XIX] или *вышел в живота* [VII], сформированные, по всей видимости, по аналогии с конструкцией *выйти замуж*, четко и емко артикулируют соответствующую модальность социального события: здесь маркировано *отделение*, выход из *своего* как себе принадлежащего, в *чужое* как принадлежащее другим; *выход* здесь и эмоционально, и семантически нагружен сильнее, чем *вход*; конструкция *вошел в дом* была бы здесь не релевантна модальности события, ибо тогда в этом действии была бы акцентирована значимость именно вошедшего.

Сватовство со стороны невесты не является, конечно, порождением послевоенного времени – мы встречаем упоминание о нем и в дореволюционной литературе [Звонков 1889: 72], – но является для него показательным.

Таким образом, имеет место своеобразная инверсия ритуальных позиций. Но нетрудно заметить, что она обусловлена самой логикой происходящего: как в плане сценария – та сторона, которая принимает в дом, инициирует действие, – так и в плане пространственных перемещений. Подобное сватовство происходит не всегда, когда невеста старше, но, по всей вероятности, здесь есть определенная связь, поскольку старшинство, так же как и вдовство, в известной мере корреспондирует с активностью принимающей стороны – является для нее не только дополняющим, но и мотивирующим фактором. В самом деле, данный свадебный обычай является по сути локальным ритуализованным проявлением некой общей интенции (это прием, «изобретенный» габитусом локальной системы), состоящей в том, что именно сторона принимающая, старшая, нуждающаяся, проявляет активность (в поиске и добывании желаемого). Например, парень сватается к вдове, которая старше его на пять лет, но сам поиск осуществляется с ее стороны [LVI]; одинокая женщина ищет и приводит в дом мужа namного

¹⁶¹ Ср. также: в Тверской губ. мужчину, принятого в дом тещы, односельчане могли называть *снохой* [Русские крестьяне 2004: 290].

младше себя – своеобразная форсированная форма сватовства, именно так позволяет это видеть интервью [XLIV]; более того, сам факт *выхода* мужчины в дом жены может называться *сватовством* девушки к парню, хотя в прямом смысле такой практики в конкретном регионе и нет [LVIII].

* * *

Итак, как мы уже отметили, примак занимает совершенно необходимую нишу в социальной системе – без практики приема в дом она не может функционировать. Но при этом, как показывают материалы, примак, восполняющий недостатки, сам оказывается в маргинальном положении, которое можно назвать квазианомальным. Можно сказать, что примаческий брак является своеобразной зоной напряженности как в матримониальных, так и в более широких социальных отношениях. Наиболее распространенная оценка феномена, сквозящая как в формульной, так и в спонтанной речи, сводится к тому, что примачество, во-первых, нежелательно как для принимающей, так и для отдающей/выходящей стороны, и, во-вторых, постыдно для мужчины «вообще»:

Бери зятя в дом, носи бога вон [Даль 1879: 501]; Тестя за зятя давал рубль, а после давал и полтора, чтоб свели со двора [Там же]; Нет черта в доме – бери зятя [Там же: 502]; Примачий хлеб – собачий [Мокиенко 2010: 951]; Принятой – проклятой [LXII]; Не родись деревинка на сковородника, а парень на животника [X].

...тыкали животником-те. Чуть немножко, дак: «Еб твою мать, ты не в своем доме живешь! Животник! Не свой! Сошток ведь у тебя чужой! Да и в бане чужой моешься! [XX]; разговор-то зайдёт, допустим, речь зайдёт, и скат: «Дак ведь ты, голубчик, принятой! В доме-то живёшь у невесты!» Вот тебе и всё! Упрекнут, да и... [LVII]; По деревне-то говорят! Этот в дворовиках живет [LV]; О, дворня идет! [XXXVI]; ...на пизды щи ушел, говорят, своего дома не мог построить! [XLIV]; Животником всю жизнь: «А кто идет? А животник» – всё уж его звали. «Ой, век свой подчиняться будешь», – скажут [VII] и др.

Приведенные высказывания утверждают «позорность» примачества и отражают оценки и экзистенциальные установки различных акторов социального пространства. Например, пословицы, как можно видеть, выражают позиции либо

принимающей, либо выходящей стороны, то есть раскрывают лишь одну сторону положения примака.

Напротив, ряд интервью демонстрирует понимание витальной подоплеки явления, а потому в них не звучит негативной оценки [XXXVIII, XLI].

В целом причина отрицательного отношения довольно прозрачна: ее составляет гендерный стереотип, по которому подобное положение мужчины неуместно. Этот фактор представляется довлеющим. Он, собственно говоря, конституирует всю «систему»:

- формирует дискурс и транслируется им («Конечно, говорят, живет на п..х щах, а сам будто не может! А так-то вообще, положено мужчине вести женщину к себе. А не женщине мужчину» [XLIV]; «А по идее-то должно... ведь стараются жить у жениха! В деревню, допустим, приехали вы вот с мужем, да. У тебя родители тут, в деревне, и у его родители в одной же деревне, но ты жить должна у мужа! Родителей. В гости... в гости только ко своим должна ходить!» [LVII]);
- программирует принимающую сторону на соответствующее отношение к приемышу;
- что особо показательно, предуготовливает самого приемыша к его роли, принуждая его соответствовать «образу»;
- подпитывает экзистенциальные страхи заинтересованных сторон: страх принять и страх выйти (что отлично иллюстрируют паремии).

Соотношение установки и опыта представляется здесь наиболее интересным.

Важно отметить, что как дореволюционные источники, так и наши данные не дают единообразной картины положения примака в доме, его отношений с принявшей семьей, тестем, тещей, супругой, принципов наследования после смерти тещи и т. п. Это говорит о том, что многое зависит от конкретных жизненных ситуаций, а также от индивидуальных качеств приемыша. И эти конкретные ситуации часто конфликтуют с существующими в социуме стереотипами, что и отображается в дискурсе. Большую роль играют и установки интервьюируемого: имел ли место в его личной биографии или хотя бы в истории семьи опыт приема/выхода, или он рассуждает лишь с позиции «общего знания» и диктуемых им стереотипов; и, соответственно, судит ли он «изнутри»

или «извне» ситуации. Не меньшее значение имеет уровень «рефлексивности» респондента: насколько его рассказ обращен к подлинным экзистенциальным переживаниям (своим или чужим), а насколько лишь воспроизводит устоявшиеся определения, то есть «построен» ими, даже при наличии в опыте таких переживаний. Наконец, еще одна проблема, которую нельзя игнорировать, – это фактор исследователя (собирателя): указанный стереотип настолько глубоко укоренен, что заставляет интервьюера усматривать и расставлять акценты соответствующим образом. Этот нюанс задает определенную модальность очень многим интервью.

Почти всегда негативную оценку положения приемыша мы встречаем со стороны общественного мнения, но оно, как мы уже отметили, и предназначено для того, чтобы транслировать установку (установку «правильного» брака, «правильного» статуса мужчины в семье¹⁶²), противопоставлять аномалию норме. Это оценка публичная, оценка со стороны «общего знания». Если мы, например, сравним ее с оценкой, которую дает своим отношениям с мужем супруга приемыша, то есть с оценкой заинтересованной стороны, то мы можем увидеть разительный контраст. Например, факт, что примак доит корову вместо своей жены, соседка объясняет именно тем обстоятельством, что он принятой, а соответственно, «поддался» жене: «Принятой, дак вот выполняй то, что заставят» [LVIV].

Ее оценка задана маркированностью статуса приемыша, обусловленной устоявшимся «коллективным представлением». Представим отрывок из интервью с женщиной – что показательно – не приемышем:

Помогали друг другу, так обязанности были распределены... Это вашему поколению, может, непривычно... Я и корову доил вместе с ёй: иду, она одно дело делает, а я сажусь это на скамейку и – фить! <Я думал, не принято, чтоб мужик корову доил...> Да чё такое непреемственно?! – все преемственно мужику. <Ну, а воду кто носил?> Воду оба носили. Была лошадка у нас выделена, и возили в бочках... <То есть вы хотите сказать, что нет такого дела в избе, которое было бы не мужское?> Всё дело мужское, всё дело мужское <...> Вот Зоя-то Петровна работала дояркой, вот, так она в 5 часов утра уходит, так всё: и ребятишки у нее остаются одни, да ежели муж не будет это – смотреть ничего да помогать,

¹⁶² См. в этой связи [Гамирова 2011].

*значит это... <А муж у нее позже начинал работать?> К 8-ми часам выезжали туда – в центр, он... механик, в общем, слесарь по технике...*¹⁶³

Как видим, «изнутри» ситуация может выглядеть по-другому. Немалую роль здесь играет и известное «выравнивание» мужской и женской социальной активности в советской деревне¹⁶⁴.

В другом интервью женщина рассказывает, что муж ее первым в деревне начал носить воду. Односельчане относятся к этому с насмешкой: «О! Привал воду сам носит! Нинку берегёт» [XXXI]. То есть мы опять видим стереотипную оценку социума. Но сама информантка оценивает подобные действия мужа (как, вероятно, и свои собственные в отношении него) иначе: «чтобы в честь войти друг к дружке» [Там же]. Так логика установки контрастирует с логикой жизни. Интересно, что, по словам информантки, и другие деревенские мужики начинают носить воду по примеру ее мужа [Там же]. То есть, будучи маргинальной фигурой, примак имеет «силу» создать прецедент, необходимый для динамики габитуса в изменившихся условиях (социального) существования.

«Примачий вопрос» составляет, безусловно, серьезную психологическую проблему для всех заинтересованных лиц, причем тем большую, чем большую ношу ответственности несет конкретный человек, включенный в эту ситуацию.

Возникая неожиданно для одной из сторон матримониальной игры, он приводит к бурным эмоциональным реакциям и крутым поворотам в тактике.

Так, например, информантка рассказала нам следующую историю. С зятем и сыном она отправилась сватать девицу в соседнюю деревню (уже было подано заявление в сельсовет, и невеста была извещена, что в этот день придут сваты). Но когда сваты зашли в избу и «сели вдоль по полу» (то есть ритуальным жестом обозначили свои намерения), оказалось, что невеста не сказала (якобы) о планируемом сватовстве. Вышедшая из другой половины избы родственница (вероятно, «случившаяся» здесь неспроста) заявила, что «они знать ничего не знают» и, вообще, стирку затеяли. Тем не менее сели за стол, распили бутылку. После этого отец невесты как бы нехотя заявил, что ему бы «надо приемыша», ибо дочь у него одна и хозяйство большое. Тогда мать жениха собралась домой, заявив, что единственного сына, для ко-

¹⁶³ ФА ПЦ, Тот26-9, Вологодская обл., Тотемский р-н, К. А. П., м., 1938 г. р. зап. Степанов А. В. 13.06.2011.

¹⁶⁴ См. в этой связи: [Степанов 2011: 208].

торого у нее уже куплен дом, в приемыши, которых «рабами все раньше звали», не отдаст. Тогда та же родственница невесты пошла на попятную: «Ты, Владимир Иванович, не подумавши сказал». В результате невеста, как и планировалось, вышла в дом жениха [XXII]. И в том, что невеста якобы не сказала о сватовстве, и в «кстати» затеянной стирке, вероятно, следует видеть определенные маневры, предназначенные способствовать намерению склонить чашу весов на свою сторону.

В другом случае мать пришла сватать за сына сироту (интервью с последней), которая жила с младшей сестрой. Невеста заявила, что сестру не оставит: «Вы берите, так обоих!» – то есть она предложила жениху выйти к ней в дом. Мать жениха ответила, что первого сына в приемыши не отдаст, и сватовство вообще не состоялось [XXXII].

С устоявшейся оценкой связана психологическая проблема родителей, для которых невозможно отдать в примаки первенца или единственного сына.

Для женщины, принимающей мужчину в качестве тещи (для которой это прежде всего проблема власти, которая разрешается в известных трениях с зятем) или жены, это решение может быть непростым по нескольким причинам. В какой-то мере, тяжело принимать и тяжело не принимать.

Например, вдове с детьми тяжело жить одной и вести хозяйство, но и пустить к детям чужого чреватو неблагоприятным опытом.

Баба Марья вышла с ребенком, дворовика-то взяла. Все говорила: никому не посоветую со своими детьми за чужого отца... [XXXV].

Сирота, которая, если бы примак не пришел к ней в дом, уже готова была «принести ребенка в подоле», первые годы замужества опасалась, что муж может уйти обратно к матери, поскольку примаков, по ее мнению, ничего не держит, а потому ей приходилось ему *подноравливать*:

Это замуж вот придет, дак чуть маленько можно крылечки вздеть, а тут ведь нет – не вздинешь! [XXXIII]

Этот пример показывает, что и принимающая сторона может быть зависимой от входящей.

Наконец, опять-таки, для незамужней вдовы это решение, как мы уже говорили, может быть вынужденным спасением от «ревности» односельчанок [XXVI].

Совершенно очевидно, что наиболее тяжелым опытом примачество является для самих приемышей. Нередко это видно и в ходе самих интервью с примачами: если заходит разговор на данную щекотливую тему, они предпочитают от нее отклониться или, по меньшей мере, не проявляют особого энтузиазма в ее продолжении.

Причины этого психологического дискомфорта, в общем-то, лежат на поверхности: существование в чужом пространстве, возможно, под чужой властью, постоянно под прицелом общественной оценки (для носителей которой ситуативно не мотивированные высказывания типа «А кто идет? А животник» [VII] есть, видимо, такие замечания — еще и способ подтвердить свою «нормальную» идентичность).

Немалую роль здесь играет и выработанный дискурсом (с его интригующим языком пословиц) «парнюковый» страх, сложившийся еще до непосредственного опыта (и классифицируемый, разумеется, как «мужицкая мерка» [LVII]).

Он там, ему могут в любой миг на дверь указать! Он там слова не имеет! Он на птичьих правах. Скажут, «вон, на хрен! <...> Если он в дворовиках живет, я могу и в запале ему сказать: ты дворовик, ёп твою мать! <...> Что у дворовика, говорят, воля не своя была. Уже в семье, понимаешь?.. (LV)

Очень характерно, что это интервью было взято у группы неженатых мужиков, «вечных парней», не имеющих подобного опыта. Единственный из них информант, имевший в прошлом личный опыт примачества, который, если судить по его обрывочным репликам, не был травматическим (ср. также [LVI]), фактически не мог подать голос, задавленный их «воплями»¹⁶⁵.

Страх этот сублимируется, например, в частушках: «Лучше в озере утонем / Не пойдем в животники», функция которых и состоит в предоставлении возможности выражения экзистенциальных состояний, иными способами невыразимых¹⁶⁶ [XX, XXV].

Согласно одному сообщению, жених сбегает, когда сваты приходят к нему в дом — поскольку ему «стыдно» выходить в примачи [XII] (но ср. другой случай, когда в той же ситуации жених встречает сватов за 3 км от своего дома [XI], — огромную роль всегда играют индивидуальные факторы). Чтобы как-то сгладить травматический опыт, молодые первое время живут в доме родителей жениха и только потом переезжают

¹⁶⁵ Ср. в этой связи «истерики» городских парней в блогах: «будешь жить “на птичьих правах”, т. е. не будешь чувствовать себя главой своей же семьи, и чуть что — тебе, как собачонке, укажут твоё место» (Цит. по: Антибаский сайт: сайт. URL: <http://www.antiwomen.ru>)

¹⁶⁶ См. [Адоньева 2006: 13, 14].

в деревню жены [XII]. Первый период жизни в чужом доме оказывается для приемыша особенно болезненным, так что женам приходится им *поднравливать* [XXXIII].

Практикой, к которой часто прибегают примачи, чтобы выйти из стесненного положения [см., например, XXXVII], является постройка или покупка собственного дома [IX, XI, XIX, XXVIII, XXIX, XXXVII]: это позволяет обзавестись собственным хозяйством и тем самым обрести самостоятельность. На экзистенциальном уровне это служит компенсаторным действием. При невозможности или отсутствии необходимости это сделать стараются по максимуму «вложиться» в дом жены, чтобы тем самым «присвоить» его [XXXIII, XLVI]. Показательно, что после обзаведения собственным домом примачи перестают ощущать себя таковыми («Какой я животник?») [IX, XIX, XXVIII, XXIX], а также перестают быть маркированной фигурой и в глазах социума, в частности других мужиков [XXIX]. Последнее обстоятельство, учитывая традицию постройки домов *помочами*, выглядит закономерно: фактически мужики-помочане помогают ему строить не только новый дом, но и новый статус. Также жена примача может использовать факт постройки дома, чтобы отстаивать репутацию своего мужа в «публичном дискурсе» [XXVIII].

В феномене «своего» / «не своего» дома сливаются социальный и пространственный факторы. «Она как не замуж за него выходит, а его к себе берёт. Во свой дом» [LVIII]: выйти замуж – значит выйти и в дом. Недаром применительно к примачу широко используются фразеологизмы *вышел в дом* [I, XV, XIX, XXXIII, XXIV, XXXVIII, XL, LVI, LVIII] или *принят (взят, приведен) в дом* [VII, VIII, XIV, XVI, XXVI, LVIII]. Отсутствие своего дома, своей бани [XX], своего шестка [XX], своего угла [LXI] есть пространственная аллоформа социальной неполноценности приемыша. Приклеивание газеты к потолку является в данном случае – пусть и наивным – восполнением ущербности положения: «...топерь у меня свой потолок вот» [XVI]. Примечательно, что если парень женится на девушке и приезжает в ее деревню, но у жены нет «своего» дома, то его нельзя назвать примачом: для этого нужен дом, куда бы он *вышел*: нет дома – нет приемыша [XXX]. И наоборот: «Угол есть – жених найдётся» (так говорят о приемышах) [LXI].

Еще один ярлык, навешиваемый социумом на примака, представляют собой высказывания, согласно которым в доме жены он, прежде всего, лишь работник [XX, XXIII, XXXV]; он также сравнивается с батраком [LIII] и рабом [XXII], вследствие чего его положение унизительно [XXXV, LVIV, LV]. Взгляд на примака как на работника верен с позиции внешнего наблюдателя, каким является социум (а также и с позиции позитивистской этнографии, которая именно этот признак выдвигала как определяющий для функции примака в доме). Нельзя отрицать, что примака берут для того, чтобы он работал, но здесь важна модальность этого требования. Примака, как мы видели, ищет семья, которая испытывает дефицит в жизнеобеспечивающей потенции, то есть необходимость в больших затратах сил (физических, психических и т. п.) для входящего уже заложена в самом условии конвенции, которой является брак. «Система» открывается навстречу предложению, которое было бы «структурно сопряжено» с ней¹⁶⁷, — в поиске того, кто откроется навстречу ее потребности (подталкиваемый встречной необходимостью) и будет готов принять предлагаемые нагрузку и ответственность. Речь, таким образом, не идет об эксплуататорских устремлениях. Разумеется, возможно и несовпадение тональностей: тот, кто приходит в дом как приемыш, то есть принял загодя этот штамп, тот и будет жить в доме как приемыш, соответствуя всем расхожим мнениям, — так он конституирует фрейм, в котором существует. И в отношении таких может быть справедливо определение *грязно обузье* [XXXV]. Но интервью с некоторыми мужчинами-примаками и, главным образом, наблюдения за ними и их семьями в обыденных ситуациях не дают оснований считать их положение в чем-то ущемленным — наоборот, мы видим тех, кого принято называть «крепкими хозяевами» — в *своей* семье и в *своем* доме [XIX, XLVI]. Вопрос о примачестве, разумеется, может быть болезненным и для них: «двор я сам строил, это все я сам строил, дом поднимал по новой» [XLVI] — это тоже, с одной стороны, компенсаторная реакция на неоднозначное положение. Но именно это конституирует их феноменальный мир. Формально они могут признать, что они примаки, но примачество не является для них внутренней самоидентификацией — результатом интериоризации уста-

¹⁶⁷ См.: [Луман 2007].

новки. Их жизнь является следствием внутреннего выбора, а не механической необходимости. Именно поэтому они не попадают в поле оценки: другими жителями деревни такие приемыши, в числе которых есть и приезжие из других областей, могут вообще не упоминаться как приемыши либо упоминаться без особого акцента. Не попадая в сферу оценки «значимых других», они не имеют и соответствующего статуса. В данном случае и строительство собственного дома есть для них не адаптация к сложившимся условиям, а часть жизненного плана.

В заключение приведем еще один пример, показательный, по меньшей мере, в одном отношении. Он иллюстрирует то обстоятельство, что «объективные» условия далеко не всегда определяют практики, а наоборот, практики создают условия. Парень *выходит в дом*, в котором помимо его жены живут также ее мать, бабушка и еще две родственницы. Дом их находится в плачевном состоянии. При этом сам парень из состоятельной семьи, под браки сыновей отцом куплено три дома. Но парень заявляет отцу, что он «будет делать гнездо», и, отметим, понятый им, уходит в дом жены. Он строит новый дом и переводит туда все свое новое семейство. Формально это примаческий вариант, но как самому нашему информанту эта мысль собирателя показалась странной, так и в деревенском окружении ни разу не пришлось слышать о нем как о примаче (животнике). Свой выбор он объясняет тем, что «пожалел баб» [XIX]. В данном решении нет ни экономической подоплеки, ни практической целесообразности. Это пример про любовь, ответственность и жизненный выбор.

* * *

Публикуемое ниже Приложение содержит выдержки из 62 интервью, взятых у 82 информантов – 57 женщин и 25 мужчин. Возрастной состав информантов распределен следующим образом: 1910-х гг. р. – два человека, 1920-х – 16 человек, 1930-х – 34 человека, 1940-х – 8 человек, 1950-х – 12 человек, 1960-х – два человека, 1970-х – два человека, возраст шести человек не идентифицирован. По этическим соображениям полные имена информантов не раскрываются.

Литература

- Адоньева 2004 — *Адоньева С. Б.* Страх жизни: мужские и женские возрастные кризисы // Языки страха: женские и мужские стратегии поведения. СПб., 2004. С. 15–19.
- Адоньева 2006 — *Адоньева С. Б.* Частушка в русской культуре // Деревенская частушка XX века. СПб., 2006. С. 5–48.
- Александров 1984 — *Александров В. А.* Обычное право крепостной деревни России. XVIII — начало XIX в. М., 1984.
- Бурдые 2001 — *Бурдые П.* Практический смысл. М.; СПб., 2001.
- Гамирова 2011 — *Гамирова Д. Р.* «Принятой — проклятой»: матриликальность с разных точек зрения. Отчет по полевой практике. 2011 // Архив научных полевых отчетов. ФА СПбГУ.
- Даль 1879 — *Даль В. И.* Пословицы русского народа. СПб.; М., 1879. Т. 1.
- Ефименко 1884 — *Ефименко А. Я.* Исследования народной жизни. Вып. 1: Обычное право. М., 1884.
- Ефименко 1900 — *Ефименко П. С.* Наследование зятьев-приемышей по обычаям Архангельской губернии // Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. Архангельск, 1900. Т. 2. С. 205–242.
- Жаворонок 2000 — *Жаворонок С. И.* К вопросу о «парных» институтах в традиционной крестьянской культуре: вдовы и приемыши. 2000. (рукопись).
- Жаворонок 2006 — *Жаворонок С. И.* «Честность» и/или «молодость»: вдова и ее дети в необрядовом фольклоре // Традиционная культура. Поиски. Интерпретации. Материалы. Сб. по материалам конференции памяти Л. М. Ивлевой. СПб., 2006. С. 81–95.
- Звонков 1889 — *Звонков А. П.* Современные брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губ. Елатомского уезда // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1889. Вып. 1. С. 63–129.
- Луман 2007 — *Луман Н.* Введение в системную теорию. М., 2007.
- Мокиенко 2010 — *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К.* Большой словарь русских пословиц. М., 2010.
- Островская 1913 — *Островская М.* Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI–XVIII веках. СПб., 1913.
- Русские крестьяне 2004 — *Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы.* Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1: Костромская и Тверская губернии. СПб., 2004.

Русские крестьяне 2011 – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 7: Новгородская губ. Ч. 1. СПб., 2011.

Семенова 2012 – *Семенова А. С.* Солдатские вдовы: рассказы деревенских жителей и «официальный» миф // Речевая и обрядовая культура Русского Севера. Филологический практикум. СПб., 2012. С. 162–170.

Степанов 2011 – *Степанов А. В.* Опыт прагматической интерпретации пространства севернорусской избы: шолныша // Антропологический форум. 2011. № 15. Online. С. 194–215. [Электронный ресурс] // Антропологический форум: сайт. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/015online/stepanov.pdf>)

Тютрюмов 1879 – *Тютрюмов И.* Крестьянская семья (Очерк обычного права. Окончание) // Русская речь. 1879. № 10. С. 279–318.

Шейн 1900 – *Шейн В. И.* Очерки народно-обычного права Вологодской губ. // Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. Архангельск, 1900. Т. 2. С. 119–204.

Щепанская 2005 – *Щепанская Т. Б.* Примак // Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре. СПб., 2005. С. 493–495.

Foster 1965 – *Foster G. M.* Peasant society and the image of limited good // *American Anthropologist*. 1965. Vol. 67. N 2. P. 293–315.

Olson, Adonyeva 2013 – *Olson L., Adonyeva S.* The Worlds of Russian Village Women: Tradition, Transgression, Compromise. Wisconsin, 2013.

Приложение

I

У меня отец животник. Их было четыре брата: дядя Коля, дядя Виктор и Иван... Иван тоже ушел в животники. У нас отец тоже в животники пришел к матери. У нас отец вот из Коростылева, братья – дядя Виктор, дядя Коля – родные братья: ему там места нету – он вышел в дом к мамке, к нам в дом пришел, не ее замуж взял, к себе в дом привел, а к нам пришел – это называется «в животники». Ну вот, а дядя Коля и дядя Виктор, они – дядя Виктор в зимовке жил, а дядя Коля в переду жил – в одном доме, как вот у нас¹⁶⁸.

II

<А если у жениха нет своего дома? Он мог «войти в дом»?> Да, если уж это, ведь если у него дома нет, а если невеста с домом, да он к ней, будет у ее жить – дак так договаривались, что «я к тебе». Много раньше, четыре парня родятся – так куда их? Ведь четыре дома так – нет. Ну вот, так он и приглядывал, какá девушка ему подошла, и с домом. Ну, вот так и ходили¹⁶⁹.

III

<А муж – он вас в свой дом привел?> Вот у меня был мужик, дак в моем дому. *<В вашем доме жил?>* Да. Как называли раньше? Приемыш. У нас зовут приемыш. *<А почему он к вам пошел, а не к себе привел?>* А вот куда он пойдет, коли у него ни дому ни лому не было дак. Куда он пойдет, коли в детском доме воспитывался. У него ничего не было. У его был дом, да он пока в детском доме был, дак тут у его все дядьки и продали. *<Кто продал?>* Дядьки у него были. Вот так он у нас и жил. До самой смерти. Смерть пришла – умер¹⁷⁰.

¹⁶⁸ ФА ПЦ, Сям1-73, Вологодская обл., Сямженский р-н, М. Р. Ф., ж., 1932 г. р.; зап. Сайфиева А. Ю., Степанов А. В. 01.09.2006.

¹⁶⁹ ФА ПЦ, Сям1-50, Вологодская обл., Сямженский р-н, П. А. В., ж., 1925 г. р.; зап. Косяк Н. А., Витковская О. С. 02.08.2006.

¹⁷⁰ ФА СПбГУ, Сям1-38, Вологодская обл., Сямженский р-н, П. А. А., ж., 1939 г. р.; зап. Голубева Л. В., Туминас Д. К. 21.07.2006.

IV

В одной деревне жил мужик, вдовец был, жена у него умерла, трое детей ему оставили, ребят. Так они жили бедно, но трое детей дак. Так мужик и не женился, богатая не идет, ребят много, а бедная чего? Ребят много да еще и сам бедный. Один раз зимой, мороз стоял лютый-лютый, по деревне ходил нищий, странник, а деревня была хоть и богатая, но подавали худо. Вот уже стемнело, мужик-то приходит, странник, к этому вдовцу. Ну у вдовца не закрыто — воровать нечего, пришел: «Подайте, Христа ради». Мужик говорит: «Чего подавать-то, у самих есть нечего». «Ну, вот чаем напоите, водой напоите». «Водой не напоим, да напоим чаем, только чай-то у нас из морковки... Да два сухаря». На четверых да странник пятый. Значит, два сухаря размочили в воде, один сухарь страннику подали, а второй сам на четверых съели. Вот значит переспали. Спать положили дедку... у самой трубы. У трубы-то ведь теплее, в избе-то холодно. Вот кое-как ночь скоротали... утром встают, а дед уже сидит за столом. Ну, напоили опять его чаем морковным, опять корку подали на дорогу — «Иди с Богом». А он и говорит: «Я вас отблагодарю за добро-то, за добро добром». Открывает мешок, «Вот, — говорит, — выбирайте кому чего надо». Подает старшему брату, старший брат глядит, а там лежат три мешка: в одном мешке золото, в другом счастье, а в третьем мешке пила да топор. Вот старший брат и говорит: «Я хоть немножко с матерью по..., этот, пожили, и деньги были, и счастье было, а средний брат меньше, пусть средний выбирает». А средний то же самое говорит: «Я тоже с матерью жил, и деньги были и счастье было, давай, малый, выбирай». Малый глядел-глядел в мешок и думает: «Старшему брату жениться надо — ему деньги надо. Кто за нищего пойдет? А среднему брату жить надо, строиться надо тоже. Пусть берут — выбирайте». Ну вот старший брат взял деньги, средний взял счастье там мешок, что счастье, а младшему брату достался топор да пила в мешке, простой мешок, а там топор да пила. Ну вот значит, так старший брат скоро женился, деньги были, дом построил, вот ушел от родителей. Средний брат тоже богатую встретил, тоже женился, ну ушел в примачи, ушел от родителя. А у младшего топор да пила — тот стал ходить: кому там крыльцо починить, кому дрова расколет, кому еще чего. Так не больно богато жили, но и не бедствовали. Вот,

один раз по весне, ну еще не пахали, в соседнюю деревню пригласили, что пусть придет крыльцо починит к бабке одной. Пришла, пришел он, крыльцо починил, бабка ему говорит: «Денег дак у меня нету, — говорит, — приходи завтра с мешком, я тебе пшеницы нагрёбу». Парень говорит: «Ну, пшеницу, дак пшеницы». Сходил домой, а мешка-то нету, че, не сеяли, ничего, смотрит: а этот мешок-то из-под топора-то валяется. Взял он этот мешок и пошел. Пришел в избу: «Вот, пришел я, бабушка». А она и говорит: «Бери, в мешок насыпай пшеницу: половину того, чего унести можешь... Полный мешок не бери, в общем,... только полмешка я тебе разрешаю набрать...». Парень-то насыпает мешок да насыпает, насыпает-насыпает, а все половины мешка нету, уж сыпал-сыпал, весь вспотел. Поднял — мешок-то полегок, а поднять не может. «Нет, не обману я бабку, только половину мешка». Отсыпал, сколько поднять мог. Поднял мешок, поднял, значит, еще много, половина, еще отсыпал, пригоршенька одна осталась. С этой пригоршенькой пришел в избу: «Вот, — говорит, — бабушка, я взял половину, чего унести мог». А так-то мог ведь мешок унес. Ну, бабка говорит: «Ну, иди с Богом. Тут, — говорит, — пойдешь дак этой дорогой дак мельница есть, и сразу и смелешь пшеницу-то». А парень идет с пшеницей-то и думает: «А чего я ее смелю, съем да и опять. Дай-ка, я ее посею». И вот не пошел на мельницу-то, пришел домой, сеял, полосу свою вспахал, думает: «Чего я этой пшеницей посею? Ну ладно, сколько уж нарастет». Вот сеет-сеет, сеет-сеет, никак в мешке не убывает. Засеял весь участок, и еще осталось. Ну вот, значит, чего теперь делать с пшеницей, ведь с пригоршенью дак на мельницу не поедешь. Сыпал ее в одно место. Ну, лето прошло, все тут ходил — подрабатывал, к осени пшеницыросло видимо-невидимо. Ну вот. Сжал все, убрал, пшеницу эту, куда — надо везти на мельницу. Мельницы в деревне нету, все в жерновах мелют. А отец-то уж старый был, зубы худые, пирогов просит. Вот, вспомнил бабку-то, что, что где-то мельница есть. Вспоминал-вспоминал и подумал, как: «Пойду сначала в ту деревню, а потом, как бабка говорила». Пришел в деревню, а старухи, говорят, никто в глаза такой не видал, никогда и не было. Так погоревал он, погоревал да пошел все равно к той-то дороге. Идет — смотрит мельница-то и стоит. Пришел на мельницу: «Смелете?» — «Смелем». Вот. Мелет парень

зерно, привез уж. Вот девка выходит, да такая хорошая, вот такая пригожая, и говорит девка-то ему: «Давно я тебя заметила, проверяла я тебя: в первый раз, что ты понравился мне, что не взял ни счастья, ни золота, братьям отдал. Второй раз ты мне понравился, что не насыпал полный мешок пшеницы, а насыпал столько, сколько я тебе велела, ну посеял такой честный. А третий, что мой наказ не забыл и на мельницу приехал». Вот, все. Свадьбу сладили да богато не жили, но зато пшеница у их родилась и детки хорошие, каких и вам желаю. Все. <...> <А как вы сказали, брат средний – примак?> Да, женился, в примаки ушел, мг, мг, приняли его. Это когда уходишь к жене. Вот ты женишься, замуж выйдешь, и парень к тебе придет. Вон у меня дедушка был примак, ничего – животник. В том году мы вам слово это говорили. Ну, например, в семье живет пять братьев, и один полюбил девку, а в доме у девки – все девки, все замуж повыходили, и одну вот, у нас у бабушки Ени, никак, Евгения она была, замуж не отвали, дома-то жалко. Взяли нашего дедушка Алексея. Все. Дом раньше был Клевакин, а потом стал Бобковым¹⁷¹.

V

Одна фамиль была Жидкова. Вот вся деревня была, а потом стали принимать животников¹⁷².

VI

Это у нас коренные жители Черепановы. А это Пантины там уже пришельцы из других деревень – примакки, животники их у нас называют¹⁷³.

VII

<Много животников было?> Нет, один вот наш был – этот, отца брат вышел в живота. Животником всю жизнь: «А кто идет? А животник» – всё уж его звали. <Так и называли животником?> Да. <Это обидно было?> А не знаю, он ведь по любви выходил, так... Видишь, у нас два брата были – тятка да и Саша – ну, вот, пока они были еще не таким-то женихам, они сделали две избы и назаде еще перед такой сделали, только он был без окон, безо всего. Ну вот, он стал дружить-то, а у их богатый дом-то был: перед и зимовка. А одна девка-то – старики-те умерли. Вот она его

¹⁷¹ ФА СПбГУ, Сям16-22, Вологодская обл., Сямженский р-н, В. А. Я., ж., 1950 г. р.; зап. Туминас Д. К., Чечик А. А., Мариничева Ю. Ю. 10.07.2006.

¹⁷² ФА ПЦ, Сям1-127, Вологодская обл., Сямженский р-н, С. В. В., ж., 1923 г. р.; зап. Сайфиева А. Ю., Платонова Е. А. 11.08.2006.

¹⁷³ ФА ПЦ, Сям1-130, Вологодская обл., Сямженский р-н, Ч. Ю. А., ж., 1928 г. р.; зап. Витковская О. С., Толмачева Е. Б. 10.08.2006.

и взяла в дом. А все равно животником ведь ругали. А тут одна этот – женщина овдовела и пришла с гото..., ну, как вот – дочь свою привела. Так ее, думаешь, как звали? Приданым. «Кто идет? А приданица». И пока не умерла, всё приданица ведь была. <...> <А вот говорят, что когда вот животник – когда муж идет в дом – тогда невеста идет свататься?> Не знаю, он сам ходил. А вот одна была на Пожаре вот – она теперь в Подволочье живет, она тоже стала застаривать, а он молоденький был, ну вот, так она сама ходила. Сама. <А тот животник, про которого вы сначала рассказывали, он тоже младше был?> Нет, они – только на год у их разница была. <Так что, и он приданое, значит, нес?> А не знаю, чего он взял с дому-то вот, я еще маленькая была дак. <А вот почему он вышел животником, почему не она к нему пришла?> Дак у нас две избы, а так она свой дом оставит, у нее свой дом был дак... Дом надо оставлять... Ведь многое так и делали – выходили-то. <А говорят, когда вот животник, наоборот, невестка едет к свекрови на блины?> Да, эдак, эдак – оне ходили всё. <А небось, когда животник, тогда жена в доме больш́ина?> Да ведь больше распоряжается, как в своем-то она дому. Вон у нас тоже там, вот из этого дома туда животник уходил – высокой там дом стоит двуэтажный – так он всё говорит: «Вот уж угадал, дак!» <Все жена им управляла?> Ой, управляла. <А как в деревне – животника уважают или как?> А наш деревенский – из этого дома туды перешел дак... <Так что его за это – не смеются над ним?> Нет. Но Толю все равно животником-то звали: «Ой, век свой подчиняться будешь» – скажут. <То есть его прямо так в лицо и называли животником?> А конечно, как не скажут. <Так обидно же?> Как не обидно, дак уж чего сделаешь – животник дак¹⁷⁴.

VIII

<А вот говорят, если животник, то невеста ездит свататься?> Да. Невеста. <Р. И.> У нас был животник в деревне. <А. М.> Дина-то ходила... <Р. И.> Ходила... <А. М.> Павлова ходила, ей божатка была... На Середку ходила к жениху свататься. Потом жених сюда приходил просватываться. <А с кем она ходила-то?> Невеста-то? Сама ходила, отец у ей ходил. Вот, ей крестная была, Ритина свекровь, так та ходила. <А он как, моложе был ее или старше?> Он

¹⁷⁴ ФА ПЦ, Сям1-6, Вологодская обл., Сямженский р-н, В. В. Е., ж., 1928 г. р.; зап. Степанов А. В. 20.08.2006.

старше, наверное, Вася-то? <Р. И.> Дина старше. <А. М.> Дина старше? Ой! <А почему он сам не пришел свататься, почему она пошла его сватать?> Так ей надо в дом, так! <Р. И.> Ей надо сюда его привести, так! На Бараниху он пришел. <А почему он не мог ее к себе забрать?> <А. М.> Там у их семья была большая, дак <нрзб.> хозяйство тут хорошее было, дом хороший, вот тут зеленый, опушенный на деревне. Хозяйство было хорошее, девка хорошая была, работала все время ветеринаром... <Так и приданое за ним дали?> Ничего, наверное, не дали... У матери ребята еще были, да девки, да где... какое же приданое?! <Р. И.> Девять было штук, дак! <Но чего-то он с собой принес?> <А. М.> Дак одежда, может которая была неважная, дак принес. Ничего не было, дак¹⁷⁵.

IX

<А сюда замуж вышли?> Нет, я жила в Соколе. Город такой. Там нашла жениха, сюда поехали. Вот уж 15 годов как помер. <А почему? В Сокол ездили зачем?> А там жила с братом. Брат вызвал. Потом познакомилась с супругом. Жили там. Потом захотелось в деревню. <...> А когда мы приехали... Нам здесь столы и сделали родители. Собрали всех своих. А чё раньше, много блинов и самогонка, или чё тут. Все собрались, приходили его записывать в зятя. В зятя Колю-то приходили записывать женщины-те. Им надо водки дать. А мне сродник был. У нас ведь была перцовая бутылка. Вылил в стакан, выпил, остальное водой залил и подал. На какой смехоты. А он подал 25 рублей — деньги тогда еще дорогие были. Надо же — 25 рублей подал. В зятя же записали его, дак. <Как это записывать в зятя?> Он приехал сюда. Я здешняя, а он... его приняли как за зятя. Там где-то че-то записали у ево. А в другой деревне, дак носят лапоть. Как сошлись кто — им лапоть. Они выкупают лапоть. Дают-от. <...> <А в зятя бабы записывают?> Да, от нас приходили, с елочкой. Суп ели. У меня сестра старшая, тетка — она на лицо такая моложавая: а у меня съедят этот суп, красна перца насыпать-то густую. Много-то было народу. <...> <А ваш муж фактически животник был?> Да, сначала его животником звали, а потом сюда дом купили. «Какой я животник?» А это обидно. Он на пилораме в столярке-то работал рамы, да всяко тут делал¹⁷⁶.

¹⁷⁵ ФА ПЦ, Сям1-18, Вологодская обл., Сямженский р-н, Ж. А. М., ж., 1916 г. р.; Ж. Р. И., ж., 1942 г. р.; зап. Степанов А. В., Сайфиева А. Ю. 27.08.2006.

¹⁷⁶ ФА ПЦ, Сям1-51, Вологодская обл., Сямженский р-н, К. М. Ф., ж., 1933 г. р.; зап. Степанов А. В., Шергина Н. С. 06.08.2006.

X

<П. В. Д.> Принимали в зятевья. Вот его бы, <показыва-ет на З. К. Н.>. Ну, вот мужики собираются там, давай, вот ставь столько там вина. Будешь наш деревенский зять. <...> <З. К. Н., перебивает тещу> Из другой деревни он пришел, вот его принимают в нашу... <П. В. Д., перебивая зятя> Он хоть и не здесь живет, а придет он, уж значит, зять будет, вот наш, Никулинский. Ну, значит он зять, вот этой деревни... Он значит зять уж деревенский. Его никто не изобидит. <смеется> <То есть он проставиться должен?> <З. К. Н.> Да. <П. В. Д.> Да, он должен откупаться. <...> <А вот так часто бывало, что парень выходил в дом?> А ведь бывало наверно, как же бывало. Многие ведь выходили вот. Если не один парень уж в семье, дак. Его в животы отдавали, может где-то нет парня, девки одни дак. Он и выходил, а тут от братан его. <...> Говорят: «Не родись деревинка на сковородника, а парень на животника»¹⁷⁷.

XI

<П. Л. Е.> Я в этой деревне родилась. <И здесь и за-муж вышли?> Здесь и женилась. <Это дом мужа?> Муж за 11 километров отсюда. Голыши там есть деревня. <...> Он сюда пришел, я привезла его сюда. <А что, так говорят «же-нилась»?> Женилась. Сватала сама, так женилась. <Сами сва-тали?> Он замуж вышел. А то таких чудесов не слышали еще? <Расскажите поподробнее?> Мы дружили с им, долго дружи-ли, он меня помоложе на 7 лет. Я уж была пожилая видно, он молоденький. <А сколько вам было?> Мне 25 было, ему восемнадцать, девятнадцатый... В девках засиделась, можно списывать уж было. Чего ты сказал <на возглас мужа из дру-гой комнаты. — А. С.> — бэ-у? Я замуж и не выходила до тебя. Бэушник. <...> <А вы сватать-то его с кем ездили?> А с дядей да с братом с двоюродным, сватать ездили, да. Брат да дядя ездил. Вот. <То есть как, вы с родителями посоветовались?> А у меня одна мать была так. <И что, вы ей сказали, что...> А бабушка, сто годов уж было бабушке — что бабушка совет-чик разве? Тебя не спрашивают, так ты сиди да помалкивай! <мужу, пытающемуся комментировать разговор из другой комнаты. — А. С.>. Меня спрашивают. <И чего?> «Ну — го-ворю — я поеду свататься». «Далеко — говорит — больно да молод больно, да». Говорю: «Ничего, все будет хорошо». От

¹⁷⁷ ФА ПЦ, Сям1-83, Во-логодская обл., Сям-женский р-н, П. В. Д., ж., 1938 г. р., З. К. Н., м., 1962 г. р.; зап. Сте-панов А. В., Сайфие-ва А. Ю. 29.08.2006.

и поехала. *<А он-то знал, что вы приедете?>* Да, он знал. Поди за три километра не доехали – встретил. Не мог дождаться видно. *<...>* *<И чего, вы вошли в избу и чего сказали? Его родители-то были?>* Мать. Одна мать и сестра. Сестра моложе его была. А уж там дожидались гостей-то, да. Вот приехали, там на стол собрали, стали свататься. Ну, конечно, я молчала, ничего не говорила, брат-от, да дядя и разговаривали. *<А что говорили?>* Согласия спрашивали у матери. *<То есть как, вот они зашли в дом, что сказали?>* Здравствуй-те. А уж ждали, знали-то, знали. Походите за стол давай. Ну, тут брат сказал: «Вот мы приехали – у вас жених, у нас невеста, хотим породница». «Ну – говорят – проходите, присаживайтесь». От разделись, сели за стол. *<...>* От посидели, попиrowали и поехали домой. А наверно на второй день, или на третий ли, приехали оттуда опять просватывать, сюда смотреть. *<Кто приехал?>* А дядя Вася приехал. Матушка-то приехала? *<П. А. Н.>* Нет. *<П. Л. Е.>* Не приехала. Да Кольки брат да дядя приезжали просватать-то. Походили, посмотрели место. *<А как смотрят место, на что нужно смотреть?>* А на что, вот сходят на сара-ай, во дво-ор, если есть тамо-ка наверху так туда сходят. Понравится ли. Если не понравится, не просватают. *<Но им-то все понравилось?>* Отдали парня, так видно понравилось. Сразу и привезли так. *<Да? Прямо на просватки привезли?>* Да. На просватки привезли, просватали, он остался. На второй день пошли в сельсовет списываться. Тогда эти, машин-то не было ишто, на конях. Ну, вот сходили, списались. «Ну – я говорю – на 14 рублей ты мне достался и только». Тогда ведь большие были деньги считались, 15 рублей... *<П. А. Н.>* Руб пятьдесят! *<П. Л. Е.>* Не ври, пожалста! *<...>* *<А вот вы говорили, вы не замуж вышли, а женились. А у мужа-то вашего было приданое?>* Придано, о, приданое. После этого пожили, у нас корова старая была, так мы корову зарезали, и он привел от матери корову. *<То есть это как его приданое было?>* Да, его приданое это. *<...>* *<А вот ваш муж, он вашу маму как называл?>* Теща. *<Теща, так и называл? Не мама?>* Нет, теща. *<...>* А я свекровку матушка звала. *<Муж у вас здесь жил. Это ваш дом, вы здесь и родились?>* Нет, мы построили. Ну, в этой-то деревне. Будем сейчас говорить, что это наш дом. *<...>* *<А у них хорошие отношения были?>* Ой, да спроси-ка ты у его, про тещу то, так вчера говорит: «Что бы ты была как теща-то

характером, так я бы еще с ей пожил». Уж старуха, выпьет, кода было, здесь уж в лесопункте-то стали жить, побогаче стали жить-то, зарабатывал добро, трактористом был, дак. На тракторе, на трелевочнике работал-то, выпьет кода, надо на охоту идти, мамка ему говорит: «Алик, не ходи сегодня, ты выпимший, не ходи. Давай мы с тобой завтра пойдем». Это чтобы спокойно-то было все. Ну вот. Теща: «У тебя и ружья-то нет-так. Я хоть полаю, вместо собаки с тобой пойду!». Так вот вся деревня-то и хохочет. Скажут: «Бабушка Люба соглашалась уж полаять, с зятем просилась на охоту». Чудёсов эдаких не кои не бывает, как у нас. Умерла вот, в октябре вот будет 9 годов, все фотокарточку еенну в кармане в потайном в хорошем костюме носит. Вот как жили. Тридцать восемь годов жил, она ему и поперек не говорила, и он с ей не ругался. А это я кода как заругаюся, так она и говорит: «Тебе и что не мужик, ты бы жила да радовалася, мужик, все-то чисто знает, все-то чисто делает, так чего ишто тебе? А уж выпьет, так он, это от работы это вот распутство у его». Ищо меня уговаривала, а не только его ругала. Так что они за 38 годов не ругивались. Он в батюшку характером видно, а матушка-та была-та шустрая¹⁷⁸.

XII

<А говорят, что если мужчина животник – то невеста приходит свататься?> <Н. А.> Ну, раньше-то соблюдалось... <...> Помнишь, у нас на Ивановскую-то... Володя вышел, приходили... Приходили. Свататься. Восемь лет, дак мало помню. Помню, приходили свататься. А он то ли испугался, то ли раздумал жениться на ней, так случилось – наверное, договариваются все равно. А он ушел и говорят – косить траву, да и не пришел. <смеется> Сваты пришли – никого нет. Спрятался. *<Так и не женился?>* Нет, женился. На ней. Отец его говорит, ах, матюкал. *<А вы не помните, он младше жены был?>* Они по-моему, одного были. Недавно, золотую свадьбу отпраздновали. *<А невеста тогда сама приезжала за ним?>* Невеста была и какие-то родственники с ней были, может... Мать-то ее приезжала или нет... Старенькая была мать-то... У них в доме не было мужчины. У нее была мать и две сестры их было. <нрзб> та то посваталась, и они всю жизнь прожили там, в том доме. <...> *<Так он, значит, приданое с собой везет?>* <смех> Свою одежду, больше чего приданого.

¹⁷⁸ ФА ПЦ, Сям1-79, Вологодская обл., Сямженский р-н, П. Л. Е., ж., 1931 г. р., П. А. Н., м., 1938 г. р.; зап. Платонова Е. А., Сайфиева А. Ю. 16.08.2006.

<...> Ну, они потом, по-моему, в животы... а потом они какое-то время жили на Ивановский. То ли он ей условие такое поставил, почему-то считалось не очень хорошо выходить в животы. Вот они... сколько там, полгода, наверное, жили на Ивановской. А потом ушли. Он из-за этого и убегал-то, что ему было стыдно выходить в животы. <Это стыдно вообще?> Это считалось почему-то стыдно, не знаю. Животник. Это, кажется, даже немножко презрительно называли. <Так в глаза прямо называли – животник?> <А. П.> Всяко¹⁷⁹.

XIII

<А муж мог уйти к жене жить?> <А. В.> Те да это же жених. <М. Л.> Животник, дак. <А. В.> Животник, дак. Если девка берёт парня к себе, вот например, у жениха много братьев, да а, а я, например, вот, чадо у матери одна, да? Да, он выходит ко мне в животы. У его и так братьев много, дак. <М. Л.> А потом говорят: о-о чужой сошток. <Кто чужой?> <М. Л.> Сошток. <Сошток?> М. Л.> Да, чужой, раз в животы пришёл, дак чужой сошток¹⁸⁰.

XIV

<А нам сказали, что и девка может пойти парня сватать, бывает такое?> Как – в дом как берет примака, дак... Примака... Подсосошник, приемыш – всяко называют их¹⁸¹.

XV

<А. И. Х.> <...> Петушковы да и Животниковы. У всех прозвища были. <З. М. Х.> А я вот вышла, дак Коловичева... <А. И. Х.> Вот она вышла – дак Коловичева стала. <З. М. Х.> Да. Коловичева стала. Фамилия-то готова... <Ф. Н. Х.> ...четыре сестры. Две были Петушковы, а две были Животниковы. Хотя от одного отца... А по деду. Дед ушел к жене в дом – назывался «животник». «В животы» ушел. <...> К невесте в дом жить. Поженились. Значит, он «животник». <З. М. Х.> А она прозвали ишо помало. <с раннего возраста. – К. Ч.> <Ф. Н. Х. <продолжая> ...раньше же сушили зерно, горох и все. А отец ему и говорит: «Ну ты, Васька, как все равно петух. Ключешь ты там. Когда слезешь». И все, и прозвали это Петухом. (все смеются) <З. М. Х.> У всех прозвища были дак. <Ф. Н. Х.> Две дочери были Животниковы, а две дочери – Петуховы, Петушковы были¹⁸².

¹⁷⁹ ФА ПЦ, Сям1-81, Вологодская обл., Сямженский р-н, П. Н. А., ж., 1948 г. р.; П. А. П., м., 1946 г. р.; зап. Степанов А. В., Сайфиева А. Ю. 28.08.2006.

¹⁸⁰ ФА СПбГУ, Сям1-23, Вологодская обл., Сямженский р-н, С. А. В., ж., 1924 г. р.; В. М. Л., ж., 1923 г. р.; зап. Мариничева Ю. Ю., Карпова А. А., Аркадова П. Г. 18.07.2005.

¹⁸¹ ФА СПбГУ, Сям1-81, Вологодская обл., Сямженский р-н, И. Л. А., ж., 1937 г. р.; зап. Степанов А. В. 11.07.2006.

¹⁸² ФА СПбГУ, Сям24-135, Вологодская обл., Сямженский р-н, Х. А. И., ж., 1932 г. р.; Х. З. М., ж., 1931 г. р.; С. А. Д., ж., 1933 г. р.; Х. Ф. Н., ж., ? г. р.; зап. Черенцова К. В., Туминас Д. К., Мариничева Ю. Ю., Аркадова П. Г., Семенова А. С., Чечик А. А., Карпова А. А. 10.07.2005.

XVI

<А вот когда мужик в дом выходит, это не позор?> Нет, ведь вот у нас у мамки не было сыновей: Нина вот сестра вышла, у меня больше нет ни брата, никого. А надо нам. Она меня не отдает на́ сторону, ведь одной-то неохота оставаться, вот мы и взяли. Вот соседка, Нина, тоже принимала в дом. *<А как-то назывались эти мужчины, которые входили в дом?>* А кто как назовет: кто подшестошником, <...> привалом звали, кто как назовет. Под чужой потолок пришел, дак привалился. Даки мужики-те тоже ведь, этим зо... бабы-те, старухи-те дак орали, дак были такие случаи, что ругают да ругают, дак взял мужик вот газет да наклеил на потолок, да говорит: «Не ругайся бабка, топерь у меня свой потолок вот». Всякие ведь тоже были чудеса. <...> *<Так все равно выходит, что она его пилила, что он подшестошник, если он газетой потолок заклеил?>* Даки ведь конечно, всякие свекровки ведь бабки-те были, ведь тоже тыкали, что ты вот пришел под чужой потолок, живешь под чужим потолком. *<То есть и сама и рада, но если есть повод попилить?..>* Да, да¹⁸³.

XVII

Отец умер рано с сердцем, мать потом безногая была, вот она всё... Так и не вышла. За вдов(и)чей не пошла, отец не разрешил, что за вдов(и)чей не ходи. А так видно не пришлось. Ну, бывает, ведь и теперь есть не выходят, не понравится, да всё... *<А почему за вдовцов нельзя?>* А он вышел, значит, как она рассказывала из другой деревни, вот где лавы-те там, Задвиничье называется <...> Вот так он оттуда сюда в животы вышел к вдове — был парень. Вот ему видно не понравился — отец не разрешил замуж за вдов(и)чей выходить. Ведь сваталися, а он говорит: «Вот лучше иди на дорогу ляг, а за вдов(и)чей не ходи»¹⁸⁴.

XVIII

<Значит такое у вас было, чтобы мужик приходил к жене жить?> Мужик к жене? Ну, вот муж к жене — вот сосед пришел жить. Она на нем сваталась — не он, а она сваталась. *<Это как?>* А так: пришла и говорит: «Пойдешь за мной, за меня замуж?». «Пойду». «Ну, пошли». Вот и жили. Вот как. Она, она. У ней мать была старенькая да она, больше никого не было. И пришла, привела его, переписали. Он стал хозяи-

¹⁸³ ФА СПбГУ, Сям26-113, Вологодская обл., Сямженский р-н, Г. И. В., ж., 1935 г. р.; зап. Веселова И. С., Жаворонок С. И., Степанов А. В. 13.07.2006.

¹⁸⁴ ФА ПЦ, СямДТхт1-62, Вологодская обл., Сямженский р-н, К. Л. О., ж., 1938 г. р.; зап. Толмачёва Е. Б. 13.08.2006.

ном. И все. А там у него было вроде пять парней, дак, у него братьев. <...> Как его еще называют – животник¹⁸⁵.

XIX

<А вот предположим, что если жених в дом выходит (играется ли свадьба)?> Жених... Он придет в дом, дак тихо, спокойно, животник, дак... В животы приходит, дак без свадьбы обходятся. *<То есть не сватают?>* Нет, почто свататься – сватает баба, женщина, девушка сватает его. Вот у нас Наталья жила, соседка, дак она сваталась. Он сначала по-сватался в Жихове – Шурка была такая. Шурка согласья не дала, что говорит: «Не знаю еще – подумаю. А пока не пойду». Он хотел тогда уйти в Жихово к ей или сюда взять – я уж не помню, но факт тот, что сходил он – спросил только у ее. Эта учуяла – и наперебой. Пришла: «Давай, я пришла свататься – пошли к нам». Значит, все. Увела! Вот как было, дак тут немного было и родни-то... *<Так она одна пришла свататься или с кем-то?>* Одна, одна, одна <вдова, первый муж погиб на войне. – А. С.>. Мать еще у ее слепая была, дак никого больше не было. Она одна тут и жила потом тут. Сходила, увела мужика... *<Так а свадьбы-то хоть справляют, если вот животник?>* Ак вот я и говорю, что кто-то справит, а кто-то нет. Пришел, дак он животник – в животы пришел, дак можно без свадьбы. <...> *<Ну, вы вот тоже по идее к жене вышли?>* Почему к жене? Я свой – откуплен у меня... Я не животник. Я же рассказывал тебе ведь поди-ка... Ну вот, дак у меня у меня картина-то другая совсем была: я заплатил сначала за перед, нет – за зады сначала – одному дяде и жене дяди, потом заплатил за зимовку второму дяде. Один в Ярославле жил, а второй вот местный здесь у нас дома. Так что я, нет, нет. Я покупал. *<То есть вы пришли, сначала жили в доме, пришли в дом жены и стали строиться или как?>* Да, да, да в дом жены пришел, стал строиться – там изгнило всё, дак нечего там строить-то было. *<Но вы ее сами сватали?>* Как же и сватали, и просватки и свадьба – все было. По закону – и ихняя родня, и наша родня, и два дня, как и положено. Мы и не паскудно жили, не скажу – папа не бедный был: сколько вот было нас – 11 штук, а всем сделано было тоже, пока живой вот был... Делали как у людей. *<А тот вот, про которого вы говорите, что его засватала-то баба, он у ней и жил, да?>* Вот у ей, Мити-то,

¹⁸⁵ ФА ПЦ, Сям1-144, Вологодская обл., Сямженский р-н, К. И. И., м., 1933 г. р.; зап. Степанов А. В. 16.05.2006.

я и говорю, у соседа. Оба умерли шас уж. Вот дом вот стоит щас. Лена-то жива, про которую я тебе рассказывал. Тут, тут. В Жихове посватался он, а видно та дала, что повремени. А это наперебой ушла и все: привела домой да и до свиданья — животник. *<Кто у них там верховодил?>* А верховодила она. Она боевая баба-то была — девка-то. Одного уконопатила челяденка — до его. А при ём-то у нее ничего не было. А гуляла она, хорошо гуляла. И при ем хорошо гуляла. Строили вот скотный двор, ой, ядрит твою мать, дак он часто ко мне прибегал. Придет: «Иван, Иван, ой, че я видел-то!». Я говорю: «Че? Кино что ли видел?». «Не говори! Наталья Наталья!». «Вот так Наталья у тебя!» *<смеется>* Лучше кинá! А вот у ей — я тоже умом-то думал — статья какая-то была: с мужиками этот Дмитрий был Александрович, дак это не знаю, он было никому не уступит! Как Наталья слово сказала — всё, заглох сразу, безо всяких. Ну, чуть не дерется уж — с родным отцом эдак чуть не позгались — дрались, а как Наталья слово сказала — всё, зарубила сразу, не знаю как она так... *<В смысле статья была?>* Статья я и говорю — чё-то было сделано с им. И она не зря и ходила, наверно, с обратью по его — увела в животы-те как жеребенка... *<Как вы сказали — с обратью?>* Ну, обратка — на лошадей-то одевают, дак и на него обратка наложена. Слышал ведь, что обычно обратку накладывают — эти знахари-те. *<Так она знала чего-то?>* Нет, видно, знала, может быть, не она, а может, знала бабушка — бабушка-то знала у ее, бабушка знала. *<...>* Обычно это звали, что если как видно с обратью была. Ну, пословица была или, может, и на деле — на самом деле... Как я не знаю — ходили ли с обратью-то они, кланялись ли, чего ли, но обратку наложили! Обычно это как вот, это дак, что послушная такая жена, значит на ей наложена обрать — обратка. Или мужик может быть — на мужика одевают — спокойный мужик. Бабу не тронет, не колбнет, заслуживает — значит наложена обратка на его. *<Так почему он ее к себе домой не взял? Почему он туда вошел?>* Как — туда домой-то? А дома-то у его пять братанов, так куда туда вести-то? Так кроме него пять братанов, так они делют дом вот. А здесь-то у ее не кому делить-то — она одна. А там еще он и засиделся: не то что на выданье который парень, да это — на женитьбе, дак может найдет еще невесту... А этот уж с задержкой. Вот какие ведь в животы-

те уходили. <...> <Так ему так и остался какой-нибудь пай, или доля-то?> Так если пять братанов, какие там паи. Бывает, если хороший отец, то даст, даст. Разберутся так, пятое-десятое, ладно, дай там теленка или пару овец. Да и добро. Ну, может три женатых или два женатых, может, там еще два неженатых брата, дак наживут еще, дак давай, поделитесь. Бывало. А уж если в зажиме та живет, а здесь побогаче живут, так зачем — он сам не возьмет. Они уж так и договорятся, что вот — взять с собой мне нечего, надо как я один, так пожалуйста, пойду. <А, если ему что-то дают, он как приданое с собой несет или как?> Ну, подвид приданого, как договорятся, дак вроде приданого дают. Та семья, которая победнее живет, так та и договаривается... Ведь и эта придет свататься, дак все равно она решает вопросы, дак так и так надо. Бывает необязательно, что невеста ходит, а бывает ведь и с родителем идет. Пожилой отец, дак как — она одна, ребят-то нет у его, а она зажилась-то, надо ей все равно замуж выходить. Так вот он идет с невестой-то отец. Тут уж как — приходят, договариваются. Они не то, что сватаются, он, ну, как — она сватается, а он-то уж как отец, так вроде по хозяйству тут сразу разбирает какие дела, как быть, как лучше. Вот такое было. У нас тут, как же он все песню-то пел: «Лучше в море утонуть, чем в животники идти». Видно ему надоедало — все к нам ходил, я тебе рассказывал <...> Вот так вот, животнички... А я-то, я, я ведь... папаня-то у меня — три дома было откуплено: в любой иди — хоть этот бери, хоть тот, хоть в этом оставайся. «В любом доме, — говорит, — забирай, живи». А я пожалел, короче говоря: тут все бабки были — женский пол один был, когда я женился-то. А дом вот ихний двухэтажный был. Было пол мыли, дак сырость такая, дак в избу внизу-то заходишь, дак на половицу ступил, дак вода-то выстигáет из подполья прямо в потолок — все изгнило, было допущено — бабы, дак! После войны, дак какой же — чего баба будет, ничего не сделать было, дак... Пожалел, я, короче говоря, тут сначала у тещи была матушка, да теща вот, да Женя, да Густя, да и Зоя — пять баб, я пришел. Вот с отцом-то поговорили, я говорю: «Вот, папка, я решил сделать дом. Тут рядом пока пускай живут. А буду рядом, гнездо делать буду, дом сам». «Ну, давай делай, делай, как знаешь. Так чего — деньги надо?» Я говорю: «Пока деньги не надо. А припрет, так дашь». Ну, и хорошо. Вот ког-

да начали тут поджимать меня тут с домом-то, так я тысячу — мне-ка отец сразу, мамку сгонял на почту, та сняла тысячу... В Ярославль — старший дядя тут жил — так сразу послал, а потом второму уж с рук отдавал. Кадры были, заработки были — оба работали, рассчитались. А теща вышла... бабушка умерла, Зоя умерла, моложе всех была, а умерла, тоже на скотнем дворе работала... Вот из-за этого я и пожалел их, что было ни дров привезти, бабы, да чего сделаю?.. <...> Василий Иванович сам делал дом тоже, жена-то Федоровна у него... *<Так вы же говорили он животником был?..>* Нет, я говорю, вот как и я — тоже сам дом делал, дак. Жил у соседей тут — домишко такой захолустный, так он вроде снимал как в наем в этом домишке. А этот делал. Лесником работал, егерем. Вот. Борис Федорович вот, правда, тоже... ну, эти, как тебе сказать... тоже дом делали, дак... Люба-то с того дома, а Борис вот тоже пришел, дак тоже эдакой, если животниками считать нашего брата. *<Так если животником выходишь, строишь дом, это уже не считается?>* Так конечно. Сам строит, так какой это животник? Где хошь строй — разрешают там ведь. Было ведь в прежде-то в каждом принимали в деревню: если я не житель деревни, дак вот это пришел как еретик, так его еще в эту записывали в книгу деревни... Сначала мзду поставит — может там четверти две водки, напоит мужиков, и они запишут его, что житель по такого-то, по такого-то житель нашей деревни. Во. Брали этих мужиков. Никола-то Лошонков вот был на Южовской, так его записывали. Родом-то с Горки он был, а вышел на Южовскую, не строил — к старикам пришел. Вот его записывали. Рассказывал сам, Николай Николаич такой был: «Поил — говорит — недилю мужиков, чтоб записали в книгу-то». *<Да вы что...>* Все мало, все мало. А как раз женились-то они на Александре — Александра жена-то у него — на Новый год, на Святки, около Святка. Ак тут было не насытишь. Все парни, все мужики — игрища были, дак не работали зимами ведь в это время-то. Только сена или дров навозят — свои-те были хозяйства пока. А остальное дело — притворяться только: в карты играть да... Так говорит вот... Долго его тут чистили. Это вот животник действительно был, пока записали в деревенщину-ту. <...> Попал под Святки-те — так все мало. Мало мужикам: как придут, опять качать, опять качать его. А уж покачают, так как? — поставит. Теребили, ко-

роче говоря, этих животников, теребили, теребили, чтобы записать в деревню-ту. <А их как, не любили в деревне?> Нет, почему не любили? Любили. Только сразу-то вот, ведь уж если он придет по душе деревенщине, дак пошто – записан будет, такой же, его зачисляли как житель деревни. Он ведь потом и хозяйство ведет, ну... в основном-то хозяйка вела, раз в животы пришел, но все равно уж он идет тоже ведь везде и с мужиками, например, осяки городить вот – от скота-то было, каждую вёсну ходили ведь добро – подолгу, вот такие работы, которые коллективные-те были уж – все-то сбором, всей-то деревни. Или вот к празднику какому, так там надо вычистить надо каменя, палки – это все убирали, чтобы не было под руками ничего. Вот уж он не отличался – как и все одинаково деревенский¹⁸⁶.

XX

<А мне вот, знаете чего, М. Д. сказала, что она была животницей...> Животницей? У кого-нибудь была. Может быть, может быть. <Как это так может быть?> Ну как, брали вот старики. Есть такие у нас. Я тебе скажу животника: из Ярославля Борис Курятников был у нас в деревне. Милостыню собирал, его взяли в животы старики, два старика. Он тут у их начал кормиться, маленький был, боронить, пахать пошло все, поехало. Родителей не было. И животник. Женился, бабу хорошую взял, семью завел. Вот – животник. <...> <Погодите, это кого выговорите, приняли в животы, какой-то нищий?> Ну вот, маленький, Курятников, Борис у нас. Это и говорю. Маленький, с Ярославской области был, ходил, собирал милостыню. Никого дома не было – ни отца ни матери. Как счас бомжи, только маленькие, бомжата. Вот, нищие они были, нищие. <То есть как маленький, он был ребенком что ли?> Никак ребенком, ну годиков ему десять примерно было, 11 может быть. Вот в какой возраст. И пришел к этим старикам. А эти старики – никого у них не было уж. <...> Детей не было. Вот они взяли его, как усыновили вроде что. Давай, живи с нами, нас докармливай, допаивай, живи с нами. Может, будешь жить. Ну, он согласился. Вот, и стал жить, а потом уж подрос, я и говорю, что пахать научился, сеять научился, все сделал. И потом женили его. Старики умерли – он остался. Вот это – животник. Вот, у нас были – Курятников такой, и фамилия вишь, у нас таких нет. В поселе-

¹⁸⁶ ФА СПбГУ, Сям26-190. Вологодская обл., Сямженский р-н, К. И. И., м., 1933 г. р.; зап. Степанов А. В., Хон О. Г. 20.05.2008.

нии таких фамилиев... *<То есть его взяли, буквально, чужого.>* Да, да, как не чужого? Нищий пришел, дак. Накормили, напоили, вычистили, вымыли и: «Будешь жить?» «Буду!» Ну, и живи. Вот все. Вот как. *<И ему наследство перешло все?>* Наследство перешло, накопил этот Боря семью. Две дочери — в замуж отдал, два парня — один женатый, они оба женатые *<...>* *<Я просто думал, что животник — это только тот, кого в дом принимают, в смысле, жена берет...>* Ну, в основном, и это также. И это также самое. Она свататься идет, она женится. Это уж как животы, ну... примак его называют еще по этому, по-писанному. Примак. А этот-то, уж явно животник, пришел в животы. Жить. Пришел к им жить. В животы. А там, если она свататься, приняли ли, примак. Приняли. Тоже животник, по-нашему. *<А получается, что примак...>* Да. Как приняли его, примака... *<Усыновленный, что ли?>* Ну, вроде усыновленный, да. Эдак. Вот у меня сосед был, Митя, тоже такой — примак. Животник. Как же он, песню-то все время пел... Ах ты, едрена мать... Как-то: «Пойдем мы в животы» Нет, забыл. А, не пойдем в животы... То ли чудачки, то ли не работники, но как бы нам не жить — не пойдем в животники. *<смеется>* Вот песня, про Митю. Как бы, как бы... *<Так он усыновленный, или что?>* Нет, просто *<нрзб.>* у свата Макавья *<нрзб.>*, у Мити девок не было *<нрзб.>*, семь братья было. Так вот, вот у этой-то две девки было, больше никого не было у их. Уже пожилые, после войны. Митя пришел с войны, сначала *<нрзб.>* бабка, мама, староватая, он не пошел. А эта еще помоложе Наталья была, посваталась и привела домой. Вот это животник. Чаю попили, поели и Митя остался. Пришел в костюме дак, чего наложить было, на себя наложил да и с этим остались. Вот, это животник. На то и животник — это примак. *<В чем разница?>* Разницы нет, по моему. Так и так. *<А если, предположим, она живота приняла, он у себя в доме пай получает?>* А как же, как же? *<В своем старом доме?>* О нет, нет, нет. Там его отписывают. От того дома он уж как и невеста. Невеста уходит, значит уходит, и этот как невеста. *<А как, невеста, отрезанный ломоть?>* Да, да. Он сюда приходит, его прописывают как члена семьи. Если хозяином — согласует семья, так он хозяином, его переписывают. Если член семьи, дак баба хозяин, так он член семьи будет. Вот и все. *<Не понял разницы.>* Ну, хозяйство не дают ему. Может быть год, два, три, я не знаю

сколько, законы какие были. Но факт в том, что ему хозяйство не отдают еще. Может быть и так, что пускай поживет, некоторое время, ознакомится, сделает, может ли вести хозяйство. Если может – перепишут потом, пожалуйста. <А, то есть смотрят на его способности?> Да. А пока хозяйка она. Или, если как старики есть – старик ли, старуха хозяин. <А он в каком статусе?> А он – член семьи. <Просто работает?> Да. Просто работает, зарабатывает, все это хозяйство ведет. Может он и ведет, а хозяйка основная – бабка. <...> <А частушки какие-нибудь были про животника?> А забыл я. Как-то была частушка «Лучше голову отрезать, чем идти в животники!». То ли...

То ли мы не боевые,
То ли не работники,
Лучше голову отрезать,
Чем идти в животники!

Во. Было, было. Частушек много было. <Так чего получается, что в животники плохо идти?> Ну как это, тыкали животником-те. Чуть немножко дак... «Еб твою мать, ты не в своем доме живешь! Животник! Не свой! Сошток ведь у тебя чужой! <нрзб.> Да и в бане чужой моешься!» – вишь, раньше позор был. Позор. Позор. Уж если женился, так ты будь любезен, сруби дом, посади дерево, сделай сына, вот это закон такой был, требовалось. <Просто я уже спрашивал у вас, как в деревне к животнику отнесли, и вы говорили, что как к нормальному хозяину...> Животник-то, потом-то? Потом-то он стал хозяином. Борис-от Курятников, да? Ты говоришь. Он потом стал хозяин. Потому что с начала старуха умерла, потом дедка умер. Он хозяин остался, дом ведь евовный. Хозяйство евовно. Три лошади, две коров, их осталось. Видишь, хозяйство-то хорошее: дом, все закрыто, сени хорошие, баня, все это стало евовно. Потому что переписано на него было как члена семьи. Он старший остался. Он женился потом, после стариков-то, и пошла семья! Евовна, Борисова. Он хозяин стал. <А пока живы были родители?> <...> А пока приемыш... Которые брали в прием-от его? Так он ведь не женился. Он все отработал, вел хозяйство. Дедко командовал. Дедко, дедко. <А женился-то он когда?> А когда умерли. С начала бабка умерла, потом дедка умер. Потом все и перешло ему. <То есть он был животником с

какого времени?> Ну, с маленького вот, пока они не умерли, так он все не женился ведь. *<Потом он уже женился в свое хозяйство?>* Да. да. Потом, когда они померли он уж, как член семьи был все. Может, годов 15 они кормили, я не знаю сколько, долго жил. Подростком-то был. Его в армию не брали, отсрочка была – стариков-то тоже не брали, как если дома-то некому. *<А это какие годы-то?>* Да это было, так вот он мой ровесник Борис-от. С пятого года. 1905 года.<...> *<А когда в животники взяли, сколько ему было?>* Десять примерно. *<То есть 15 примерно, 1915 года – то есть до революции.>* Да. До революции. *<После революции такой обычай сохранился?>* Царский <нрзб.>. А потом, я не знаю, не знаю, животники... не помню. Вот семья-то одна попала на ум, вот мы с тобой и распечатали Курятникова. Фамилий нет у нас таких больше нигде, Курятниковых, тока он и был. А он вот попал, мильыстыней... Папа-то, старше наверное был, он седьмого года. Так его еще недолюбливали этого Бориса, ну, как он, приемыш, да оборваныш, да его, видишь... Да наши-то все-таки... Отец пахать, а уж ты поганивать идешь, а другой на работу на тяжелую опять мне дают послабже, хотя и постарше его, послабже дают работу, а ему потяжелее. Потому что старикам дак надоть кому-то делать, а у наших-то ишо было <нрзб.>. А мы держали, грит, четыре коровы, а у их две коровы, и две лошади было тоже. Нагрузка на пацана еб твою мать была! Та вот мы и не любили этого Бориса, не любили. Он никуда не ходил. Мы, говорит, тоже росли, хоть в школу ходили. А он и в школу не ходил. Вот. Вот такие дела были. Да. *<Я не понимаю тогда. Получается, что были животники, которых брали в семью, где детей не было, усыновляли, да?>* Да. *<А когда баба берет с собой в дом мужика – тоже животник?>* Баба, берет, да, тоже животник. *<А в чем разница? Как вы думаете?>* Ну, я думаю, что разница-то как она... *<Что от чего произошло?>* То, что некуда девать силы тому, который идет к бабе. Там и так их пять мужиков, а этот лишний, шестой. А у этих некому. Так вот баба и свататется идет, не баба, а девка. На этом, на том, на холостом. Токо сватается не мужик, как обычно парни сватаются ведь. А сватаются девки. Мать идет и сама невеста идет тоже, свататься идут. Все это, ну... Свадьбы не такие шикарные делают, не так, не скажешь что... Как мужицкие, там вот. Сколько я знаю, вот их пришло дак, ну, по-

сле войны-то много так соходились ведь. Так уж тут, пришел да, в бане вымыли да, ночевали да, и до свиданья – и начал въябывать А уж мужики-то как женятся, то уж худо-добро все равно свадебку сделают, маленькую, но сделают. Своих-то родных... Вот, такие были времена¹⁸⁷.

XXI

14 лет я была отдана... это... у ней детей не было, за 10 километров вот туда, за Дорошевицу-ту ищо. У их детей никого не было, меня отдали к им жить. <...> У ей детей не было, дак меня взяли в животницы. Что меня прописали к им в дом, на меня и земли намеряли. <...> 12 мне ищо было, 12 лет было. Меня в животницы и называли – животница. <...> <Сколько вы прожили в животницах?> Ой, недолго, только вот... У них очень много скота было. Воды-то до чего доносишь, до чего доносишь, дак... Женщины к маме все вот тоже приходили, на Дорошевицах она жила вот так <...> пройдут, дак к маме зайдут: «Уводи девку домой, уводи. Измают. Все дни носит, носит воду». Лошадь была, жеребенок был, корова, теленок, овец сколько – да! Все дни носила, носила. Все надо вымыть после этой избы, дак. Пол ишоркать надо было с дресвой, камень дресвяный наколоть и... Я один уж раз – все уж вышоркала, ведь веником-то с дресвой вышоркала, она чиркнула спичку, засветила. А было, глиняная такая кринка была. Вот она светит и из этой посыпает, посветила. А я уж сполоскала, и эту дресву-то уж сполоскала один разок. Только бы еще раз сполоскать, так и засушивать бы стала и половики бы стлать. Так она и говорит: «Худо вышоркала!». Насыпала по всему полу дресвы: «Перешоркивай!» <...> <А вот отдавали вас, матери вашей что-то за вас платили?> Да что уж матери, уж мать отдала насовсем меня! Загоскина уж я и была моя фамилия. Она возила на семена два мешка хлеба, этого... От себя-то, мне чтоб засеять на меня. Дана земля – дак надо посеять. Дак у их ведь и лошадь своя была, пахали посеяли на меня. Меня и ввели – домой ушла. <Так они там вам и землю выделили?> А пусть им с богом, мне не надо никакой и пай, от их было уж, я ушла и все. А потом, мужчина-то умер, тут хозяйство нарушилося. Взяли ее в инвалидной, эту женщину-то. Да и от нас, из Шелот одна там жила, ну, дом престарелых. Это, наверное, в сороковых годах, наверное, уж. Приходи-

¹⁸⁷ ФА СПбГУ, Сям26-183. Вологодская обл., Сямженский р-н, К. И. И., м., 1933 г. р.; зап. Степанов А. В. 12.08.2007.

ла, сюда с той женщиной-то, из наших, шелотских. Сюда приходила, у меня просилась. Это, после войны уж. Нет, говорю, я не забыла, ты как надо мной наругалась. *<Это как же, мать вас навсегда отдала, а потом забрала обратно?>* Так, маме-то жалко ведь, что наругаются, что носит и носит. А ведь инвалидом-то меня куда? *<...>* *<А вот вы ушли, перестали быть Загоскиной, опять мамину фамилию взяли?>* Да, потом материну уж, как не материну? *<...>* Завьялова была. Вся деревня Завьялова была. *<...>* *<А зачем они вас взяли в животницы?>* А ведь надо было пахать. Отец уж худой стал, не мог справляться с лошадей, да пахать ведь надо было землю-ту, все надо было руками. Ну, в дак вот. И примали к девке животника. Парня не было, не было у него сына, дак он чужого брал. Дак этот животник назывался. Дочь-то была, а парня не было. Так вот к дочери принимали другого парня чужого. Вот и брали, она которого полюбила дак, того и брали. *<А кто свататься ходил?>* А кто, свататься... Да уж свататься ходили те, кому надо дак. *<Со стороны девки ходили?>* Да. Со стороны девки ходили. *<Вот вас они в животницы взяли?..>* Меня-то? Да. Взяли в животницы. Чтoб прописать да и жить. А потом бы мне животника приняли. *<У них вообще детей не было?>* Не было, не было. Ни одного. У брата были дети, у него не было. *<...>* Меня подписали они, они вместо дочери уж взяли дак. Недолго я и пожила. *<...>* Забыла, наверное, два года. Пожила и ушла потом. *<То есть, если бы все было бы хорошо, то вам бы все наследство досталось?>* Да. Все бы наследство досталось¹⁸⁸.

XXII

<А я вот еще слышал, что если вот, например, детей нету у мужа и жены, могли взять там из другой семьи?..> Детдомовец, ты имеешь в виду? *<Ну, или из другой семьи...>* А кто тебе отдаст? Я так это не слыхала, чтобы кто-то о́тдал... *<Ну, вот Марья мне говорила, что она животница...>* Да, вот это по своим... У нас тоже одна животница была, да убежала, конечно. Сама-то Дьяконовка – животница? *<Да. А у вас какая была?>* Андрюшенька, у нас вон с той деревни была. Из нашей деревни отдавали тетке в животы вот, девку. *<А почему отдавали-то?>* Шестеро девок-то. Шестеро их было в своей семье, девок-то. *<Ну вот, а вы говорите, кто отдаст – отдали же!>* А тетка была по своим им, у нее де-

¹⁸⁸ ФА ПЦ, Верх26-32, Вологодская обл., Верховажский р-н, Э. М. Д., ж., 1918 г. р.; зап. Витковская О. С., Степанов А. В. 08.08.2007.

тей не было, она захудала. Вот Нинку-то к ей прописали... А она все равно убежала от ей. <Плохо обращалась?> А не знаю почто. <А своя была тетка?> Своя, по родству, своя. Шесть девок дак, вот они старшую ей прописали. Ну, в общем, допоить да докормить бы ее вот так вот, по-нашему, до смерти. <Чтоб там она ухаживала?> Да, она и ухаживала, она и работала вот в той деревне, вот, дедушка у меня из которой деревни. А она все равно домой убежала. <А если бы она не убежала, там хозяйство потом ей бы отошло?> Ей. Ей, ей. Потом бы уж ей прописано... Дом был хороший, корова, раньше еще по две держали коров-то. <Так еще и мужчина бывает животник?> Животник бывает. Вот я про своего сына опять скажу. Мы приехали свататься, вот как он женился... В <нрзб.> семь километров от Верховажья сюда к нам деревня. Ну вот. Мы приехали свататься. А она одна у отца, у матери. Ну вот. А сваты сидели, да сидели, а мы сразу сели, вдоль по полу садимся, как свататься-то приедешь. Вот как половицы настлан, дак так, чтобы узнавали, что сватовья приехали. Вот сват – Владимир вот Иванович – и говорит: «Ой, только Надя, ты не сватайся <нрзб.> на выходной вот приехала». Ну вот. Сели мы вдоль, вот нас дед возил на машине, сидим вдоль по полу с дедушкой. Сашка с нами приехал, она вышла из половины и стоит на пороге. Вот этак вот, и за дверь держится – стирать направилась. Ну вот, а уж заявление было-то подано в сельсовет, ведь за два месяца до свадьбы подают заявление. Ну вот. Да я и говорю: «Да, а что, – говорю, – дочка, не сказала, что сегодня сваты-те к тебе придут?». «Нет, ничего – Нина Ивановна вышла, говорит – ничего она нам не пояснила, мы, говорит, стирку заводим». Вот, сватальщики-те приехали. Я говорю: «Ничего себе!». Вот сидели, бутылку рóспили. А сват вот встал да и говорит: «А вот, – говорит (будущий сват Толька, Анатолий Николаевич), – мне бы надо...» Этого, не животника – а как это он сказал... Ну, вот по животу парня-то... Приемыш. Вот у их приемышами зовут, а у нас животник называется. «Мне бы надо приемыша, у меня дочь-то одна, а дом-от хороший, там <нрзб.> дом хороший, хорошее хозяйство. Вот, мне бы надо приемыш в дом, у меня дочь одна, они сына больше никого нет, дак». А я тоже, встала и говорю: «Нет уж, ты, Владимир Иванович, извини-подвинься!». А у меня в дому уж в Чушивицах был куплен.

Вот, хоть девке, хоть парню. А девка уж была замужем отдана, Сашка пока служил в армии, Тамара ушла взамуж. Ну вот, я говорю: «У меня это дом в Чушевицах это... куплен. У нас и на Дору дом новый. Ничего, говорю, наш приемыш... Не на приемыша я его вырастила! Три года отслужил да еще будет всю жизнь служить! — животников-то мы рабами все раньше звали, — опять, — говорю, — будет вам служить. Нет, нет, — говорю, — поедемте <нрзб.> домой, — свему-то зятю (тоже Лешкой зовут), — поедемте домой». А Нина Ивановна пришла и говорит: «Ты, — говорит, — Владимир Иванович, не подумавши сказал». Одного единственного сына — да в животники отдай, приемышем они зовут! Ни за что! Я сразу — домой, домой, никакого сватовства не будет, никаких свадьбы не будет. Вот и все. А потом слово за слово, и решили в одной стороне делать, потому что у ее матери нет, да кто ей сделает? Там у нас в Чушевицах и было, на семь столов две эти родни <нрзб.> Списывались в Чушевицах в клубе. Вот этот приемыш какой. *<И не отдали?>* Нет, и не отдали, нет, нет¹⁸⁹.

XXIII

<А вот скажите, здесь много фамилий одинаковых?> Да фамилии, вот раньше у нас в деревне было две фамилии: Терехины да Макаровы. *<...>* А потом, приняли животников много, приемышей. Приняли. Вот у меня отец Загоскин, прибыл, Дубов *<...>* *<А зачем это в дом принимают?>* Потому что женщины были, а надо мужичка себе найти вот, принимали мужичка себе в дом. Назывались «приемыш». *<...>* *<А это семья решает, что давайте примем животника или как?>* Да, да, да. Если старики, дак они скажут, посоветуются, какого животника принять. Подходит ли им. Раньше-то вот все надо было работающих. На любой работе чтобы был гош. Раньше ведь все натуральное хозяйство было *<...>* *<А с собой он приносит что-нибудь?>* А как... из одежды-то все приносит, все евовное. Свою одежду приносит сам с собой. *<А по хозяйству?>* А по хозяйству дак я не знаю, там... Ой, кто на что горазд. Кто может и побольше привезет с собой. Не только одежды. Приданым называлось, приданое. Приносили приданого. *<...>* *<А здесь он уже как — полноправный член семьи был или как вот?>* Как придет. Все уж, за хозяина теперь, как уж приняли дак, он

¹⁸⁹ ФА ПЦ, Верх26-36, Вологодская обл., Верховажский р-н, А. Л. Д., ж., 1938 г. р.; зап. Вад. О. В., Степанов А. В. 22.08.2007.

полноправный хозяин будет. Если старики были дак, пока дед командует. А как деда не станет, так он за старшего остается. *<А жены имуществом он мог распоряжаться?>* Это уж дело хозяйское. Как между собой договорятся. Согласие обоих сторон ведь. *<...>* *<А если животник, то кто ходит свататься – мужчина или женщина?>* Не знаю, как сказать. Конечно, если в животы, так ведь приглашают его: «Пойдешь ли к нам в животы?». Придут, посватаются. Вот он согласие дает, значит, намечают день свадьбы, празднуют и остаются тут. *<Это у него спрашивают или у родителей?>* Просватки, дак у родителей надо спрашивать и его, всех. Если родители не возражают, значит, все, сделка состоялась. Примут в животы. *<А вот, говорят, как живот пришел, он должен мужикам в деревне проставиться?>* Дак че, мужикам-то... Пришел, эту, в нашу деревню, значит – ставь могарыч. Бывает и так ведь, спрашивают мужики. Скажут, раз пришел к нам в деревню, ставь нам. Раньше четвертную ставили, были такие бутылы – четверть. *<...>* *<А вот если в семье вообще нет детей, могли принять кого-то?>* Могут и принять. У меня мать вот тоже была принята. У деда-то с бабушкой ребят-то не было, мою-то маму вот взяли у брата, на Игнашихе вот хутор был. *<...>* Вот, мамку 7 лет взяли к себе дед с бабушкой вот, воспитывали ее. Потом вот животника приняли. К ей. *<Так она тоже животницей считалась?>* Приемная дочь была уж, принята к себе, на жисть принята. Пожить, с дедой, с тетой, потому что у них не было, и взяли к себе. А там было, у брата, пятеро детей-то, дак. Отдали одну¹⁹⁰.

XXIV

<Пересказ: рассказывает, как пожилые люди познакомились через переписку и стали сожителем. Он переехал к женщине.> *<Это как называется, когда в дом входят?>* Животник. Животник зовут, как муж придет в дом сам. *<А здесь на деревне есть такие животники?>* Да вот, мед продавал. Также еще молоденькие были, дружили долго. А в другой семье большая семья, а эта девка – одна, больше никого не было. Отца на войне убили, так. Взяли его в животы, называется. Вот сватались. *<Кто посватался?>* Сватались от невесты. Так от жениха сватаются. А тут в животы, так надо от невесты. *<Таким же порядком?>* Таким же. И про-

¹⁹⁰ ФА ПЦ, Верх26-33, Вологодская обл., Верховажский р-н, Э. В. И., м., 1930 г. р.; зап. Степанов А. В. 09.08.2007.

сватки и все. *<На просватки кто ездит?>* Собираются жениховы и невесты родители и договариваются, когда свадьба будет. *<То есть тогда получается, родители жениха ездили к невесте?>* Да. Договаривались, когда свадьбу сделать да все. *<...>* *<А он приданое приносил?>* Не знаю. По-моему, нет. Я вот так помню, что овцы в приданое. Не было ведь у них. Корова была, овец-то не было. У нас-то там стадо большое было, так мы этих овец расплодили. Не слышали, чтобы в зятя принимали? *<Я вот как-то слышал, что животник выходит, проставиться он должен...>* Животник, так ставит всем мужикам в деревне, должен бочку пива принести. *<Поставит и чего?>* Раньше бочонки такие были невысокие, запрасят мужики¹⁹¹.

XXV

Вот в животники идут, так:

Нам не с совести пилиться,
 Не в животники идти,
 На хорошей не жениться,
 Сволочи не обойти *<хохочет. — А. С.>*

Вот животник-то...

Задуманный мой товарищ,
 Мы с тобой работники,
 Лучше в озере утонем —
 Не пойдем в животники¹⁹².

XXVI

<А вот у вас бывало так, чтобы муж выходил в дом — чтобы не невеста, а?..> А, это — да... *<Ш. В. Д.>* Животник... *<Ш. И. В.>* Животник называется... *<Ш. В. Д.>* У нас вот, пошел в гости, дак он мне: «Валька, тебе-то что — ты дома». «А ты не дома?». «Я — животник». Я-то дома — дом вот мой, ну, как — родичей моих... *<Ш. И. В.>* Ну как — хозяин... *<Ш. В. Д.>* А он пришел, ну, к жене. Выходил — четвертая... *<То есть считается, что он не дома, да?>* *<Ш. И. В.>* Да... Уж животник, дак он не хозяин значит, хозяйка вот — к кому пришел. А я вот, я не хозяйка — он хозяин: я к им пришла... *<хохочут>* *<...>* *<А в деревне как — вот не смеются, что животник?>* *<Ш. И. В.>* Да не-е-е — не смеются. Животник — у-у-у, он пашет, дак это что ты — как лошадь пашет.

¹⁹¹ ФА ПЦ, Верх26-35, Вологодская обл., Верховажский р-н, П. А. Г., ж., 1931 г. р.; зап. Степанов А. В., Платонова Е. А. 06.08.2007.

¹⁹² ФА ПЦ, Верх8-3, Вологодская обл., Верховажский р-н, Т. Е. А., ж., 1928 г. р.; зап. Степанов А. В. 15.05.2007.

<...> <А так часто бывает, что в дом выходит или нет?> Да бывает, бывает. Только редко ведь которая одна женщина – тяжело одной ведь жить с детьми – принимаешь животников-то. Ведь уж вон – в возрасте, он... <То есть вдова, например, что ли?> Да, вдова... <Ш. В. Д.> Ну, да, может, и не вдова... <Ш. И. В.> Может, и не вдова, бывает, мало ли там вот – например, вот у меня тетка: у нее мужа убили на фронте, с фронта приходит <похоронка?> – у них восьмеро детей было, ей свекровь и говорит (ее Графира звали): «Графира, Графира – говорит – все таки у тебя осталось двое детей, да возьми ты – говорит – животника вот этого: у них такая семья большая, и тебе полегче, да с мужиком». Да и от худых слов мало ли там – жена если, ну, одна женщина живет, дак ей худословие – нельзя с чужим мужиком поговорить там, мало ли поговорить – так поревнует. Ведь это бывает – ревность-то. Вот, свекровь ее заставила: в дом животника привели. Она вот всю жизнь с ним прожила, еще после этого нажили троих детей. А шас оба умерли. <То есть нельзя ей заговорить с чужим мужиком, что ли?> Нет, это бывает так: вот, например, я одна, поговорю там мало ли с деревни с каким мужиком – жена-то евонная поревнуют, поревнует, скажет: вот, видишь, ты с ней... Мало ли, это бывает... Ведь и у вашего брата, у молодых, тоже ведь ревность бывает – у девушек, если ты вот, например, потанцуешь с другим парнем, ли там чего, так ведь это бывает. Вот это называется худословие, что уж если там... Лучше принять животника, чем худословие терпеть. <...> <А не было такого, что-то я слышал, что когда выходит в дом, тогда женщина шла свататься?> Бывает, бывает... Вот, посватается сходит, скажет... И, бывает, и он пойдет к ней жить. Так много было за мою вот, как я, жизнь, так сколько видала, дак много. Это и просто так и принято¹⁹³.

XXVII

...А вот первого-то мужа убили на войне, она вот и приняла. <А то, что у нее уже ребенок был...> Да. Скотина была. Дедка да бабка была. Они все командовали над ней. <...> <А вот как у нее свекровь, родители мужа отнесли, что она второй раз замуж вышла?> А заставили они. Свекор уж стал старый, свекровка уже никуда. Все свекор командовал. Она работала, потом уж они заставили¹⁹⁴.

¹⁹³ ФА ПЦ, Верх26-6, Вологодская обл., Верховажский р-н, Ш. И. В., ж., 1939 г. р.; Ш. В. Д., м., 1939 г. р.; зап. Степанов А. В. 14.05.2007.

¹⁹⁴ ФА ПЦ, Верх26-27, Вологодская обл., Верховажский р-н, Э. М. П., ж., 1923 г. р.; зап. Платонова Е. А., Толмачева Е. Б. 09.08.2007.

XXVIII

<Я вот слышал например, не было чёрта в доме – заведи животника, будет чёрт> <NN> А говорят чёрта не надо, если в доме старая дева есть. <NN> Чёрт не надо, если в доме животник. *<Я смотрю, у вас часто так, что мужчина в дом выходит бывает?>* <NN> Бывает, бывает. <NN> Так это и раньше так было. <NN> Теперь редко ведь. <NN> Чего редко-то? <NN> Раньше так было: женщины в доме вот оставались, так принимали животника. <NN> Ну кто и живёт у кого так сейчас не называют животниками, у нас Степан 4 года жил, да я не слыхала что он животник. <...> <NN> У меня тоже животник был раньше, а теперь нет. <NN> Так как нет? <NN> Вся жисть в животниках будет жить. <NN> Тоже животник был... <NN> Был. И никуда не делся! <NN> А почему? – сейчас свой дом поставил, так теперь он не животник. <...> *<А когда животник, вот кто кого сватает?>* <NN> А без разницы. <NN> Сватает как положено, так и сватает. <NN> Нет, приезжает свататься невеста. <NN> Ну не знаю. <NN> Да, да у нас так приезжали. <...> *<Чего, тяжело животнику живется?>* <NN> Тяжело. <NN> Смотря какой животник попадет: может всех выгонит, как придет!¹⁹⁵

XXIX

<Информантка старше мужа на 4 года. – А. С.> *<А раньше вы где жили?>* А все я здесь и жила – у нас дом тут рядышком, так его снесли... Я здешняя. *<А муж?>* А муж у меня в Тотьме жил. *<То есть он к вам вышел?>* Да, он к нам *<смеется>*. *<То есть он у вас привал?>* А дом евоный, так уж щас не привал. Да, дом сам посторил он. Если бы ко мне – вот перешел в дом ко мне, дак вот, в нашем доме бы жил, дак вот привал бы был. А как он приехал, да дом построил сам, и в свой дом перешел – он уже не привал. *<А когда он к вам пришел, он был привал?>* Да, да, когда пришел. Дак ведь там недолго – год, наверно, и жили, может два ли года... Привал. Иной раз и ему говорили вот эдак мужики-то, дак... А потом уж не стали говорить, как дом построили... *<В смысле в насмешку говорили или как?>* Да, так вот: сядут выпивать да вот эдак: «Да ты ведь привал!» Он сначала-то обижался – в Тотьме-то ведь эдак не говорили, там в городе-то. А потом я говорю: «Да чё ты обижаешься? Раз такое заведено, дак!»

¹⁹⁵ ФА ПЦ, Верх26-21, Вологодская обл., Верховажский р-н. Хор ветеранов. Зап. Степанов А. В., Толмачева Е. Б. 26.08.2007.

Ак вот он вот построил, дак тут уж ему никто ничего не сказал. *<Уже успокоился?>* Да, тут уж не привал¹⁹⁶.

XXX

<Пересказ: муж Г. П. был приезжий. На тот момент, когда они поженились, у К. Г. П. не было своего жилья, она жила временами у брата, но потом и оттуда пришлось уйти, т. к. брат женился, временами – в Вологде, где училась.> *<Так получается, ваш муж тоже был привал?>* Да какой привал? Дома-то у нас не было: он тут пожил да и там – своего-то дома не было, дак... *<Ну, все равно же он со стороны пришел...>* А со стороны, так надо чтобы в своем доме принимали. У нас вот посреди ломается дом вот... было четыре брата, так изломан дом – уж одни стены стоят, за Твориловым еще один дом – на дрова изломали, так вот тут один брат выстроил дом себе – вот из этого из худого-то дома... второй Паша, Сергей дома остался, Алексея отправили туда – дом он выстроил, помогли ему братья, Паша женился перед самой войной... а четвертый брат – надо или строиться, нельзя тут жить-то: два брата долго семейно жили вместе, пока не убили Пашу-то – *<...>* на фронт и погиб – вот две снохи с семьями-то и жили вместе, а потом одна в передней части, а сзади в зимовке-то вторая сноха жила. Так вот четвертый брат в Кудринское – *<...>* так вот тут привалом он оказался... *<Привалился?>* Да, привалился. Ему деться-то уж некуда: или надо строить дом – привалился. А раньше – и нынче ведь этот закон вот существует – так фамилия-то Ворошиловы, а он стал Лёвинский – под женину фамилию подписался. *<...>* Так ведь раньше это было, после войны особенно... Старых-то девушек сколько было – у их кавалеры-те погибли, так нашего-то возраста ребята-те и женились на старых. Вот в Шулеве-то Иван вот живет, жена-то Галина-то *<...>*, так вот они женились: вот эта Галина с 28-го года, а он на 11 годов ее моложе – ну, он один у матери был, отца убили, так мать его воспитывала. Да как? Они прибирали к рукам наших ребят, нашего возраста и моложе – старые-те девки. *<Так они сами их сватали, что ли?>* Вот, девки сами сватались, тут уж пошло. *<А как?>* А как – договаривались и всё. *<Приходили к его родителям?>* Нет, к родителям – нет. Это раньше сваты ходили – до войны *<...>* Старые-те девки ловили молодых-то. А молодым-то ребятам проходило иногда: вот у этой

¹⁹⁶ ФА ПЦ, Тот26-8, Вологодская обл., Тотемский р-н, Вожбальский с/с, К. Т. В., ж., 1939 г. р.; зап. Степанов А. В. 16.06.2011.

Галины – они хорошо жили с матерью-то, зажиточно по тем временам: всё было, корову держали... Она пахарем в колхозе была, дак... А он еще малолеток был... Так вот у матери у ево ничего не было – у Ивана-то... Так она его отправила в армию – еще они не женились – так на онучи холста отрезала с собой <...> Вот материальные иногда условия заставляли, вот... *<Ну, так можно же было и среди ровесниц найти зажиточных – почему именно кто старше?>* Похитрее были, поумнее! Поумнее: они обхаживали, молодых-то ребят обхаживали, своих-то потеряли на фронте, так вот обхаживали: они уже навык имеют, а эти еще стеснительные – наш брат были. Вон Генашка Ворошилов учился со мной в школе..., так у его жена-то кладовщиком работала уж – будущая-то... Так он, конечно, не к какой-то нищенке пойдет, к однокласснику. А она уж его приучила к себе, приручила. Жизнь заставляла. *<А у детей была материнская фамилия?>* Эта же фамилия: как муж да жена фамилия Левинские стали, так и дети Левинские <...> *<далее разговор зашел о беседах. – А. С.>* Это все до войны все дело было, я рассказываю, во время войны этого уже не было – некому было наряжаться, ни один праздник не отмечался, не справлялся, потому что люди все голодные были, все больные, заняты работой <...> *<А чего еще на этих беседах делали?>* Плясали, гармонист приходил, плясали, пряли... Ребята ничего не делали взрослые, к девушкам на колени сядут – посидят да за прясницу сядут... Чего, а девки к праздникам... они сами выбирали ребят – нынче парень подходит к девушке, а раньше девушки подходили к парням, это до войны... Вот, когда вопрос вот мне был, почему вот эти постарше девушки забирали наших молодых парней – потому, что еще всё осталось оттуда: они посмелее были. А наши что подростки – они этого не знали: никакой ни любви, ни дружбы, ничего, они только знали – в колхозе работали, дак и всё. *<То есть они имели опыт...>* Да, те уж имели опыт. *<До войны они знали, что первые знакомятся девушки...>* Да... Да вот надо какого парня какой девушке, так она подружку подговаривала: вот позови мне вот такого-то парня сегодня на вечер¹⁹⁷.

XXXI

Раньше мужики не готовили – позор был, что мужик, ну-ка, готовит. Буде воровски, чтобы никто не знал. Наш

¹⁹⁷ ФА ПЦ, Тот26-12, Вологодская обл., Тотемский р-н, К. Г. П., ж., 1928 г. р.; зап. Стенанов А. В. 08.06.2011.

Коля – вот был колодец, о, какой глубокой – первый стал носить воду в избу – коровам эдакая кадца, вот. «О! Привал воду сам носит! Нинку берегёт». А потом все стали носить мужики – ни одна баба не носила воду. Это <нрзб> он был – стыдно, что мужик воду носит. Вот как. <А потом что – пример с него взяли?> Да! <смеется> «Привал вот, – говорят, – воду носит», – и все стали воду носить. <...> Телят управляла – угоню телят, далёко уйдут они по полюто, исть охото – с собой драночки только-то, пожую и погляжу: у меня муж идет, Коля идет-то муж, он, наверно, идет ко мне: «Нинка, сегодня привезли помидоров в магазин, я два килограмма купил помидоров, так и тебе несую. Сам наелся и тебе несую» – чтобы в честь войти друг к дружке. <Чтобы в честь войти друг к дружке?> Да. Чтобы... Ну-ка, баба там весь день голодная! А он-то работал – осеменял коров, осеменатор был. Так он день-от дома – пойдет вечером. Мне расскажет: «Я суп вот тебе выставил». Ну, ладно, телята пройдут, я уж его дожидаюсь¹⁹⁸.

XXXII

И пришел... Он уехал в Ленинград жить. Там чего-то на-творил и его посадили в тюрьму. Он пишет из тюрьмы письма. Я написала, что я тюремщикам писать не буду. Он, не знаю, сколько просидел годов, вышел. А наша деревня от ихней три километра. Идут с Павлой, царство небесное, свататься. А я говорю: «Че это ты? Я осталась тринадцати годов после смерти матери да и сестру такую оставляю? Вы берите, так обоих!» Нет, а Павла сказала, мать его: «Нет уж, я первого сына не отпущу в приемыши!». Как, приемыши раньше называли. Если он ушел к невесте, значит, назывался приемыш. Я говорю: «Надо, дак пусть приходит, пускай у нас в избе живет». И я, это было мне семнадцать... восемнадцатый год, я вышла в двадцать третьем году¹⁹⁹.

XXXIII

<Пересказ: дом был перестроен в 1959-м из двухэтажного в одноэтажный. – А. С.> <А кто перестраивал?> Муж. Муж у меня был. Поди ведь ребята есть, ребята есть, дак ведь... Перестраивал... Вот будет...<показывает в окно. – А. С.> из того дому... Звали Вася. У их была семья-то большая, сыновей

¹⁹⁸ ФА ПЦ, Тот26-13, Вологодская обл., Тотемский р-н, А. Н. А., ж., 1928 г. р.; зап. Степанов А. В. 10.06.2011.

¹⁹⁹ ФА СПбГУ, Чер1-15, Вологодская обл., Череповецкий р-н, Ш. В. М., ж., 1928 г. р.; зап. Алейник А. Г., Подпоркина А. Г., Черенцова К. В., Хотина С. В. 13.07.2006.

было много, и этот Вася ко мне пришел жить, ну, как ко мне в дом. Вот он и перестраивал. *<А почему он пришел к вам, а не вы к нему?>* Так потому, что я одна, потому что я одна, а их ведь там так много было. *<пересказ: Надежда Федоровна была восьмым последним ребенком в семье, старшие многие умерли в детстве, один из братьев умер в войну после ранения. — А. С.>* ...потом еще другая сестра, ее теперь тоже нет, она на шесть годов меня... она замуж выходила в деревню Шучуга, вот... А я одна. Так куды? Куды? — ведь у меня еще родители были, потом родители мои умерли, я осталась одна. Вот этот и пришел ко мне... *<То есть вы вообще одна — не было никого уже?>* У меня родители умерли — я чисто одна. *<Ну, и пришел, и что?>* И вот пришел. Ну, мы с ним тожо, как это — дружили. Он с 26-го году, старше меня... *<Ну, вот он пришел к вам, это как-нибудь имеет название? <...> Примак, например, там или?..>* Ой, ак — че примак, это, как сказать — у меня никого-то не было уже, дак чё? *<А если бы был?>* Ак чё ведь и был бы, если бы отец был, так они б и давно рады были. Они... вот особенно отец, дак... наверно мени годов было 16 ли 17, дак всё заставлял: «Женись — вот — женись!». Ведь я бы парень, дак я бы искать стала — скорей бы нашла, а чё я — девка, как я буду? — сама собой навязываться этой... Это не дай бог никому мужика в дом брать! Лучше выдти. *<А почему?>* Всё надо поднаравливать да угодить. Да если неладно, дак того бойся — уйдет обратно... *<Я думал наоборот — мужик в дом приходит, так он тише травы?>* Тише, дак... Вот и надо уноравливать бабе-то, бабе, хозяйке. *<Я думал, он ее слушается, наоборот...>* Слушается... Как придется, как придется, как придется. *<Ну, вот вы хорошо жили или как?>* А жили-прожили да мало пожили. Ой, 25 годов девкой прожила, 25 с мужиком прожила да скоро 30 вдовой живу *<...>* *<Так вот я не очень понимаю, расскажите, как это вы говорите, что нужно все поднаравливать?>* Да как поднаравливать? Ну так, шибко-то не хозяйничай! Хоть и женщина-то... Вот поди как, вот опять скажу... Вот тут соседка жила, тоже ведь исаковцы ведь, ну, она солдаткой была, у нее ребенок был... И тожо мужик вот... пришел парень, парень ли как ли, он мужиком уже... пришел с армии... с женой приходил *<?>*, так вот чё-то не знаю, чё-то у них неурядица получилась, а по-

лушубок был, видно, первого мужика-то, так чё-то неурядица, так взял за рукав — порвал, вот тебе и всё. Чё ведь, парень? А я, так про себя скажу: валенки, отцовские валенки были, раз тебе больно интересно, дак... ну, а валенки те Вася носил. А холодно — лен трепали, я возьми да и надела. А чё ведь? — костіца-то в валенки-то накрошилося... а потом он стал надевать-то, костіца в валенки-то — нехорошо, так чё-то... чё-то как-то... чё-то, не знаю, как-то вышло... а я и скажи: «Ошо спрашивать буду!». Больше разу не одел. Вот, вот такие дела. Только мотри <sic> это по деревне-то не рассказывай! А то расскажешь, дак... *<Не буду, конечно... А вот, кстати, по деревне, вот например он вышел в дом к вам, а как к нему в деревне относились?>* В деревне? Да все де соседи, дак! *<Так не подкалывали его?..>* Ой, нет! Некому было, не-ет. Это не старо время... А вот, вот отца спрашивала я, это будет где сельсовет вот, так тут напротив-то деревня-та, в стороне-то, ну, так тут же она — Милёнки... Где-то пришлый был — это еще до колхозов было, дак <нрзб> те возьмут да выведут за деревню, вот как жил. *<Как выведут?>* Раньше землю-то делили по паям, дак ведь если человек пришлой, он не из наш... не здешной, даже не нашего сельсовету был, дак ведь надо раз он пришел, пришлый, дак надо ведь пай земельки дать. А за земельку-то как боролися! Вот, милый мой. А у нас чё? У нас при колхозе-то... *<И прямо за деревню вывели, да?>* Ага. Выводили за деревню, вот за Качёнку-то деревню выведут и поди. Ак ведь сходит, а снова приходил — ведь ребята были здесь, ребята были... А здесь ведь ужо как эти колхозы-те стали, тут кто хошь где живи, а теперь уж, теперь <нрзб>... *<Вот муж к вам пришел, он с собой что-нибудь принес?>* Постеля — матрас был соломенной, там солома была вытрясена, да подушка, одеяло. Это всё свернул и говорит: «Поди, неси!» Меня послал: «Поди, неси». *<Почему?>* Ак и... Ну, я сходила, принесла. *<Так, а где он это положил?>* Дома, он дома — там где он жил, дак. Сходила, принесла. А рубаха да штаны, дак я не знаю, за этим-то я не ходила, он наверно... чё — баню истопишь, и переоденется, белье осталось — я выстираю. А чё больше нести-то? <...> Васе-то было уже около 30-ти годов, дак тоже ужо... он, ошо у него и здоровье было плохое... из армии-то его отпустили, он как бы как наверно не дослужил — чё-то по болезни ли чё ли?... А ведь мне тожо и ладно: где хорошего-то брать-то,

ядренного-то? В дом вот не каждый ведь пойдёт! Опять же так и скажешь, это пришел, так ладно. А не пришел бы, так чё? А я и то уже решалась: мужик вот будет, не будет, а ребенка-то нажать-то надо. Чё меня перло: у меня родителей-то нет, никого нет, а вот тут тётушкой звала я, и вот эта, которая на роды приходила, — Вася сходил — тоже тётушка будет. Так я им и говорю, я говорю: «Вы, обе тётушки, принесу ребенка — выводится ли?» «Выводимся — говорит — только неси, так выводимся». Чё б не пришел, так я на них и надеялась <...> Ак дом строили, так ага: на обед вот идет, дак гляжу: сюды идет или туды <в родительский дом. — А. С.> ...Если туды ушел... А если сюды поворотил, так надо скорей обеда-ть приготовить. <Я думаю так любая жена смотрит — не только когда муж в дом пришел?> Опять же дело-то другое! Дело другое тут. <Что значит другое?> Так вот и это... А может, он здесь пожил — уйдет к матери, вот тебе и всё, вот и мужик. Придет — ладно, не придет — тоже: чё сделаешь? Ничего не сделаешь. Это первые те годы, а потом так обжился, дак жить и жить стал. Хоть ведь и побранимся, чё, побранимся, а муж да жена — одна сатана. Слыхал? Ну вот. <А говорят, что можно как-то и к себе мужа привязать, так чтоб не отвязался?> Ой! Это я не знаю, это чё-то ты там знаешь — я не ничего не знала и ничего не знаю. Вот. Чё ты привяжешь? Будет жить, так ладно, а не будет — тожо, чё делать? Это замуж вот придет, дак чуть маленько можно крылечки вздеть, а тут ведь нет — не вздинешь! <Что крылечки, я не понял?> Крылечки вздеть можно! Погордиться, что я к тебе пришла²⁰⁰.

XXXIV

<А. И.> Я скажу: у твоего отца было, их четыре брата, понимаешь, было и всем по избе <...> <Р. М.> Один еще четырнадцатого, в четырнадцатом году погиб, у деда-то. Да, вот четыре тут было. Да, вот каждому по избы надо было, вот. Стали вырастать, и эти не хватать. Самим надо жить да четыре сына. Так вот стали строить: там построено три дома, заручьём. А наш-то отец был последний у его, дак вот эта изба досталась, вот эта. <...> Брату не досталось, а ещё во двор ушёл. <Во двор ушёл? Это как?> <Р. М.> Это значит, он женился, а не в этом доме, а ушёл к жены. <...> Например, я одна у матери, и дом у меня есть, женился на мне вот, че-

²⁰⁰ ФА ПЦ, Наг26-13, Кировская обл., Нагорский р-н, Г. Н. Ф., 1930 г. р.; зап. Степанов А. В. 30.04.2009.

ловек, и у его родитель, родитель-то, родители-те живут, а сколько ещё человек надо. Ак, вот раз я одна, дак он ко мне как... <А. И.> Во двор. <Р. М.> Во двор²⁰¹.

XXXV

<Дворовик. А над ним как-то смеялись? Осуждали ведь?>
 <...> У нас дед Прокопий к бабе Марье-то пришел во двор. Но он все как униженный. Она его звала – господи, прости душу грешную! – грязно обузь. <смеется> <Дак обижался?> Не знаю. Но всякое бывало. Как выпьет, дак погоняет. Все было. Если унижение, дак мало приятного. Вот такие семьи – они не крепкие семьи и были. Они все равно унижены. Мужчины унижены ведь. Терпит, терпит, а <...> <А почему он приходил? Самому некуда, что ли, было привести?> А вот дед Прокопий к Ольге Валерьяновне пришел потому, что мать у него умерла, отец женился на второй, мать умерла. И он, вроде был, как лишний. У него в доме пая не было, так скажем. Даже, может, и избы не было для него. Угла не было. Он в таком безвыходном положении был – пошел во двор, работником. И как работник, всю жизнь так и жил. На фронт сходил, потом с фронта пришел, и все как такой униженный. Ну, баба Марья была богата семья, а он из бедной. <...> Все какое... и к детям пошло, и детей как-то так вот все <...> Баба Марья вышла с ребенком, дворовика-то взяла. Все говорила: никому не посоветую со своими детьми за чужого отца... ну, в общем, вы поняли смысл²⁰².

XXXVI

<А не подшучивали над таким женихом-дворовиком?> Ну как? Конечно, подшучивали. Скажут: «О, дворня идет!» Дворовик – дак дворня. Вон дворня идет²⁰³.

XXXVII

<А вот такие случаи бывали, что не девчонка пришла к парню жить, а парень к девчонке?> Да. Назывался дворовик. <...> <Дак это не очень, наверно, почетно?> Да, не почетно. Такого, вроде, жениха, не очень уважали. А у нас, у тети Татьяны, она жила одна, братья все разъехались, выучились. Ну, а дед-то ей не отпустил. Вот с этим, она с которым военным-то ходила. Ну и в общем: куда ты нас одних бросишь, оставишь. Живи уж с нами. <Это дедко не пу-

²⁰¹ ФА СПбГУ, Мез1-31, Архангельская обл., Мезенский р-н, Т. Р. М., ж., 1932 г. р.; Т. А. И., м., 1931 г. р.; зап. Букавнева Н., Мариничева Ю. Ю. 11.07.2007.

²⁰² ФА СПбГУ, Мез1-63, Архангельская обл., Мезенский р-н, М. А. М., ж., 1941 г. р.; зап. Мамаева Е. С., Морозов М. А. 13.07.2007.

²⁰³ ФА СПбГУ, Мез26-13, Архангельская обл., Мезенский р-н, Р. М. Г., ж., 1928 г. р.; зап. Кравчук И. А., Пивоварова А. М. 14.07.2007.

стил?> Да, дед-то. Старый был. Она, он уехал, конечно, всю жись так-от с ней как-то, общались немножко, жалели друг друга. Не судьба, видимо, им. У нас тут один тоже пришел свататце. Четыре брата было. Ну, и он согласен, что я к вам приду. И он к ним пришел. <...> Потому что у нас на верху они жили. Дедо с бабой внизу жили. А нам там три комнаты было с того боку. Сколько нас? Семеро, да папа с мамой... Девять человек. Ребята-то послевоенные, Миша да Ваня. До этого-то опять, знаешь чего?.. Потому что три семьи в доме. Всяк, говорится, свои порядки качает <...> Но потом они купили свой дом, в свой дом переехали²⁰⁴.

XXXVIII

<А это, вроде, когда не жена к мужу в дом приходит, а сам жених приходит...> Сам приходит? А! а это уже принятой! К невесты придёт в дом. У нас-то принятым зовут. Есть, есть — к девушке приходит. <А это позорно для него?> Да, ведь почему позорно-то? <А почему он тогда?> Если у девушке больше некому: одни родители, в дом некому. А дом хороший да всё дак. Он придёт. А там, может, у него не один брат-от. У меня младша-то сестра, вот муж-то у неё с Азополья. Он у нас живёт. Он секретарём сельсовета работал. У него родителей нету. Вот мать во время войны умерла, отец на войны погиб. Родителей не было. Ну, они хотели немного пожить, потом взяли, что смекать и теперь тут уж живут²⁰⁵.

XXXIX

<(Про отца-примака) Да, он, получается, из Коми сюда женился?> <М. Г.> Да. В примаки в общем ушёл к нам. <...> <А почему пришлось в примаки-то уйти?> Ну, они ходили с дядей Ваней катали раньше. Вот это тоже. Жисть-то такая была ещё, господи боже мой! Да, вот они ходили валенки катали по деревням. Ну и вот, в деревне и присмотрел, наверно. Он и здесь и в Жерди бывал. В общем, по району катал валенки, ходили деньги зарабатывали. А у нас дедушко Владимир, вот мой-то дедушко, мамин вот отец, тоже валенки катал. И вот ему приглянулся, этот, молодёц. <Дедушке приглянулся?> Дедушке приглянулся. А у дедушка у нас было одиннадцать девок! Вот у дедушки-то, у бабушки — одиннадцать девок было, девушки-голубушки мои. И это самое,

²⁰⁴ ФА СПбГУ, Мез1-64, Архангельская обл., Мезенский р-н, В. К. А., ж., 1933 г. р.; зап. Букавнева Н., Морозов М. А. 11.07.2007.

²⁰⁵ ФА СПбГУ, Мез1-46, Архангельская обл., Мезенский р-н, О. Ф. Я., ж., 1929 г. р.; зап. Чечик А. А., Цветкова А. Ю. 18.07.2007.

раньше ведь на девок земли-то не давали. В то время-то. И вот надо было кормить-то деду-то одному. Ещё отец его был слепой, девяносто, до девяносто годов жил, Андриан вот это самое. И... А девок, на девок земли не давали, а как же быть-то? <...> <То есть примаками обычно становятся приезжие?> Ну, не приезжие, бывали, что и из деревни своей. Кого-то жить негде, может, много сыновей дак. А у тех некому, дак. Бывали примаки, бывали. <...> <А фамилия у вас осталась отцовская?> Отцовская, отцовская. Отцовская фамилия была. <А вообще нам говорили здесь, что если мужчина примак, то он берёт фамилию жены.> Ну, говорят, что есть. Говорят, что. Я не знаю. Вот у Галины-то Савельевны, уехала-то в Кяшь(?) был ведь в Кильце, вроде бы, да? <Г. И.> Да-да. <М. Г.> А фамилия, наверно, была материна, потому что они Чуркины. <Г. И.> Он фамилию принял вот. <М. Г.> Вот я и говорю. Вот он был примаком тоже. Так он и фамилию принял. <Г. И.> Жёнкину фамилию. <М. Г.> Фамилию жены. <Кто принял?> Вот здесь Галина Савельевна ездит из Северодвинска, дак у ей отец. Вот он примаком был. Он фамилию ихню взял²⁰⁶.

XL

<А могло быть при каких-то обстоятельствах, что наоборот, муж в семью жены входит?> Если муж войдёт в дом... Мужчина пойдёт к женщины, это считается, что мужик пошёл дворовик, вот. И идёт только к тем, у кого нет мужчины живого в доме. Им вот надо очень, сыновей нету. Сынов нету — одна дочь — они берут уже зятя к себе. А так... то ли редко было. <...> Да, вот у Галины Лихачёвой, сейчас женщина есть, у ней мать, она одна единственная была дочь, и дедушка да бабушка, они взяли отца-то Михаила и как бы себе в сыновья. Вот он считался как дворовик. <А он что-то приносил с собой в новый дом при переходе?> А этого я уж не знаю. Как он приходил... Но он работал уж, работал, да. Ну, плохого не возьмут. <Нрзб.> только работающего возьмут. А дедушка был один, да мать и отец только уже были, да и не скажешь, что молодые. Ну, вот они и пригласили. А у него матери не было, он из бедных был таких, так, может быть, ещё и дома не было. Вот ихний дом тут. <...> <Но он считался хозяином дома, если не было отца?> Не было отца, хозяином дома. А хотя и отец был, ну как-то, как сын,

²⁰⁶ ФА СПбГУ, Мез1-68, Архангельская обл., Мезенский р-н, К. М. Г., ж., 1940 г. р., К. Г. И., м., 1937 г. р.; зап. Сайфиева А. Ю., Туминас Д. К. 23.07.2008.

согласие. Как сын. <...> Вот этот Михаил да дедо Ефим, они очень дружно жили ²⁰⁷.

ХLI

<Вот ещё, говорят, что так бывает, что не женщина к мужчине уходит жить, а мужчина к женщине приходит.> <С. П.> Да, приняты́ назывались. Принятыми, да, Антонида Григорьевна? <...> <А. Г.> Принимают. Принимают. Во двор. Во двор принимают мужчину. <...> <С. П.> Причин много было, может, <нрзб> одна у родителей была. Если одна у родителей, а больше никого нет, а у его может семья больша там была. Он приходил к ей во двор. Или там чего-то... много ведь причин было... <А. Г.> Дак ить на девок-то землю-ту не давали! Девки-то вот и пехались... Девки-то. Ну, у мамы-то три сестры было. А мама наносила <...> <С. А.> Мама, а сколько лет дедушке было, когда он женился на ма... на бабушке? Ей шестнадцать, а ему? <А. Г.> Ей шестнадцать, а ему... тридцать с чем-то. И он один-то одинакой был. И три сестры у его было. А на сестер-то не давали ведь землю-ту... Не давали. Вот и сестер-то надо выпихать куды-то. Вот. <...> <Ну вот... Ну, не смеялись над таким мужчиной, который пришёл в дом к жене?> Он пришёл в дом... быть хозяином! <Быть хозяином?> Да!²⁰⁸

ХLII

<А бывало так, чтобы наоборот жених к невесте в дом приходил?> Бывало и очень часто. У нас говорят про таких людей принятые, принятые, что его приняли в этот дом. Что там, допустим, у невесты, допустим, одна... Одна, допустим, дочь у богатых там или там зажиточных. Что ли ей ли идти к нему, если у него... Надо ведь и дело продолжать кому, а, допустим, сына нету. Чаще всего когда бывало, что сына нету. Бывали разные случаи, когда если нужно... просто пришел из другой деревни. Часто вот так бывает, что когда фамилии как бы нет, под фамилией нет в этой деревне, одна какая-то есть. Это значит он принятой, он в этой деревне принятой. <...> Куда шея повернет, туда и голова смотрит. <А голова — это муж, а жена шея? Куда шея повернет, туда и голова смотрит...> А разве не так? Куда шею повернул и голова туда. <...> Жена всегда управляет мужем, потому что, говорят, как бы там чего не

²⁰⁷ ФА СПбГУ, Мез1-82, Архангельская обл., Мезенский р-н, Л. Е. Я., ж., 1924 г. р.; зап. Кравчук И. А., Солдаева А. А. 06.07.2008.

²⁰⁸ ФА СПбГУ, Мез1-83, Архангельская обл., Мезенский р-н, К. С. А., ж., 1923 г. р., К. С. А., ж., 1952 г. р., А. С. П., ж., 1954 г. р.; зап. Сайфиева А. Ю., Туминас Д. К., Матвиевская Л. Ф. 06.07.2008.

было, но ночная кукушка все равно перекукует дневную. Мать, допустим, дневная кукушка, а жена — ночная кукушка. Ночная кукушка дневную перекукует. <...> Сын уйдет к жене и все, а дочь будет к матери ближе намного, потому что они будут понимать друг друга, потому что... пришла невестка: можно дите взять или нельзя. А если я возьму, как невестка посмотрит? А у дочери дите я возьму и нашлапаю и, может, где-то что-то и не увижу, но с дочерью мы все равно, даже если мы там сказали друг другу какое-то слово неприятно, наши отношения быстро сладятся, потому что дочь и мать, а ведь с чужим человеком так быстро это все не сделаешь²⁰⁹.

XLIII

<разговор о примачестве. — А. С.> <В. С. Я.> ...Чтобы их, они всегда, чтобы ихнее слово никак — считаются как хозяева... Вот, она считалась как хозяйка этого дома — эта-та самая бабушка. Приняли они этого Демидова Андрея как приемно... — зятем, уже она на невестку приняла: не за дочь, а как за невестку — она невестка была ей. Она распоряжалась ими как могла. <...> <Так они же его в дом приняли?..> В дом, в дом, но в дом-то они — она приняла его ведь не на дочь, а на невестку уже — невестка была она уже, та женщина-то ей, <...> потому, что мужа-то убили — сына-то у нее убили, мужа-то на войне. Она жила с невесткой с этой — с Надеждой, вот Демидовой-то щас вот. Ну и чтобы она... Андрей-то приехал сюда в Лампожню, вот они его... <То есть фамилия Лебедева у нее была от мужа?> Да, Лебедева от мужа... <В. Р. Н.> Это который на войне погиб. <В. С. Я.> Да. А этот Демидов. И вот, значит, она родила от этого Демидова четыре сына, и вот бабушка захотела, чтобы двое было как — Саша и Вася у них были два сына, звали их Саша и Вася — Лебедевы, а эти уже Демидовы. <А, то есть это уже свекровь захотела?> Свекровь, да. <А от первого мужа у нее не было детей?> Одна была дочь. Она щас в Архангельске живет. <Так, а как муж — ничего не возразил?> Не-е, он не смел даже. <...> <А чего это она так?> <В. Р. Н.> Чтобы демидовский корень остался... <В. С. Я.> Демидовский — Лебедевский она оставила двух! <Лебедевский, то есть так можно чтобы сохранить...> Да, чтобы фамилия осталась <...> <В. С. Я.> Она была тоже старушка такая

²⁰⁹ ФА СПбГУ, Мез26-78, Архангельская обл., Мезенский р-н, Р. А. М., ж., 1951 г. р.; зап. Цветкова А. Ю., Чечик А. А. 14.07.2007.

принципиальная... <А в чем ее принципиальность-то?> Ну, она такая тоже, можно сказать, принципиальная, самолюбивая такая: чтобы ейное слово было всегда наверху. Вот она какая. <Так а как вы говорите, если верховодит свекор...> <В. Р. Н.> Свекор ведь не у всех был — война-то выбила лишних-то <...> <Так а если свекра нет, так значит свекровь за главную остается?> Да, свекрови правила <...> <Софья Яковлевна, а вот когда если в дом выходит мужик, в этом случае кто сватается?> Как понять? Когда приходит мужик, примерно, в дом жить? <Да.> Кто сва... — он сам и сватает ее. <Сам сватается?> Да, сам там: сами договариваются <...> Сами они договариваются. Как? Ну, у нас в большинстве в Лампожне-то, так всё идет к парню, вот так. Мало кто там уж это приходят муж — мужик какой-нибудь приходит только ко вдове. <Только ко вдове?> Ко вдове только, да. <...> <А свадьба играет?> А как свадьбу — со вдовой-то? Я не знаю, нет — ну, сами собой, может, и собирают там по родне-то... А так-то свадьба-то чтобы это — не-е-е... <То есть там нет ни сватовства какого-то...> Нету, нету, нету. Только к девчонке парень сватается, дак... <А ко вдове не сватается?> Ко вдове-то — нет. <А как они договариваются?> Так они сами с собой там договорятся как-нибудь, дак. Договорятся. Иногда ведь муж к себе и вдову уведет. Бывает так. <...> <Так он какое-нибудь приданое с собой принес?> Нет, сверху белье и всё — какое приданое он там принесет... <Ну, мало ли — хозяйство какое-нибудь там...> Не-е, не, не — какое хозяйство было раньше? Он плывал на кораблях, на этом, да пришел сюда — к сестре-то в гости, приехал, да вот к Анне-то и ушел во двор, да и всё. Какое там хозяйство было — не-е... Вот девка к парню идет, вот девка какое особо <нрзб> несет приданое для хозяйства, что у мужика есть, только... Вот я пришла к нему — к Воронцову — у них была корова и овцы. Мы держали долго корову да овец. <Ну, вы же все равно несли с собой подушки, перины...> Ну, я как — естественно... Ну а мужик-то не несет — он на ее ложится. А я-то иду к мужику, так я же не повалюсь на у свекровки — приду скажу: «Ты дай мне, свекровь, какую-то постель». Зачем? Я свою принесу. Я ведь даже и постель, и всё постельное, и даже в первый раз в баню идем с мужиком — ему белье нижнее, и рубашку, и брюки, всё. У нас здесь такой обычай ²¹⁰.

²¹⁰ ФА СПбГУ, Мез26-133, Архангельская обл., Мезенский р-н, В. С. Я., ж., 1936 г. р., В. Р. Н., м., 1933 г. р.; зап. Хон О. Г., Степанов А. В. 21.07.2008.

XLIV

<То есть сошток – это то, что перед устьем?> <А. Л. В.> Да. А там уже устье – где заслонка стоит. <Я вот слышала, что соштоком называют мужчину, который пришел к жене жить...> По-русски выразиться: «на бабьи щи пришел», да? <обе смеются чему-то, что намеком прозвучало во фразе. – А. С.>. По-русски выразиться: «на бабьи щи пришел», да, да... <А еще говорят, как-то дворовик...> Да, да, дворовик, тоже есть такое слово, или боровик-дворовик. <Боровик?> Да, да, да! <А почему боровик?> Это просто я пересказку вам тут сказала. <А. М. П.> Дворовик, дворовик! <А. Л. В.> Дворовик, а это <нрзб.> «На пизды щи», говорят, пришел. <смеются> Ну, вот если он пришел к женщине жить, да, это вы меня извините, девочки <нрзб.> <...> <А смеялись над ними как-то?> Да, конечно, на пизды щи ушел, говорят, своего дома не мог построить! Я даже слыхала такие поделки! Да! Конечно, говорят, живет на пиздых щах, а сам будто не может! А так-то вообще, положено мужчине вести женщину к себе. А не женщине мужчину. Это сколько угодно, да. <...> <А вот дворовики-то, они оставались жить и так потом и жили всю жизнь?> Да. Да сколько угодно. <...> Раньше это, вербовали людей-то. Вот оттуда, с юга-то, сюда-то. Здесь на севере много ведь замуж повыходило! Сколько жило, здесь в деревне много было, знаешь, тоже таких событий-то! Были, были! В Усть-Няфте, тоже как это как это, Раисия тоже <...> тоже, дворовик пришел. У того-то тоже, негде было взять <нрзб.> в конюшнях жили бедно, господи, везде скитались! Это, ладно, Ленка-то. Да много, много было таких! <Как это в конюшнях скитались?> Ну, они же не наши были, их сюда вербовали. Им насказали бочку арестантов: здесь жизнь хорошая, все... Приехали, жить негде <...> Ни жрать, ни пить, ни обусть, ни одеть. Так и скитались везде. А потом рад будешь запихаться в эти, дворовики. Она была одинокая женщина, жила с бабушкой. Ей надо было мужчина, вот она его... Она его намного была старше, она его и привела, они век прожили²¹¹.

XLV

<Вот Г. С. говорит, что у нее отец был дворовик...> <С. И. М.> Да. Пришел в дом будущей жены. <А почему приходят-то?> Ну, тута определенный круг, наверное. Может,

²¹¹ ФА СПбГУ, Мез26-280, Архангельская обл., Мезенский р-н, А. Л. В., ж., 1934 г. р., А. М. П., ж., 1939 г. р.; зап. Туминас Д. К., Сайфиева А. Ю. 09.07.2008.

и после пожара кто-то пострадал. Может, и семья большая, мужчины или что-то там. Может, он средний — места нету в доме. А тут — некому продолжать род, дом, вести хозяйство, он приходит. <О.> Может бродяжил, бродяга. <С. Н. И> Бродяги, да. Ну, у нас это называют приживальцы. <Приживальцы? А есть и такие?> Да. Дворовики-приживальцы, есть и такие. Ну, где-то бродяга, он где-то бродил. Вон, Семен, живет у нас тоже, дак. Он из под Москвы где-то, чтобы не ехать там ведь <нрзб.> и все растет, молодой, а тут перебивается, такой. Бродяжники, скитальцы. Вот тут сошелся было, она его отогнала, во двор пришел. Пить. Но тоже — уваженья-то большого нету. А если кто-то из деревни-то свой-то пришел, то тот боровик ладно. <То есть из своей деревни, то ничего?> Ничего. Ничего еще, вроде бы, да. А вот пришельцы-то эти, вот те-то да. Ну, как в средней полосе называют — примакки. Да. У нас скитальцы, может быть, примакками-то у нас не зовут. У нас скитальцы, пришельцы, пришлый... Вот, пришлый народ, у нас, например. Переселенцы. Это большая часть людей, это у нас были переселенцы. Здесь по сельсовету двести человек мордва да рязанцы. <А если человек из соседней, его все равно уважают?> Да в основном сейчас, все знают в деревнях-то, да, раньше да. Но надо показать себя. Ведь, даже переедешь в другой город или перейдешь в какую-то деревню, или в другое там хозяйство работать, надо себя доказать, дак в три раза больше работать! Показать себя, докажи, потом войдешь ты в это русло. Тогда будешь наравне с этим народом, да. Тогда деревня тебя и примет. Тогда ты будешь ихние обычаи соблюдать. А если ты будешь по-своему, да придешь на... это похороны, да ты скажешь: вы не так ведь делаете. Иди отсюда, не твое дело! У нас свое. У тебя будет свое, ты делай по-своему. Отрезали и все. Нет, ты не поправляй! Попросят, скажут — как это делать? Там подойдут тихонько, так-то, так-то, подскажи. А что вперед сунуться — ни в коем случае нельзя. Вот, также, если он войдет — в русло это вот, в деревенское или в такую среду, тогда воспримут и будет жить. <...> <А жена может выгнать такого мужа?> Дворовика-то? Да! Дак, как не выгнать-то, если даже у него ни кола, ни двора! Дом-то и то на хозяйки! <Дом записан на хозяйку?> Да! У ей наследство. Ни кола, ни двора у него. Будут делиться, разведут, он не получит доли. Доля-то ему, там ей отошла от родителей, все. А ему ничего

не будет. А вот здесь-то, если совместно построили, записан на хозяина, но и разводиться будут – вместе, совместно нажито хозяйство. Да. Тут-то да, и на хозяина. *<А в том доме, где он раньше жил, на него доли не остается?>* Я не знаю, у нас такого случая, таких нет. Это раньше, такие большие семьи может были, да. Почему он ушел, кто его знает, может быть с родителями что-то. Может быть приемный там был. Может быть... У нас ведь раньше детдомов-то не было, если, смертность-то высокая была и среди взрослого населения. Если у двоюродных кто-то умер, дети разбирались. В разные семьи даже разбирались. Может, такой вот приемный он нашлся, и действительно... Он там разбирался, и все там почести наравне со всеми, а может кто-то ведь по характеру другой, и не обделит этого. Вот он, ему куда деваться, может он и во двор пойдет. И такие случаи. Тут очень много пересекает! Это все как жисть сложится²¹².

XLVI

<информант младше жены на 11 лет. – А. С.> <Просто у вас такая поговорка, там слышал, типа принятой – проклятой?..> Не, принятой – это когда ты же не расписан, а когда, мы же расписаны. *<Да?>* Официально, всё, свадьба *<нрзб>*. *<Это как бы для сожителей получается?>* Да, да. Как Алеша тут живет у нас, Г., он же не расписан. Он считается принятой²¹³.

XLVII

<А вас не смущало, что жена вас старше? (информант младше жены на 13 лет)> Нет. *<То есть вы как принятой, получается?>* Ну, да. *<...>* *<А вот у вас не было как бы неудобства, что вы в не свой дом пришли?>* Не-ка... *<Что это все как бы не ваше...>* А чего моего – тут, считай, все мое щас! Я поди сам уже все это купил. *<Да?>* Конечно, двор я сам строил, это все я сам строил, дом поднимал по новой, печку все переделал, это считай, я вновь я *<нрзб>* уже в свой дом. *<Вы весь его переиначили?>* Конечно²¹⁴.

XLVIII

<То есть муж к вам пришел?> Да, он приезжий был, на машине, лес возил. *<...>* Многие так у нас приезжие²¹⁵.

²¹² ФА СПбГУ, Мез24-512, Архангельская обл., Мезенский р-н, С. И. М., м., 1930 г. р., С. Н. И., м., 1958 г. р.; зап. Маточкин А. А., Сайфиева А. Ю. 22.07.2008.

²¹³ ФА СПбГУ, Леш26-248, Архангельская обл., Лешуконский р-н, А. С. А., м., 1974 г. р.; зап. Степанов А. В. 13.07.2012.

²¹⁴ ФА СПбГУ, Леш26-248, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Л. Л. А., м., 1955 г. р.; зап. Степанов А. В. 20.07.12.

²¹⁵ ФА СПбГУ, Леш1-80, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Т. Г. И., ж., 1948 г. р.; зап. Беляева Е. А., Козлова А. В. 13.07.2010.

XLIX

<А ваша мама она была из Жерди?> Да. *<А папа?>* Папа из другой деревни, рядом был. Он к нам пришел во двор. *<Это как?>* А вот так. Это самое... он рос без матери, как бы. У них там не было возможности, что выделить ему, видимо, дом, я так поняла. И он пришел жить к нам. И когда приходит он, во двор как бы, он берет фамилию жены. На самом деле он вот, Тыкин был. А он пришел к нам в дом и стал Чуркиным, фамилия его стала Чуркин. *<...>* *<А вам эту историю кто рассказывал, про то, что он пришел во двор?>* Да а кто, мама, конечно. *<А она не рассказывала, как он к ней сватался?>* Ну, как раньше сватали... Во всяком случае, приезжают и сватаются, и все как обычно. *<А если мужчина приходит в дом, к нему невеста не может посвататься?>* Нет, я такого не слыхала. Нет, едут в основном-то... Сколько я помню, дак, едет мужской пол. А потом уже, как обычно, знакомятся... Смотрины какие-то... И прочее, прочее. Вот это да. А так — нет. *<Но ведь получается, что если мужчина приходит во двор, он как бы как женщина, фамилию меняет...>* Да, да, да... *<А приданое он с собой не приносит?>* Да нет, нет. Нет, у нас такого, изысканного... Вот такого, чтобы какой-то... Не было этого, чтобы кто-то приносит... Приносишь то, что есть, то, что есть. *<...>* Мама-то помладше была. Младшая была, как бы сестра, ей особо ничего не досталось, моей маме-то. Там еще две сестры вышли замуж, я дак так считаю, что маме-то особо ничего не досталось-то. *<...>* Ее мать была, и отец ее был. Ну, она последняя была, они тута жили. *<Так они с самого начала решили, что она останется с ними жить? Или тут всегда младшие дочери остаются с родителями?>* Ну, видишь ли, видимо, пока что так это... не считали нужным строить дом новый. У нас было две комнаты там. Так, наверное, это самое... И не отделились так. *<...>* *<А вот дворовик — это про этот случай?>* Да, папа... Мой отец был дворовик. Во двор пришел. *<А кто хозяином был в доме — он или дедушка?>* Ну... И речи не могло быть, конечно, дедушка. Ведь раньше подчинялись старшему, это не сейчас. Дедушка. *<А после смерти дедушки кто?>* Отец. *<А не мать?>* Нет, нет. Нет, не мать. Это сейчас командуют жены. А раньше — нет. *<А дом на кого был записан — на папу или на маму?>* Слушай, точно я сказать тебе это не

могу. Но, во всяком случае, я его получала от мамы. *<Но ваша мама дольше жила?>* Да, мама дольше жила²¹⁶.

L

<А вот так могло быть, что они женились, дак жених не к себе невесту привел, а сам к ей в дом пошел жить?> <Ф. Г.> Это есть! <А. П.> Это бывало. Это называлось... <А. И.> На подворье пошел! <Ф. Г.> Дворовик! <А. П.> Это уже дворовик, жених-то назывался. <А. И.> Он там, ему могут в любой миг на дверь указать! Он там слова не имеет! *<А к себе что же он не повел ей?>* Если некуда вести дак! <А. П.> Ну, если не было возможности. <...> *<Его там заключут, наверно, дома?>* <Ф. Г. молчит, никак не комментирует происходящее>. Он на птичьих правах. Скажут, вон, на хрен! <А. И.> Вот так же как ты, подешь, жениссе, в квартиру уйдешь, в чужую... <А. П.> В чужу квартиру... Девка скажет: ты не прописан здесь, и все. <...> *<Еще про этого двор... Над ним смеялись там в семье, или нет? Шутили аль не?>* <А. П.> Какой ведь был человек! <А. И.> По деревне-то говорят! Этот в дворовиках живет! *<Не, по деревне-то понятно. А вот внутри семьи как-то его?..>* <А. П.> А внутри-то семьи, уж не знаю. Это кто как. Кто как сживетце. <А. И.> Как сложилось у них там. <А. П.> Кто как сживетца. <А. И.> Если он в дворовиках живет, я могу и в запале ему сказать: ты дворовик, ёб твою мать! <Ф. Г.> А я вот в Каменке женился дак тоже... у женки квартира была... ну, не женкина, а тещина еще, квартира-то, теща была жива еще, на хуй. <А. И.> Ты тоже на их... на чужой площади-то жил? <Ф. Г.> Да. Потом... женка сначала умерла, потом теща умерла. <А. П.> Вот — он дворовик и есть. У него и спрашивай! <Ф. Г.> Ну там-то квартира была, там это... <А. И.> У дворовика воля не своя! <Ф. Г.> Ну, я-то там жил... <А. П.> Эту поговорку тоже я слышал, что говорят... <А. И.> В любое время на дверь покажут, на хуй. <А. П.> Что у дворовика, говорят, воля не своя была. Уже в семье, понимаешь?..²¹⁷

LI

<А это вот раньше как считалось, что он к жене-то в дом пришел, к нему как относились?> Ну, я уже говорил, вроде бы <...> Дворовик считали. <...> Дворовик, если у невесте в доме живет. Ну, у жены вернее. В доме живут дворовики, и сейчас так живут некоторые. <...> Я вот в Жерди жил, отсюда,

²¹⁶ ФА СПбГУ, Мез24-511, Архангельская обл., Мезенский р-н, Ч. Г. С., ж., ? г. р.; зап. Сайфиева А. Ю. 18.07.2008.

²¹⁷ ФА СПбГУ, Мез1-59, Архангельская обл., Мезенский р-н, Д. А. П., м., 1952 г. р., С. Ф. Г., м., 1953 г. р., О. А. И., м.; зап. Морозов М. А. 09.07.2007.

дак тоже как дворовик – у жены в доме жил. Она там учила, школа была. А мне-то без разницы: здесь работать ли там. А как будешь, отдельно жить что ли? Дак я там жил и там работал. Там работал, в её доме жили. Дак тоже можно назвать, что дворовик. *<Относились-то как к таким парням?>* Дак, а чего относиться-то? Как к женатому. *<Как к нему относились, то что он взял и к жене пришёл?>* Ничего такого, ничего такого не знаю. Я вот сколько? Семь лет там жил в Жерди. С женой. А ни от кого ничего не слышал²¹⁸.

LII

<А что такое приняты?> В примачи пришел. Приемыш. Ну, обычно, жених у невесты дома не жил. Это редкий случай. *<...>* Не к себе привел молодку, а ушел к теще. *<Это плохо считалось?>* Ну, по мужицким-то меркам, конечно, не очень-то. Уж лучше к себе²¹⁹.

LIII

<А как к таким относились? Это плохо считалось или нормально?> Так кто как считает. Кто и одобряли, а кто и подтрунивали над мужчиной, над молодым парнем, что он в принятые ушел. Что у него ни кола, ни двора, а он как батраком стал в этом хозяйстве. Хотя у нас здесь богатых-то и не было²²⁰.

LIV

<А с коровой только женщины?> С коровой. Коров тоже держали. Он не доил, нет. Щас вот С. Л., он так и доит, а так нет, я сама. *<Корова – только женская работа?>* Да, да. *<С. Л. поражает меня. У него же жена есть, чего она не придет?>* Так вот. *<нрзб>* раз он принятой. Принятой, дак вот выполняй то, что заставят. Не знаю, так выходит видь. Вот. Да вот может, не каждым мужиком можно так распорядиться. А он так поддался вот²²¹.

LV

<Раньше, говорят, семья, молодожены и вместе жили?> В одном, в одной семье, все да вот, редко порывали с ней. Жили вместе, и дружно жили, работали вместе. Раньше видите как, чем больше семья, чем больше сыновей, тем больше наделы земли давались, вот поэтому старались держать-

²¹⁸ ФА СПбГУ, Мез24-95, Архангельская обл., Мезенский р-н, С. А. Е., м., 1938 г. р.; зап. Лаврова Е., Букавнева Н. 24.07.2007.

²¹⁹ ФА СПбГУ, Леш26-314, Архангельская обл., Лешуконский р-н, А. В. И., м., 1957 г. р.; зап. Воробьева А. А., Баранов Д. К. 04.07.2011.

²²⁰ ФА СПбГУ, Леш26-315, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Я. Н. Д., ж., 1940 г. р.; зап. Баранов Д. К. 09.07.2011.

²²¹ ФА СПбГУ, Леш26-162, Архангельская обл., Лешуконский р-н, К. М. Т., ж., 1930 г. р.; зап. Трошило М. А., Уорнер Э., Баукова К. С. 16.07.2011.

ся в одной куче, а когда отделились, значит уже убывает у хозяина, убывает доля. Очень не любили детей, когда очень много девочек рожалось. Больше сыновей любили, потому что на них, на девочек, не выделяли долю. Отрезанный ломоть, говорят, дочери, быстро уходят. Уходили, редко когда оставались ведь, чтобы к девушке приходил парень, работник как бы. Это у нас есть Саша, знаете наверное, М...к, одна работает. Он же с Пылемы, он пришел к ним в семью, он как работник у них. *<Как принятой?>* Как принятой, да. Да она фамилию его взяла, и все, а в то же время он у них как работник. И Генка вот, у Нади второй муж был, тоже такой же. Он тоже пришел к ним в семью. И они оба как работники работают. Просто их все жалеют, а сказать никто ниче не может. *<А почему жалеют, что такого-то, живут и живут. То что хозяйство не свое?>* Не то что хозяйство, а то что они, очень неуважительно к ним относятся. *<Почему, мне все вот было интересно, ну приехал, ну работает себе?..>* Ну работает, ну такое, конечно, как щас, как у М...ков в семье, наверно, такого ни у кого в деревне нет. Чтобы так относились к людям. К мужу и к этому, как называется, к зятю. *<А вот как надо?>* Как, он должен быть хозяином, если они даже говорят, не кормили никогда их вместе, вместе со всей семьей. *<То есть они уже не хозяева в этом месте?>* Неет, вообще, они там как работники, плохо, Надежда, конечно... Когда говорят, куда, ты че пришел рано, иди, че во дворе мало работы? Вот еще девки не ели. Сначала детей, дочек накормит, а потом уже мужа и зятя, это ж тоже не дело. Обычно за стол садится первый кто, хозяин. Попробуй кто у нас раньше папы было, миска общая с супом стоит, у нас целое застолье детей... Попробуй вперед него в тарелку с супом залезть! Ложкой по лбу получишь²²².

LVI

<После смерти мужа информантка осталась одна с большим хозяйством. — Л. М.> Вот я и осталась одна... Осталась, значит... Ну чё делать? Вот со скотом мо... мучаюсь. Ведь работаю! А надо ещё и сено заготавливать, надо же всё — столько скота! Во-первых, он умер в августе. Август, сентябрь — такие месяцы жаркие, скота не забьёшь. Поневоле надо держать до зимы — зимой только уничтожай. Ну вот, чё ж. Чё там, помучалась, помучалась. *<...>* Тётя Дуся меня давай... Мама-та она

²²² ФА СПбГУ, Леш26-237, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Ш. Р. И., ж, 1947 г. р.; зап. Гамирова Д. Р. 12.07.2011.

молчит, ничё не говорит. А тётка-та... Она такая боевая тётка у нас. Она: «О-ой, с ума сошла Нина, куда скота-то столько. Мы вдвоём справиться не могли! С ума сошла! Чё д... Куда со скотом-то, надо чё-то уничтожай или ч... куда девать, чё надо?.. Ищи мужика себе! Замуж выходи. Ищи себе мужа да выходи замуж! Смотаешься!» Куда тут с... скот! Дом! Огород! Надо же везде работать! А я ведь ещё и на работе. Ну вот чё... Вот стала она мне жениха искать, эта тётка. От там по деревням, везде ищет-ищет жениха. *<А как она его искала?>* А как? Спрашивает у родственников да где... Надо порядочного... Это всё... Ну тут вот ещё... уже... уже год почти проходит. Ну год-то не прошёл, меньше года, я вот... не дождалась года и вышла замуж. Всё, вот бог меня и наказал. Дом-то он мне потом сжёг... *<Нель... нельзя, да? Год надо ждать?>* Конечно, нельзя. Ну вот... Потом, значит, подыскали мне жениха... А я... а я его уже знала. *<А кто подыскал-то?>* Вот тётка там, да... Да... Значит, подыскали мне жениха, познакомили меня!.. Я, в общем, знала его. *<...>* Ну что, мол, холостой, официально женат ни разу не был. Он меня моложе на пять лет. Значит, гармонист, гитарист... ну всё... Ну вот... Приехал он сюда. И свататься пришёл ко мне. *<А как он сватался?>* Пришёл он свататься с этим... знашь, кто... вот Домом-то культуры, дак брат. Алёша, она раньше ещё здесь жили. Пришёл с ним... Ко мне домой пришли. Ну как... А тот гыт, я не пойду, ты чё, я, говорит, к Бояринцевой всяко не пойду. Иди ты! Она нас выставит за дверь, не пойду я, мол! *<Посмеивается. — Л. М.>* *<А почему?>* Свататься к ней! А это... а он гыт, да пошли, пошли! У нас же уже договорённость! Не пойду же я один, всё равно надо идти с кем-то мне! Ну, здесь в деревне так заведено. Что, мол, надо с кем-то идти всё равно. Ну, вот и пришли они ко мне домой. *<А вы одна жили, да?>* Да, я одна!.. *<То есть, они к вам самой сватались, получается? То есть, не к родителям, да...>* Да!.. Ко мне самой! Да я уже... не только... это же не девушка же ведь, шо к родителям. Ну и... Пришли ко... пришли они ко мне домой, с бутылкой, а я знала, дак поджидала. Ну, чё я, тоже стол накрыла да всё. Посидели всё, поговорили... Мы с ним всю ночь проговорили! Потом он тут ушёл, Алёша, оставил нас, и мы всю ночь проговорили с ним. *<...>* *<А как-то называли вот, что... раз он к вам приехал, там примак или...>* Да!.. Его звали... Его даже Бояринцев звали! *<Бояринцев зва-*

ли?> Ага! <А вы фамилию его не брали, да?> Я не брала, я свою фамилию. Хотя мы и зарегистрировались, я осталась Бояринцева²²³.

LVII

<А вот, обычно-то вот все-таки... невеста к жениху. А бывает, что жених в дом приходит?> Бывает. Да что, опеть... По-бывалошному называли — принятой. <А почему он... че он к ней приходит?> Может быть и... как вам сказать... родители невесты... как вот вам, не соврать-то... Ну негде жить, допустим. Жилья, допустим, нету. Вот и пришёл он к ней. Вот и назвали принятой. Вот у меня сын... второй женился, у его не было жилья, покуда ему от организации не дали, дак отец всё говорил: «Сашка-то у нас ведь принятой!» «Девка, у нас ведь Сашка-то принятой, живёт у тёщи на квартиры!» <И так вот... дразнили, да, вот, потом «принятой, принятой»...> Да что хоть дразнили — не дразнили, так-то не дразнили, а на разговор-то зайдёт, допустим, речь сойдёт, и скат: «Да что ведь ты, голубчик, принятой! В доме-то живёшь у невесты!» Вот тебе и всё! Упрекнут, да и... Любо ли или не любо — упрекнут и всё. А по идее-то должно... ведь стараются жить у жениха! В деревню, допустим, приехали вы вот с мужем, да. У тебя родители тут, в деревне, и у его родители в одной же деревне, но ты жить должна у мужа! Родителей. В гости... в гости только ко своим должна ходить!²²⁴

LVIII

<Вот смотрите, К. П., обычно жених невесту к себе забират. А если жених к невесте идёт? Были случаи?> Это, это уже называется, как невеста берёт его в принятые. <Принятые?> Да. Она как не замуж за него выходит, а его к себе берёт. Во свой дом. Бывали такие случаи раньше. Вот, что у отца да у матери девочка есть, а сына нету. Они берут, мол, зятя к себе в принятые. Как принятой он будет у них, принят в дом. Так оно, как невеста его сосватала. Не он ей.. факт тот, что не он ей в дом введут, не он сватает да в дом ведёт, а сватает его невеста. Желает за меня да, в мой дом да. Вот это принятый называется. В принятых себе принятых берет. <А что, невеста вправду сватала?> Да. Невеста договаривалась, что...²²⁵

²²³ ФА СПбГУ, Леш1-1, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Б. Н. Г., ж., 1952 г. р.; зап. Мариничева Ю. Ю., Матвиевская Л. Ф. 08.07.2009.

²²⁴ ФА СПбГУ, Леш1-3, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Ф. Р. П., ж., 1936 г. р.; зап. Воробьева Е. Л., Мариничева Ю. Ю., Матвиевская Л. Ф. 09.07.2009.

²²⁵ ФА СПбГУ, Леш26-154, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Т. К. П., ж., 1925 г. р.; зап. Аполлонова П. В., Шеркунова А. А. 14.07.2011.

LIX

...Вот и потом под амнистию попала. Где ли оно, как оно тут. Сталина-то вот в пятьдесят третьем году, до того ли вот... я уж не помню. И она под амнистию попала, ей и освободили. <...> Она приехала сюда, а ну куда пойдешь — опять к брату да к матери пришла. «Ну че, — говорит, — гоньте-не гоньте, мама, куда я деваюсь-то?». А это-то, в этом-то месте жила старушка, у ней мужик-от умер, и во второй половины тоже старушка жила. У той мужик, и у той умер, и они стары. И корову держали — и не могут-то боле сено заготовлять, она и пошла это, Устинья Семеновна, говорит: «Ульяна, пойдти ко мне в приняты-те, так и будем корову держать, — говорит — меня докорми, захорони». А Ульяна и пошла! <То есть она попросила Ульяну в приняты-те?> Да, да, как в приняты. Что: ты приди, да что ли, будем. <...> У них корова была, так и они жили. Двенадцать лет она прожила, эта моя крестная, у этой старушки. Двенадцать лет. И эта старушка заболела — менингитом, наверное, тогда ведь тоже, не лечили, и умерла. <...> Эта старушка-то умерла, вот, двадцатого декабря, а крестна заболела сердцем. <...> Скоропостижно. Сели обедать, пала да умерла. Вот мы с мамой и поехали-те хоронить. А я дома там еще жила. Потом, да... потом мы съездили, захоронили, а дом-то остался: я приехала с Лешуконска, сразу сюда перешла жить. Себе жила, и с Васей мы сошлись. Вася из армии пришел. Ну, он-то не женился — тоже, некуда, одна комната там, домой никак привести меня, тоже там отец еще, и брат, никак. Так вот, а крестная-то умерла, так я вот сюды и... вот мы и сошлись. И вот стали, а Вера в шестьдесят четвертом году и родилась, в августе месяцы. <А это не позорно было принятым быть, нормально?> Нет. Она без мужика, у ей мужика не было... <Нет, я про Васю. Не смеялся никто, что он у жены живет — нет?> Мне было писано — этот дом, завещание сделано, я четыре рубля заплатила — и все. Моя комната. Вот в этой комнате и жили, а со второй стороны та бабка жила там. За стенкой. Так вот мы с Васей жили, он как пришел ко мне в приняты. А к себе как привести что ли? Там брат, и отец, одна комната тоже, как... мы и жили тут²²⁶.

LX

Ко мне один приезжат с Коми, с Коми. Ко мне один мужчина посватался <...> Ну, я этот, идут, люди по лесу шо и мужчина. Идут, это, в фуфайке идёт, мужик-то, в фуфайке, главное

²²⁶ ФА СПбГУ, Леш26-297, Архангельская обл., Лешуконский р-н, К. Л. С., ж., 1931 г. р.; зап. Мариничева Ю. Ю., Пахомова А. С. 07.07.2012.

дело, да. И вот, гляжу, уже начинают пустынки-то две, на забор залезут. Ну, жених, дак да. Ну вот, я и говорю: «Вам позвонить?» Они говорят: «Нет». Ну и он сел вот тут, а жених сел там, за матицей, что на диване, дак. Я и выскочила, <нрзб.> знаешь, ну у меня родня Роза Владимировна. Тьфу. Ну вот. Они потом, это значит, он там на матицу глядит, я там — чего надо-то, чего пришли-то? А он на матицу всё глядит, я уж догадалась, что поэтому. Ну вот. Он говорит: «Я хоть могу и к тебе» — принятым как бы, да. А я ему и говорю, я: «Спасибо, что посватались, но я не считаю нужным»²²⁷.

LXI

<Собиратель хочет сесть на угол стола, спрашивает, садятся ли тут на угол. Г. И. В. говорит: «Угол есть — жених найдётся». Потом объясняет, что так говорили про принятых. Спрашиваем про принятых. — А. К.> <Т. В. К.> Принятой, принятой, не примак называли, а у на как-то принятой называли, это, «в принятые ушёл» говорили. Что за мужик — в принятые ушёл! Своего угла не имеет, ничего. <Г. И. В.> Вы-то каких женихов хотите? С углами или без углов?»²²⁸

LXII

<А то так говорят, что и мужья к жёнам приезжают?> Да, бывает. <...> <Но не любят в деревне таких? Смеются?> Ага. Принятой — проклятой»²²⁹.

²²⁷ ФА СПбГУ, Леш1-187, Архангельская обл., Лешуконский р-н, К. А. Н., ж., 1950 г. р.; зап. Пахомова А. С., Юрин П. А., Курзина Н. А. 21.07.2012.

²²⁸ ФА СПбГУ, Леш26-331, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Г. И. В., ж., 1953 г. р., Т. В. К., ж., 1946 г. р.; зап. Кравцова В. Ю., Козлова А. В. 09.07.2012.

²²⁹ ФА СПбГУ, Леш11-186, Архангельская обл., Лешуконский р-н, М. Т. А., ж., 1931 г. р.; зап. Гамирова Д. Р., Ящук Е. А. 06.07.2011.

ПОЛЕВЫЕ ОТЧЕТЫ И СООБЩЕНИЯ

Социальная топография деревенского кладбища

Оксана Петровна Барсукова

Во время фольклорной экспедиции 2011 года в деревне Чуласа (Лешуконский район Архангельской области) мы обратили внимание на то, как организовано пространство местного кладбища. Оно разделено тропинкой на две части: в одной стороне (слева, если зайти на кладбище со стороны деревни) похоронены свои, местные, в другой – *поселковые*, как их называют жители деревни, то есть жители поселка Усть-Чуласа, который находится на другом берегу реки Ваши:

<А у вас здесь на кладбище еще же поселковые похоронены, да?> *Да, есть.* <Они отдельно?> *Хоронят здесь или в Резе хоронили. Пока у них свое кладбище там...* <А почему у них не было своего кладбища?> *Не разрешали, да и все*²³⁰.

Территория кладбища достаточно четко разграничена на «свое» и «чужое» пространство. Казалось бы, земля одна – какая разница, местный ты или нет. А разница, оказывается, есть. Свои – вместе, не свои – в другой стороне, но тоже вместе. Люди сохраняют свою территориальную идентичность и после смерти.

Интересно, что наряду с сохранением такого единства, как «свои» или «местные», не соблюдается обособленность «чистых» покойников от «нечистых», то есть от самоубийц²³¹ (оппозиция «умерший своей / не своей смертью» не проговаривается).

<А у вас всех хоронят в одном месте?> *Кладбище одно.* <Ну иногда самоубийц, например, к ним относятся плохо...> *Тоже одно кладбище.* <Все равно, да?> *Да, все на одном кладбище.* <То есть это не считается чем-то тяжким?> *Нет, нет. Все на одно кладбище валят*²³².

Об этом же свидетельствуют интервью, записанные в ходе фольклорных экспедиций с 2007 по 2011 год в Мезенский

²³⁰ ФА СПбГУ, Леш17-6, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Олемский с/с, д. Чуласа; Алимов А. Е., 1954 г. р., местный; зап. Шматко А. А., Барсукова О. П. 16.07.2011.

²³¹ См. [Зеленин 1995: 39; Токарев 1986: 202–205]

²³² ФА СПбГУ, Леш17-3, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Олемский с/с, д. Чуласа; Федулова И. П., 1930 г. р., местная; зап. Барсукова О. П. 12.07.2011.

и Лешуконский районы. Причем интересно такое замечание информантки из деревни Смоленец о самоубийцах: «*Не знаю, у нас-то нет. У нас все лежат ближе к своим*»²³³. Получается, что критерий «свои» гораздо сильнее работает, чем «чистый/нечистый». Вернее, второй критерий не работает вообще. В деревне Заозерье Мезенского района о самоубийцах *церковнослужители* говорят как о людях несчастных, которые заслуживают поминовения:

*Но сейчас говорят, знаете... церковнослужители, что это бедные люди, чтоб, мол, их поминать не надо, ничего, надо поминать – они просят поминок! Почему? Потому шо што-то его заставило, што-то его вынудило. Вот... И поминки вроде бы положены*²³⁴.

Внутри «своего» кладбища в Чуласе тоже есть определенное разделение. Жители деревни, по их собственным словам, людей хоронят *по домам* (еще встречалось выражение *по родам*). Как нам объяснили, хоронить *по домам* – значит «по семьям». Такое заявление немного озадачило нас, потому что семья – понятие очень широкое, и важно обозначить ее границы. Ведь в деревне почти все люди состоят в родстве, пусть и далеко. Интересно, что для обозначения семьи употребляется слово «дом». Понятие дома определяет границы родства, которое должно таким же составом сохраниться в пространстве неживом. Вот что говорил нам один из жителей деревни Чуласа:

*А. Е.: Там просто все <по семьям> хоронят, вот, семья тут. У нас своя... там, участок, там, у другого – свой. <У нас – это дом или семья?> Ну, семья... Ну, вот, дом у нас... Огорожено там место кладбища, огорожена огородка. Хоронится так. Все – тут. <Все? И сестры, например, которые в разных домах жили?> Нет, так вот. Те уже... Вот, примерно сестра, она вышла замуж <нрзб>, уже будет хорониться там, у мужа. <А если два брата?> Братья, те тут будут. <В одну оградку?> Да. У меня щас, у нас там лежит, брат лежит, отец, бабка, все. Три могилы. Места там еще на всех хватит*²³⁵.

Слово «дом», изначально, как указывает А. К. Байбурин, означавшее «не жилое строение, а общественную организацию, семью» [Байбурин 1983: 12], сохраняет это значение. Из приведенного отрывка интервью понятно, что дом и семья – это почти синонимы. Под «домом» подразумева-

²³³ ФА СПбГУ, Леш17-52, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Лешуконский с/с, д. Смоленец; Кокшарова Г. В., 1936 г. р., местная; зап. Мариничева Ю. Ю., Родкевич С. В., Уорнер Э., Гавриленко А. А., Гайна Л., Матвиевская Л. Ф., Полякова А. А. 10.07.2010.

²³⁴ ФА СПбГУ, Мез17а-1, Архангельская обл., Мезенский р-н, Дорогорский с/с, д. Заозерье; Минаева В. Н., 1935 г. р., местная; зап. Цветкова А. Ю., Козак В. В., Кравчук И. А. 27.07.2007.

²³⁵ ФА СПбГУ, Леш17-6, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Олемский с/с, д. Чуласа; Алимов А. Е., 1954 г. р., местный; зап. Шматко А. А., Барсукова О. П. 16.07.2011.

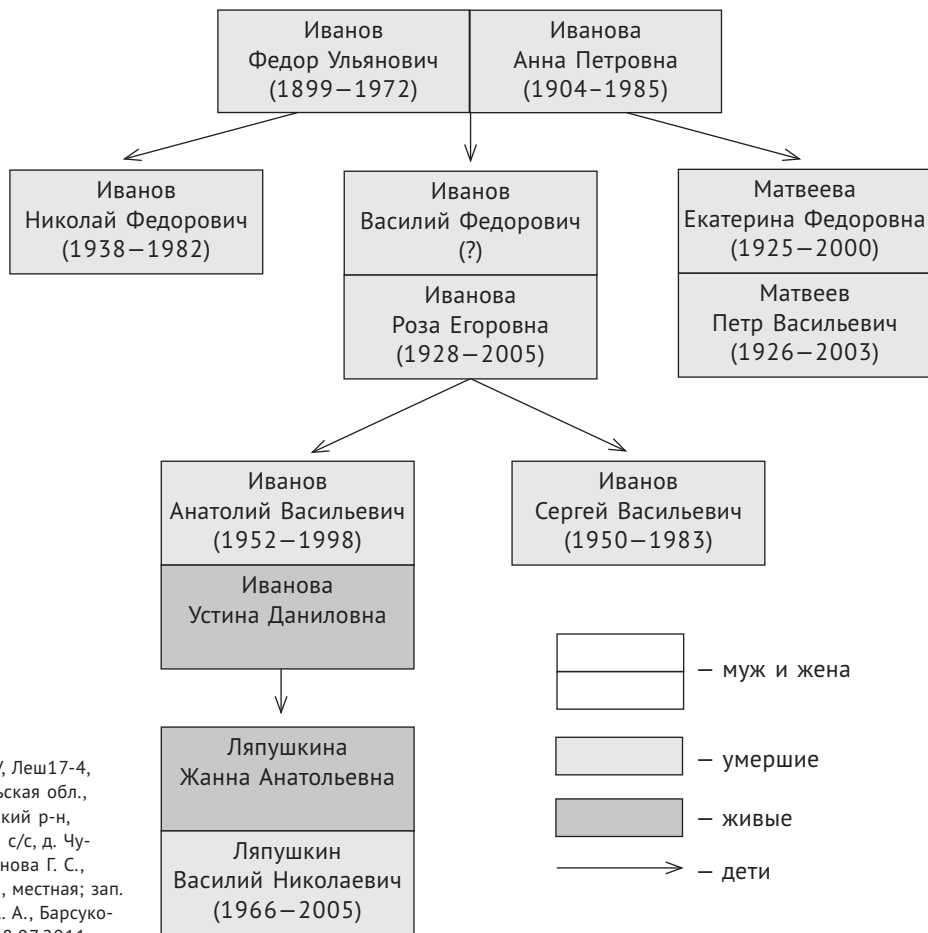
ется, в первую очередь, семья. То есть те, кто живут в одном доме, считаются семьей. И тогда выражение «хоронить по домам» означает – сохранить состав семьи и после смерти. Теперь нужно понять, что это за семья, каковы ее рамки. Ведь во многих оградах похоронены люди достаточно далеких поколений, и сложно представить, что они все жили вместе в одно время. Пример такой большой ограды будет представлен ниже.

Надо заметить, что на территории кладбища мало одиночных могил. Большинство из них обнесены оградой или просто расположены рядом, занимая определенную, отчетливо выделенную территорию (илл. 1, 2). Местное кладбище достаточно большое, в нем около 60–70 оград, внутри каждой могут быть похоронены от двух до десяти человек. Есть ограды, в которых две могилы: муж и жена или мать и ребенок; есть с более сложной организацией: от прабабушки с прадедом до внуков. Бывают случаи, когда внутри ограды оставляют место или же, как нам рассказывали, ограды просто расширяют, когда нужно подхоронить кого-то к своим. По материалу, собранному нами в экспедиции, видно, что женщину в большинстве случаев хоронят к мужу, в его род (нам известен только один случай, когда жену похоронили отдельно, но причин этого узнать не удалось), потому что после замужества она уже принадлежит роду мужа:

<А вот там ограды стоят, а в оградке несколько могил.> То все родственники. <А кого могут похоронить в одной оградке?> Только свои родственники. <А как считаются родственники? Если женщина вышла замуж, ее будут хоронить, в оградке, где родственники мужа?> Да. С мужем уж будут. <А там, где мать и отец, уже не могут похоронить?> Нет, это редко бывает. В основном, с мужем будут хоронить²³⁶.

Но помимо жены и мужа часто вместе с ними похоронены и другие родственники. Нас особенно заинтересовала одна ограда: конструкция ее сложная, в плане похожа на букву «П» (ил. 3–5). Видно, что со временем она достраивалась, расширялась. За этой оградой похоронено много людей достаточно далеких друг от друга поколений. Видимо, было важно похоронить их всех вместе, даже ограду специально для этого расширяли. Вот схематическое изображение системы родства, представленной в этой оградке:

²³⁶ ФА СПбГУ, Леш17-133, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Олемский с/с, д. Олема; Владимирова Т. А., 1946 г. р., ур. с. Лешуконское; зап. Егорова М. С. 16.07.2011.

²³⁷ ФА СПбГУ, Леш17-4, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Олемский с/с, д. Чуласа; Иванова Г. С., 1949 г. р., местная; зап. Шматко А. А., Барсукова О. П. 18.07.2011.

²³⁸ Напр., ФА СПбГУ, Мез26-114, Архангельская обл., Мезенский р-н, Жердское с/п, с. Жердь; Кыркунова А. Г., 1923 г. р., местная; зап. Сайфиева А. Ю., Туминас Д. К., Матвиевская Л. Ф. 06.07.2008.

Об этом см. статью А. В. Степанова и О. Г. Хон «Маргинальная фигура в публичном и приватном дискурсе: *примак*» в наст. изд. на с. 132–152.

Мы видим, что вместе похоронены четыре поколения родственников. И почти все они связаны по мужской линии. Такая система преобладает не только в этой ограде – так устроено почти все чуласское кладбище²³⁷. Здесь мы видим два случая, когда муж похоронен к роду жены: первый случай – Матвеевы Петр и Екатерина, и второй – зять Анатолия Васильевича, Василий Ляпушкин. Причем его жена еще жива, но его уже похоронили к роду жены. В этих случаях мужа – неместные: Петр из деревни Кеба, а Василий из деревни Русома. То есть они – *принятые*. «Принятыми» называют мужчин, которые, женившись, переходят жить в дом жены²³⁸. Жили все вместе – и похоронены все вместе.

Таким образом, именно идея дома, который и представляет собой род, является главной в выборе посмертного существования человека. Кроме того, родовые отношения гораздо важнее личностных. Об этом писал М. Хальбвакс: «Как бы мы ни вступали в семью... мы оказываемся частью группы, где наше место определяется не нашими личными чувствами, а правилами и обычаями» [Хальбвакс 2007: 186]. По сути, в выборе места на кладбище личное пожелание человека не учитывается – или оно просто не выговаривается, поскольку в данном случае работает культурный императив – хоронить к «своим».

А муж, вишь, впереди похоронен. <То есть он тут же?> Он тоже тут же, только он сюда... <А, вот он?> Да, вот это он. Но они тоже, видишь, под старость... он видишь сюда, все равно его похоронили рядом, они под старость лет разошлись, они не жили вместе, они жили в одном доме, но жили в отдельных комнатах²³⁹.

Родовые отношения – это те отношения, которые организуют и сохраняют общество [Морган 1935: 38, 39]. И как мы видим, для демонстрации этих отношений большую роль играет территория кладбища.

Пространство внутри ограды организовано определенным образом: ограда, за ней – могилы, скамейка, какие-то памятные предметы, цветы, фотографии. Все это – средство для коллективных переживаний. Именно коллективных, потому что такой локус, как кладбище, – место, подчиненное представлениям коллективным [Хальбвакс 2007: 111–180], а не индивидуальным. Каким бы личным ни было горе, все равно оно позиционируется как общественно значимое. Все или почти все жители деревни так или иначе становятся участниками переживания чьего-то «личного» горя. Например, процессия похорон или практика обхода всех могил на кладбище. Если люди пришли поминать какого-то родственника, то они обязательно обойдут все остальные могилы. В деревне родственниками являются друг другу почти все, хоть и очень далекими.

Родственные отношения – это то, что выговаривается публично, а значит, переживается коллективно. Поэтому родовая организация кладбища очень важна. Она становится проекцией отношений живых на отношения мертвых. Ян Ассман, рассуждая о «культурной памяти», заметил: «Любая

²³⁹ ФА СПбГУ, Леш17-4, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Олемский с/с, д. Чуласа; Иванова Г. С., 1949 г. р., местная; зап. Шматко А. А., Барсукова О. П. 18.07.2011.

спланирующая группа стремится создать и обеспечить за собой места, которые являются для нее не только сценой совместной деятельности, но и символами ее идентичности, а также опорными пунктами воспоминания. Память нуждается в месте, стремится определиться в пространстве» [Ассман 2004: 40]. Люди, обустроивая это место, поддерживают свою идентичность и идентичность умерших. Идея ограды, обособления напоминает «земную» идею дома – того, что организует семью и как бы создает ее границы. Так как смерть – это продолжение жизни, но в другой ее форме, идея дома определяет существование покойного и после смерти. Важно сохранить свое внутрисемейное единство, высказать его и пережить коллективно.

Литература

Ассман 2004 – *Ассман Я.* Помнящая культура // Культурная память. М., 2004. С. 29–88.

Байбурин 1983 – *Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.

Зеленин 1995 – *Зеленин Д. К.* Умершие неестественной смертью в поверьях русского народа // Очерки русской мифологии. Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995. С. 39–73.

Морган 1935 – *Морган Л. Г.* Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1935.

Токарев 1986 – *Токарев С. А.* Религия древних славян // Религия в истории народов мира. М., 1986. С. 201–215.

Хальбвакс 2007 – *Хальбвакс М.* Коллективная память семьи // Социальные рамки памяти. М., 2007. С. 185–218.

Хальбвакс 2004 – *Хальбвакс М.* Коллективная психология // Социальные классы и морфология. М., 2007. С. 111–180.

«Не ловленной не останется»: убийство молодых на заговенье как обряд перехода

Ксения Станиславовна Баукова

В 2012 году в деревне Лебское Лешуконского района Архангельской области участниками фольклорной экспедиции СПбГУ был зафиксирован и описан обряд *убийство молодых*, или *ловля молодых*.

Изначально мы предполагали, что обряд был распространен только на территории одной деревни. Однако, как выяснилось позже, упоминания о нем были также зафиксированы в селе Койнас Лешуконского района Архангельской области [Фролова 2010: 34].

Целью этого отчета является подробное описание обряда и его анализ с точки зрения представления о нем как о ритуале инициации, хорошо сохранившем архаичные черты.

Один из последних этапов свадебного обряда

Как известно, большинство свадеб в деревнях приходилось на осенние и зимние месяцы. После заключения брака и прохождения через многоэтапную свадебную обрядность молодые вступали в «послесвадебный» период, протяженность которого зависела от срока появления первого ребенка (то есть год и более) [Бернштам 2009: 140]. В течение этого времени (весенние и летние месяцы) совершались ритуалы, направленные на одобрение и утверждение брака деревенским социумом [Агапкина 2002: 244].

Обряды на Петровское заговенье, в том числе и *ловля молодых*, входили в троицкий цикл обрядов, который являлся своеобразным «подведением итогов» одного матримониаль-

ного года и началом другого [Агапкина 2002: 245]. Парни и девки в гуляниях на Троицу выводились в статус *холостых* и *на выданье*, а молодые, вступившие в брак минувшей зимой, выходили из «постбрачного» периода и занимали свое место в социальной структуре.

В советское время Петровское заговенье приурочивалось ко Дню советской молодежи — празднику, который со своими мероприятиями и пафосом «дня молодых» (то есть обрядовым выделением этой возрастной группы) был в какой-то мере созвучен троицким народным обрядам.

*...Вот, а потом стал, раньше-то он, может, и всё время было Заговенье, потом стал День молодежи, двадцать же седьмого. Ну вот тут совпало несколько лет-то, совпадало*²⁴⁰.

Обряд был направлен на одобрение социумом статуса жены и снохи и включение молодой в локальное сообщество замужних женщин. Смысл ритуала заключался в том, что молодка вносила «плату» за свое принятие в коллектив и эта плата одобрялась всеми членами половозрастной группы [Агапкина 2002: 250]. В отличие от ритуала *новисни/новизны* (первого выхода молодки на покос), где вступительный взнос ограничивался угощением всех участников (молодая пекла колоба и угощала ими), «внесение платы» молодками на Петровское заговенье разворачивалось в сложное символическое действие.

Визуальный код обряда: лебские «охотницы» на молодок

На Петровское заговенье замужние женщины деревни Лебское наряжались в охотников: надевали рубашки, вывернутые шубы и шапки, подпоясывались, мазались сажой, рисовали усы и шли по домам, где есть молодки-первогодки.

<Молодок ловили?> Да. <А молодки — это кто?> Вот вышли взамуж вот первогодки, первый год и там вообще и не первый год взамуж вышли. Вот таких молодок ходили ловили. Одевалисе, брали вот санки, ну санки знаете каки, да. Котелок брали. Палку дровяну. И вот шли там, молодку если не выкупят, дак и не ловили, а не выкупят дак притёнём к

²⁴⁰ ФА СПбГУ, ДТх12_Arch-Lesh_12-07-20_SaukovaSS_1, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Вожгорский с/с, д. Лебское; Саукова С. С., 1926 г. р., местная; зап. Гавриленко А. А., Баукова К. С. 20.07.2012.

этим санкам и **ловим, стучаем**. Ну так, шутя это, да. Вот это молодок ловили вот²⁴¹.

Примечательно, что во время «убийства» женщины наряжались именно в охотников.

<Как оденемся?> *Как ли поинтересней. Средемся всяко. <Пострашнее или покрасивее?> Как наряжухи какие. Много чей-то то рубахи эти песнимались(?) мы. Че оденем, да че подвяжем. Как настоящи ти забойщики. <То есть как охотники?> Да. Как охотники настоящи*²⁴².

Известно, что два самых известных символических сценария свадьбы – это купля-продажа и охота [см. ст. Веселовой И. С. в наст. сб., с. 31–56].

В 2010 году в деревне Кеба был записан обряд «стрельбы» в *тетеру*, представляющий яркий пример хорошо сохранившегося архаичного элемента сценария охоты:

<А что за гусь?> *К. И.: Вот положат, а, может, тетеру положат, сваренную. <А вареную? Вареную?> К. И.: Да, не живую же! Вареную, мясо, ну, вот это, кура там, или гусь ли там вот этот, как стрелять, закрывают его, чтобы, и вот, вот эти, вот эти стреляют вот в это, это ружье считается <...> Е. В.: Нападают вот так!*²⁴³

Охотники с тетерами и куницами рисуются и на внутренней стороне прялки. Обе метафоры подчинения участвуют в формировании женского жизненного сценария, в котором роль самой женщины – это роль пассивного объекта мужской социальной агрессии [Веселова]. Социолог П. Бурдые писал: «Поскольку женщины помещены на полюсе частного <...>, они не могут участвовать как субъекты, то есть от первого лица, в играх, где утверждается и осуществляется мужественность» [Бурдые 2008: 135].

На заговенье роль охотников-стрелков исполняют уже не мужчины, а женщины, но молодка остается жертвой, которую, если в свадебном обряде «застрелили», теперь «разделявают».

*И поймали мы Машу и приташили и вот, ловити, котел на ветке, навесили котел, в эт, щас убьем и варить будем. Это все делали со смеху, раз тако заведено до нас, все делали*²⁴⁴.

«Забойщиками» становились замужние женщины, чей тип поведения можно охарактеризовать как «бойкая», «боявая» – то, что на языке резюме называется «с активной

²⁴¹ ФА СПбГУ, Архангельская обл., Лешуконский р-н, д. Лебское; Л. А. К., 1926 г. р., местная; зап. Веселова И. С., Баукова К. С. 04.07.2012

²⁴² Там же.

²⁴³ ФА СПбГУ, DTxt10-159_Arch-Lesh_10-07-14_SmorodinaEV, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Олемский с/с, д. Кеба; Смородина Е. В., 1925 г. р., местная, зап. Воронков П. А., Козлова А. В. 14.07.2010.

²⁴⁴ ФА СПбГУ, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Вожгорский с/с, д. Лебское; Л. А. К., 1926 г. р., местная; зап. Веселова И. С., Баукова К. С. 04.07.2012.

жизненной позицией». Одна наша собеседница назвала их так – «интересные»:

*У нас интересны были бабки. <...> У нас одна Макаровна была, так та интересна, у нас та Лукична эта была да Маринка была да. Вот бабы ти были всех интересней они, оденутсе да как попало они, вырядятсе да*²⁴⁵.

Это были самые социально активные жительницы Лебского, участницы хора, которым, как отмечает А. Козлова, в «молодости пришлось совершить трансгрессию традиционного женского сценария и освоить мужские профессиональные и повседневные фреймы» [Козлова 2012].

Фольклорная форма давала им возможность на время ритуала *убийства молодок* реализовать нежелательный сценарий на публике и делала неприемлемое в повседневной жизни поведение приемлемым [Адоньева 2011: 93].

*Тут усы наведут. То <нрзб>. <И женщины тоже усы?> Женщины одеваются также. И мужики как попало, мужик может в сарафане одеться, а женщина в брюках. Ну как попало короче, палку деревянну таку выстрогают большу*²⁴⁶.

Мужчины, «убивающие» молодку на Петровское заговенье, – явление достаточно позднее. Серафима Степановна Саукова, 1926 г. р., рассказывая собирателям, как ходили *ловить* старшие женщины (которые были старше ее на десять лет), уверяла нас, что ходили одни только бабы:

*А мужины – я никого не видала, чтобы мужины ходили, я ни одного не видела*²⁴⁷.

Думается, что долгое время постсвадебное «разделяние» молодки было сугубо женской практикой. За вступление в сообщество лебских замужних женщин молодой необходимо было заплатить если не своим «убийством», то хотя бы «ловленностью». В. Тернер отмечает: «Лиминальность <посвящаемой. – К. Б.> подразумевает, что высокое может быть высоким до тех пор, пока существует низкое, и тот, кто высоко, должен испытать, что значит находиться внизу» [Тернер 1983: 71]. Необходимость в инициации новичков, которую испытывали члены этой половозрастной группы, была необходимостью в публичной демонстрации авторитета и целостности их группы.

Женщины, все женщины ходили. Только ребѣтишки, подростки ти на санках, тало ведь, на санках ей волокут, ревут,

²⁴⁵ ФА СПбГУ, DTx12_Arch-Lesh_12-07-20_SaukovaSS_1, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Вожгорский с/с, д. Лебское; Саукова С. С., 1926 г. р., местная; зап. Гавриленко А. А., Баукова К. С. 20.07.2012.

²⁴⁶ ФА СПбГУ, DTx12-008_Arch-Lesh_12-07-13_LeshukovaLF_1, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Вожгорский с/с, д. Лебское; Лешукова Л. Ф., 1942 г. р., местная, зап. Гавриленко А. А. 13.07.2012.

²⁴⁷ ФА СПбГУ, DTx12_Arch-Lesh_12-07-20_SaukovaSS_1, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Вожгорский с/с, д. Лебское; Саукова С. С., 1926 г. р., местная; зап. Гавриленко А. А., Баукова К. С. 20.07.2012.

*сами смеются, ей где-нибудь свалят, с санок-то она падет. Да опять повалят ей на санки, опять потянут да*²⁴⁸.

Наши информантки утверждали, что акта «символического насилия» [Бурдые 2008] со стороны старших женщин было не избежать. Молодка, ушедшая от посвящения в этом году, обязательно подвергнется ему в следующем.

Агрессия «забойщиков» в основном была направлена на тех, кто вышел в Лебское замуж из другой деревни. Не посвященным в местные традиции предстояло пережить «переделку» в лебскую молодку и фактом своего унижения внести вклад в символическое доминирование местных замужних женщин:

*Выйдет она, вышла, например, сей год, да вот ей, ну, там, до заговенья вышла, раньше дак не убита, а то пойдут всех, всех достанут, найдут которы не убиты <...> Или там, например, в прошлом году куда-то она уехала там или где-то была в это время, вот когда это происходило в деревне. Приедет, на следующий год все равно убьют*²⁴⁹.

*Раз молодка лебская, то не убивать, а записать в наши уже, действительно в лебскую молодку. А уж убивать. <То есть превратить приезжую в лебскую?> Уже настоящую, лебчанку*²⁵⁰.

Как видно из второй реплики, в категорию «непеределанных» попадали и местные молодки, вышедшие замуж в родной деревне. Вместе с остальными они проходили посвящение через «ловлю» и дважды становились местными — «настоящими» лебскими молодками.

Итак, можно заключить, что перед нами обряд перехода, в ходе которого неопиты претерпевают изменение двух своих состояний:

- не замужем/замужем;
- неместная/местная.

Согласно теории В. Тернера, структура коммунитас предполагает равноправие всех членов этого общества. Уточним, что изменение второго состояния в некоторых случаях не доводится до конца: про молодку, вышедшую замуж из другой деревни, на протяжении всей жизни могут говорить, что она неместная. Таким образом, полноценное равенство членов женского коммунитас не будет реализовано полностью.

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ ФА СПбГУ, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Вожгорский с/с, д. Лебское; Л. Л. Ф., 1942 г. р., местная, зап. Гавриленко А. А. 13.07.2012.

²⁵⁰ ФА СПбГУ, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Вожгорский с/с, д. Лебское; А. Н. Г., 1957 г. р., местная, зап. Баукова К. С. 14.07.2012.

Молодка «неразделанная» и «разделанная»: момент de passage

В книге «Русский народ...», в главе, посвященной Петровкам (традициям, связанным с Петровским днем), И. А. Забелин публикует следующее предание: «На границе Вельского и Тотемского округов, близ верховья реки Ваги... существует предание, что в этот праздник каждый год выбегал олень из лесу. Народ, принимая оленя за дар Божий, закалывал его и, разняв на части, приготавливал себе обед...» [Забелин 1991: 84]. Далее сообщается, что, когда олень перестал выходить, жители начали готовить обед, убивая для этого быка и разделявая его на части: «Перед обедней, убив быка, купленного на счет всей волости, разнимают его на части и варят в больших котлах; после обедни и молебна, священник со всеми богомольцами вкушает этих яств» [Там же]. Именно с Петрова дня можно было резать баранов: «С Петрова дня барашкам лоб» [Там же].

Лебское *убийство молодок* на заговенье использует сценарий и элементы петровского обряда с оленем и наращивает на них дополнительные смыслы. Предметы (чурка, деревянная плаха и палка для рубки дров), которые в повседневной жизни используются по прямому назначению — для разделывания туши животного, — в ходе обряда становятся ритуальными символами со множеством значений и ассоциативных связей.

Разделывание туши, мяса в контексте *убийства молодки* выступает как ритуальная символизация подчиненного статуса посвящаемой и ее нецелостности. Субъект ритуала, молодка, уподобляется жертве, которая ловится, умерщвляется, разделяется на части, а потом собирается вместе и воскрешается в новом статусе. «Забойщицы», пришедшие в дом, в котором есть молодка, говорят следующее:

*Мы пришли за мясом. Нам мяса надо. Все, котел там есть. Все варить мясо, праздник, нам мяса. За мясом приходим. Вот, это говорим, что за мясом пришли. А у нас, говорят, мяса нету. Как нету? Есть мясо! Мясо молодое еще. И будем искать...*²⁵¹

Молодку не называют по имени, заменяя обращение к ней словом «мясо». У «мяса» нет ни имени, ни пола, ни воз-

²⁵¹ ФА СПбГУ, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Вожгорский с/с, д. Лебское; Л. А. К., 1926 г. р., местная; зап. Баукова К. С. 26.07.2012.

раста, оно – результат «умерщвления» и находится в сыром, «неприготовленном» состоянии.

Ван Геннеп указывал на наличие трех стадий обряда перехода: стадии отделения, стадии перехода, или *limin*, и стадии соединения.

Состояния обезличенности, невидимости, бесполости характерны для лиминальной фазы обряда перехода, когда неофит находится в «промежуточном» состоянии, уподобленном смерти. Он ни то ни се, уже не жив, разделан, но еще не «приготовлен» – не сварен. Фазой отделения можно считать побег молодок от «забойщиков». Они бросают все свои дела («исчезают» из повседневной жизни, отрываются) и бегут прятаться от пришедших к ним «охотников» (см. ассоциативный ряд: прятаться – исчезать – умирать)

*Упрятаются, кто в бани, кто куды убéжат, да все равно через огороды что ли полезут, да бежать дальше, поймаем, притащим*²⁵².

После того как отделение произошло, лиминальные персоны ограничены в действиях, им предписано молчание. Состояние *limin* в обряде *убийства молодки* – это именно момент, когда пойманную, не откупленную молодку притащили к санкам.

*...котору притянешь к этим санкам-то, да приведешь, собьешь ей к санкам-то, а палкой по санкам, а не по ей! <...> а какую приведешь, дак сразу и откупаются, дак и не ловишь, и палкой не задевашь ниче. <А палкой по ней?> Не по ей, о санки, о санки*²⁵³.

Санки здесь, как и в обряде таскания в баню тещи/свекрови, символизируют ритуальную невозможность посвящаемой передвигаться самостоятельно [Байбурин 1993: 62]. Чурка и палка для рубки дров символизируют не только разрушение посвящаемого (объекта) на части, но и доминирование посвящающих (субъектов). Стук палок, крики, костюмы ряженных и общий антураж – все это вызывает у неофита чувство страха, характерное для любого *rite de passage*.

Обратим внимание, что в обряде *поиски ярки* в селе Поливаново Барышкинского района Ульяновской области невеста сравнивается с молодой овцой, которую похитил жених и нанес ей «полезную для жизни» рану «ниже пупка, выше колена» [Малтин 1999: 38]. Раненая ярка прячется, участники свадебного действия наряжаются, идут ее искать

²⁵² ФА СПбГУ, DTx12_Arch-Lesh_12-07-04_LeshukovaAK_1, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Вожгорский с/с, д. Лебское; Лешукова А. К., 1926 г. р., местная; зап. Веселова И. С., Баукова К. С. 04.07.2012.

²⁵³ ФА СПбГУ, DTx12_Arch-Lesh_12-07-26_LeshukovaAK_1, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Вожгорский с/с, д. Лебское; Лешукова А. К., 1926 г. р., местная; зап. Баукова К. С. 26.07.2012.

и находят в доме жениха. Это происходит на второй день свадьбы, то есть после брачной ночи. «Нанесение раны» в данном контексте выступает метафорой дефлорации; пребывание невесты-ярки именно в доме жениха символизирует переход в его дом под его покровительство. Увечье, через нанесение которого произошел символический переход, оценивается положительно.

Откупить от «забойщиков» и прекратить ритуальную агрессию может муж или свекровь. У самого иницируемого такой воли нет, разрешить его лиминальное состояние может только тот, под чьей властью он находится:

<А вас ловили?> Конечно, ловили тоже. Вышла взамуж, тоже ловили приходили. Но не убили, сразу свекрова откупила, вынесла вина тут им, да все, коли вынесла, дак все, откупились, все...²⁵⁴

Через полгода после свадьбы, когда отношения подчинения между молодой и старшими в ее новой семье (в данном случае это муж и свекровь) уже установились, они подвергаются публичной проверке. «Работая подобно управляемому землетрясению, ритуал выводит на поверхность конфликты разного рода» [Адоньева 2011: 93]. В результате обряда *убийства* молодка не только получает свое место в группе местных замужних женщин. Через акт символического насилия над ней проверяются ее отношения с членами новой семьи – с мужем и свекровью.

Но меня вообще-то не поймали, я упряталасе, чтобы не убили. А свекрова вынесла, а потом я ей раз откупили, дак я и вышла, да и все. <То есть вы еще не знали, откупит она или нет, на всякий случай спрятались?> Не знала, не знала, конечно²⁵⁵.

Муж, если он выкупает пойманную жену, символически утверждает в качестве ее покровителя, а сама молодка – в качестве принимающей это покровительство. В случае если выкупает свекровь, демонстрации подвергаются ее отношения с невесткой – то, что они выстроились по необходимой модели подчинения:

<А свекрова вас любила – вынесла откупиться?> А как, конечно, любила дак. Не любила дак не вынесла бы²⁵⁶.

К сожалению, в ходе полевой работы не удалось узнать, что бы было, если бы свекровь не откупила свою молодку. Можно предположить, что откуп являлся нормой ритуала и в то же время условием его целостности.

²⁵⁴ ФА СПбГУ, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Вожгорский с/с, д. Лебское; Л. А. К., 1926 г. р., местная; зап. Веселова И. С., Баукова К. С. 04.07.2012.

²⁵⁵ Там же.

²⁵⁶ Там же.

Также подвергаются публичной проверке отношения молодки с матерью, из-под власти которой она уже должна была выйти.

*А что-то я, новы упрятаются, новы опять дак, да сразу тут матери, да что да есть дак. Пойдут ле отдают мужику, мужу ейному, поди выкупай. <То есть это муж должен выкупить?> Да, мужу отдают, де скажут, поиди выкупай жену. А то убьют!*²⁵⁷

Таким образом, *rite de passage* *убийство молодки* превращается в «публичное высказывание на тему иерархических отношений внутри семьи» [Адоньева 2011: 63]. Заключительной фазой этого обряда перехода, фазой соединения, можно считать тот момент, когда откупленная молодка, заплатив свой символический взнос за вступление в женское сообщество, следует за санками «забойщиков» к дому их будущих жертв, чтобы понаблюдать за посвящением будущих членов своей новой группы.

Заключение

Вплоть до конца 1980-х годов (к этому времени относятся события, описанные самой молодой из наших собеседниц) *ловля молодок* на Петровское заговенье – активная практика. Прекращение ее связано с исчезновением в деревенском сообществе агентов и пациенсов обряда: нет больше ни *интересных* женщин, ни их молодых жертв, ни необходимости посвящения одних другими. Традиционная социальная структура деревни Лебское, одним из условий целостности которой являлась практика *убийства молодок* на заговенье, на данный момент полуразрушена, если не разрушена совсем.

Литература

- Агапкина 2002 – Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. М., 2002.
- Адоньева 2011 – Адоньева С. Б. Символический порядок. СПб., 2011.
- Байбурин 1993 – Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993.

²⁵⁷ ФА СПбГУ, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Вожгорский с/с, д. Лебское; С. С. С., 1926 г. р., местная; зап. Гавриленко А. А., Баукова К. С. 20.07.2012.

Бернштам 2009 – *Бернштам Т. А.* Народная культура поморья. СПб., 2009.

Бурдые 2008 – *Бурдые П.* Социальные пространства: поля и практики. СПб., 2008.

Веселова – *Веселова И. С.* Охотники и добыча. Изображение, обряд, текст [Электронный ресурс] // Русский фольклор в современных записях: сайт. URL: <http://www.folk.ru/>

Забелин 1991 – *Забелин И. А.* Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Рига, 1991.

Козлова 2012 – *Козлова А. В.* Лешуконское лицедейство: краткий обзор современных ритуальных практик. Отчет по полевой практике. 2012 // Архив научных полевых отчетов. ФА СПбГУ.

Малтин 1999 – *Малтин М. Г.* Свадебный обряд «поиски ярки» в с. Поливаново // Живая старина. 1999. № 3. С. 38–39.

Тернер 1983 – *Тернер В.* Символ и ритуал. М., 1983.

Фролова 2010 – *Фролова А.* Русский праздник. Традиции и инновации в праздниках Архангельского Севера XX – начала XXI века. М., 2010.

Рассказы о *порченных девках* как инструмент социального контроля

Анна Александровна Борисова

В рамках данной работы будут рассмотрены рассказы информантов, затрагивающие проблему утраты девушкой невинности до свадьбы. Таких девушек называли *порченными*, а также *бабами* [Адоньева], *девками-простоволосками* [Баранов, Баранова, Зимина 2005: 60] и др. Часть материала была записана в 2011 году во время фольклорной экспедиции в Лешуконский район Архангельской области. Также использовались материалы экспедиций прошлых лет, взятые из фольклорного архива СПбГУ²⁵⁸.

М. Т.: *Ак раньше не было порченных. <Вообще не было порченных?> А если уж это чо-то вот, кака-то где-то согрешит такое – это уже все, это она уже будет сидеть, и уже не возьмут*²⁵⁹.

Слово «портить» в значении 'лишать девственности, невинности' встречается во многих толковых словарях с пометами *перен.*, *разг.-сниж.*, в том числе в «Большом толковом словаре» под редакцией С. А. Кузнецова, «Толковом словаре» Т. Ф. Ефремовой, а также в «Словаре русских синонимов», что указывает на устойчивость и распространенность приведенного значения²⁶⁰.

Если о том, что девушка лишилась девственности до свадьбы, становится известно в обществе, ее называют *порченой*. Потеря невинности становится не только фактом чьей-то физиологической жизни (факт дефлорации), но и фактом социальным (слухи, сплетни, дурная слава). Но поскольку девственность как физиологическая характеристика не видна окружающим, а заметной может стать только ее утрата [Там же: 173], в данной статье целесо-

²⁵⁸ Всего цитируются восемь интервью.

²⁵⁹ ФА СПбГУ, ДТх11-184_Arch-Lesh_11-07-12_KlokotovaMT_1, Архангельская обл., Лешуконский р-н, д. Едома, Клокотова М. Т., 1930 г. р., местная; зап. Борисова А. А., Трощило М. А. 12.07.2011.

²⁶⁰ См. [Кузнецов 2009; Ефремова 2006; Абрамов 1999].

образно обратить внимание именно на социальный аспект проблемы.

Необходимо также отличать *порченных* девушек от *нечестных*. Оба эти явления связаны с утратой девственности, синонимами которой часто выступают понятия честности, невинности [Баранов, Баранова, Зимица 2005: 172]. Определение «нечестная» чаще применяется к девушке в контексте свадьбы. Так называют невесту, не сохранившую целомудрия, то есть обманувшую род своего жениха. При этом факт «нечестности» выясняется в ходе свадьбы или после нее, тогда как *порченой* считается незамужняя девушка с плохой репутацией. В данной работе уделяется внимание именно персонажу *порченная девка*.

Добрачная связь, предполагавшая растление девства, могла проходить по разным сценариям, однако последствия в большинстве случаев были одинаковыми.

<Таких вот уж не брали?> М. Т.: Да, да. Если она, если это знают, если прославилась, что вот она согрешила, дак значит уж она это, и обходят стороной. <То есть с ней ее ровесницы уже не общаются?> Да, да, да. Но общаться-то еще общаются ведь, чо, все равно в деревне да где, дак уж. Но все равно вот парни-то, и родители, и парни, и все уж это уж вот так²⁶¹.

Выделяются три возможных сценария добрачной связи:

- по согласию девушки;
- «хитростью» (молодой человек обещал жениться);
- изнасилование (*осилье*) [Там же: 59].

Сексуальные отношения до свадьбы считались недопустимыми, судя по высказываниям наших собеседниц, а вся ответственность и вина за них в любом из перечисленных случаев ложилась на девушку.

Ну ведь поговорка есть — «Сучка не захочет, кобель не вскочит». Так что, говорят, все равно девка виновата. Все равно виновата в этих случаях девка, как это. Но я такого же мнения, считаю. Я много с ребятами гуляла, я такого же мнения. Все равно виновата девка. Вот ребятам <нрзб> я так именно за ребят сейчас горой и водой, потому что это девки виноваты. <Ну а если, допустим, изнасиловали девушку, она ж не виновата?> Ну если так, то уже конечно тут уже. <Ну а к ней отношение все равно ж такое будет?> Ну вот, например, у нас в Лешуконске был случай, одну изнаси-

²⁶¹ ФА СПбГУ, DAu11-190_Arch-Lesh_11-07-17_KlokotovaMT_1, Архангельская обл., Лешуконский р-н, д. Едома, Клокотова М. Т., 1930 г. р., местная; зап. Борисова А. А. 17.07.2011.

ловали, но тоже вот там, ну ведь по родам говорят, тоже, говорят, будто бы она сама же его пригласила к себе. Но факт тот, что он ее изнасиловал. Так она уехала отсюда, а здесь не осталась жить. <То есть не выдержала, что слухи ходят, что...> Да, что все ведь, Лешуконское небольшое, все друг друга знают почти, все смотрят на тебя, что так. <Косо смотрят?> Многие осуждают, что ты виновата, парня посадила. А все же много дадут лет, а за это ведь осуждение очень большая статья, и плохо это очень. <Так она вроде как и жертва, и все равно...> И жертва, и все равно. И она уехала. Это моя одноклассница была, она потом-то недолго <нрзб>²⁶².

Другие информанты высказывают такой же взгляд на проблему:

<То есть всегда виновата девушка в этом <нрзб>?> М. Т.: Да, да. Это не теперь сказано — «береги честь смолоду»²⁶³.

Общение девушек и парней могло происходить на людях и наедине [Адоньева]. При этом в первом случае допускался весьма откровенный характер ухаживаний, ведь пара была на виду, а значит, их поведение не могло вызвать сплетен и кривотолков. Интимное же общение вообще не должно было иметь места, так как в случае огласки оно провоцировало слухи и возможный ущерб репутации девушки. Здесь стоит оговориться и уточнить, что распространение слухов связано с общественной оглаской, то есть если девушка не забеременеет и ее проступок не станет очевидным по другим причинам, можно считать, что она сохранила свою социальную (матримониальную) респектабельность. Поэтому, решившись на встречи наедине с молодым человеком, девушка должна была соблюдать большую осторожность.

Раньше, чуть маленько договорятся, там, на танцах, Катенька, там, пойдти за деревню, там, в сарай, подожди меня, ты пошла как будто домой, а там за парком, за парком, раз там к амбару у края деревни. Ну, там, крайний где дом, у края деревни, к лесочку, и уж посидишь там. <Тайком, да? Так что парами даже?> Потом я там, сколько там минут... выйду, там, в туалет, и по теменю... И там, за деревней, там, гуляете, там, по дорогам, по бору, там, ходите... <И вот так у вас раньше ходили?> Летом ни одну пару не увидишь. <Да ладно.> Как в августе начинать темнеть, летом не увидишь, так, маленько, взглядом перекинутся, знаешь... <А если вме-

²⁶² ФА СПбГУ, Архангельская обл., Лешуконский р-н, ж., 1953 г. р.; зап. Борисова А. А. 18.07.2011.

²⁶³ ФА СПбГУ, Архангельская обл., Лешуконский р-н, ж., 1930 г. р.; зап. Борисова А. А., Трошило М. А. 12.07.2011.

сте увидят, то что будет?» *Увидят, дак всё, родители: «О-о-о, да тебе не пара»... начинают там, народ-то, обсуждать, ещё чё-нибудь...»*²⁶⁴

Но несмотря на то что девушка прикладывала много усилий, чтобы связь оставалась в тайне, в замкнутом деревенском сообществе не предполагалось долгое хранение секретов. Кроме того, «половая связь ослаблялась долготязычием самих молодых, нынче, что подузнает молодец, все и разбахвалит своим товарищам» [Русские крестьяне 2007: 363].

*<А так она согрешит – а как все узнают?» М. Т.: Узнают. Да как не узнают?! Как не узнают-то? Все знали, все узнают, быстро. Они все равно пьют и сами друг другу мужики, и все, парни, хвастаются. Вот так*²⁶⁵.

Таким образом, именно общественное мнение формирует образ *порченной девки*. Ведь если факт физической «порчи» можно скрыть, то избавиться от «порчи» социальной не представляется возможным. В процессе социализации девушки с самого детства усваивали, что их тело принадлежит не им самим, а их семье и семье будущего мужа. Получается, что и сексуальную жизнь женщины регулировала не она сама, а семья и общество. От женщин же требовалось поддержание репутации, важны были такие понятия, как «чистота» и «верность» [Темкина 2009: 34]. Сохранить репутацию означало не дать повода к сплетням, насмешкам и оскорблениям.

*<А вы откуда про это узнали?» Слухом земля полнится. Чели ругаются ведь мужики все: блядь, блядь. Я говорю: «Я коль блядь, а ты проблядь!» <смеется> <А чего они ругаются?» Ак перво слово у их чего ли. <Так оно же значит, что как бы гулящая.> Ак вот и говорю: «Я-то, – говорю, – нигде себя не запятнала. А ты-то, – говорю, – настоящий проблядь». Вот такое у меня было званьё, если худо дак. А он опять скажет: «Да, Нина, извини ты меня, конечно, я знаю, что ты у меня была честная, и я, – говорит, – гарантирую, что чели мужики заговорят про баб, что вот там, бат, это, а я говорю: «Я на Нину на свою надеюсь и знаю, что она никогда ничего»*²⁶⁶.

Про возможные оскорбления со стороны будущего мужа говорит и другая информантка:

²⁶⁴ ФА СПбГУ, Архангельская обл., Мезенский р-н, Дорогорский с/с, Окулов Н. И., 1956 г. р.; зап. Лаврова К., Букавнева Н. 24.07.2007.

²⁶⁵ ФА СПбГУ, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Клокотова М. Т., 1930 г. р.; зап. Борисова А. А., Трошило М. А. 12.07.2011.

²⁶⁶ ФА СПбГУ, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Ценогорский с/с, ж., 1936 г. р.; зап. Мариничева Ю. Ю. 05.07.2010.

Ну и вот, она и говорит: «Девки, одно вам только наговариваю, ради бога не согрешите, ради бога, раньше свадьбы не спите с ребятами, вот это мой вам совет. Всю жизнь будешь сука. Для мужа. Он хоть тебя возьмет, он всё тебя там уляпа-туляпа там даст, а потом ты всю жизнь будешь ему сука. Все равно это, – говорит, – он когда-то найдет момент и тебя все равно обзовет». Это, это все равно, это при жизни, говорит, это все равно это будет. <То есть как бы он ни любил даже если, все равно?> Нет, хоть любил ее, хоть любя женился и все, но все равно он ее назовет, что ты не девка, сука ты»²⁶⁷.

Получается, что «портит» репутацию девушки социум, в котором говорят об этом факте, и сама девушка, допустившая такие разговоры, а вовсе не парень, лишивший ее девственности. Отношение общества к такой девушке весьма агрессивно, а социальные санкции – жестоки. Помимо открытых издевательств и насмешек, которые могут выражаться в символических действиях (вымазать дегтем стены дома, снять ворота [Кабакова 2001: 152]), такую девушку исключают из жизни социума (не берут на посиделки, гуляния [Русские крестьяне 2007: 363]) вплоть до изгнания из деревни. Она также лишается защиты со стороны своей семьи, так как навлекла на нее позор.

Ну вот, а случай-ти я расскажу, там вот это-то я лично от бабушки знать слыхала. В ихнем роду, ну у ей там наверно прапрабабки, там уж она сама-то была... я и не знаю, тоже, сколько она уж стара была, тоже много годов-то померла, и у ей отец узнал, что она в положении, он вкопал ей в землю. Одна голова торчит. <Она умерла?> Вот этого я... как-то бабка Марфа... <А он узнал прямо на свадьбе что ли?> Нееет, он до свадьбы! Узнал до свадьбы, что она... ну это отец. Отец узнал. Отец ейной наказал ее. Закопал в землю. <Чтоб позора не было?> Наверно»²⁶⁸.

О позоре для семьи говорит и другая информантка:
 <Ну а если свой же жених! Он же потом и женится.>
 А. А.: *Мало ли, шо женится – вот так было дело, шо нельзя до свадьбы спать с мужиком. Все. Если свадьбу сыграшь – вот тогда можешь. А до свадьбы нет. Нельзя. Позор был. На всю родню. <На всю родню позор?> Да. <А как-то вы это... Высмеивали или..?> Высмеивали. Так и высмеивали, шо родители, видишь как... Потом боле и замуж не возьмут, конечно,*

²⁶⁷ ФА СПбГУ, Архангельская обл., Лешуковский р-н, ж., 1953 г. р.; зап. Борисова А. А. 18.07.2011.

²⁶⁸ ФА СПбГУ, DTxt08-170_Arch-Mez_08-07-10_BobylevaMV, Архангельская обл., Мезенский р-н, Целегорский с/с, д. Азаполье, Бобылева М. В., 1938 г. р., местная; зап. Мариничева Ю. Ю., Трошило М. А. 10.07.2008.

высмеивали. И вот-то люди, шо: «Ишь ты какá. Така сяка». В старинные времена так было»²⁶⁹.

Еще одно интервью подтверждает утрату такой девушкой семейной защиты:

Вот там одна была у них вот в Кебу она вышла, вот эта, Мария эта, ак и все вот и тот и другой, раз она такого поведения, так ей вот и таскали, говорят – тот, этот, знаешь, там куда-то насилу возьмет. Вот если такое вот узнат, тогда уже все. Вот одна была вот така, дак ей все равно и теперь знают, и все поминают. И в живых нету уж, а все равно – «поди ты, как Машка Лёвана». Ходила-то не вся деревня, ну дак парни дак это, могут в любо время куда-то уволочи. <А куда таскают?> Таскают куда дак вот. Парень уведет, охоту стешит и все. <А так она не сопротивлялась, что ли?> Дак их... мало ли что сопротивлялись, а уж знают, что она така, так и все равно, хоть сопротивляйся не-то уж, потянет да и все. Говорят «на передок слаба, на передок». <То есть до того, как она еще вышла замуж в Кебу, здесь, да, все считали возможным...?> Да, да. Хошь не хочешь, там уж все насилу, во она такая уж. <То есть никто не будет заступаться за нее?> Нет. <А почему так?> Потому что она така, такого поведения. Ой, это така, легкого, легкого поведения. <Так а что она, если вы говорите, что это все равно все силой делали после первого раза?> Да, вот так вот. Вот таки дела. <А вот с такими девушками, с ними общались другие девушки, допустим, или нет? Или, может, родители запрещали? Говорили: «Вот с той не общайся, она такого поведения»? Такое было?> Так может, и предупреждали²⁷⁰.

<Так родители ее не защитят?> Да как заступаться-то будешь? Чо они, на <нрзб> за ней ходить будут? Родители-то наоборот, это знаешь, защитить, дак скрывали, тот хотел убить отец-то. <Ее отец хотел убить?> Ну отец, его ли, кто вот, там. Скажут там, вот Марью Ванька потащил, не за волосы потащил уж, так уж там пошли они. Дак вот, где-то, говорят, искал бегал да. Кому хотел он голову отрубить-то? Дочери или мож парню да²⁷¹.

Возникает вопрос, насколько реальны приведенные истории. Не создаются ли они внутри сообщества с целью устрашения молодых девушек? Не являются ли своеобразным ин-

²⁶⁹ ФА СПбГУ, DTxt10-025_Arch-Lesh_10-07-17_ProkopaevaAA_HalturinaGA_PahovaGM_1, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Лешуконский с/с, д. Смоленец, Прокопаева А. А., 1940 г. р., местная, Халтурина Г. А., 1936 г. р., местная, Пахова Г. М., 1948 г. р., местная; зап. Мариничева Ю. Ю., Полякова А. А. 17.07.2010.

²⁷⁰ ФА СПбГУ, Архангельская обл., Лешуконский р-н, ж., 1930 г. р., местная; зап. Борисова А. А., Трошило М. А. 12.07.2011.

²⁷¹ ФА СПбГУ, Архангельская обл., Лешуконский р-н, ж., 1930 г. р., местная; зап. Борисова А. А. 17.07.2011.

струментом, с помощью которого старшие могли контролировать сексуальную жизнь молодежи?

Если разобраться, рассказчиками подобных историй выступают как раз старшие женщины, чаще всего матери, которые предостерегают таким образом дочерей. Здесь представляется возможность провести аналогию между защитой маленьких детей их матерями от порчи-сглаза и защитой повзрослевших девушек от порчи-потери невинности. В детстве мать оберегает ребенка с помощью разных магических действий: в частности, младенцев и детей младшего возраста стараются не хвалить, чтобы уберечь от сглаза. Позже девушки приобретают статус так называемых *хвалёнок*, когда похвала со стороны матери и старших женщин становится нормой. Но меняется объект защиты – теперь это невинность, которую также можно испортить, и инструментом защиты становятся такие «рассказы-страшилки». Цель данных рассказов – выработать чувство страха потери репутации, позора для семьи и т. д.

А я-то была воспитана: для меня это было такой страх! Неужели можно позволить чё-то до свадьбы?! Не, я не могла этого позволить. Вот... <Это вам мама говорила?> Да-а. Я так, мне тогда это было внушено. Это прямо хуже смерти, я считаю. Это какая-то кара. Я не могла допустить, что это можно позволить такое до свадьбы. Для меня это всё было бы, убийственно! Тем более я такая мнительная. Я очень мнительный человек. Я бы это, я бы себя извела. <А как вам мама говорила?> Она, она, она не навязывала. Она просто о себе рассказывала чаще всего. Она не навязывала, а давала понять, что это плохо, что это совсем плохо. Как она говорит: «Такая-то грязь <показывает на пол>, как она говорит, смывается. А вот такая-то грязь – навсегда укор». Всегда каждый тебя может попрекнуть: такая-то сякая, блядь там, например. Да-а. Это на самом деле грязь-то всегда до смерти. А вот эта-то грязь, эта вся смывается. Можно вымыть и будет чисто. А эту-то грязь, говорит, не смоешь. Так что нечего пятнать себя такой грязью. Вот как она даже, она, конечно, не то, что специально, вот села и мне говорит. Как-то это всё мимо, как-то мимо. Вот так всё мимоходом говоря так это, не говоря, делает-не делает, своими поступками, возможно, своим отношением к таким вот поступкам других людей. Может. Я это тоже впитывала²⁷².

²⁷² ФА СПбГУ, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Ценогорский с/с, ж., 1932 г. р., ж., 1953 г. р.; зап. Цветкова А. Ю. 13.07.2010.

Старшие женщины, не только матери, также являлись носителями подобных установок.

Ну это уже не знаю, вот, например, мы в клуб раньше бегали, всё ведь в клубе молодежь-то. И у нас женщина была, моя двоюродная сестра, вот за рекой жила раньше-то она, потом она моей сестре дом продала, уехала. Вот она, она так с молодежью хорошо, общение у ней было хорошее, она нам много чего рассказывала, постарше нас была, ну и вот. И вот нас все наговаривала, с ребятами мы все, везде. Ну и вот, она и говорит: «Девки, одно вам только наговариваю, ради бога не согрешите, ради бога, раньше свадьбы не спите с ребятами, вот это мой вам совет». И она вот нам, она нам много напутствий дала вот этих. Мы вот ее как-то вот прислушивались к ней. И у нас девки все такие, все хорошие были, все это, и с ребятами»²⁷³.

Такой вывод подтверждается еще и тем, что в деревне не встретить взрослых женщин, которые бы имели репутацию *порченных*. Бывшая когда-то реальной история об опозоренной девушке после исключения ее фигуры из общественной жизни (отъезд, изгнание) становится мифом, инструментом управления общественным сознанием и страхом, регулятором межполовых отношений в молодежной среде.

Итак, *порченная девка* – персонаж отчасти реальный, отчасти мифический, с помощью рассказов о котором осуществлялся контроль над сексуальной жизнью девушек со стороны старших, при этом страх здесь являлся основным элементом управления.

Литература

Абрамов 1999 – Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М., 1999.

Адоньева – Адоньева С. Б. Женщина как территория: «суженая» в мужском биографическом тексте [Электронный ресурс] // Русский фольклор в современных записях: сайт. URL: http://www.folk.ru/Research/adonyeva_woman_as_territory.php.

Баранов, Баранова, Зимина 2005 – Баранов Д. А., Баранова О. Г., Зимина Т. А. и др. Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2005.

²⁷³ ФА СПбГУ, Архангельская обл., Лешуконский р-н, д. Едома, П. Н. Ф., 1953 г. р., местная; зап. Борисова А. А. 18.07.2011.

Ефремова 2006 – *Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка. М., 2006.

Кабакова 2001 – *Кабакова Г. И.* Антропология женского тела в славянской традиции М., 2001.

Кузнецов 2009 – *Кузнецов С. А.* Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2009.

Русские крестьяне 2007 – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Т. 5. Часть 1. СПб., 2007.

Темкина 2009 – *Темкина А.* Новый быт, сексуальная жизнь и гендерная революция // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности. СПб., 2009.

Малые жанры фольклора в спонтанной речи: семантика и прагматика паремий

Анастасия Александровна Гавриленко

На сегодняшний момент исследования в области отечественной паремиологии вплотную подошли к проблеме анализа семантики и прагматики малых жанров фольклора в спонтанной речи. Несмотря на свою актуальность, указанный предмет исследования продолжает рассматриваться лишь на материале изолированных от контекста пословиц и поговорок [Сидоркова 1999; Балакай 1996; Пермьяков 1988; Жолковский 1978]. Работы, построенные на анализе включенных в поток спонтанной речи паремий, фокусируются в основном на таком качестве пословиц и поговорок, как их вариативность [Жигарина 2006; Бондаренко 2011]²⁷⁴. Хотя Е. Е. Жигарина и касается вопроса прагматического назначения паремий, она останавливается на выделении их общих функций, сформулированных еще Г. Л. Пермьяковым, не рассматривая сиюминутные коммуникативные потребности употребляющего паремии человека. Мне кажется, что наиболее острым вопросом при рассмотрении паремий в спонтанной речи является вопрос об их роли в конкретной, возникшей спонтанно ситуации, и о факторах, побуждающих говорящего к их употреблению.

Во время фольклорно-антропологических экспедиций СПбГУ полевая работа проводится в форме глубинного интервьюирования, направленного на фиксацию не только фольклорных текстов (причитание, заговор, лирическая песня и т. д.), но и живой речи как таковой, в поток которой они встраиваются. Отличительной особенностью рассматриваемых ниже паремий является их запись в контексте спонтанной речи, в ситуации, когда их употребление провоцируется собственными коммуникативными интенция-

²⁷⁴ В монографии

В. Т. Бондаренко [Бондаренко 2011] исследование устойчивых фраз проводится скорее на материале квазиестественного употребления паремий, т. к. источником служат тексты художественной литературы и публицистики.

ми информантов, а не вопросами интервьюера [Адоньева, Веселова 2010].

То обстоятельство, что запись паремий происходит в поле, накладывает на качество материала некоторые ограничения, о которых необходимо сказать. Как правило, беседы-интервью характеризуются устойчивым «хронотопом»: его участники находятся в доме информанта и располагаются обычно на расстоянии вытянутой руки (например, за столом); беседа протекает в свободное от работы информантов время или, что нечасто, сопровождает действия информанта (будь то экскурсия по дому, сервировка стола для обеда или приготовление хлеба). Устойчивы и социальные роли собеседников: в качестве интервьюера обычно выступает студент 18–23 лет, а информанта – пожилой житель деревни, что отражается на несимметричности отношений между собеседниками (разное социальное положение, образование, возраст) и, возможно, на их непаритетности (когда социальный статус рассматривается в соответствии с оценочной шкалой «выше/ниже»). Названные особенности коммуникации накладывают свой отпечаток на полученный материал, что будет учтено в процессе анализа.

В работах по паремиологии под **семантикой** пословицы или поговорки обычно понимается глубинное-черезбуквальное значение этих выражений [Барли 1984; Крикманн 1978, 1984; Пермяков 1988]. Пословица *Любишь кататься – люби и саночки возить* при буквальном прочтении, то есть при восприятии слов в их прямом значении, трактуется как 'Если ты любишь кататься на саночках, то тебе же и следует с этими саночками подниматься на горку'. Глубинное же значение возникает при генерализации смысла паремии и/или расшифровке метафоры. Различие этих процессов состоит в том, что при генерализации происходит переключение от содержащегося в паремии понятия к понятию более общего порядка. Под расшифровкой метафоры понимается перемещение понятия от одной категории к другой, например, от неодушевленного к одушевленному. «Словарь русских пословиц и поговорок» дает паремии *Любишь кататься – люби и саночки возить* толкование, основанное на принципе генерализации: 'Неизбежно приходится расплачиваться за то, что было сделано с охотой, с удовольствием' [Жуков 2000: 165].

Указанный механизм работы с малыми жанрами фольклора, когда через буквальное раскрывается глубинное значение, лежит в основе семантического анализа паремий. Но когда определенное посредством семантического анализа значение паремии соотносится с тем, которое восстанавливается из конкретного употребления в потоке речи, то выясняется, что они часто не совпадают. Например, пословица *Пьяному море по колено* может употребляться для подчеркивания упрямства нетрезвого человека, хотя такая единица значения не заложена в сам текст паремии. Таким образом, в приведенном ниже анализе пословиц и поговорок под семантикой будет пониматься значение паремии, актуализируемое «здесь и сейчас» самим говорящим.

Прагматика малых жанров фольклора если и являлась предметом исследования, то рассматривалась по большей части как исходящая из их семантики воздействующая функция. Г. Д. Сидоркова, например, выделяет следующие функциональные группы паремий: урезонивание, предостережение, угроза, обличение, упрек, сетование, (само)оправдание, обоснование и т. д. [Сидоркова 1999].

В настоящей работе вслед за Н. Д. Арутюновой под прагматикой понимается «комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации, ситуацией общения» [Арутюнова]. Целью же анализа является определение мотивации произнесения паремии, то есть проблема иллюкутивных намерений информанта и используемых им коммуникативных стратегий.

Как заметил М. А. Черкасский, следствием клишированности паремии является тот факт, что «информативным является не текст паремии „внутри себя“, а лишь выбор данной паремии как целого и ее использование в определенной ситуации» [Черкасский 1978: 39]. Следовательно, априорной при анализе прагматики паремии является формула «То, что я говорю ≠ То, что я хочу сказать». Очевидным становится и преследование говорящим неких скрытых целей при произнесении паремии, что приводит к нарушению *принципа Кооперации*²⁷⁵, предложенного Г. П. Грайсом: употребление паремии не сопоставимо с постулатом «Твое высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется» [Грайс 1985: 222]. Паремия часто дублирует уже проговоренный говорящим смысл, что, как мне представляется, рас-

²⁷⁵ Говоря, с одной стороны, о персуазивном дискурсе (например, реклама или пропаганда), а с другой — о приеме манипулирования, исследователи О. С. Иссерс и Г. А. Копнина отмечают, что они строятся на нарушении принципа Кооперации [Иссерс 2012; Копнина 2008].

крывает преднамеренность его, адресанта, «многословия». Таким образом, с одной стороны, анализ семантики проанализированных паремий показывает, что они являются примерами «не-своей», фольклорной, речи [Адоньева 2003]. С другой стороны, исследование употребленной в спонтанной речи паремии позволяет сделать вывод о способах осуществления иллюкутивных намерений говорящего.

В связи с тем, что способ говорения (*как*) напрямую зависит от установок адресанта (*для чего*), встает вопрос о связи семантики паремии и ее прагматики [Бахтин 1986; Витгенштейн 1994; Адоньева 2004]. Произносящий пословицу или поговорку устанавливает ее смысл: именно он соотносит воз санок с выгуливанием собаки (*Любишь кататься – люби и саночки возить*), и именно он активизирует ту или иную (нужную для него) семантику. Следовательно, характер употребления паремии и выбор ее варианта (например, *Век живи, век учись* или *Век живи, век учись – дураком и помрешь* – расширенный вариант) суть показатели намерений адресанта.

Переход от производимого к производящему предполагает также представление речевой коммуникации как взаимодействия лиц или ролей. Например, Э. Гофман определяет лицо «как позитивную социальную ценность, которую человек с успехом стремится придать себе, приняв в определенном контексте, как считают другие, некоторую линию поведения» [Гофман 2009: 18].

Исходя из вышеуказанных положений, предлагаемый подход к анализу паремий состоит в следующем: записанное во время фольклорной экспедиции интервью рассматривается как контакт людей с заданной линией поведения, то есть с заданными коммуникативными ролями; во время коммуникации, в свою очередь, производятся определенные стратегические ходы, некоторые из них осуществляются посредством использования паремий.

Для анализа паремий в спонтанной речи потребовалось решить задачу определения контекста их употребления. В качестве такого контекста я ввела понятие **паремиологического блока**, то есть отрезка речевого акта, в пределах которого адресант употребляет паремию или паремии. Границы этого блока определяются релевантностью информации, необходимой для понимания анализируемых выражений. Сопут-

ствующими элементами при характеристике высказывания являются данные об участниках и месте действия, а также описание ситуации произнесения пословицы/пословиц.

Привлечение столь обширного багажа информации обеспечивает адекватное понимание произошедшего «здесь и сейчас» речевого акта. Об этом, в частности, писал Т. А. ван Дейк, по мнению которого восприятие речевого акта опирается на прагматический контекст — теоретическую и когнитивную абстракцию, вбирающую в себя не только полученную непосредственно перед анализируемым речевым актом информацию, но и глобальную (микро-) информацию обо всех предшествующих взаимодействиях. [Ван Дейк 2000: 19–21].

В качестве примера анализа паремиологического блока рассмотрим фрагмент интервью, записанного от жительницы деревни Смоленец Лешуконского района Архангельской области.

А. П. и А. Г., студентки второго курса СПбГУ, 1991 и 1992 гг. р., проходили в 2010 году фольклорную практику в деревне Смоленец. Первая встреча А. П. с Н. А., жительницей деревни, произошла случайно, когда участники экспедиции ходили по деревне с листом ватмана и карандашами для составления карты деревни. 7 июля А. П. и А. Г. пошли на интервью к сестрам К., которых, как было известно собирателям, было три (две сестры жили в одном доме, третья — отдельно). Поэтому, когда студентки застали дома трех пожилых женщин, они даже не заподозрили, что одной из «сестер» (той самой, которая живет отдельно) была Н. А., зашедшая к подругам в гости. Собирателям ничего не мешало считать Н. А. «сестрой Антониной», так как по имени к ней никто из присутствующих не обращался. Полноценное знакомство произошло на следующий день, когда А. П. и А. Г. пошли к Н. А. на первое интервью. Информантка добродушно встретила студенток, пригласила пройти в избу и усадила за стол. Интервью длилось 260 минут.

Из беседы выяснилось, что Н. А. родилась в деревне Смоленец в 1940 году. Семья была большая (пятеро детей), она была самой младшей. Воспитанием занималась мать, так как отец ушел на фронт и не вернулся. Н. А. его даже не помнит. Получила семиклассное образование и впоследствии работала дояркой. Дважды была замужем. С первым мужем разве-

лась, прожив с ним полтора года. Причина развода — пьянство мужа. В сорок три года вышла замуж за вдовца. У нее есть единственная дочь от первого брака. Сейчас Н. А. живет в Северодвинске и приезжает в Смоленец на лето. Проживает в доме одна.

Нельзя сказать, что все четыре часа записи составляют большую с точки зрения фольклористики ценность. От Н. А. записаны лишь поверхностные сведения о свадебном и похоронном обрядах, предание, несколько песен. Реплики Н. А. составляют 90 % всего разговора, поэтому диалогом эту беседу трудно назвать; это и не интервью, так как темы разговора задавались Н. А. и инициатива всегда была в ее руках. Содержание беседы по большей части составляли так называемые рассказы-пластинки [Китайгородская, Розанова 1999: 44] — интересные случаи из жизни Н. А., ее односельчан и деревни в целом, репродуцированные много раз. К таковым относился и рассказ о собственной свадьбе, в котором Н. А. акцентировала внимание слушателей на семье больших размеров, которую принесли во время сватовства. Некоторую долю от общего объема беседы составляли реплики-сетования по поводу собственного здоровья и здоровья членов семьи. Во время разговора его участники просматривали альбомы с фотографиями, а после двухчасовой беседы еще и пили чай (и не только).

Когда Н. А. предложила собирательницам чай, она вместе с печеньем и конфетами из буфета достала еще и бутылку водки: ее внуку исполнилось двадцать шесть лет, в честь чего Н. А. и предложила выпить. Сложно определить мотивы столь щедрого жеста Н. А.: сложившаяся ситуация скорее напоминает фрейм «Выпьем за знакомство», так как затруднительно представить себе такое положение, когда человек не знает, за чье здоровье он, собственно, пьет (стоит напомнить, что Н. А. живет одна и никакого внука собирательницы в глаза не видели). Нужно также учесть, что Н. А. предложила выпить восемнадцатилетним девушкам, что говорит о неопределенном виде взаимоотношений: не «интервьюер — информант», не «бабушка — внучка», скорее, «пожилая женщина — молодая женщина».

В то время как А. П. приняла предложение выпить с Н. А., А. Г. отказалась, ссылаясь на то, что она алкоголь не употребляет. Н. А. неодобрительно это прокомментировала, сказав,

что это «херово дело», и предложила А. Г. сделать пунш. Как оказалось, пунш — это напиток на основе чая с добавлением водки и сахара. Поэтому А. Г. отказалась и от этого варианта, а А. П. принялась делать пунш, что хоть как-то облегчило ее положение (сама она отметила: «Я пью второй раз в своей жизни»).

Через полчаса, когда участники говорили уже о грибах и когда А. П. захотела поделиться своей любовью к походам за грибами, Н. А., перебив А. П., начала неодобрительно высказываться об А. Г., которая не притронулась к стопке. Зашла речь об алкоголе, закончившаяся обсуждением катастрофического состояния мужиков в деревне, которые только и знают что выпивать.

Н. А.: Ты голубушка даже не прит(о/а)гонивывалась!²⁷⁶
Ну-ко!²⁷⁷

[Маленько!

[А. Г.: Да я не...

Я не/ не м... это/ я вообще не пью//

Н. А.: Вот с чаёчком бы и

[выпила//

[А. Г.: Не-е/

я/ мне никак/

[я вообще...

[Н. А.: Никак!

А. Г.: Я ни шампанское/ ничего

[не пью//

[Н. А. Ой-ой-ой//

[А. Г.: Неа//

[Н. А.: Но

тебе замуж не выйти// <А. П. смеется.>

А. Г.: А почему? <Настороженно.>

Н. А.: А почему? Вина не пьешь/ а... за мужика выйдешь замуж... мужик будет пить/ ты ска... ты опять//

А. Г.: <Перебивает.> А я найду мужика/ который тоже не пьёт// <Гордо.>

Н. А.: Только что/ но нынче/ нынче не найдешь такого//

А. Г.: Е-е...²⁷⁸

[был один//

[А. П.: Е-есть//

А. Г.: Был один//

Н. А.: Был один?

²⁷⁶ Прикоснулась, притронулась. Секундами ранее прозвучала следующая фраза: «Надо ходить/ дак всегда с палочкой/ этого / траву раст(о/а)гонивывать/ разъединять/ дак смотреть/ там где...».

²⁷⁷ Условные обозначения, применяемые в данной работе для передачи устной речи на письме: / — знак обозначения синтагматической границы при интонационной и смысловой незавершенности высказывания; //, ?, ! — знаки завершения высказывания, произнесенного соответственно с утвердительной, вопросительной или восклицательной интонацией; ‘ — знак словесного ударения; ... — знак паузы hesitation, обрыва высказывания или самоперебива; «» — знак «чужого слова»; [— знак одновременного произнесения реплик говорящими. Растяжка гласных и удлинение согласных обозначается следующим образом: не-е-т. Авторские комментарии и ремарки даются в круглых скобках. При нечетком произнесении реплик в угловых скобках предлагается возможный вариант слова или словосочетания; в случае нераспознавания реплики ставится <нрзб>. Данный список с некоторыми корректировками опирается на систему обозначений, используемую в: [Китайгородская, Розанова 1999].

[А. Г.: Да//
 [Н. А.: Ну вот видишь// Не
 [упускай//
 [А. Г.: Но не
 получилось//
 [Н. А.: <нрзб>/
 [А. П.: И у меня
 два было/ которые не пили/
 [нет//
 [Н. А.: Ну вот видишь//
 А.П.: Да//
 Н. А.: Есть же/ есть же всё-таки/
 [да//
 [А. П.: Они типа
 спортсмены/ говорят «вот спортсмены не пьют»//
 Н. А.: Но не в свое время/ немножко-то потребляют/ хоть
 спортсмены//
 А. Г.: Не/ я вообще не пью/ я...
 Н. А.: Вот совсем-то/ совсем-то то уж/ шибко-то// Вот в
 праздни... хоть в свой день рождения!
 А. Г.: Вот я вот в свой день рождения не пила/ меня мама
 ругает/ «ты хоть за своё здоровье
 [выпей»! А я...
 [Н. А.: Да/
 хоть бы за своё здоровье//
 А. Г.: Мне/ вот не хочу пить//
 [Н. А.: Ну вот не хочешь//
 [А. Г.: Вот-вот-вот...
 Н. А.: *Не для хочу говорят/ а для аппетита*// <А. П. и А. Г.
 смеются. Н. А. серьёзная.> Да/ вот и... вот ничего не хочешь//
 А говорят/ ну выпей хоть там это...
 [А. Г.: Не-не//
 [Н. А.: Да/
 лучше поешь//
 А. П.: Ну да/ после него есть хочется/ чтоб заесть-то//
 <Смеется.>
 Н. А.: Да-а/ а как? Вот говорят *не для хочу/ а для
 аппетита*//
 А. Г.: М-м//
 Н. А.: Мы тоже так шибко-то не это/ я/ я вообще этого/
 не... не любитель этого дела//²⁷⁹

²⁷⁸ А. Г. хочет сказать «Есть», но изменила временную форму глагола.

²⁷⁹ Н. А. второй раз вышла замуж за вдовца, чья родственница и отрекомендовала ему Н. А. Слова Н. А.: «Она <т. е. родственница. – А. Г.> узнала дак всё дак/ говорит/ ну/ не девка хоть/ баба хороша/ смирёна/ вина не пьёт/ ну/ шибко так не/ но я не/ против этого всего// И говорит/ с матерью жила всю пору...». Пятая минута разговора.

А. П.: М-м//

Н. А.: Вот хоть вышла замуж в Нисогору/ тут эти наши/ смольяна²⁸⁰ тоже// У-у-у// Она вышла замуж/ говорит/ ей мужик-то/такой/не любит выпить-то//

А. Г.: Угу//

Н. А.: Она говорит сопьётся/ с ним вместе//

А. П.: А мужик тоже/ т. е. муж из Низ... Нисогоры/ да?

Н. А.: Да/ вот за которого вышла-то/ сейчас умер-то//

А. П.: А-а//

Н. А.: Да/ я говорю если...

А. П.: Давайте я налью//

Н. А.: Опять же пословица есть/ говорят/ *смолоду не зачато*/ если смолоду ты не это/ *дак... под вечер ни для чего*/ <А. П. усмехнулась.> это/ это начинать/ что это сопьешься/ сопьешься говорит/ она сопьётся говорит/ за такого вышла замуж *дак*//

А. Г.: А как/ смолоду не зачато?

Н. А.: *Смолоду не зачато/ дак под вечер ни для чего*//

А. П.: А/ т. е. если не смолоду пить/ то типа алкашом станешь/ ну/ пить

[будешь сильно?

[Н. А.: Да/

если уж/ если ты смолоду выпиваешь/ дак и можно знать что ты/ это/

А. П.: Меру знать/ да?

Н. А.: Да//

А. П.: Ага//

Н. А.: Ну опять же всему мера/ должна быть// *«Все надо делать в меру»/ сказал Неру/ «а пить сполны»²⁸¹... а пить... досыта»²⁸² сказал Никита*// <А. П. и А. Г. смеются.> Опеть сполна говорят/ не увидишь/ну вот/ каждый/ каждую рюмку/ каждую стопку/ *будешь пить до дна/ говорят не видать добра/ напьешься там/*

А. П.: Ага//

Н. А.: расшумишься/ в головы-то там/ шуры-муры будут/ тебе казаться и видятся/ дак это// Вот и// <Пауза.> *«Пей/ пей досыта»/ сказал Никита*//

А. П.: А-а// Досыта это как?

Н. А.: <Продолжает свою реплику, не реагирует на вопрос> *А пей/ а пей говорят помаленьку/ дак ещё подают*//

А. П.: М-м//

²⁸⁰ 'Жители д. Смоленец'. См. «Чернотропа молодежь, чернотропа молодежь —/ То были Смольяна, то были Смольяна» (ФА СПбГУ, Леш7-171).

²⁸¹ **Сполна**, нареч. Фольк. Сильно, в полную меру [СРНГ 2006: 208].

²⁸² **Досыта**, нареч. 1. До полного насыщения. Обычно в сочет. с глаг. со знач. 'есть', 'пить', 'кормить', 'поить'. 2. Вдоволь, до полного удовлетворения, вволю. 3. Чрезмерно, до предела. 4. **До состояния сильного алкогольного опьянения**. С глаг. со знач. 'выпить спиртное'. 5. В большом количестве, много. 6. Материально обеспечено, богато. 7. В течение длительного времени, долго. 8. Сильно, усиленно [Архангельский областной словарь 2004: 142–144].

Н. А.: Вот//

А. П.: А вот пей досыта/ это как/ чтоб не до пьяни что ли?

Н. А.: Да и/ да/ чтобы не до пьяни/ но чтобы и весёлый был/ <А.П. и А.Г. усмехнулись.> и в настроении был/ чтобы и... ну как//

А. П.: Чтоб на людей не кидался// <Смеется.>

Н. А.: Скандалистом не был/ чтобы

А. П.: Угу//

Н. А.: это/ чтобы в хорошем духе был/ хорошем настроении// *А пить сполна будешь/ добра не увидишь//* Напьешься/ нажрешься/ как/ как говорят до поросычьего визга// А там и не помнишь/ что и с тобой и было//

Семантика

Не для хочу, а для аппетиту

В первой паремии *Не для хочу, а для аппетиту* в оппозицию ставятся два понятия: «хочу – аппетит». В качестве дополнения в первой части пословицы выступает глагол в форме 1 л. ед. ч., который, будучи синтаксически субстантивным, выражает значение ‘собственное желание’. В таком случае, желание индивида противопоставляется аппетиту, который не характеризуется волюнтаривностью, а воспринимается как нечто обязательное. В данном же контексте таким объектом, который является обязательным к употреблению, является стопка вина, способствующая, по словам Н. А., лучшему принятию пищи (*Да и лучше поешь*). Стоит отметить, что употребление паремии характеризуется речевой преемственностью: как только А. Г. употребила фразу *Мне/ вот не хочу пить*, Н. А. применила пословицу.

Смолоду не зачато, да и под вечер ни для чего

Произнесение пословицы *Смолоду не зачато, да и под вечер ни для чего* провоцируется чередой ассоциативных высказываний Н. А.: говорив о себе и используя свою точку зрения, она начала говорить о себе от лица другого человека. Это следует из «расшифровки» реплики *Мы тоже так*

шибко-то не это..., которая потребовала анализа большого количества материала, ведь главный вопрос «Кто вышел замуж в Нисогору?» не имел конкретного, проговоренного самой Н. А. ответа. Известно, что первое замужество Н. А. было недолгим: они с мужем развелись, так как Н. А. не могла более переносить его постоянное пребывание в нетрезвом состоянии. Из рассказа Н. А. о первом браке известно, что ее мать приезжала за ней **туда**, чтобы забрать ее от мужа, и что Н. А. вернулась **сюда**, то есть в Смоленец, когда ее дочери было несколько месяцев. Из пространственных маркеров становится понятным, что Н. А. вышла замуж в другой населенный пункт. Тот факт, что этим пунктом была именно Нисогора, подтверждается ее упоминанием в речи Н. А.: было ясно, что она неопределенное время там жила. Если следовать этому предположению, то есть тому, что в этом контексте говорится о Н. А., то объясняются последующие ее реплики, где форма глаголов не дает конкретного ответа, о ком идет речь. Как кажется, Н. А., сменив речевую инстанцию, стала цитировать чужую речь. Следовательно, понимать реплики Н. А. нужно следующим образом:

...тут эти наши, смольяна тоже, «У-у-у» <негативная реакция>. «Она <т. е. Н. А.> вышла замуж, – говорит <кто-то из односельчан>, – ей <ее, Н. А.> мужик-то, такой, не любит выпить-то».

Употребление глагола «говорить» в форме единственного числа вместо множественного обусловлено, скорее всего, тем, что под завуалированным множеством скрывается конкретный односельчанин.

Понимание того, кто вышел замуж в Нисогору и кто должен спиться, важно для прагматического анализа этого контекста.

Проанализированная история «активировала» очередную пословицу, в которой складываются оппозиционные отношения «смолоду – под вечер» и «зачато – ни для чего». Первое противопоставление связано с временным вектором, где *смолоду* соответствует начальная стадия жизни, а *вечеру* – конечная. Члены второй оппозиции находятся в положении предикатов, описывающих, как нужно действовать в заданных временных точках. Под *зачато* подразумеваются начинательные действия, а под *ни для чего* – негативное отношение к вещам, которые не были начаты *смолоду* и ак-

туальными стали *под вечер*. Таким образом, не стоит начинать что-то *под вечер*, а если и начнешь, то положительного результата не стоит ожидать. В данном случае соотношение с референтной ситуацией таково, что пословицу следует толковать так: *смолоду не зачато* – ‘смолоду не приучился пить’, *дак под вечер ни для чего* – ‘потом употребление алкоголя может привести к плачевным последствиям, так как нет знания меры’.

«Все надо делать в меру», – сказал Неру.
«А пить досыта», – сказал Никита.

Другая паремия – это высказывание «*Все надо делать в меру*», – сказал Неру. «*А пить досыта*», – сказал Никита. Комментарий одного Интернет-пользователя по поводу несколько иного текста («Все надо делать в меру – сказал великий Неру²⁸³. / У нас уж все попито – сказал премьер Броз Тито²⁸⁴. / Все будет шито-крыто – сказал Хрущев Никита»: это «шутка, известная мне с брежневских времен»²⁸⁵). Осталось неизвестным, знает ли сама Н. А. лиц, упоминавшихся в паремии, и ассоциирует ли она их вообще с историческими деятелями. Однако можно сказать, что собирательницы из употребленной Н. А. паремии учли лишь содержание, выраженное в прямой речи, так как вслед за этой паремией не последовали вопросы, уточняющие, кто такие Неру и Никита. Также нет возможности охарактеризовать эту паремию как шутливую, так как Н. А. до, во время и после произнесения высказывания сохраняла серьезный тон, тогда как собирательницы засмеялись после употребления Н. А. паремии.

Если говорить о содержании прямой речи, то значение этих высказываний следует рассматривать в рамках оппозиционных и дополняющих отношений. Первый тип отношений прослеживается в противопоставлении понятий «в меру – досыта», основанном на наличии/отсутствии в семантике слов представления ‘достижение предела’. *Досыта*, а также синонимичное ему слово *сполна*²⁸⁶, будучи обстоятельствами меры и степени, характеризуют действие, доведенное до высшей точки. Предложно-падежное сочетание *в меру*, напротив, дает представление о неполном, но в то же время достаточном совершении действия. Другой тип корреляции наблюдается при сопоставлении слов «все» – «пить»,

²⁸³ Неру – Джавахарлал Неру, премьер-министр Индии с 1947 по 1964 г.

²⁸⁴ Броз Тито – Иосип Броз Тито, президент Югославии с 1953 по 1980 г.

²⁸⁵ Цит. по: Изба-читальня – литературно-художественный портал: сайт. URL: www.chitalnya.ru/work/88751/

²⁸⁶ *Сполна* – ‘сильно, в полную меру’. *Досыта* – ‘до состояния сильного алкогольного опьянения’.

первое из которых включает в круг своих обозначаемых и выпивку. Таким образом, если Неру призывает все делать в ограниченных количествах, то Никита призывает делать дело до наивысшего результата, говоря уже об употреблении алкоголя²⁸⁷.

Будешь пить до дна – не видать добра

Паремия *Будешь пить до дна – не видать добра*, в свою очередь, является реакцией на слово *сполна*. Это предложение состоит из двух частей, находящихся в условных отношениях; то есть заключенные в первой части действия совершаются автоматически при выполнении действий в первой части. Заложенный в этой паремии смысл контрастирует с известными приметам (не выпивать до дна/ не съесть целиком = оставлять в бокале/тарелке здоровье/силу) и призывами «Пей до дна, пей да дна!»

Пей помаленьку, дак еще подают

Структура последней поговорки *Пей помаленьку – дак еще подают* совпадает со структурой предыдущей паремии. Из нее следует, что хорошие отношения между хозяином и гостем складываются при соблюдении правила «Пей помаленьку». Отход от этого предписания, то есть выпивание напитка до дна, ставит под угрозу пребывание гостя в статусе желанного. Употребление этой паремии также характеризуется речевой преимственностью: форма повелительного наклонения глагола *пить* начинает также и фразу «*Пей досыта*», – сказал Никита, после которой Н. А. и произносит поговорку.

Прагматика

Как уже было сказано, во время разговора о грибах Н. А. увидела, что А. Г. не притронулась к стопке, и начала активно призывать ее выпить. Это стремление Н. А. выражено в речи употреблением эмоционально-экспрессивных частиц, призывающих к действию (*Ну-ка*), и сослагательного накло-

²⁸⁷ Противопоставление содержится и в «стихе» «В водке есть витамин – сказал Хо Ши Мин/ Ну – сказал У Ну/ Шикарно – сказал президент Сухарно/ Но пить ее надо в меру – сказал Джавахарлал Неру/ А мои ребята пьют досыто – сказал Хрущев Никита/ То-то у Вас все пропито – сказал Иосип Броз Тито / Тогда поскорей наливай – закончил Чжоу Энь Лай» // Цит. по: Слава КПСС!: сайт. URL: http://slava-kpss.ucoz.ru/index/period_khrushcheva/0-17

нения, с помощью которого Н. А. предлагает light-вариант употребления алкоголя (*Вот с чаёчком бы и выпила*). Не увидев положительной реакции со стороны А. Г., Н. А. произнесла угрожающую на первый взгляд фразу: *Но тебе замуж не выйти*, — под которой, стоит полагать, нужно понимать удачный выход замуж (иначе последующее пояснение — *Вина не пьешь/ а... за мужика выйдешь замуж...* — нивелирует тезис). Далее, при обсуждении женихов, несмотря на то что собирательницы пытались доказывать Н. А., что непьющие парни есть, информантка в итоге осталась при своем мнении (*Но не в свое время/ немножко-то потребляют/ хоть спортсмены*). На последнюю реплику отреагировала А. Г. (*Не/ я вообще не пью*), после чего объектом обсуждения снова стала она, а не возможные мужья. Последующий аргумент Н. А. (*хоть в свой день рождения*) также не сработал, и она прибегла к употреблению паремии *Не для хоч, а для аппетита*. Таким образом, все личные аргументы не изменили линию поведения А. Г., после чего Н. А. сослалась на авторитет, подкрепив его вводным словом *говорят*. Затем Н. А. от общего опыта перешла на свой личный, сопровождаемый паремией *Смолоду не зачато, дак под вечер ни для чего*, после которой разговор шел в отвлеченном регистре: все односоставные предложения являются обобщенно-личными. Дальнейшее употребление паремий имело характер матрешки, так как для объяснения одной из них Н. А. применяла другую.

Таким образом, речь Н. А. превращается в целом в паремиологическую атаку, где употребленные паремии сначала призывали А. Г. выпить, а затем учили ее, как пить. Когда Н. А. не удалось своими силами призвать А. Г. к действию, она употребляет первые две паремии с целью убеждения. Затем другие три паремии нанизываются друг на друга, тем самым Н. А. поддерживает назидательный тон в этой теме.

Стоит полагать, что негативное отношение к протестующему поведению А. Г. было вызвано собственной травмой информантки: Н. А. вышла замуж за не употребляющего алкоголь человека; ей предсказывали, что она с ним в итоге сопьется, так как он, будучи *смолоду* не пьющим человеком и не познавшим меру, станет алкоголиком и Н. А. ждет та же участь. Брак после полуторагодичной совместной жизни распался, так как ее муж спился; Н. А., по собственному и проговариваемому мнению²⁸⁸, не пошла по предсказанно-

²⁸⁸ Дважды во время беседы повторились однотипные фразы: «...баба хороша/ смирёна/ вина не пьёт/ ну/ шибко так не/ но я не/ против этого всего...» и «Мы тоже так шибко-то не это/ я/ я вообще этого/ не любитель этого дела...».

му ей пути. Поэтому, столкнувшись с похожей ситуацией, но уже в лице не своего мужа, а в лице А. Г., которая тоже не употребляет алкоголь и над которой нависает угроза, информантка так активно стала призывать ее выпить и учить, как правильно пить.

Рассказ о собственном замужестве, должно быть, является центральным в аргументации Н. А., как и изречение *Смолоду не зачато, дак под вечер ни для чего*, которое усиливает значимость и непоколебимость этого аргумента. Другие паремии, призывающие А. Г. притронуться к стопке, являются дополнительными «снарядами».

Используя концепцию Э. Гофмана, в данном случае можно говорить о сознательной коррекции чужой роли, то есть позитивной социальной ценности, образа себя. Н. А. старается заставить А. Г. выпить сейчас и тем самым предостеречь от роли пьяницы в будущем. Она настоятельно рекомендует отказаться от ангельского лица пай-девочки.

Рассмотренный паремиологический блок показывает, что употребление паремий нацелено на достижение определенного перлокутивного эффекта: пословичная атака была направлена на изменение телесных привычек собеседницы, что мотивировалось добрыми побуждениями информантки. Хотя Н. А., как было замечено, и ведет себя агрессивно и властно с малознакомыми людьми, ее жизненная позиция, как она сама проговорила, строится на постулате «Возжелай своему ближнему добра».

Литература

Адоньева 2003 – Адоньева С. Б. Своя чужая речь: фольклор в свете прагматики // Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. In *memoriam*. СПб., 2003. С. 239–251.

Адоньева 2004 – Адоньева С. Б. Прагматика фольклора. СПб., 2004.

Адоньева, Веселова 2010 – Адоньева С. Б., Веселова И. С. Фольклористика в Санкт-Петербургском-Ленинградском университете // Актуальные проблемы изучения и преподавания русской литературы: взгляд из России – взгляд из зарубежья: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 190-летию кафедры истории русской литературы филологического факультета СПбГУ. Санкт-Петербург, 8–21 октября 2010 года. СПб., 2010. С. 53–64.

Арутюнова – *Арутюнова Н. Д.* Прагматика [Электронный ресурс] // Таре Mark. Коллекция текстов: сайт. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/389e.html>

Архангельский областной словарь 2004 – Архангельский областной словарь. М., 2004. Вып. 12.

Балакай 1996 – *Балакай А. Г.* Пословицы и поговорки как форма утешения собеседника в русском речевом этикете // Материалы Всероссийской научной конференции. Вып. 1: Речевые цели и средства реализации. Ростов н/Д, 1996. С. 43, 44.

Барли 1984 – *Барли Н.* Структурный подход к пословице и максиме // Паремнологические исследования: сборник статей. М., 1984. С. 127–148.

Бахтин 1986 – *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 250–297.

Бондаренко 2011 – *Бондаренко В. Т.* Устойчивые фразы в русской речи. Тула, 2011.

Ван Дейк 2000 – *Ван Дейк Т. А.* Контекст и познание: Фреймы знаний и понимание речевых актов // Дейк Т. А., ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск, 2000. С. 12–40.

Витгенштейн 1994 – *Витгенштейн Л.* Философские работы. М., 1994. Т. 2.

Гофман 2009 – *Гофман Э.* О работе лица. Анализ ритуальных элементов социального взаимодействия // Гофман Э. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу. М., 2009. С. 18–63.

Грайс 1985 – *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 217–237.

Жигарина 2006 – *Жигарина Е. Е.* Современное бытование пословиц: вариативность и полифункциональность текстов. М., 2006.

Жолковский 1978 – *Жолковский А. К.* К описанию выразительной структуры паремий (разбор одной сомалийской пословицы) // Паремнологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). М., 1978. С. 136–162.

Жуков 2000 – *Жуков В. П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М., 2000.

Иссерс 2012 – *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2012.

Китайгородская, Розанова 1999 – *Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.

Копнина 2008 – *Копнина Г. А.* Речевое манипулирование: учебное пособие. М., 2008.

Крикманн 1978 – *Крикманн А. А.* Некоторые аспекты семантической неопределенности пословицы // Паремнологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). М., 1978. С. 82–104.

Крикманн 1984 – *Крикманн А. А.* Опыт объяснения некоторых семантических механизмов пословиц // Паремнологические исследования: сборник статей. М., 1984. С. 149–178.

Пермяков 1988 – *Пермяков Г. Л.* Основы структурной паремнологии. М., 1988.

Сидоркова 1999 – *Сидоркова Г. Д.* Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия. Краснодар, 1999.

СРНГ 2006 – Словарь русских народных говоров. СПб., 2006. Вып. 40.

Черкасский 1978 – *Черкасский М. А.* Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы (пословицы и афоризмы) // Паремнологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). М., 1978. С. 35–52.

Женские сценарии в рекламном тексте

Мария Сергеевна Егорова

Рекламный текст воздействует на зрителя не только в рамках своего прямого назначения: повышения спроса на товар, он постулирует – явно или неявно – определенные отношения, ценности и модели поведения того общества, где он произведен и кому адресован. «Идеи о товарах и услугах составляют „первичный дискурс“ рекламы, а идеи об обществе – ее „вторичный дискурс“. В первичном дискурсе говорится, например, о том, насколько чисто стирает тот или иной порошок, как прекрасно работает новая кухонная техника и какой незабываемый запах у этих духов. А во вторичном дискурсе содержатся идеи о том, кто стирает порошком, кто готовит пищу и кому следует быть сексуально привлекательным, чтобы преуспеть в жизни» [Нелина 2006: 132]. Другими словами, рекламным текстом задаются и в нем же отражаются стили жизни и поведения, принятые в современном обществе.

Объектом настоящего исследования являются женские образы в русской и зарубежной телевизионной рекламе. Значительное внимание уделяется тому, какую роль в современной телерекламе играет внешность женщины, рекламирующей товар. В работе проводится сравнительный анализ русской и европейской рекламы, транслируемой телевидением в период с 2004 по 2011 год. Материалом для исследования послужили 30 рекламных англоязычных роликов, никогда не транслируемых на русскоязычном телевидении и 30 русскоязычных роликов, снятых в России. Я старалась отобрать ролики, ориентированные на женскую аудиторию, поэтому для сопоставления выбрала рекламу косметических средств. Образцом англоязычной рекламы послужили ролики продукции „Dove“ и „Nivea“, а образцом русской – «Чистая линия» и «Черный жемчуг».

Задачи данной работы – выявить различия в репрезентациях женских образов в рекламных кампаниях, ориентированных на русскую и на европейскую аудиторию, ответить на вопрос, с чем связаны данные различия.

Под «половозрастным статусом» я понимаю то, что Пьер Бурдые назвал «габитусом» или «стилем жизни» [Бурдые 2001: 106], то есть определенные стратегии поведения, закрепленные за возрастом и полом. К одному половозрастному статусу относятся люди, реализующие одну модель поведения. Каждый человек принадлежит к одному из половозрастных статусов; переход из одного статуса в другой может быть обусловлен какой-то социальной трансформацией – отделением от родительской семьи, замужеством или, например, появлением детей.

Под «социальной ролью» я буду понимать совокупность норм, определяющих поведение действующих в социальной системе лиц в зависимости от их статуса или позиции, а также – само поведение, реализующее эти нормы [Олсон, Адоньева 2012]. Лицо, относящееся только к одному из половозрастных статусов, может иметь неограниченное количество социальных ролей. Например, в традиционной культуре девушка, имеющая статус *девки*, может выступать в различных социальных ролях, в зависимости от ситуации. К таким социальным ролям может относиться роль *божатки*, крестницы, внучки, дочери, сестры и т. д. Говоря о современной культуре, стоит разделять социальный статус и половозрастной статус. То есть одно и то же лицо может иметь половозрастной статус незамужней девушки, а по социальному статусу быть студенткой. Молодая незамужняя девушка/студентка может выступать в различных социальных ролях: например, в роли дочери, покупательницы, подруги, именинницы, пассажира и т. д.

Цель исследования – выявить, какие социальные роли предлагает русскоязычная телевизионная реклама женщинам в зависимости от их статуса и внешних данных.

На отечественном телеэкране мы привыкли видеть, что женские товары чаще всего рекламируют актрисы приятной наружности, стройные девушки в основном европеоидной расы. Какую же роль в рекламе играет внешность женщины, рекламирующей товар, и чем образ русских рекламных моделей отличается от образа актрис, снимающихся в рекламе

в Европе? Разобраться в этом вопросе во многом мне помогла реклама англо-нидерландской компании „Dove“, продающей свои продукты по всему миру. Их рекламная кампания „Real Beauty“ значительно отличается от рекламы косметики, к которой привык русскоязычный телезритель. Для данного исследования важно, что часть рекламных роликов выбранных мной косметических марок „Dove“ и „Nivea“ по каким-то причинам переводилась на русский язык, а часть демонстрировалась только англоязычной аудитории. Серия рекламных роликов в рамках рекламной кампании „Dove Real Beauty“ вышла на экраны телевизоров в Англии, Америке и многих европейских странах, но так и не появилась на отечественных телеканалах. „Dove Real Beauty“ – не единственная рекламная кампания данной торговой марки, ролики которой не были переведены на русский язык. Некоторые ролики, рекламирующие продукты, импортируемые в Россию, переводятся на русский язык, а некоторые почему-то так и не появляются на русском телевидении, в то время как пользуются популярностью за рубежом. Рекламные кампании чаще всего нацелены на конкретную аудиторию, определяющуюся возрастом, менталитетом, социальным положением и т. д. Таким образом, несмотря на то, что большинство роликов, транслируемых на русскоязычном телевидении, являются переводными, набор рекламы, доходящий до русского телезрителя, отличается от рекламы, знакомой европейцам и американцам.

Основное послание роликов рекламной кампании „Dove Real Beauty“, их пафос, заключается в том, что абсолютно все женщины красивы от природы, полнота красива по-своему, худоба – по-своему. Ролики рекламной кампании „Dove Real Beauty“ призывают женщин любить себя такими, какие они есть, чувствовать себя красивыми, уверенными в себе, а не искать недостатки в собственной внешности. Помимо видеороликов, эта рекламная кампания была представлена рекламными щитами, размещенными на улицах городов Европы (см. ил. 1.) Изображения на щитах выглядели следующим образом: рядом с фотографией полной девушки приведены два тезиса – на выбор зрителя: «очень крупная» или «очень сексуальная». Возле фотографии девушки с веснушками варианты: «дефективная» или «безупречная». Прохожие могли отправить сообщение с одним из вариантов ответа и поуча-

ствовать в опросе. Рекламная кампания была крайне популярна в Европе и даже получила приз на кинофестивале в Каннах²⁸⁹. В социальных сетях было оставлено множество восторженных комментариев под видеороликами этой кампании, что подтверждает признание выражаемых ею идей европейской публикой. Вот пример того, что пишут европейские зрители о видеоролике „Evolution of beauty“:

*Last week I was at band camp. It was 7 in the morning, my eyes were sagging cause of lack of sleep, my acne was crazy cause of the weird food they gave us, my hair was a mess, I had NO makeup on, I was sunburned and covered in three coats of sunscreen and sweat. A girl came right up behind me, pulled on my curls, then gave me a hug and said „You're so pretty!“ If that's not proof that women are naturally beautiful, then all hope is lost! (like 75)*²⁹⁰

(На прошлой неделе я была в лагере. Было 7 утра, у меня были мешки под глазами от недостатка сна, сумасшедшие прыщи от странной еды, которую нам давали, волосы были в беспорядке, на мне вообще не было никакого макияжа, я загорела и была покрыта тремя слоями солнцезащитного крема и пота. Ко мне подошла девушка, дотронулась до моих кудрей и сказала: «Ты такая красивая!» Если это не доказательство того, что женщины красивы от природы, то все надежды потеряны!» (Понравилось 75 людям))²⁹¹.

В ролике „Evolution of beauty“ показано, как обычная девушка садится в кресло визажиста, ей делают прическу, наносят многослойный макияж, прорисовывают брови, губы, подводят глаза (см. ил. 2). Зритель сначала смотрит на это как на некоторые действия, преобразующие лицо модели, но вскоре возникает эффект обманутого ожидания. Вместо того, чтобы показать, как косметика преобразует, авторы видео делают обратное. Фотография модели добавляется в Photoshop, и далее показано, как по щелчку мыши изменяются черты ее лица: ей поднимают брови, увеличивают глаза, удлиняют шею, что вызывает комический эффект. После всех этих действий изображение появляется на рекламном плакате. Слоган в конце видео гласит: „No wonder our perception of beauty is distorted“. (Неудивительно, что наше представление о красоте искажено.)

Рекламная кампания вызвала большой общественный резонанс. Большинство комментариев свидетельствуют о том,

²⁸⁹ ADME: сайт. URL: <http://www.adme.ru/dove/dove-istoriya-reklamnoj-kampanii-vsya-pravda-o-krasote-53821>

²⁹⁰ Youtube6 сайт. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=gUsKI1ApTe>

²⁹¹ Здесь и далее перевод с английского мой. — М. Е.

что идея естественной красоты оказалась близка как мужчинам, так и женщинам. Вот что, например, пишет посетитель сайта „Youtube“ о ролике „Evolution of beauty“:

*She looked beautiful even before the hair and makeup. The photoshopping went to far because it turned her into a Barbie Doll; none of the features which make us all human*²⁹².

(Она выглядела красивой даже до укладки и макияжа. После обработки в фотешопе случился перебор, потому что она превратилась в куклу Барби. Не осталось ничего от тех черт, которые делают нас всех людьми.)

Особенно мое внимание привлекла фотография женщин разных возрастов в нижнем белье. Их фигуры были разными, но ни одна не вписывалась в модельный золотой стандарт 90 x 60 x 90. На русском телевидении этот рекламный ход использован не был. Он выглядит крайне необычно на фоне привычной для отечественного зрителя рекламы. Более того, плакат „Dove real beauty“ с женщинами в одинаковом нижнем белье, но с очень разными типами фигуры резко контрастирует с популярной у нас рекламой белья „Victorias Secret“, где точно так же в ряд стоят женщины в одинаковом белье, но все одинаково худые и высокие (см. ил. 3). В России мы почти не найдем рекламы, в которой пропагандируется естественная красота. Напротив, женщины в рекламе на российском телевидении втирают крем в тщательно накрашенное лицо, всячески стараются скрыть все «недостатки», тушью как можно больше удлиняют ресницы, помадой увеличивают губы и т. д. Все стремления женщины направлены на то, чтобы выглядеть не так, как она выглядит естественно, а идеально. Идеалом и является девушка, рекламирующая товар. Рекламная модель предлагает нам приобрести не просто тушь, а идеальный взгляд, не просто шампунь, а идеальные волосы. Реклама построена таким образом, чтобы заставить покупательницу бесконечно пытаться достичь идеала посредством приобретаемого товара.

Итак, сравнивая рекламу „Dove real beauty“ и рекламу, наиболее типичную для русского телевидения, мы приходим к следующему выводу. Европейская реклама „Dove“ предлагает посредством рекламируемого продукта приобрести уверенность в себе и своей внешности. Русская реклама косметики предлагает посредством продукта приобрести внешность супермодели. Таким образом, используя терминологию

²⁹² Youtube6 сайт. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=gUsKIAPTe>

Жана Бодрийяра, рекламу можно назвать «симулякром». Симулякр в понимании Бодрийяра – это копия без оригинала, репрезентация чего-то, что на самом деле не существует. [Бодрийяр 2011].

Современная реклама почти уже не несет информации о свойствах предлагаемого товара, а создает образ вещи, конструирует особую атмосферу, в которую погружена вещь. Для того чтобы товар не потерялся в огромном потоке предлагаемой продукции, его необходимо ассоциативно связать с определенным стилем жизни, придуманным рекламщиками или уже существующим в обществе. Часто для того, чтобы найти свое место на рынке, компании выпускают товары, ориентированные на конкретную субкультуру. Примером могут служить марки одежды для скейтеров, реперов, байкеров и т. д.

«Еще одна причина, по которой реклама есть симуляция – это иллюзия чувства общности, которое она в себе несет. Когда индивид приобретает разрекламированный товар, он покупает не саму вещь, а скорее образ жизни, с которым она в рекламе связывается. Совершая акт покупки, потребитель „виртуально“ приобщается к той или иной социальной категории, причем здесь не имеет значения, насколько в действительности он далек от нее» [Емелин 1999: 63].

Таким образом, европейские телезрительницы выбирают не просто между разными марками рекламируемой косметики. Их выбор обусловлен вовсе не качеством предлагаемого товара. Западные женщины делают выбор в пользу того или иного стиля жизни, симулированным знаком которого и является марка косметики. Рекламные ролики „Dove“ предлагают женщинам систему ценностей, связанную с естественностью. Рекламные ролики, например, марки „Maybelline“ предлагают своим покупательницам систему ценностей, связанную с идеальностью: «идеальный взгляд», «идеальный контур губ», «идеальное разделение ресниц», «идеальный тон» и т. д. Таким образом, с выбором определенной марки косметики происходит и самоидентификация: выбирая товар, покупатель принимает определенную систему ценностей. «Бренды способствуют самоопределению человека в социуме. Бренды – это реперные точки, точки, в которых происходят изменения в самоидентификации человека. „Wella,

потому я этого достойна“, „Все в восторге от тебя, а ты — от Maybellin“. Бренды создают простую и предельно понятную картину мира. Бренды уже стали паролями и кодами, которые сразу говорят о человеке очень многое: раскрывают социальный статус, достаток, предпочтения и жизненные приоритеты. Хочешь быть здоровым — пей молоко, следишь за фигурой — пей обезжиренное молоко, хочешь почувствовать свою исключительность и заплатить за молоко в два раза больше — пей молоко с пометкой „organic“ на упаковке» [Вишневская 2008: 198].

Можно предположить, что представление о том, кто выглядит идеально, было порождено самими роликами, рекламирующими декоративную косметику. На русскоязычном телевидении отсутствует реклама, предлагающая альтернативу идеи «идеальности», следовательно, всем русским телезрительницам, в отличие от западных, присуща одна и та же система ценностей, связанных с красотой.

Некоторые исследования в области рекламы показывают, что многие западные рекламные ролики, где актрисы не накрашены и выглядят чересчур естественно, не нравятся русскоязычной публике, не приученной к идее естественной красоты. Исследователь рекламы Михаил Рюмин установил, с какими рекламными образами отождествляют себя современные женщины и перед кем в таком образе им бы хотелось предстать. «Оказалось, что все множество социальных ролей, предлагаемых массовой коммуникацией, женщины делят на две группы. Критерием деления являются „зрители“, которым эти роли предназначены. Одни роли — для так называемого „оценивающего окружения“, другие — для „стабильного окружения“. Оба этих окружения образуются различными социальными персонажами, которые окружают женщину в жизни»²⁹³.

Исследование показало, что русским женщинам категорически не нравятся те образы, в которых героиня представлена в процессе приведения себя в порядок, моющей голову, с мокрым лицом и мокрыми, не уложенными волосами (см. ил. 4). Такие образы встретились, например, на рекламных плакатах марки „Nivea“, где изображена девушка с мокрыми после душа волосами и не накрашенным лицом. Участницам опроса нужно было ответить на следующие вопросы: «Если бы на этой фотографии были Вы, оставили бы Вы ее себе?

²⁹³ Позитивный маркетинг: сайт. URL: <http://www.pmarketing.ru/publications/general-questions/customers-trends/woman-in-ad>

Показали бы Вы ее своим родителям, друзьям, женщине, с которой Вы конкурируете и т. д.?» Те изображения, где образ женщины «не доведен до совершенства», участницы эксперимента не хотели бы ни показать ни одной из выделенных групп, ни оставить себе на память. Наши соотечественницы не хотят себя видеть в «несобранном» виде, когда их образ еще не завершен, не доведен до ума, до «идеала», и тем более они не хотят, чтобы в таком виде их видели другие.

Рекламные кампании, пропагандирующие естественную красоту, появившиеся в Европе в 2000-е годы, показали западным женщинам не только, что они могут принять себя такими, какие они есть, но и что они будут такими приняты. Рекламные плакаты с опросами, размещенные на улицах города, предлагали прохожим оценить внешность моделей. Данный ход был направлен на то, чтобы женщины могли понять, что и они могут быть оценены окружающими не как полные, а как сексуальные. Такой ход резко повысил популярность идеи естественной красоты. Однако нельзя сказать, что данная идея была воспринята западным обществом сразу же однозначно. Например, одна из моделей, размещенных на плакатах, была оценена прохожими как „fat“ (толстая), в то время как разработчиками предполагался выбор „fit“ (подтянутая). Тем не менее идея естественной красоты за прошедшие 14 лет рекламных кампаний стала привычной для европейцев, в то время как единственная предлагаемая и усвоенная русскими телезрительницами модель поведения – стремиться к некой идеальной внешности, «ведь ты этого достойна». Таким образом, русские женщины просто не научены массовой коммуникацией сценарию «быть собой».

Существуют ли еще какие-то причины нераспространенности данного сценария среди русских женщин?

Приведу цитату из работы М. Н. Новикова, посвященной женским образам, выделенным на русскоязычном рекламном материале:

«а) Фотомодель/кинозвезда – являются как правило элементом антуража. Функция – своим присутствием сообщать зрительницам: „Мойтесь таким-то шампунем, носите такие-то колготки и станете такими же привлекательными, как я“. Иногда играют роль „мудрой подруги“ для зрительниц. Кроме того, являются элементом престижа для рекламируемой

фирмы: если в кадре известная женщина с большим гонораром, а не девочка с улицы, значит, фирма солидная.

б) „Секс-активная“ – чуть ли не насилуют мужчин, напшиканных правильным дезодорантом и обладающих свежим дыханием.

в) „Простодушная“ – женщины в возрасте около 30 лет. Как правило, толстые (именно толстые) и/или неопрятные. Внимают советам подруги или вздохам модели в телевизоре и становятся фанатками рекламируемого товара.

г) Хорошая хозяйка/заботливая мать – на ней держится дом. Муж где-то шляется, дети – неуклюжие, вечно грязные, но она их кормит, обстирывает, поддерживает чистоту в доме и свежесть в унитазе. И при этом хорошо выглядит – нередко ходит по дому в деловом костюме.

д) „Мудрая подруга“ – женщина любого возраста, не отличающаяся особой тактичностью. Знает все о рекламируемом товаре, иногда имеет с собой запас и щедро делится с окружающими, даже когда ее не просят.

е) „Работающая женщина“ – делятся на работниц сферы обслуживания и работниц в офисе. Работницам сферы обслуживания в жизни нужны только обезболивающее и стиральный порошок. В офисе женщине нужны обезболивающее и дезодорант. Все женщины относятся к европеоидной расе. Тело имеют стройное, лицом красивы, миловидны или благообразны. Толстыми и малосимпатичными разрешается быть лишь категории в) или пожилым „мудрым подругам“» [Новиков 2005: 224].

Из приведенного автором описания мы видим, что для всех социальных ролей, которые могла бы по своему желанию избрать современная женщина, необходимо если не быть фотомodelью, то по крайней мере обладать привлекательной внешностью. Такие социальные роли, как «фотомodelь» (эту же социальную роль другие исследователи называют «молодая, привлекательная, беззаботная девушка»), мать, хорошая хозяйка, работающая женщина («бизнес леди» в терминологии других авторов), «секс-активная» и даже «мудрая подруга», требуют от женщины если не идеальной, то почти безупречной внешности. Полная или недостаточно ухоженная женщина в современной рекламной действительности играет непривлекательную роль «простодушной». Подобное распределение ролей, преподносимое

массовой коммуникацией, стало для русскоязычного зрителя привычным. Вследствие этого жизненный успех в нашем сознании связывается с располагающей внешностью, что и заставляет женщин худеть, втирать любой крем и внимать советам рекламы. Стоит отметить, что в европейской рекламе социальная роль женщины в меньшей степени связывается с ее внешними данными. Возможно, в том числе и с этим обстоятельством связана меньшая озабоченность западных женщин соответствием нормам модельной внешности.

Та же рекламная кампания „Dove“ „Real beauty pro age“ натолкнула меня на размышления о возрасте женщин, снимающихся в рекламе. На русскоязычном телевидении крем для зрелой кожи (после 45) обычно рекламируют женщины на вид 28–30 лет или популярные певицы и актрисы, известные своими пластическими операциями. Реклама всячески постулирует, что нельзя стареть, необходимо выглядеть на 25 в любом возрасте. Увидев рекламу „Dove“ не „anti age“, а „pro age“, я с удивлением обнаружила, что подобное отношение к возрасту в рекламе вовсе не является единственно возможным.

Англоязычная реклама убеждает своих зрительниц: «Красота не имеет возрастных границ», быть красивой можно в любом возрасте, не стремясь выглядеть на 25. В рекламном ролике „pro age“ под музыку показано несколько немолодых женщин разных рас и национальностей. Все актрисы обнажены и имеют разное телосложение. Многие из них стройные и статные, все они сидят в грациозных позах, с приподнятой головой и прямой осанкой. Бегущая строка нам сообщает: «Too old to be in anti-aging ad» (Слишком стара для антивозрастной рекламы). Затем появляется слоган: «But it isn't anti-age, this is pro age» (Но это не против возраста, это «за» возраст.)

Реклама убеждает зрителя в том, что пожилое тело красиво по-своему. Красота возможна не только в юности, и женщина может быть красивой, не молодясь и не скрывая своих лет.

Почему же на российском телевидении не появилось ни одного рекламного ролика, построенного на том, что женщина может быть красивой в любом возрасте? Предположим, что антивозрастные серии марок «Чистая линия», «Черный жемчуг», «Сто рецептов красоты» являются симулякрот мо-

лодости. В то время как косметика „Dove“ серии „pro age“ является симулякрom «естественной грациозности». Есть ли какие-то причины, по которым реклама, предлагающая естественную грациозность, пользовалась бы меньшей популярностью у отечественных телезрительниц, чем привычная реклама, предлагающая молодость?

Рассматривая набор женских социальных ролей, представленных в современной телевизионной рекламе, мы обнаруживаем, что для них всех необходимо быть молодой. Если женщина уже не очень молода, но все еще хорошо выглядит, для нее остается одна, хотя и не самая привлекательная роль, – роль мудрой подруги.

В отечественной рекламе мы почти не встретим женщин после 45 лет, и тем более пожилых женщин ни в каких ролях, кроме роли бабушки. В европейской и американской рекламе ситуация с возрастом совершенно иная. Пожилые люди фигурируют во многих рекламных роликах в тех же социальных ролях, что и молодые. Например, в рекламе американского банка немолодая семейная пара рассказывает о том, как они основали свой бизнес. В немецкой рекламе „Volkswagen“ старушка продает автомобиль. В одном из сюжетов рекламы „McDonalds“ пожилой мужчина, подбадриваемый своим другом, пытается познакомиться с немолодой женщиной в «Макдоналдсе». А на рекламных плакатах известного американского бренда одежды „American Apparel“ изображена седовласая женщина в стильной «молодежной» одежде (см. ил. 5). Интересно, что русскоязычные сайты отреагировали на рекламную кампанию „American Apparel“ статьей под названием «Бабушка-хипстер». В статье данный рекламный ход оценивается как провокационный²⁹⁴. Это ярко иллюстрирует, что пожилая женщина в социальной роли модели, еще и одетая таким же образом, как одевается молодежь, совершенно неприемлема для русского менталитета.

В нашей современной действительности набор социальных ролей для пожилых женщин ограничивается ролью бабушки, и женщина может позволить себе стареть только в том случае, если она готова переехать в «домик в деревне».

Телевизионная реклама отражает устройство современного общества. Одна из причин, по которой многие западные рекламные ролики не могли бы органично существовать на

²⁹⁴ Суета: сайт. URL: <http://sueta.ru/6168.html>

русском телевидении – наличие в них иной иерархии половозрастных статусов с иными критериями выделения этих статусов. Например, в нормальную модель поведения пожилой женщины в русскоязычной рекламе не входит романтическое знакомство с пожилым мужчиной в «Макдональдсе», в то время как это возможно в европейской и американской рекламе. «Люди, принадлежащие к разным половозрастным группам и занимающие различные социальные позиции, живут в разных мирах» [Олсон, Адоньева 2012]. Внутри каждой группы приняты определенные действия и стратегии поведения, формирующие и поддерживающие реальность членов данной группы. Романтические знакомства, влюбленность и флирт – это стратегии поведения молодой девушки (молодая, беззаботная или звезда/фотомодель по приведенной классификации), но никак не бабушки. Интересно, что группа пожилых людей маркирована даже в плане одежды. В России пожилым не свойственно одеваться так же, как молодым. Подтверждением этому может служить как отклик на рекламную кампанию „American Apparel“, так и наш собственный опыт, когда мы, например, видим пожилых женщин в Финляндии, одетых в джинсы, кроссовки и шапку с помпоном. Мы не можем не ощутить некое культурное различие. Далеко не каждый русский человек смог бы представить себе свою бабушку или маму, одетых подобным образом.

Мы видим, что все рекламные женские образы можно разложить по трем возрастным статусам. Эти статусы можно условно обозначить как «молодая беззаботная», «взрослая женщина» и «пожилая». Все социальные роли русскоязычной рекламы делятся между актрисами, принадлежащим к первым двум статусам. Пожилые женщины в современной русскоязычной рекламе изображаются только в социальной роли бабушки. Стоит отметить, что и на Западе мы встретим пожилых людей в рекламе медикаментов значительно чаще, чем в рекламе модной одежды. Тем не менее в англоязычной рекламе пожилым людям доступны все те же социальные роли, что и молодым.

Возвращаясь к вопросу о том, пользовалась ли бы на русском телевидении «естественная грациозность», предлагаемая рекламной кампанией „Dove“, такой же популяр-

ностью, как привычное предложение «молодости» марок «Черный жемчуг» и «Сто рецептов красоты», мы обнаруживаем следующее. Российские рекламные кампании антивозрастной косметики создают симулякр не просто молодости, а включенности во все сферы деятельности, «полноты жизни». Тем, кто признает себя «пожилым», недоступны стратегии поведения «молодых». Реклама антивозрастного крема зачастую изображает не только чудодейственные свойства рекламируемого товара, но и те возможности, которые имеет актриса, пользующаяся кремом. Эти возможности, закрепленные за молодостью, и желает приобрести покупательница. Рассмотрим в качестве примера рекламу косметики «Черный Жемчуг» серии „Idilica“. В ролике показана молодая женщина в легком сарафане, лежащая на песке, на берегу моря. Следующие кадры — это рассказ о том, как крем влияет на кожу, появляется рисунок с изображением структуры пор. Крем «впитал в себя всю силу моря», содержит морские минералы. Далее мы снова видим пляж, на фоне которого актриса провозглашает: «Мой секрет молодости — в креме Idilica». Здесь мы видим связь между рекламируемым товаром — кремом с морскими минералами — и образом моря и пляжа, по которому гуляет актриса. Образ молодой стройной женщины на пляже символизирует возможности, связанные с молодостью. Отдыхать на пляже — стратегия поведения молодых. У той же марки «Черный жемчуг» есть еще один очень похожий рекламный ролик, в котором, однако, рекламируемый крем абсолютно никак не связывается с морской тематикой. Молодая женщина в платье и бусах идет уже по другому морскому побережью. Голос за кадром сообщает: «Почему я выгляжу моложе своих лет? Есть три простых правила: свежий воздух, движение и натуральный биокрем „Черный жемчуг“». Женщина кружится и улыбается. Женский голос за кадром произносит: «Идеальная цена и идеальный результат, который заметен не только мне». В финальном кадре появляется столик на берегу моря, за него садится мужчина и заворочено смотрит на актрису, нюхающую букет цветов. Таким образом, крем фирмы «Черный жемчуг» можно назвать симулякром молодости и полноты жизни. Приобретая крем, женщина желает заполучить всю эту идиллическую картину, сделавшись ее героиней, и получать цветы

от восторженных мужчин за романтическим ужином на берегу моря.

Отражая разное устройство общества, средства массовой информации изображают российскую и западную действительность неодинаково. В русской рекламе за возрастом и внешностью актрис четко закреплены определенные социальные роли. Такая жесткая система зависимости успешности от соответствия внешности идеалу закладывает некоторые предпочтения аудитории. Нетрудно заключить, что для русскоязычной аудитории симулякр идеальности будет более привлекателен, чем симулякр естественности, поскольку идеальная внешность связывается в сознании русских покупателей с приобретением более выгодных ролей в жизни. Симулякр молодости, в силу представления о должных стратегиях поведения пожилых и молодых, в России связывается еще и с получением всей полноты желаемых стратегий и статуса. Возможно, эти культуральные различия являются причиной того, что не все западные ролики могут должным образом воздействовать на русского телезрителя.

Литература

Бодрийяр 2013 – *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2011.

Бурдые 2001 – *Бурдые П.* Практический смысл. СПб.; М., 2001.

Вишневская 2008 – *Вишневская О.* Рынок симулякров // Лаборатория рекламы, маркетинга и PR. М., 2008. № 6 (61). С. 183–204.

Емелин 1999 – *Емелин В. А.* Реклама как симулякр // Постмодернизм и информационные технологии. М., 1999. С. 59–78.

Нелина 2006 – *Нелина М. С., Василенко И. В.* Репрезентация образов мужчины и женщины в современной телевизионной рекламе // Человек, культура, общество. Волгоград, 2006. Вып. 4. С. 132–139.

Новиков 2005 – *Новиков М. Н.* Использование мужских и женских образов как способ указания на целевую аудиторию в рекламе // Журналистика в 2004 году. СМИ в многополярном мире. Сборник материалов научно-практической конференции. Ч. 2. М., 2005. С. 223–225.

Олсон, Адоньева 2012 – *Олсон Л., Адоньева С. Б.* Советские крестьянки. Половозрастная идентичность: структура и история [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение: сайт. URL <http://www.nlobooks.ru/node/2614>

Рюмин – *Рюмин М.* Женские образы в рекламе [Электронный ресурс] // Позитивный маркетинг: сайт. URL: <http://www.pmarketing.ru/publications/general-questions/customers-trends/woman-in-ad>

«Незнакомую старушку надо матушкой назвать»: к вопросу об отношениях свекрови и молодки

Надежда Александровна Курзина

С момента вступления молодой женщины в семью мужа между ней и свекровью устанавливаются отношения, которые диктуют их дальнейшее взаимодействие. «Словарь русских народных говоров» предлагает следующие определения слова «молодка»: «Молодка – 1. Молодая женщина, девушка. || Женщина, недавно вышедшая замуж, молодайка. 2. Невеста. 3. Жена сына, невестка: сноха» [СРНГ 1990: 225]. Из бесед с информантами становится ясно, что в деревенском социуме *молодка* – определенный статус в иерархии семьи:

*Видите, как говорят, если вот молодые живут со свекровью, пока свекровь живая, она все молодка в доме, все молодка. А когда свекровь умрет, она уж больше и хозяйка.*²⁹⁵

В ходе фольклорно-этнографических экспедиций в Архангельскую область были записаны сведения об обрядовом поведении, направленном на оформление отношений между свекровью и молодой. Ритуал принятия молодой жены в ее новую семью представлял собой следующее действие: уже после регистрации в местном загсе (сельсовете) молодка падает в ноги свекрови и просит у нее разрешения обращаться к ней «матушка» или «мамаша». Подобный обычай был описан в статье Н. П. Колпаковой «Свадебный обряд на реке Пинеге» [Колпакова 1928], основанной на материалах пинежско-мезенской экспедиции 1927–1928 годов. Следовательно, можно констатировать, что на территории Архангельского края свадебный обычай наречения свекрови «матушкой» сохраняется на протяжении последних 80–100 лет.

²⁹⁵ ФА СПбГУ, Меэ 9-61, Архангельская обл., Мезенский р-н, Целегорский с/с, д. Азаполье, Максимова И. А., 1943 г. р., местная; зап. Семенова А. С., Уорнер Э., Гречкина Е. С. 9.07.2008.

Родство со свекровью – это родство не кровное, а приобретенное за счет брака (свойство). В книге О. В. Трубачева «История славянских терминов родства» высказано предположение о том, что наречение свекрови «матушкой», а свекра «батюшкой» – это попытка приравнять свойственное родство к кровному родству [Трубачев 1959]. С помощью такого наречения молодка входит в новую семью, причисляется к роду мужа.

Речевой навык обращения к свекрови «матушка» необходим девушке сначала на свадьбе, во время ритуала, а потом и в повседневной коммуникации. По сути, назвав свекровь «матушкой» на свадьбе, молодка соглашается на ежедневное и устойчивое обращение к своей свекрови, подтверждающее ее подчиненное положение: «Обращение маркирует характер статусных отношений участников коммуникации. Оно определяет... тип того коммуникативного коридора, который избран при общении между данными людьми в данной ситуации» [Адоньева 2004: 264]. Таким образом, в любой ситуации взаимодействия характер их общения будет задан благодаря установившимся на свадьбе условиям взаимодействия.

В 2012 году в деревне Родома Лешуконского района Архангельской области во время одного из интервью информантка 1945 г. р. рассказала нам, как ей было сложно в первый раз назвать свою свекровь матушкой:

*Но все равно, пусть мамаша да папаша, дак ведь это тоже было хорошо. Ну вот, он сказал так, и я долго сначала не могла, а потом себя переломила, шо все равно ведь надо жить... Надо как-то. И вот, назвала батюшка да матушка, а потом пошло все*²⁹⁶.

Из бесед с родомскими женщинами (1930–1965 гг. р.) мы выяснили, что все они называли своих свекровей «матушками» или «мамашами». Поясняя эту традицию, одна из них спела нам частушку про свекровь:

*Жито бело, жать поспело,
Надо горсточка нажать.
Незнакомую старушку
Надо матушкой назвать*²⁹⁷.

Эта частушка была зафиксирована и в Вологодской области, в песенниках жителей деревни Кеба²⁹⁸ и села Ле-

²⁹⁶ ФА СПБГУ, DTxt12-018_Arch-Lesh_12-07-05_SaukovaGV, Архангельская обл., Лешуконский р-н., Вожгорский с/с, д. Родома, Саукова Г. В., 1945 г. р., местная; зап. Балакин А. Ю., Мариничева Ю. Ю., Пахомова А. С., Курзина Н. А., Юрин П. А. 05.07.2012.

²⁹⁷ ФА СПБГУ, DTxt12-155_Arch-Lesh_12-07-07_SaukovaGV, Архангельская обл., Лешуконский р-н., Вожгорский с/с, д. Родома, Саукова Г. В., 1945 г. р., местная; зап. Мариничева Ю. Ю., Курзина Н. К. 07.07.2012.

²⁹⁸ ФА СПБГУ, Леш 21а-631, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Олемский с/с, д. Кеба. Песенник Харьковской Г. А., 1949 г. р., д. Смоленец; переснята Козловой А. В. 13.07.2010.

шуконское²⁹⁹ Архангельской области. Ее также спели нам еще несколько родомских женщин разного возраста. В 1981 году на территории Онежского района Архангельской области в деревне Устюжа был записан еще один вариант этой частушки:

*Жито бело, жать поспело –
Надо горсточку отжать.
Нелюба идет старушка –
Надо маменькой назвать.*³⁰⁰

В частушке с помощью императива подчеркивается обязательность данного наречения. Примечательно, что и в приведенном выше интервью информантка использует ту же форму: «Надо как-то». Перед нами оказывается некое действие, необходимость которого осознается членами социума и проговаривается в фольклорных текстах. Подобные явления Бронислав Малиновский называет «культурными императивами». В книге «Научная теория культуры» он определяет их как «установление предписанных форм поведения» [Малиновский 2005: 86]. Таким образом, с помощью текстов девушкам предлагается сценарий, в котором они должны назвать нелюбимую или незнакомую старушку «матушкой». Тексты частушек не объясняют этого действия, они отражают культурную необходимость. Частушка оказывается одним из способов передачи этой необходимости между членами сообщества.

В фольклорных текстах свекровь часто выступает отрицательным персонажем. Например, в свадебном причитании, записанном в деревне Поле Онежского района Архангельской области, находим:

*Русу косынку на две расплетут,
Да меня девушку на век отдадут.
Под толстые под мужские кулаки,
И под что ль, под свекрови горячи матюги,
И под свекровины под долгие зубы,
Ой, да под деверьевы да под ласковы слова,
Ой да под золовкины под смутливы глаза,
Ой, да лиходейка намутилась на меня*³⁰¹.

Свекровь, как и прочие родственники мужа, неласкова и страшна для молодки. В причитании проговаривается самый плохой сценарий развития отношений с новой семьей.

²⁹⁹ ФА СПбГУ, Леш21а-145, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Лешуконский с/с, с. Лешуконское. Песенник Харькиной Г. А., 1949 г. р., д. Смоленец; переснят Козловой А. В. Июль 2010.

³⁰⁰ ФА СПбГУ, Онеж8-25, Архангельская обл., Онежский р-н, Устькожский с/с, д. Устюжа, Варфоломеева К. А., 1917 г. р., ур. д. Петровская; зап. Яроцкая Е., Филановская О. 12.07.1981.

³⁰¹ ФА СПбГУ, Онеж2-7, Архангельская обл., Онежский р-н, д. Чекуевский с/с, д. Поле, Сынчикова Е. В. 1912 г. р., местная; зап. Эйхенбаум О., Демиденко Е. 11.07.1981.

Примечательно, что в тексте с плохим сценарием свекровь называют «свекровью», а не «матушкой». Приведем фрагмент интервью с женщиной 1931 г. р., живущей в деревне Родома:

Матушка. Тогда ведь она говорит: «Зови матушкой». Тут уж все равно матушка будет. А теперь, глядишь, мамой ли, как величают, зовут «мама»? А говорят че ли рассориси и не назовешь. А тут все «матушка». <А, все матушка когда...> Тут все матушка. Дак ссориться, мы не ссорились никогда. Ниии. <Хорошо жили?> Хорошо. Хорошо. Худо, но жили. Ни ссорились никогда, нет. Да-да. <Ааа. А вы когда начали называть матушкой, вот? С самого первого дня?> Сразу как пришли, это, как, пришла к им, да³⁰².

Молодка, нарекая свекровь «матушкой» в первый раз, уже не может выйти из этих отношений в повседневной жизни. Сначала информантка говорит, что, в отличие от современных женщин, даже во время ссор звала свекровь «матушкой», позже утверждает, что со свекровью они не ссорились. Среди женщин существует запрет на разговоры о плохой жизни со своей свекровью. Однако, как уже говорилось выше, большинство текстов, в которых упоминается свекровь, отражают именно конфликт между женщинами. Нам представляется, что подобные тексты нужны для того, чтобы у молодки появилась возможность высказать конфликт — в повседневном общении это оказывается под запретом, но с помощью ритуальной речи молодка может выговориться. К примеру, отрывок песни, записанной в селе Лешуконское Лешуконского района Архангельской области:

*Пришел свекор-батьюшко
Да стал журити,
Ой, а свекрова-матушка
Да бранити,
Ой, а свекрова-матушка
Да бранити,
Не жури-ко, батьюшко,
Ведь я устала,
Ой, не бранись-ко, матушка,
Тоска напала,
Ой, не бранись-ко, матушка,
Тоска напала.³⁰³*

³⁰² ФА СПбГУ, DTxt12-168_Arch-Lesh_12-07-15_SaukovaNP, Архангельская обл., Лешуконский р-н., Вожгорский с/с, д. Родома, Саукова Н. П., 1931 г. р., местная; зап. Курзина Н. А. 15.07.2012.

³⁰³ ФА СПбГУ, Леш4-116, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Лешуконский с/с, с. Лешуконское, Шмакова М. И., 1941 г. р., д. Олема, Романова Л. С., ур. д. Березник Двинской, Шарьгин А. Г., ур. д. Едома, Удина А. И.; зап. Адоньева С. Б., Веселова И. С., Маточкин А. А., Воронков П. А, Козлова А. В., Беляева Е. А. 16.07.2010.

Существует также ряд текстов, в которых отражен бунт молодки против свекрови. Героиня песни не слушается свекровь:

*Ах ты улка, ты улка моя,
Широка, долга, не топтанная,
Красна девица не смотренная,
Помоложе не целованная.
Еще как люди на люди живут,
На людей люди ухаживают,
Да свекровкам унравливают.
У меня была свекровушка лиха,
Ой, лиха курва, неласковая,
Расканалья неприятливая.
Посылала меня туда-сюда,
В темный погреб за пивом, за вином,
Во новы сена за ситом-решетом.
В погребу млада замешкался,
Зелена вина натрескался,
Пива пьяного допьяна напилась,
Холостому стакан меду подала,
А женатому зеленого вина.
Холостой стакан меду не примал,
Ко стакану праву ручку прижимал,
Золото мое колечко изломал,
Золото мое серебряное.³⁰⁴*

Примечательно, что в большинстве текстов с «плохой» свекровью ее очень редко называют «матушкой», чаще она будет «свекровью», или же будут употребляться оба наречения. Соответственно, в песне можно выговорить свое негативное отношение к «свекровке», но не к «матушке».

Теперь стоит обратиться к другой части обряда, задающего характер отношений молодки и свекрови, — «падению в ноги» (земному поклону).

Безусловно, один из смыслов свадебного падения в ноги — прошение о принятии в дом. В экспедиции 2012 года Антонина Нифонтовна Карманова, 1950 г. р., из деревни Роддома, рассказала несколько историй про падение в ноги. Первая история была о том, как женщина не хотела пускать обратно в дом изменившего ей мужа, но когда он упал ей в ноги, она была вынуждена это сделать. Вторая история про девушку, которая после самовольного замужества попыталась вернуться в родной дом, в котором жили ее братья. Ей

³⁰⁴ ФА СПбГУ, Мез 7-94, Архангельская обл., Мезенский р-н, Дорогорское с/п, с. Дорогорское, Сахарова Г. Г. 1937 г. р., ур. д. Лампоя; зап. Пивоварова А. М. 24.07.2007.

разрешили вернуться только после того, как она пала в ноги старшему брату. Опираясь на эти контексты, можно предположить, что в семантику падения в ноги свекрови на свадьбе входит также принятие молодой в дом и в семью.

Проанализируем следующий разговор, записанный в деревне Азаполье Мезенского района Архангельской области от женщины 1938 г. р.:

Ну вот, все, рукомойку, пришла в ту комнату, гляжу – там уж никого, на полу все насорено, свекрова подошла, я ей в ноги пала, что научи меня! <Научи что?> Убрать просто, да с которого места убирать. С переднего ли с заднего. Ну дак я по девкам-то не первая вышла, я уж поди-ка знала... <То есть вы уже знали, что делать, да?> Конечно, конечно, мы уж друг у дружки так и учились, девки от девок. Ведь ходили выдавали каких да... ну и она что: мети вот оттуда. От переднего угла мети – значит мужа вот выгонит, вот с заднего, с шйра – значит, что свекровку вон выгонит, дак уж лучше отсюда начинай, что золовушка. Ну вот отсюда, как с середины. Вот не с шолныши, с этого, с этого места. Вот я и начала подметать. Ну вот и все, подмела пол³⁰⁵.

Эта ситуация весьма интересна: во-первых, молодка знает, как себя вести со свекровью из опыта, полученного от своих знакомых «девок», которые вышли замуж до нее – она учится, глядя на них, перенимает их опыт. Во-вторых, здесь молодка знает, что на свадьбе нужно обязательно пасть в ноги свекрови, но делает это в выгодный для себя момент – она как бы обменивает это падение в ноги на символическое обучение. После падения в ноги молодка получает не только задание, но и символическое знание – откуда правильно мести пол, поскольку, как выясняется, пространство дома как-то распределено на зоны, связанные с членами семьи – мужем, свекровью, золовкой.

В книге Т. А. Бернштам «Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX века» описан похожий ритуал, который автор называет «символическим приобщением молодницы к хозяйству»: «...молодица выходила в общую комнату, вешала свое полотенце (утренник) у рукомойника, кланялась свекрови и спрашивала: „Матушка, что делать?“ И свекровь давала ей какое-нибудь задание – спрясть немного пряжи, вынести корм скоту, выпечь три блина и т. п., обязательно делая при этом замечания: „Свекровь учит“. Если молодница

³⁰⁵ ФА СПбГУ, Мез 1-112, Архангельская обл., Мезенский р-н, Целегорский с/с, д. Азаполье, Бобылева М. В. 1938 г. р., местная; зап. Косых А. М., Гречкина Е., Истратий В., Семенова А. С., Мариничева Ю. Ю., Трощило М. А. 23.07.2008.

не получала никакого задания – значит, свекровь ее в семью не приняла, это было несчастьем» [Бернштам 1983: 137].

В экспедиции 2011 года в деревне Чуласа Лешуконского района Архангельской области был записан рассказ женщины 1929 г. р. о том, как она падала в ноги своей свекрови, чтобы та в первый раз помыла ее ребенка:

Пала в ноги тут ей. <Но вы же только что родили!> Все по, все... «Подешь ли в баньку, помоешь ли у меня младенца». Она согласилась: «Пойду». Мишку вот так же тоже. С подворья принесли, я тоже говорю: «Бабушка, пойдешь ли мыть, дак я сама, – говорю, – не могу, тяжело, говорю». И она пошла³⁰⁶.

В этой ситуации мать падает в ноги, прося за своего ребенка. Свекровь в этом случае не может отказать.

Получается, что молодка, первый раз падая в ноги свекрови на свадьбе, признает свое подчинение, но в то же время получает некий навык, с помощью которого на важных жизненных этапах она сможет коренным образом воздействовать на свекровь и на ситуацию в семье. Таким образом, неслучайно падение в ноги на свадьбе сопровождается просьбой о наречении свекрови «матушкой»: после свадьбы свекровь уже «матушка», коммуникативный коридор задан и со своей позиции свекровь не может отказать молодке в просьбе.

Литература

Адоньева 2004 – Адоньева С. Б. Прагматика фольклора. СПб., 2004.

Бернштам 1983 – Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX века. Л., 1983.

Колпакова 1928 – Колпакова Н. П. Свадебный обряд на р. Пинеге // Крестьянское искусство СССР. Л., 1928. С. 117–177.

Малиновский 2005 – Малиновский Б. Научная теория культуры. М., 2005.

Трубачев 1959 – Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.

³⁰⁶ ФА СПбГУ, Леш26-12, Архангельская обл., Лешуконский р-н, Олемский с/с, д. Чуласа, Алимova Р. С., 1929 г. р., местная; зап. Веселова И. С., Шматко А. А. 10.07.2011.

Шутки, притворы и прочие глупости в свадебном ритуале Мезенского района Архангельской области

Светлана Васильевна Хотина

Наше знакомство со свадебной традицией Архангельской области началось еще до прибытия в поле, поскольку в самом Архангельске мы посетили выставку, посвященную свадьбе. Там мы увидели борону, на которой почему-то возили в баню молодых, услышали про блины, которые кто-то почему-то должен был украсть. После этого не мудрено, что собиратели обязательно спрашивали об этом во время интервью³⁰⁷. Очень часто случалось, что рассказы о краже блинов на свадьбе по инициативе самих информантов перетекали в рассказы о том, как свекровь тащат в баню, как крадут невесту, а также в рассказы о прочих *притворах* и *шутках* («Много было притворов всяких»), которые устраивали «так, для интересу», «ради шутки» — «хулиганили», «чтобы веселее была свадьба». Иногда это называют «глупостью», но добавляют, что так «зато веселей — чего постно сидеть-то смотреть друг-то на друга». По словам одной из рассказчиц, свадьба начинается с *выкупа невесты*, а заканчивается *баенным*. При этом информанты единодушно говорили, что вся суть этих обычаев в том, чтобы людям было весело. Так, с шутками подменяют невесту на старуху, бьют посуду, разбрасывают уголь, перья, чтоб невеста подметала, складывают в ползунки деньги на мальчика или на девочку.

В отчете будут описаны наиболее распространенные «проказы», происходившие во время свадьбы. Мы не будем подробно останавливаться на том, к какому времени относится рассказ информантов, поскольку суждения по этому поводу оказывались крайне противоречивыми. Например, кражу невесты называют и современным обычаем, и тем, что

³⁰⁷ В полевом отчете представлены материалы из ФА СПбГУ, записанные в ходе экспедиции в Мезенский район Архангельской области в 2007 г.

уже «не сохранилось, наверно, пораньше было дак». Говорили, что «у соседей дочку в какую-то баню таскали, а сами они не мылись дак».

Жених должен был выкупать невесту. Выкупа требовали подружки невесты. В качестве выкупа принимались деньги и конфеты. Вырезали следы из бумаги, по ним надо было идти, например с реки до дома, или угадать, какой из следов принадлежит невесте. Поднимаясь на крыльцо, надо было давать по копейке за каждую ступеньку, за открывание каждой двери исполнять желание или класть денежку. Выкуп просили также за заложенные ворота. Рассказывали и о том, что жениху пришлось положить денежку на каждый горошек на платке, принадлежащем невесте. Также замыкали дверь, за которой была невеста, клали ключ в трехлитровую банку с водой, и жениху приходилось выпивать всю воду.

Одним из наиболее популярных является обычай загораживать дорогу:

...если дорогу не закрыли, дак что, как молодые жить-то будут? Ведь худо жить будут. Надо обязательно дорогу закрыть. Ну, может, это и не так, но все равно, есть такое поверье есть...

Перегораживают дорогу как по пути в сельсовет, так и по пути домой. Причем делают это ближе к деревне, чтоб далеко не ходить. Для начала могут просто занять машину, на которой собираются ехать. Дорогу закрывают бревном или жердью, или протягивают веревку, так, чтобы машина не проехала, или сами встанут, причем «это же выдержать надо: на тебя машина едет. А некоторые упорно стоят, ну а потом их угощают вином, конфетами», в зависимости от того, кто загораживал – мужики, девушки или старухи. В этом, как и в прочих обрядах, могли принимать участие, по одним сообщениям, только определенные участники ритуала, а по другим – любые из приглашенных гостей, или это могли делать «хош посторонние люди вообще». Так, одна из наших собеседниц рассказала, что когда они шли с подружкой из леса, они увидели свадебные машины и «взяли плат с головы сняли, связали вместе посреди дороги». Молодожены это «невзлюбили, но все равно дали конфет».

Выкупать дорогу должны *дружки*. В то время как дорогу загораживали, могли украсть невесту: «утащат да упрятают невесту дак». Дружка должен все время следить за невестой,

потому что «желающих покуситься на невесту очень много». Когда молодые собрались переходить через порог, невеста «ногу стала поднимать, а ей раз — стащили <туфлю>». Тогда у жениха требовали выкуп. Туфлю могут украсть также и под столом. Тому, кто это сделал, подружки невесты наливали в туфлю вино.

Во время свадебного пира стреляют из ружья. Например, информант в детстве стрелял у соседей под окном. «Ради шуток» мужики могли также стрелять, когда молодые на лошадах возвращаются домой, чтоб лошадь испугалась и всем была потеха.

Во время застолья могут украсть место молодых: «кто-нибудь возьмет и сядет на место. И выкупайте».

Наутро молодых закрывают в доме, чтобы не вышли. А поэтому им следовало ночевать не дома, чтобы никто не знал, где они ночуют. Если все-таки закроют, то дружки вновь платят выкуп.

На второй день свадьбы могут украсть тещу или потащить ее в баню — тогда зять выкупает тещу. Однако чаще в баню таскают свекровь. Одна женщина рассказывала, что ее таскали в баню и в качестве свекрови, и в качестве тещи. Свекровь волокут в баню на чумке, то есть на дровяных санях. Могут протащить целый квартал — к бане везут кругами. Остальные идут сзади. За санями может бежать и невеста. И если свадьба летом, все равно свекровь тащат на санях. Ее должны тащить дружки, но поскольку летом это особенно тяжело, тащат все. В бане свекровь вымазывают сажей. Могли не только измазать, но и отхлестать веником. Правда, для свекрови это не было неожиданностью. Одна информантка рассказывала, как ее соседка была за столом в красивом платье, а потом специально переделась в рабочую одежду (в ожидании, что ее потащат в баню), потому что на улице было грязно. Невестка должна была ее умыть, вытереть, одеть, например, в красивый халат и вывести из бани. Умывальник могли спрятать, и тогда его приходилось выкупать. Нас интересовал вопрос, моют ли свекровь на самом деле. Оказалось, что не моют, а «полотенце навяжут и все вот».

И что там делали? Ничего. Будто ты мыться, а ничего. Лицо помоят, да и все.

После этого свекровь притаскивают обратно. Нам говорили, что это «уж отмерло, потому что стесняются». С дру-

гой стороны, этот обряд разыгрывали на свадьбах, которые праздновали совсем недавно.

На третий день моются в бане в доме жениха. Перед баней опять могут украсть невесту, могут запереть баню, и, чтобы туда войти, ее нужно выкупить.

В то время как топят баню, кто-нибудь может нарядиться *баенником* и требовать денег, угрожая тем, что будет плясать на столе. Одна информантка рассказывала, как сама наряжалась баенником: надевала шапку набекрень, сапоги, большую шубу ремнем подвязывала. Она же отдавала команду тащить в баню тещу, вместо молодых, чтоб тещу выкупали.

Молодых запирают в бане. Информантка рассказывала, как во время свадьбы сына соседки она закрыла молодых в бане на целых два часа. Этого не ожидали и не догадывались, кто это сделал. Потому что найти того, кто запер баню, — «это дело искусства». Молодым могут напроказить в бане тем, что залезают к ним и мажут сажей.

По разным сведениям, баню топят родители, крестный, дружки; они также должны караулить, чтоб никто не залез на крышу и не залил баню, пока кто-нибудь отвлекает внимание.

В баню молодых тащат на одеяле или кладут на сани борону. Чтобы ее сняли, молодые должны откупиться. Молодые могут возвращаться из бани на телеге, украшенной венками. На этой телеге их катают по деревне.

После бани приглашали гостей — это был *баенный обед*. Теща должна принести блины на стол. Вокруг этих блинов сосредоточены, пожалуй, самые захватывающие события свадебных дней: «С блинами — о, как весело с блинами!» Про обычай с кражей блинов одна из информанток сказала, что это «типа игры ли че ли там». Однако кражу блинов и заливание бани можно назвать реально переживаемым соревнованием, результат которого, как правило, не predetermined. Некоторые сообщают, что блины обязательно украдут: «все равно подкараулят ее, куда она прячет, и стащат», а некоторые истории говорят о настоящем состязании:

Одни стараются сохранить тайну, а другие изо всех сил узнать ее. И вот вся суть в этой хохме, в интриге этой.

Результат состязания зависит от проявленной фантазии.

Гости на свадьбе требуют от божатки блины со словами: «Попадавай давай — или вино давай, или вот это давай!» Блины также печет теща. Блины непременно должны быть поданы на стол горячими. Если деревня невесты находится далеко, то теща договаривается с кем-нибудь, чтобы в их доме испечь блины.

Но главное — сделать так, чтобы блины не украли. Когда сын одной информантки женился на *неместной* девушке, блинами занималась свекровь, потому что божатка — «да что она понимает, куда ей». Божатка испекла блины и рано утром принесла свекрови на хранение.

Блины крадет кто-нибудь со стороны невесты или, наоборот, со стороны жениха. Или «крадут хошь с какой стороны, лишь бы украли, крадут свадебщики», любые из тех, кто *гуляет* за столом. Похититель должен быть «умнее любого профессора», потому что надо «незаметно войти, да блины украсть, да и унести в другой дом». Воровали по двое — «одному не сделать». Блины надо было украсть из печки или оттуда, куда спрятали. Например, бабка сидела, качала зыбку, к ней вошли и спросили сбрую, она отвлеклась, и блины украли. А один раз «просто вынули раму и таким образом проникли в дом и уперли».

Божатка или теща делает всевозможные *обманки*. Пекут специальные *обманные* блины, чтоб, «когда украдут, не было обидно». Блины прячут в сарае, под сено, в хлеву. Половину уносят в один дом, половину — в другой. Иногда хозяева и не знают, что у них там блины спрятаны. Особый шик — сохранить блины, никуда не носив: «Искали по всей деревне, а они лежали в старой печке». Искренне гордятся тем, что блины у них так и не удалось украсть. «Обошлось», — с гордостью сообщила нам информантка, которая прятала блины во время свадьбы дочери.

Но опасность не только в том, что блины украдут: их могут отобрать по дороге к дому жениха. Однажды, когда блины переправляли из одной деревни в другую, в машину взяли кастрюлю, наполненную кирпичами. Машину остановили, отобрали кастрюлю. А настоящие блины не украли, потому что с ними пробрались как-то аккуратно. А один информант даже распорол руку — так защищал блины, и если бы не это — ни за что бы не отдал. Отобрали на пороге, когда нес блины, которые удалось спрятать.

Информант, который был дружкой на свадьбе, расстраивался из-за того, что теща обманула и блины таки на стол сама доставила. Неудачливый похититель рассказывает:

Я хитрый, но она обхитрила меня. Она блины-то взяла и засыпала картофелью. «У меня нету, – говорит, – вот чугун с картошкой, посмотри сам». Че, я вижу: правильно, картошка. Ушел, и блины сзади за мной идут.

Но даже если блины украли и потом выкупили, вместо них могут принести кастрюлю, а там окажутся сухари, корки или петух. Тогда требуют выкупать еще раз.

К сожалению, не удалось прояснить вопрос о том, кто ищет блины и как сообщают о том, кто их украл. Один информант на наш вопрос ответил, что ищут их никак не дружки, потому что дружки не пекли. Другие, наоборот, говорят, что искали со стороны жениха или вообще все. Нельзя также не обратить внимание на противоречия относительно того, кто принимает участие в обрядах. Несомненно, тема требует дальнейшего исследования.

ПУБЛИКАЦИИ

«С горячим приветом к вам Митя»: письма учителя села Вожгора Д. С. Назарова к жене Анне (1939–1941 годы)

Любовь Викторовна Голубева

В 2012 году очередная фольклорная экспедиция СПбГУ проходила на территории реки Мезень, в Лешуконском районе. Одна из групп работала в большом селе Вожгора. В нем находится деревянная церковь, пострадавшая в советское время (была переделана в Дом культуры) и сейчас частично восстановленная. Выяснилось, что в Вожгоре имеется своя церковная община, состоящая преимущественно из женщин. К одной из них, Таисии Капитоновне Горячевой, 1932 г. р., мы попали в первую же неделю пребывания в «поле». Таисия Капитоновна оказалась удивительно открытой и доброй женщиной. Вместе со своей дочкой она с радостью приняла нас у себя дома. Именно она отправила нас к своей двоюродной племяннице по отцу – Эмилии Дмитриевне Грязновой. Таисия Капитоновна была уверена, что Эмилия Дмитриевна может рассказать нам больше интересного, так как была учителем в вожгорской школе и сейчас также состоит в церковной общине. Таисия Капитоновна упомянула, что Эмилия Дмитриевна хранит у себя «военные письма» отца, которые не могли нас не заинтересовать.

Когда мы пришли к Эмилии Дмитриевне, она уже ждала нас, предупрежденная Таисией Капитоновной о нашем возможном визите. Она рассказала нам историю своих родителей, брак которых продлился всего шесть лет: четыре счастливых года совместной жизни и два года жизни в разлуке. В этой долгой разлуке, так и не закончившейся воссоединением, любовь родители сохранили в переписке. Письма Дмитрия Степановича Назарова (см. ил. 1–5), школьного учителя, проходившего обучение на политрука в Москве

накануне Великой Отечественной войны, и легли в основу данной публикации. Эмилия Дмитриевна разрешила нам сделать фотокопии писем и любезно согласилась на их последующую публикацию.

Сначала письма находились у матери Эмилии Дмитриевны, Анны Михайловны. После ее смерти уже более двадцати лет их бережно хранит дочь. Всего сохранилось сорок писем. Некоторые из них без начала или окончания, некоторые – только в виде обрывков. Мы включили в публикацию лишь те, которые сохранились полностью. Написаны они были в период с конца 1939-го до начала 1941 года, и поэтому статус «военных» им присвоен достаточно условно. Сам автор писем о предстоящей войне практически не упоминает, только два раза он пишет о нестабильной политической ситуации, которая может отсрочить долгожданную встречу с женой и дочерьми.

Для семьи Дмитрия Назарова и жителей села Возгора эти письма являются историческим документом. В возгорском краеведческом музее ксерокопии писем размещены на стенгазете, посвященной войне 1941–1945 годов. В местной библиотеке я обнаружила альбом, составленный самой Эмилией Дмитриевной об ее отце. В день 9 мая, работая в школе, она неоднократно читала ученикам избранные места из писем отца.

Безусловно, письма Д. К. Назарова имеют историческую ценность. Помимо описания быта, расписания занятий во время учебы в РККА он упоминает о двух встречах с С. М. Буденным во время военной подготовки, о параде на Красной площади перед вождями – Сталиным, Л. П. Берией и др. Он делится своими впечатлениями о постановке 1940 года «Трех сестер» А. П. Чехова во МХАТ, о посещении Третьяковской галереи. Он торжественно описывает празднования советских праздников (7 октября, 1 мая) на Красной площади или в училище. Во всех описаниях Дмитрий Степанович мыслит себя исключительно советским человеком и истинным коммунистом, даже в отношении брака и семьи. Однако, несмотря на все исторические события, о которых пишет Д. С. Назаров, главной темой писем является его любовь к жене Анне и оставленной семье.

Письма публикуются в хронологическом порядке с сохраненной авторской орфографией и пунктуацией. В итоге

получилась история, рассказывающая о нежной и искренней любви. Эта история позволяет изменить стереотипное представление об образе, порожденном советской литературой и кинематографом. Молодые мужчины того времени не были только защитниками своей Родины, готовыми оставить все во имя коммунистических и советских идей. Вне публичного пафоса они были простыми людьми, которые хотели быть рядом со своей семьей, имели самые обычные потребности в любви и были способны говорить об этом искреннее и красиво.

Хотелось бы поблагодарить Эмилию Дмитриевну Грязнову за предоставленный материал и продолжительные беседы, которые помогли подготовить и представить читателям этот материал.

Биография Дмитрия Степановича Назарова³⁰⁸

Дмитрий Степанович Назаров родился в 1914 году в селе Вожгора Лешуконского района Архангельской области. В семье Степана Михайловича и Екатерины Семеновны Назаровых он был вторым ребенком. Его старший брат Игнат в военные годы пропал без вести, сейчас в Вожгоре живут его потомки. Школьное образование Дмитрий получил в Койнасе³⁰⁹, закончив семь классов. После заочного обучения в Архангельском педучилище³¹⁰ в 1934 году получил должность директора детского дома. В этом же году встретил в Койнасе Анну Ляпунову, которая приехала из родной Вожгоры в гости к своей матери и отчиму Ивану Павловичу, также работавшему учителем. Анна Михайловна Ляпунова (1914–1996) была дочерью первого председателя сельсовета – Михаила Ивановича Ляпунова (ум. около 1920 года), который был одним из пяти сыновей Ивана Михайловича Ляпунова (1870–1945), представителя так называемого *Федоровского рода*, своими корнями уходящего в XVIII век – к Федору Лукину Ляпунову (1786 г. р.). *Федоровцы*, как их называют, среди местного населения всегда имели репутацию людей грамотных и образованных: волостные писари, служители церкви и представители советской власти, учителя, профессора и пр. Именно в семье *Федоровцев* во время Граж-

³⁰⁸ Биография Д. С. Назарова представлена по рассказам его дочери Э. Д. Грязновой и восстановлена по его письмам.

³⁰⁹ Койнас – село в Лешуконском районе Архангельской области.

³¹⁰ Архангельское педагогическое училище (сейчас Архангельский педагогический колледж) открылось в 1931 г. Тогда это было единственное учебное заведение, в котором готовились не только учителя начальной школы и воспитатели дошкольных детских учреждений, но и преподаватели немецкого языка и физкультуры для 5–7 классов. В 1932 г. открыто заочное отделение. Некоторое время действовало вечернее отделение.

данской войны произошла трагическая история, когда сын пошел против отца и брат против брата. Отец Анны Ляпуновой, Михаил Иванович, занимался активной пропагандой коммунистических идей. Он был в прямом смысле фанатом учений Ленина, даже своих детей он назвал в честь братьев и сестер вождя пролетариата. Брат Михаила, Вячеслав, и их отец Иван Михайлович были противниками установления советской власти на Мезени. Вячеслав Иванович поддерживал интервентов, которые вели свою пропаганду на этой территории. Когда он перевозил оружие, переданное союзниками, именно Михаил Иванович донес об этом властям. По иронии судьбы, Вячеслава Ивановича от преследования прятала у себя в доме Мария Ивановна, жена Михаила Ивановича. Драматичен и еще один факт, рассказанный нам Эмилией Дмитриевной: ее прадед Иван Михайлович и дед Михаил Иванович умерли в одной и той же тюрьме: первый — при советской власти, второй — при временной власти, установленной интервентами.

Сейчас старшие представительницы *федоровского рода* — Таисия Капитоновна Горячева и Эмилия Дмитриевна Грязнова, бывшая учительница истории местной школы, возглавляют церковную общину.

Итак, Анна Михайловна Ляпунова (1914–1996) — дочь первого главы Устьвашского уездного совета³¹¹, бывшего делегатом Первого губернского Съезда Советов, Второго Съезда Советов Северной области в Петрограде, и Марии Ивановны Ляпуновой, уроженки Коми, которая очень плохо говорила по-русски, путая роды и склонения, о чем вспоминают ее внуки. Однако косноязычие не помешало ей после гибели Михаила Ивановича выйти замуж еще дважды и оба раза за учителей местных школ. Второго мужа Марии Ивановны часто вспоминает в своих письмах Назаров. Он или передает ему привет, или, что самое интересное, предостерегает свою жену от лишнего общения с ним:

Но еще раз прошу тебя — не доверяйся Ивану Павловичу, ибо доверчивость может привести не к хорошему.

Причину такого недоверия к отчиму своей жены Дмитрий Степанович в письмах не раскрывает. Однако в конце одного из писем он пишет следующее:

По приветам дочуркам, мамаше, Ивану Павл. (они кажется тоже нехорошего мнения обо мне как и ты).

³¹¹ Усть-Вашский уезд (Усть-Важский) — административно-территориальная единица Архангельской губернии, существовавшая в 1918–1922 гг. 6 февраля 1922 г. Усть-Вашский уезд был упразднен, а его территория включена в состав Мезенского уезда.

К сожалению, это замечание, как и многие упомянутые обстоятельства и отношения между людьми, остается для читателя писем Назарова непонятным.

Дмитрий Степанович Назаров и Анна Михайловна Ляпунова поженились в 1935 году в Койнасе. Через год Анна Михайловна родила двух девочек-близняшек, которые умерли во младенчестве. В 1938 году у них родилась дочка Эльбина. А через год осенью Дмитрия Степановича призвали на службу в армию в г. Калинин (Тверь). В декабре 1939 года он пишет жене:

Служить, Анюта, нам 2 года. Но вот какое дело. На днях нас вызвали начальство и как неплохих ребят приглашают идти в военную политическую школу. Уже заполнены все документы и отданы. <...> Срок учебы 2 года, а так если окончишь, то остальную часть своей жизни может придется посвятить работе в РККА.

В январе 1940 года начинают приходить письма уже из Москвы: Дмитрий Степанович Назаров поступает в Военно-политическое училище им. В. И. Ленина учиться на военного политрука:

Но, Анютка, как вам известно, что в Москве я нахожусь уже с 18 января 1940 г. <...> Если в Калинин я считался красногвардейцем, то сейчас как видишь считаюсь курсантом военно-политического училища им. В. И. Ленина.

С этого момента начинается новый поворот в их отношениях, представленный в письмах, написанных рукой Дмитрия Назарова своей *Анюк*, как он ее ласково называет. Из сорока писем четыре письма отправлены из Калинина, остальные — из Москвы. Также мы включили в публикацию письмо, написанное Д. С. Назаровым из Кисловодска, где он отдыхал в 1938 году. Все письма пронизаны нежностью и любовью, а также горечью разлуки, трудно переживаемой Дмитрием Степановичем. В каждом письме он дает ласковые имена своей Анне: *Анютка, Анюк, мой друг до гроба* и пр. Почти в каждом письме он говорит, что ревнует Анну, требует от нее верности и любви. Болезненно переживает долгое молчание:

Кажется ты, Анютка, совсем меня позабыла — вот жду который день письмо от тебя, а дожидаться не могу. Наверно, нет времени черкнуть хоть пару слов. Ну как?

Не знаю, что случилось с тобой, и может быть тебя уже не существует или еще что другое. Пишу уже 4е письмо —

ответа нет месяца два жду. Если что случилось, то почему боишься сообщить, или я уже посторонний для тебя человек. <...> Вот что Анюк, брось мучить меня, я и так обижен судьбой.

И почти в каждом письме он извиняется за свою несдержанность, ругает сам себя и просит у Анны прощения за необоснованную ревность и грубые слова, сказанные в ее адрес. Интересно, что тех писем, в которых Дмитрий отнесся «грубо» к своей Анне, в архиве не сохранилось. Возможно, Анна Михайловна уничтожала неприятные ей письма, или же мы, современные читатели, не можем распознать, какие точно обвинения можно назвать грубыми. Они встречаются, но не так часто, как извинения за них.

Очень трогательно читаются между строк интимные намеки Дмитрия Степановича жене, воспоминания об их совместной супружеской жизни:

Вспомнить иногда все, что было при нашей совместной жизни, все блаженства, которые вот уже как 5 м-цев нет...

Или более откровенное:

Вспоминаю часто первые дни и годы нашей совместной жизни. Не уходят из башки все наши проказы ночные, а теперь что. Одни воспоминания. Опиши Нютка, как это тебя тревожит.

Однако он всегда добавляет к подобным высказываниям извинения за лишнюю откровенность, которая может быть оправдана супружеской близостью:

Кажется я тут далеко заехал, но ничего — свои люди и стеснятся друг для друга нечего, что правда, то правда.

В своих письмах Д. С. Назаров также высказывает тревогу и опасения по поводу одинокой жизни жены и дочери, советует, как лучше выйти из положения в той или иной бытовой ситуации, куда пойти и к кому обратиться за помощью. Весной 1940 года Анна Михайловна, видимо, сообщает о том, что она в положении. Как и обо всем остальном, об этом событии мы узнаем в одном из писем:

Вы, Анюта, как видно из письма, серьезно говорите о подняттии животика, ну что ж, ладно. Советскому союзу люди нужны.

Вторую дочь, рожденную к осени того же года и названную Эмилией, отец так никогда и не увидит. В августе 1941 года Дмитрий Степанович с другими выпускниками

РККА ушел на фронт. Об этом он сообщает семье в короткой телеграмме: «Еду на фронт в Белоголовье Орловской». В ноябре 1941 года был перевод от Дмитрия полевой почты с данными: «466 72 дивизия 1я стрелковая рота Орловская обл., г. Жуковск». На обороте было написано рукой Назарова: «Высылаю на личные нужды. Здоров, что вам желаю. Дмитрий».

В дальнейшем, как рассказывала дочь Д. С. Назарова, Анна Ивановна с 1 августа 1941-го по 1 мая 1942 года получала аттестат в размере 500 руб., потом – пособие из райвоенкомата в размере 218 руб. Анна Ивановна так и не вышла замуж и осталась верна памяти своего Мити. В каждом письме Дмитрий уверял свою Анюк, что он вернется, что встреча их состоится, успокаивал и верил в их совместное будущее:

Хотя сейчас мы живем далеко друг от друга, надеюсь, мы опять будем вместе. Недалеко то время, когда мы увидим и приласкаем друг друга...

Даже в декабре 1940 года он написал:

Срок учебы рассчитывают до 1 мая, вот только бы эти слова да богу в уши, то хорошо было бы. Но вероятно к маю все закончим, а там не известно что будет. Учиться осталось не так много – всего 4 месяца...

В 1975 году Эмилия Дмитриевна отправила запрос в Лешуконский военкомат и получила ответ, что ее отец пропал без вести в 1941 году и место захоронения не известно.

Анна Ивановна прожила всю жизнь со своей дочерью, умерла в 1996 году.

<1>

[13 декабря 1939 г.]

Привет из Калинина!

Анюта, Эльбиночка Здравствуйте!

Вот наконец Анюта и Ваше письмо получил сегодня, т. е. 13 декабря и сразу начинаю давать ответ. Ваше письмо меня сильно поразило потому что в нем от начала до конца написано о том, о чем я никогда не мечтал и не думал мечтать.

Поверь, Анют, видали ли вы, замечали ли вы, чтобы я занимался когда либо такими вещами. Уверяю вас, что это является пустым вымыслом.

Я вижу, что Вы сильно расстроены, да и Ваше письмо меня также не обрадовало. Хотя когда я получил и еще не распечатывал, то я не мог скрыть своего удовольствия, зная что это письмо от друга до гроба, которая могла и сможет в любое время согреть сердце своего друга. Но когда распечатала и прочитал первые строки, то меня моментально обдало жаром, что такая пакость с моей стороны быть не могла. Ведь, Анюта.

Я полагаю, что таких вещей, которые были описаны в данном письме Вами, в дальнейшем не будет. Это лучше будет как для Вас, так и для меня. Поверь, Анюта, клянусь – это пустое.

Ведь написано одно дело самое простое – труднее думая о вас приходя в одичание.

Жду правды и разумного ответа веришь ли ты, Анютка, мне? Считаю сам себя правым, да и вас никогда всерьез не считал виновной и без всякой задней мысли могу заявить с гордостью, что и выдвинутых в вашем письме вещей никогда не позволю. Правда, Анютка. Брось все, живи веселее, думай и верь, что я всегда с Вами.

В вашем письме были затронуты вопросы и о деньгах. Ну что в этом я могу сделать, если в кассе не имеется. Вы получили 320 руб. это хорошо, а то я днем и ночью думал, как вы живете с Эльбиночкой. Остальные за отпуск постарайся получить в этом м-це, а то кончится 1939 год, тогда нужно будет может через суд.

Вообщем не расстраивай себя, проживем какнибудь года 2, а там и вместе не пропадем.

Насчет работы и обеспечения обратиться в партийную или комсомольскую организацию. Они помогут лучше устроиться на работе. По части квартиры, то можешь оставаться в той же квартире и выселить из нее никто не имеет права. Если будут выселять требуй от них представления другой квартиры и они обязаны представить, ибо есть такой закон. Анюта, вы очень мало написали об Эльбинке. Ведь ты не знаешь, как мне охота знать, что <порвана страница> печет, и сейчас я никак не могу забыть ее слова: «Папа, не пачь, мама коро» и др. Думаю, следующее письмо будет больше посвящено этому. Так ведь, Эльба? Конечно она скажет – так, папа.

А сейчас Эльбиночка и Анюта думаю черкнуть о своей личной жизни.

Живем все еще в Калининне. Изменений в жизни почти нет. Здоровье мое исправляется, от нарывов освободился.

Служить, Анюта, нам 2 года. Но вот какое дело. На днях нас вызвали начальство и как неплохих ребят приглашают итти в военную политическую школу. Уже заполнены все документы и отданы. Дело осталось за приемом. Только не знаю, примут или нет. Срок учебы 2 года, а так если окончишь, то остальную часть своей жизни может придется посвятить работе в РККА.

Но Анютка опять не расстройся. После года учебы дают отпуск и обязательно приезжаем посмотреть друг друга и Эльбиночку. А после окончания, если окончишь хорошо, будем жить вместе там, куда пошлют работать. Ведь люди же увозят своих жен и семью, а мы что грешные. Проезд по дорогам будет бесплатный самих и груза, также выплачиваются суточные. Но это еще далеко. Если пошлют в школу, то сразу напишу, что нахожусь в школе, а на будущий год осенью или летом будем в отпуске.

<Окончание утеряно>

<2>

[г. Калинин, 22 декабря 1939 г.]

22 декабря 1939 г.

Привет из Калининна!

Здравствуйте Анюта, Эльбина. С приветом к вам Ваш Митя.

Анюта, правда я Вам пишу уже 4е письмо из Калининна, а от Вас получил только одно, но на это я не обижаюсь, зная что письма идут дней 15.

Это письмо я пишу как бы внеочередное потому, что получив карточки, хочу быстрее доставить до <нрзб> что из себя представляю и выгляжу.

Хотя фото не совсем, но это не помешает тебе Анютка и Эльбиночка в особенности посмотреть и сказать, Вот он, который друг до гроба. Аюта, за это время в жизни особых изменений не было. Живем также, как и раньше.

Жизнью особо хвастаться нельзя. Вы вероятно знаете международное положение в настоящее время, а потому здесь большее скопление людей, теснота. Питание тоже так себе, но жить нужно.

Я вам на 1е письмо давал ответ и писал о том, что происходит набор в военные школы, куда и меня приглашали,

но до сего времени результаты не известны, что будет дальше не знаю. Об изменениях какие будут сообщу.

Погода здесь стоит холодная, т. е. настоящая зима. Хотя холодной погоды было еще немного, но уже надоело, особенно тогда, когда занятия проходят на улице. О ребятах, о которых писал раньше, живем вместе. Лешуков Л. сегодня лежит больным, видимо простыл, да и я не совсем здоровый — болит горло и сильный кашель. Но это пустяки.

Ну Анютка, Эльбиночка, как вы живете, каково ваше положение, самочувствие. Как обеспечены материально, получили или нет денег из дома. Этот вопрос очень часто волнует меня, ибо я знаю, что у меня есть семья, о которой забота должна быть больше, чем о себе.

Думаю, что Вы Анюта не упадете духом и то время, которое положено законом прожить без меня — проживете. Сохраните себя и Эльбиночку. сейчас взял бы и посмотрел на Вас — да не видно, ибо это далеко.

Вот что, Анюточка, старайтесь всеми силами и средствами получить деньги. Писать отсюда и хлопотать очень трудно, даже я не представляю как это сделать. А детдом выплатить обязан. Если Зав. д/д выплачивать не будет пиши в Райпрокуратуру и он заставит выплатить.

Вы упрекали меня, что мне якобы деньги не нужны, а поэтому я мало заботюсь — не верно Анюта.

Ведь нам выплачивают только по 10 руб в м-ц, так что не хватит на табак. Да и в город иногда пускают, а полакомиться от как охота.

Так что вы видите — деньги нужны везде. Может вам покажется обидным тогда, когда моя рука черкнут вам — Аюта пошли на махорку, а это может быть.

Сейчас у меня пока еще руб=50 есть. мес два живу, а дальше...

Кроме этого Анют тебе надо будет получить облигации в детдоме — сколько у меня было выплачено я не помню.

На днях из дому, т. е. Вожгоры получил письмо, пишет отец и Никифор Кузьмич, который писал и об вас, что видел в Койнассе и разговаривал об устройстве на работу. Но Анютка — если устроилась, то не так плохо, то работай. Старайся найти работу легче. Это для вас основное.

Ну пока. Остаюсь здоров, чего и вам желаю.

О моей судьбе не беспокойтесь, знайте, что я всегда с Вами.

Целую Ваш Митя.

Адрес: Г. Калинин - 4, п/я 34, литер «Г»

Письмо пишите без марок.

Анюта, если есть возможность пошли теплые носки, знаешь белые-то, а то в портяночках холодно. Митя.

<3>

[г. Калинин, 1939 г.]

Калинин.

Анюта, Эльбина Здравствуйте!

Спасибо – Ваше письмо получил. Из вашего письма видно, что жизнь ваша уже не так плохая, как мне иногда думается. Но трудности, правда. Есть и будут, но ведь без них никто обойтись не может.

Вы пишете почасту денег, то сообщая, что передал в рай-прокуратуру. Ответ должен быть Вам и мне. А насчёт получения процентных и периодических надбавок, то едва ли что на это будет <неразб>

решил не разводить волокиты. Вы опять будете не довольны – но это факт. Ведь дело прошлое, и никто разрешать данного вопроса просто разрешать не будет.

Решусь написать в народный суд, что будет не знаю. Ваше личное положение, Анюта, встревожило меня. Ну сама подумай, когда и как могло получиться это для меня остаться не известным.

Даже нет мысли – ибо я считаю себя в данном отношении свободным от всех последствий.

Но это дело позднее видней будет. Может быть так чтонибудь. А если на самом деле, то больно интересно. Ведь не было 2 года и вдруг как будто в последние дни. А ведь может быть в первые дни моего отъезда? Ну как, Анюта.

Ладно этот вопрос пока оставим, ибо он на повестке дня пока не стоит, а когда будет – разрешим.

Вы обижаетесь на меня, что я мало пишу писем.

Не знаю, как будто я писал не 2 письма, а 7 штук.

Обижаться на это поэтому не стоит. Стараюсь писать как можно больше и чаще – будет для вас лучше и также меня.

Я в новый год написал Вам письмо. Оно написано очень грубо – не прими к сердцу. Но опять факт. Ведь об этом писала Маруся.

О себе. Живу как и раньше. Изменений в жизни нет. Почасти школы тоже не известно, говорят что скоро — но когда?

Думаю, что если попасть в данную школу это будет к лучшему. Хотя будет специальность, а этим обеспечим свою жизнь.

Ну, Эля здорово! Как дочурка живешь? Мама видимо тебя стегает, не шьет тебе басю? Так есть ли куклы и игрушки.

Но, расти, живи, резвись, а после с папой увидишься.

Ну пока. Писать особо нечего получили нет фото и когда будет от вас.

Целую — Ваш Митя.

Адрес: Калинин 4, П/Я №34

Литер «Г»

Привет Марии, Т. Егорову

Чиркову М. В.

<подпись>

<4>

[г. Калинин, 11 января, 1939 г.]

Здорово Анюта! Эльбиночка!

Ваше письмо только ваше получил и хочу кой о чем черкнуть. Писать много нечего, т. к. дня 2 тому назад послано вам письмо и там написано обо всем.

Живу на старом месте. О школе ничего не слышно. Завтра, т. е. 12/1 — 40 г. идем принимать присягу на верность партии, родине. Вчера получил от командования 2ю благодарность за хорошее проведение с бойцами политзанятия.

Анюта, я написал заявление, отнеси его к <нрзб>, т. к. <нрзб> и пускай разрешит <нрзб> Высылаю выписку из приказа об отпуске. Покажи ей приказ.

Одновременно у меня написано заявление в прокуратуру. Полагаю, что добьюсь.

Вашему положению сочувствую, но помочь не могу, т. к. я сам на иждивении государства.

Если работа трудная и плохо к Вам относятся, то напиши в райком Никифору Кузьм. Он посодействует. Или в крайнем случае бросай работу и обращайся в партийную организацию. Без работы не оставят. Но сильно не тревожься. Трудности нужно как-то переносить. Худо конечно, что вы сообщили о том, и чем я не мечтал и не думал и не думаю, что это на самом деле пустяки.

Ну пока, Анютка и Эльбиночка!

Ваш Митя.
Адрес Г. Калинин 4, п/я 34, литер Г
Жить очень скучно. Тревога за вас растет с каждым днем
все больше и больше.
Митя.
Жду фото.
Приветы воспитателям. Ребятам, Мире, Чирковым, А-ндру
Матвеевичу.

<5>

[г. Москва, 21 января 1940 г.]

Привет из Москвы!

Здравствуйте Анютка, Эльбиночка!

С приветом от всего сердца к Вам Ваш Митя. Не так давно, тоже из Москвы, я писал Вам письмо, но сегодня уже появилось желание писнуть кой о чем, т. к. наше условие с Вами было, что писать друг другу будем как можно чаще, а поэтому я держусь своих слов.

Но, Анютка, как вам известно, что в Москве я нахожусь уже с 18 января 1940 г. С переменной места службы, а также саму службу в рядах РККА. Если в Калинин я считался красногвардейцем, то сейчас как видишь считаюсь курсантом военно-политического училища им. В. И. Ленина.

Это по существу является неплохим делом. Здесь сложно в течение года, при упорной конечно работе, получить среднее политическое образование, а чтобы получить имеются все для этого условия. Требуется только одно – желание.

Своих ребят, даже из Архангельской области, здесь нет. Иногда бывает и скучновато, но скучать не приходится, т. к. на это времени не отведено. Своих друзей, с которыми я жил в Калинин, Лешуков, Иванов, Прокопьев часто вспоминаю и сейчас не знаю где они. Может тоже сейчас где либо учатся. Хотелось бы написать письмо, но нет адреса. Занимаемся мы в училище по 10 часов. Как видишь, Анюта, что не успеваешь и по настоящему покурить, а не то скучать. Срок учебы рассчитан на 8–9 месяцев. И если будет все благополучно, то через данное время, мы встретимся, т. к. по всей вероятности после окончания школы будет отпуск на месяц.

Но знаешь Анютка, что если кончишь школу, то в армии нужно остаться пожизненно. Зато условие жизни в сто раз лучше, чем мы жили. Но об этом еще судить рано, т. к. все впереди какая будет международная обстановка.

Москву уже смотрели не раз. Был 2 раза в мавзолее Ленина – смотрел его, в Третьековской галерее (где различные картины), в Музее им. Ленина и др. Так что кой чего посмотрели.

Питание очень хорошее. Так условия все даны. Главное прошу вас не расстраиваться, ибо все будет в порядке и через год будем вместе. Полагаю, что этот год проживете какнибудь, а там я опять возьмусь за работу и будет все.

Ну пишите, Анютка, как живете. Ваше здоровье и как чувствует Эльбиночка. Будет большая к тому времени, как я буду у Вас.

Домой отцу я еще не писал. Сообщи им мой адрес. И пускай напишут адрес Ваньки Ляпунова ведь он здесь в Москве, а я адреса не знаю. Обязательно узнай, ладно? И пошли ко мне.

Пиши, какие новости, недостатки постараюсь сделать все, что в моих силах.

Скажи ребятам д/дома о моем местожительстве, особо Клани Чуковой, Фимы, а также воспитателям передай по курсантскому привету.

Но живите, не скучайте. Крепитесь.

Не так уж большой срок жить в одиночестве. Все пройдет незаметно.

Пока, целую Вас Митя.

25/1 – 40 г.

Мой адрес: Москва 71, Военно-Политическое училище им. В. И. Ленина, литер «Д»

Назарову Д. С.

<6>

[г. Москва, 31 января 1940 г.]

Анютка, Эльбиночка здравствуйте!

Но не сердчайте, что ваш папа и друг до гроба так часто пишу письма. Может быть уже надоел Вам. По моему это неплохо и вы должны благодарить меня. Ну как думаешь дочурка, а ты Анютка?

Ведь не получив от вас ни одного письма еще, а я уже, как мне помнится, пишу кажется третье по счету.

Стараюсь, что бы вы особо не беспокоились за меня, а жили так, как это было три тому месяца назад.

Ведь верно Анюта жизнь наша была неплохая, если отбросить всторону небольшие замечания как ваши ко мне, так меня к Вам.

Я лично так рассуждаю, что вы в любое время можете обогреть сердце своего друга Доволен был Вами, так и мыслью сейчас.

Хотя сейчас мы живем далеко друг от друга, надеюсь, мы опять будем вместе. Недалеко то время, когда мы увидим и приласкаем друг друга, и жизнь похоже опять

<оборвана страница> спокойнее, мужественнее и все.

Я примерно так рассуждаю о дальнейшей нашей жизни, что по окончании училища, если все будет благополучно, в любое время могу приехать и взять вас с собой.

Ведь жизнь в Советской Стране везде хороша.

Но о себе (подчеркнуто автором – Л. Г.): Живу хорошо. Учебу начали. Правда учиться будет трудно, но приложу все силы, чтобы окончить.

Здоровьем особо не судачусь. Кажется даже стал поправляться. Чувствую уже лучше, чем дома. Аппетит очень замечательный. Вобщем все хорошо.

Описывайте, Анютка, как вы живете, какие чувствуете трудности. Старайся прожить эти 8–9 м-цев как можно лучше, а там будет видней. Ладно?

Сегодня выходной день, решил написать кой кому писульки, а именно: первое Вам, второе мамаше Марии Ив. А третье Чурхину И. С.

Ну пока. Анютушка и Эльбиночка.

Целует Вас ваш Папа Митя.

Мой адрес: Москва, 71, военно-политическое училище им. В. И. Ленина <оборвана страница>

31/1 – 40 г.

<7>

[г. Москва, 19 февраля 1940 г.]

19/II – 40 года

Привет, Анюта, Эльбиночка!

Спешу уведомить Вас, что ваше письмо получил, за которое сердечно благодарю.

Рад, очень рад, что ваше житье уже не так плохо, мне думалось, и славно то, что не падаете духом.

Вчера получил письма от Кост. Саукова и Лешукова П. П. от <неразб.> Семеновой, Чуркиной К. и как все это вышло в выходной день. Сколько работы было! Если бы знала это, Анюта!

Плохо то, что не совсем внимательно относишься к воспитанию Эльбиночки. Из вашего письма видно, что ты, Анюта, ее оставляешь одну в комнате в момент топки печей. А вспомни, сколько случаев было из-за этого. Прошу не оставлять и беречь ее, а то может получиться неприятность. Ведь так, Анюта!

Ну почасты «Саньки», которые вы встретили, то по моему это глупость, ибо этого <нрзб.> не может быть. По моему Анютка ты меня пугаешь, мол потому что скажет Митя?

В смысле получения денег за отпуск, то я вам уже писал, что верить на слова «Уплатим» не надо, требуй и все, если знаешь, что есть деньги.

Прости, Анюта, я кажется писал тебе о том, чтобы ты бросила мне денюжат. Не беспокойся, не надо, обеспечивай себя, а я так проживу. Дурак я был – когда писал это. Пожалуй-ста, не высылай, не надо.

А вот за фотокарточку, то буду тебя ругать. Если просят, да есть возможность, надо сделать. Обманывать тут незачем. Шли, а то осерчаю по настоящему.

Я же вчера ходил в город фотографироваться с товарищем по учебе. Вдвоем сфотографировались во весь рост и половину. Так что скоро вы получите, а от Вас когда?

Ну пару слов о себе. Живу, надо сказать хорошо. Только встречаю трудности в учебе, так как здесь я самый малый по образованию.

Сдавали зачеты по 1 главе, то плохого пока нет – сдал.

Но дальше будет труднее. Конечно постараюсь что выйдет.

Особо писать как будто нечего. Да, Анюта, скоро ведь праздник 22й год ОККА – ну отпразднуем.

Если бы дома, то со всеми 24мя удовольствиями, а здесь этого нельзя. В кино и на концерт ходим часто, т. к. имеется свой клуб. Вчера ходил с товарищем по городу – бродили и крепко устали, зато сфотографировались.

А, вот и Эльба! Ну здорова, дочурка! Ну дай лапу-то вот так! Ну как живешь? Резвишься? Забыла нет папу-то. Вероятно мама бьет тебя, напиши Эля, обязательно напиши и я тогда маму... Ладно?

Ну пока. Остаюсь здоров.

Целую Вас Анютка и Эльбиночка!

Ваш Митя.

Адрес: Г. Москва 71, Военно-политическое училище им. В. И. Ленина, литер «Д»

Назаров Д. С.

<8>

[г. Москва, 1 марта 1940 г.]

Москва, 1 марта 1940 г.

Анюте, Эльбиночке, привет!

Ну здравствуй Аня, с приветом и горячим воздушным поцелуем к Вам Митя!

Кажется ты, Анютка, совсем меня позабыла — вот жду который день письмо от тебя, а дожждаться не могу. Наверно, нет времени черкнуть хоть пару слов. Ну как? Но это конечно пустяки, т. к. время для этого у тебя есть больше, чем надо. А то смотри, я могу тоже сделать это. Дак вот что, Аня, пиши — а то приеду плохо будет. Я кажется позабыл уже счет своим письмам, адресованных на твое имя. А сегодня, т. е. перед выходным днем решил черкнуть кой о чем. С таким расчетом, чтобы вам с Эльбиночкой было веселее.

Живу я, Аня, хорошо. Дальше думаю будет еще лучше. Время идет незаметно. Ну бывают дни, когда подумаешь над вопросом нашей совместной жизни, но когда — это еще не известно полагаю, что через года будем.

Главное прошу не беспокоиться о своей дальнейшей судьбе. Она на лицо — будем вместе жить лучше, чем жили. Вы может скажете, что я успокаиваю лишь ласковыми своими словами. Нет — оно так и будет. Просто хотя это не так скоро, но думаешь проживешь до того дня, момент которого будет счастлив для обеих.

Не серчай, пиши. Ругаю тебя за то, Анюта, что долго не шлешь фотографию — ну смотри, а то... ха! ха!

Я вышлю свою фото не раньше, чем числа 15 марта. Фотографировались правда давненько, но готовы будут не раньше этого числа. Ну ничего, лучше поздно — чем никогда. Это опять относится к тебе — ведь ты не шлешь. Жалко, а?

Ну как вы живете, каково ваше здоровье и самочувствие. Вероятно скучаете и детство вспоминаете — на глазах слезы. Бросьте это и живите веселее и все в порядке будет, только духом не падайте, а Эльбиночке советую маму поддержать в этом отношении? Ну как думает Эльба? Конечно так.

Ну как Эльбиночка, бьет нет тебя мама, если бьет, то пиши — папа тогда маму саму настегает. Ну а где ваш Санька? Не вышел еще — вы тут что-то тут неладно думаете, а может быть делаете. Вы этак без папы еще и «Маньку» наверняка где нибудь достанете. Ну как, Анюта? А?

Кажется, писать больше нечего. Все уже писано переписано. Анюта, письма мои видимо хранишь — сосчитай сколько их у тебя. Не меньше видимо ста.

<без продолжения>

<9>

[г. Москва, 13 марта 1940 г.]

Москва, 13 марта 1940 г.

Здравствуйте моя радость Анютка и Эльбиночка!

С приветом и горячим поцелуем к Вам ваш Митя. Вот наконец дождался и получил твое, Анютка, письмо, за которое тысячу раз благодарю, а то я думал, что вы совсем забыли меня. Плохо, Анютка, что пишете очень редко. За этот месяц я получил от тебя только одно письмо или вернее за февраль ни одного. Забывать конечно <нрзб>

Письмо твое не принесло мне особой радости, т. к. из него я узнал о Вашей неважной жизни, что заставляет думать меня почти ежечасно. Поверь, что я не такой бессердечный, как может быть тебе, Анютка, думается.

Когда есть свободная минутка, все свое свободное внимание, все думы и мечты бегут к вам и почти ежедневно с ними засыпаешь, а когда проснешься, вас около меня опять нет.

С положением конечно приходится мириться и будет время когда мы будем опять вместе, любя друг друга еще крепче, утешая ночные блаженства, которых сейчас (надо бы) но не видим.

Главное прошу не расстраиваться, не падать духом, ибо будущее нашей жизни будет гораздо лучше, чем было, а это будущее не так уж далеко. Я верю вашим трудностям в жизни, но помочь чем либо, кроме совета, не могу, но и это, Анютка, неплохо. Ведь я хотя не очень большими, но частым навещаю Вас приветами — стараюсь поддержать, утешить Вас — дать тебе знать, что я с Вами.

Вот сейчас сижу один. Время 2 часа ночи. Все спят, а я в наряде дневальным. Что я не передумал, все мои мысли не были. Вот вы тоже спите, зная что друг жизни Вашей в эти минуты думает о вас и только.

<без продолжения> выше было <без продолжения>.

<10>

[г. Москва, 17 марта 1940 г.]

Москва, 17 марта 1940 г

Анютке и Эльбиночке от Мити привет!

Сообщаю, что твое письмо, Аня, я получил. С ответом немного воздержался. Думал написать примерно числа 18 и одновременно выслать фотокарточку, но решил этого дня не дожидаться, а кой о чем черкнуть.

В первую очередь хочу поблагодарить за гостинцы, т. е. 3 рубля. В будущем прошу таких вещей не делать. Ну сама подумай, Аня — куда мне с деньгами? Ибо я обеспечен всем необходимым для существования. Эти деньги лучше бы израсходовать на себя и Эльбиночку. Я прекрасно ведь понимаю, что они вам даром не достались, а стоили немало труда. Но не сердись, я их принял и принес большую благодарность тебе.

Правда, не подумал я и в одном письме просил выслать на папиросы, но ведь это была моя глупость. Тогда я отнесся к этому несколько легкомысленно, а ты скорее выслать вздумала. Не делай пожалуйста этого и я принимать не буду как хочешь не из-за того, что я вообще не желаю от вас получать, а по той причине, что эти рубля для тебя пригодятся как говорится на «черный день». Думаю, это тебе понятно.

Живу я хорошо. В это время никаких изменений не произошло. Все идет по старому.

18 марта, т. е. в выходной день иду за фотокарточками и того же числа постараюсь выслать. Жди и посмотри, если хочешь на меня дурака.

На счет хлеба — напишу в Райвоенкомат и добьюсь, чтобы вас в этом не ограничивали.

Вы, Аня, как видно из письма, серьезно говорите о поднятии животика, ну что ж, ладно. Советскому союзу люди нужны. Только почему-то я боюсь за вас, ибо при этом сможет получиться неприятная вещь, и кроме того тебе трудно будет, если все в порядке, воспитывать. Как ты то сама смотришь на эту вещь?

Конечно при совместной нашей жизни с тобой, это бы пустяки, но сейчас... подумай хорошенько, сделай выводы о дальнейшей жизни до моей встречи и совместной жизни.

Главное — не падай духом, береги себя и дочку, особенно свое здоровье.

За последние дни мне что то становится не себе. Все время где бы то я ни находился. Думаю об вас, о вашей жизни, которую представляю себе. Черт знает, что случилось. Даже иногда доходит черезчур далеко. Что будет дальше — не знаю.

Ведь положено таково – надо думать об уроке, а в голове давно ваша незадачная жизнь, может за слезами – вот что тревожит.

Не беспокойся Анютка за меня. Будет то время, если жизнь изменит, будем вместе и старое опять вернется. Ведь срок нашей учебы рассчитан на один год, а после окончания обязательно будет отпуск, а там на место работы вместе с тобой. Иначе быть не может.

Прошу только одно – пишите чаще письма, шли то фотокарточку и время пойдет незаметно. А то ждешь – ждешь письма и наконец через месяц – не раньше, а получить письмо, особенно от тебя, это большое дело, даже настроение поднимается.

Да! Вспомнить иногда все, что было при нашей совместной жизни, все блаженства, которые вот уже как 5 м-цев нет. Но это не беда. Они опять вернуться через некоторое промежуток времени. Хотя вспомнить приходится об этом и только. Так ведь, Анютка, а? ну как ты думаешь, ха! ха! ха!

Кажется я тут далеко заехал, но ничего – свои люди и стеснятся друг для друга нечего, что правда, то правда.

Дочурке Эле! Как живешь, Эльбиночка, что нового знаешь – скажи пап(ы)е

Расти, цветы – наслаждайся, а папа скоро приедет к тебе, только не забывай! Вот мой совет.

Ну пока, Анютка!

Целую и крепко-крепко жму руку

Твой Митя.

Адрес старый. Привет Маньки, воспитателям, Клани Чуркиной, Фимы Семеновой.

Привет всем людям.

<11>

[г. Москва, 6 апреля 1940 г.]

Москва 71.

От 6. 4. 40 года

Привет и горячий поцелуй от меня Анюте, дочке Эльбиночке!

Сообщаю, Анюта, что Ваши два письма получил и в них по 3 рубля – за что сердечно благодарю.

С ответом на твои письма немного задержался, т. к. выбрать свободное время не удалось. Сейчас идёт горячая работа в связи с подготовкой к 1 мая.

К тому же на днях лежал по болезни в лазарете.

2е суток, а сейчас опять освобожден от занятий на 2 дня.

Со здоровьем что то стало не совсем. Конечно можно было и ожидать – ведь наступает весна, а весной у меня всегда были неполадки со здоровьем.

Но Анюта прошу не беспокоиться. Это всё пустяки. Ну мало ли что не бывает, ведь это первые дни за такой, можно сказать, долгий период. На днях думаю совсем поправиться.

Лично моя жизнь протекает таким же порядком

Учеба дается трудновато. На днях были зачеты по всеобщей истории – сдал на хорошо. Вообще трудности приходится преодолевать.

Смотреть Москву ходим каждый выходной. Побывал уже во многих местах. Ходим всё время в вдвоем с товарищем по парте, т. е. столу на котором занимаемся. Если получила фото – это он самый и есть Родиной из Татарии. Он же является командиром отделения, в котором нахожусь я. Замечательный парень. Отличник учёбы и большой комик.

Напиши, Анюта, получила нет карточки 2 шт; и конечно шли скорее свои. Жду!

По вопросу о дальнейшей вашей жизни я так думаю: если будет сильно трудно – переезжай в Вожгору, тебе там никогда в приеме не откажут. По моему будет лучше и легче. Ну вообще тебе видней, ведь я не знаю как ты живешь, хотя пишешь что ничего но я думаю, что это ты стараешься успокоить меня, чтобы я не тревожился. Но болезнь у меня за вашу жизнь большая – больше чем за свою учебу с/н.

Сейчас конечно ещё хорошо, что одна Эльбинка, и если будет <неразб> тогда гораздо положение измениться и что то надо будет делать.

Вот что Анюта! Если будешь сильно болеть или ещё что ни будь случиться хуже, то телеграфируй, т. е. подавай телеграмму мне за подписью этой телеграммы врача. Может быть тогда будет возможность приезжать мне. Дальнейшая наша жизнь должна, если не изменятся обстоятельства, протекать таким путём: После окончания училища даю 1 ½ м-ца отпуск – только в какие времена года не известно. Я приеду – заберу Вас и всё в порядке. А там заживём, не беспокойся не хуже людей. Конечно ты завидуешь жизнью людей, но ведь они живут и только, тогда

как твой друг до гроба отдаст свой священный долг государству. Ведь это две вещи разные. Был бы я дома, жили и не тужили бы.

Я почему то боюсь за вас Анюта, зная о вашем здоровье. Может быть и на самом деле больше не увидим друг друга. Но по моему я написал глупости, не может быть этого.

Об этом всё.

Эльба — ну как дочурка живёшь? Забыла нет папу, наверно стала уже большая. Папа приедет и не узнает тебя.

Рад бы послать тебе куклу, но к сожалению карман пустой. Твои 3 руб. получил — купил папирос и покуриваю, тебя вспоминаю.

Живи. Расти. Будь умницей.

Ваш папа Митя.

Анюта, мне бы надо послать свои вещи тебе, но знаешь что не во что их упаковать. Был бы мешок, ох как хорошо. Ребята уже отослали, а у меня лежат. Не знаю как быть.

Пишите не забывайте.

Митя

<12>

[г. Москва, 24 апреля 1940 г.]

24/IV — 40 г.

Здравствуй Анютка и Эльбиночка!

С чистосердечным приветом к Вам Митя. Хотя от тебя, Анюта, я еще не получил ответа на мои письма, но хочу черкнуть несколько слов о своей жизни. Это будет и для меня лучше и для тебя веселее.

Я, Анюта, стал все больше скучать и тревожиться за вашу жизнь, зная, что вам очень трудно без меня. У меня не выходит мысль о том, как вы будете жить дальше. Сейчас, конечно, еще ничего, когда ты сама работаешь, а что будет дальше, если ты уйдешь в декрет. Я лично думаю, что лучше бы уехать к отцу. Правда я писал отцу, чтобы он помог, если согласитесь на это, переехав в Возгорю. Полагаю, Анютка, что для вас это не было хуже. Опиши, как сама смотришь на эту вещь.

Ведь ждать меня надо будет еще долго, зная что это кончится не раньше декабря, января да и думай здраво на это и делай как тебе лучше. А то знаешь все эти неприятности отражаются на моей учебе. Помочь чем либо я не в силах моментально, а только могу дать совет.

Жизнь моя идет без особых изменений. Сейчас правда период учебы настал еще труднее. Кроме 10 часов занимаемся ежедневно по 4–5 часов строевой подготовкой. Готовимся к первомайскому параду.

Вчера уже ходили показывать свои достижения Буденному. Проходил мимо нас, здоровался. Так что его я посмотрел основательно. Здоровье мое идет пока ничего. Но кажется за последнее время стал чувствовать себя слабее. Этому причиной являлась во первых весна, во вторых думал о вас и третье от большой перегруженности от занятий. Но это все пустяки, если бы у вас дело обстояло лучше, чем сейчас.

Насчет получения денег из дома, то я писал в прокуратуру – чтонибудь ответят.

От Никифора Кузьмича получил письмо из Одессы. Пишет, что 30 числа апреля будет в Москве. Не знаю, увижу ли. Постараюсь, конечно увидеть. Он мне писал, что получит зарплату в 1000 рублей, и говорил, что по возможности Аняте постараюсь помочь, хотя немного. Ведь это слова, и на это надеяться нельзя, т. к. у него своя семья.

Пишите, Анятка, что нового у вас. Как проведете 1 мая и как готовитесь?

Ну кажется и все.

Вот дурак позабыл об Эльбиночке. Ну как живешь дочурка. Жаль, что папа у тебя далеко и гостинец послать не может тебе. Живи, слушай маму расти, веселись, а папа приедет к тебе. Скоро. Тогда заживем.

Ладно?

Адрес старый.

Привет от меня А-ндру Матв., воспитателям, а почасту Антонова ну его рыжего пса на х.. (sic)

Митя.

<13>

[г. Москва, 30 апреля 1940 г.]

30/IV – 40 года

Здорово Анята, Эльбиночка!

Сообщаю, что письмо ваше получил, за что благодарю. Если вы пишете, что от меня долго ждали, то я от вас еле дождался. Думал, что совсем не будет.

Правда пора бы писать почаще, особенно вам, т. к. у вас время есть всегда свободное, а у нас его не хватает. Даже

хорошо было, если бы в сутках было не 24, а 48 часов. Но это все ерунда. Найти его все же сложно.

Дак вот Анютка — завтра первый май. Если бы был дома, то наверняка что нибудь сообразили, т. е. отметили бы. А здесь как бойцу Р.К.К.А. этого делать не разрешается. Дак я прошу, если есть возможность вытянуть чарочку за меня!

Живу пока хорошо. Недостает одного — тебя. Ну ты подумай, как можно не вспоминать после блаженств, которые проводили при совместной жизни и особенно... вот это-то сейчас и тревожит.

У тебя вероятно возникает мысль о невозможности прожить без этого — напрасно! Об этом можно только думать, мечтать, а делать нельзя! Такого же мнения прошу придерживаться и тебя.

Если люди и делают это — то это как Мартын с одной стороны и Анна с другой, то это люди не думают о дальнейшей жизни. Я на это вещь смотрю так: «Малейшее замечание по данному вопросу — есть конец нашей совместной жизни, даже если бы хотя были одни слова», а храбрости у меня на это вполне хватит.

Не подумай, что этим я хочу тебя застрашать. Нет! Я рассуждаю вполне здраво.

Да у меня есть мнение по поводу твоего б..... (sic) Как она могла получиться — разгадать до сего времени не могу. Но если ты уверяешь — то пусть будет так. Ведь этим мне хуже не сделаешь как только себе. Нужно быть человеком честным, справедливым. Лжи, обмана с твоей стороны полагаю не будет. А на счет меня, то прошу не беспокоится. Такими вещами при совместной жизни я не занимался и не думаю. Ибо я поклялся одной вам и как коммунист твердо стою за советскую семью.

Не обижайся, что я не поскромничал. Но ведь это между нами только.

Учеба идет пока ничего. Плохих оценок пока нет, да и отличием не похвастаюсь. В общем, трудностей встречаю больше. Но окончить думаю не хуже других, если только ничто не случится.

Погода стоит здесь холодная. Вот сидим в классе и в шинелях.

Первого мая идем на парад на Красную площадь. Посмотрю наше Сов. правительства, тов. Сталина. На счет по-

лучения денег я писал вторично прокурору, надеюсь, что наднажмут и выплатят.

По вопросу о Личной вашей жизни, то делай сама, как тебе лучше, если мой совет оказался глупым советом.

Неплохо если бы мама пригласила тебя, но я не надеюсь. Много есть ребят, которые служат в армии, их жены живут у матерей. Почему бы это <нрзб> и твоей маме. Поддержать свою родную дочь.

Кажется и все. Живите не скучайте. Помните Анютка одно. Я с вами!

Думаю, что встретиться придется зимой, а тогда не подкачай — ладно? Ха! ха! Ха!

Эльбиночка! <нрзб> живи, расти, резвись. Папа скоро. Его забывать нельзя.

Слушай маму, а мама пускай бережет тебя
Твой папа!

Ну и пока Анютка. Целую

Твоя Митя

Адрес старый

На конверте адрес писал мой друг — смотри на фото.
<Приписано> Карточку желал бы посмотреть лучше.

<14>

[г. Москва, 7 мая 1940 г.]

Москва от 7/V — 40 года

Здравствуй Анютка и дочка Эльбиночка!

С чистосердечным приветом и горячим поцелуем к вам
Ваш муж и папа Митя.

Может быть я не стал бы писать сегодня письмо, а обождал денька 2—3, но на сердце такая скука, что невольно заставило меня взять в руки перо, бумагу и черкнуть о своем житье бытье.

Да, Анюточка, чем дальше идет время, тем с каждым днем становится скучнее и скучнее.

Думая и надеясь, что бы сердце успокоиться <нрзб>. О, нет! Оно кипело в эти дни еще сильнее.

Сам праздник прошел нельзя сказать, что плохо. Был на параде, прошли мимо т. Сталина, Калинина, Молотова, Дмитрова, Ворошилова, Буденного и др, посмотрели и как будто в эти минуты было легко и радостно.

Но как только кончился парад, стало опять не по себе. 1ого мая вечером встретил Ивана Никиф. и Анну Вас. ко-

торые пригласили меня в гости. Одним словом приняли отлично. За обедом и чаем (конечно с бутылкой) велись разговоры, в которых вспоминали тебя, Анютка, об Эльбиночке — о Вашей жизни.

Был у них часов пять. Посмотрел на их сына Шурика, последний стал уже большой, много разговаривает кой о чем.

Но ведь это тоже нисколько меня не успокаивает. Я жду время, того время — когда встречу свою родную семью. Но ведь это еще так нескоро. Думаю, что если ты, Анютка, будешь чаще навещать своими письмами и я тоже тебе, то время куда быстрее пойдет.

Не хотел я конечно о случившемся, но все таки черкну. Когда мы ехали в гости к Ив. Ник у меня из кармана вытащили кошелек. Там особо ничего важного не было. Твоя карточка, проф билет, старый военный билет и все. Об это конечно тебя прошу помолчать, т. е. не говорить никому — лучше будет.

Ну как ты живешь Анюточка? По моему печали у тебя не меньше, а даже больше чем у меня.

Да трудностей много, но что сделаешь. Придется какнибудь перебиваться. Ты молодчина тем, хотя не падаешь панику. За это я тебя хвалю. А то знаешь как бывают всякие, которые каждый пустяк кажется крепостью и неприступностью.

Надейся, Анютка, что наше счастливое все впереди. Тебе может думается, что я только словами убаюкиваю тебя, если такое мнение есть — то выбрось его из головы. Ибо обманывать я не собирался и собираюсь.

Я как раньше хочу жить вместе, видеть тебя и наслаждаться тем, чем положено.

Обижаться на прожитое с тобой время с 1935 года я тоже не собираюсь, ибо оно прошло также не заметно и не оставило за собой следов неприятностей.

Пишите, не забывайте. Если же плохо у тебя будет обстоять дело с родами и сильно будешь болеть, то подавай телеграмму за подписью врача.

Надеюсь, что все муки перенесешь, помни что я всегда с тобой!

Пишите жду.

Твой Митя.

Привет Эльбиночке. Береги ее маму. Пускай растет и резвиться.

Папа.

Адрес старый.

<Приписано по диагонали> Шлите фото. Анюта, сходи к Марфы <нрзб> Написали они нет рекомендацию для поступления в партию, а также к Колосову, я им писал. Ладно? Митя.

<15>

[г. Москва, 11 мая 1940 г.]

11 мая 1940 года

Здравствуй Анютка и дочка Эльбиночка!

С чистосердечным приветом и горячим поцелуем к Вам Митя.

Не так давно, Анютка, писал письмо, но сегодня нашел свободную минуту и решил кой о чем черкнуть пару слов.

Вероятно ты уже получила мои письма и думаю, что по-нервничала, т. к. я написал такое, от которого могут на самом деле вылезти глаза на лоб.

Но не обижайся, Анютка, ведь это письмо к тебе любя Вас. Может я и допустил глупость, но это ничего. Ведь думать можно что угодно. Не знаю, может я ошибаюсь и ты посмеешься над моим заверением, что я считаю тебя за порядочную женщину и хорошую жену.

Ведь бывают такие случаи, когда муж считает свою жену непреступной крепостью, а на самом деле жена встречает каждого — и по заглаз смеется над своим мужем.

Может такая же вещь получится и со мной.

Чистоту своего сердца ты должна открыть передо мной, сказать всю правду с таким расчетом, чтобы у меня не было никакого сомнения в этом.

Я же со своей стороны заверяю Вас, что с моей точки зрения измены не будет.

Ведь пойми Нютка, если бы ты знала мои настроения, когда я думаю о тебе. Сердце рвется к тебе, к твоей груди — в объятья. Но где вы? Вот с таким настроением приходится прожить это время, переживать очень трудно.

Вспоминаю часто первые дни и годы нашей совместной жизни. Не уходят из башки все наши проказы ночные, а теперь что. Одни воспоминания. Опиши Нютка, как это тебя тревожит.

Ну кажется я разболтался черезчур, но думаю что не тебя, т. к. свои страдания высказать не кому мне кроме тебя, а

ты чтонибудь черкнешь мне, выскажешь свои мнения без стеснясь.

Ладно, Нютка?

Теперь от любезниченья подальше, и несколько слов о деле.

Вещей в скором времени не послать, т. к. не во что их <неразб.> к тому ж на довольно на продолжительный срок на днях едем в лагерь.

По части денег я писал прокурору, не знаю, что сделали ли они, мне не известно — сообщи.

Вообще опишу все, что нового у вас, о своей жизни черкни и трудностях. Не забудь сообщить соображения по поводу твоей дальнейшей жизни.

Живите, Анютка, не скучайте, часто пишите письма и я не забуду тебя.

Береги Эльбинку, пусть она растет. и ждет папу.

Пока. Твой Митя.

Адрес старый.

Москва 71. В.П.У. им. Ленина, литер Д.

<16>

[г. Москва, 19 мая 1940 г.]

19 мая 1940

г. Москва

Здравствуйте Анюта и Эльбиночка!

С дружеским и отцовским приветом к Вам Митя! После долгого ожидания наконец-то получил твое письмо. Оно шло немного ни мало 26 дней. Как видишь, получать чаще в это время было никак нельзя в связи с распутой. Вижу из твоего письма, что жизнь у вас идет несладкая. Но это Анюта объясняется тем <нрзб> хлеба, продукты) что наше правительство <нрзб> короткий срок провело три войны: в Финляндии, на Хасане, в Монголии, а также: в Польше. На это потребовалось много кое чего. Поэтому и сейчас существуют некоторые ограничения в выше указанных продуктах. Но это ведь как временное явление. Придется конечно туговато — ибо так требуют обстоятельства. Наша жизнь идет конечно по другому.

Ограничения в хлебе, чаще в белом, мы не видим, ешь сколько угодно. Получаем утром за чаем масло и вечером тоже, а обед настоящий!

Так что жить можно прилично. Только дело в том, что на душе всегда семья, думаешь, может она в это время сидит голодная. Было бы конечно другое дело, если бы чувствовал себя одиноким, то есть знал только про свой личный живот.

Я лично рад тому, что мы в период отпуска не израсходовали эти 975 руб, которые для тебя являются неплохой поддержкой. Напрасно только ты вот их тратишь, посылая мне. Ведь я писал, чтобы не присылала. Не беспокойся, обижаться на это я не собираюсь, зная что каждая копейка вам пригодится на черный день. Рассчитывать на скорую нашу совместную жизнь не приходится в связи с обострившейся международной обстановкой. Может быть все...

Мы, Анютка, сейчас живем в лагерях за Москвой. Одновременно учимся и выполняем хозяйственные работы по устройству лагеря. 17 числа мая приезжал к нам Буденный, стоял и смотрел на него в 2х шагах от него. Так что основательно рассмотрел его.

Конечно здесь нам достается здорово. Чувствую себя пока что ничего, но боль чувствую сегодня в груди. Сегодня думаю итти в больницу. Но это пустяки. Из-за любви к тебе, Анютка, перенесу все, чтобы не встретилось на моем пути.

Вот что Анютка, я посылаю Колосову и Марфы записочки, снеси им пускай они напишут рекомендации другие: те, которые они дали оказались негодные. Во-первых не заверены райкомом ВКПб и не указано с какого года и по какой год они меня знают по совместной работе.

Ведь переход из кандидатов в члены большое дело при выпуске нас из училища. Наверняка членов будут выпускать политруками, а командиров могут выпускать только младшими политруками.

Будь добра сделай и расскажи как нужно сделать. Вещи выслать сейчас не могу. Возможность будет только в октябре м-це, не раньше.

Ну пока и все. Живите, не скучайте

<нрзб> карточку выслал давно. Получили нет они?

Твой до гроба Митя.

Мой адрес: Западная железн. дорога, станция Кубинка, п/я 4108, литер «Д».

<Приписано по диагонали> Можешь писать и по старому.

<17>

[г. Москва, 12 июня 1940 г.]

12 июня 1940 года

Здравствуй Анютка, Эльбиночка!

С дружеским приветом и горячим поцелуем к Вам Митя.

Дня два тому назад я написал тебе Анютка письмо, а точнее недоразуменье, глупость. Вот вспомнил я про свои слова в написанном мной к тебе письме – убедился в сущности своих слов.

Ох! Какой я дерзок был в эти минуты, сколько глупостей я себе позволил, что совестно вспомнить. Приходится сделать одно – извиниться перед тобой за свою глупость и клянусь не позволять себе таких вещей.

Поверь Анютка! Я не понял твоего письма, хотя читал его может быть тысячу раз и поэтому у меня сложилась дурацкая жизнь, которую я выложил в письме к тебе.

Прошу тебя, не сердчай, пожалуйста, не расстраивайся, ибо я свою ошибку признал, когда прочитал твое второе письмо, где было указано то, на котором я свихнулся. Может быть вы мне не простите за мою глупость, но я пред тобой открываю все свое сердце и заявляю, что такой пакости в будущем не допущу никогда.

Может быть ты уже получила мое нахальное письмишко, может пролила немало слез – но что сделаешь – Да будь проклят я!

Если до этого я ненавидел себя по недоверию к тебе, то сейчас ненавижу себя за свою глупую голову, за безмозглое свое письмо.

Прошу позабыть это, разорвать на мелкие куски мое письмо и не вспоминать его никогда.

Милая, Анютка! Я сам не знаю почему у меня могло возникнуть такое мнение – непойму! Поругай меня за это как следует – я достоин этого, но только прошу не проливать слез из-за меня, не ухудшишь своего состояния – крепись, чувствуй бодрее и помни всегда, – что я твой и вместе с тобой.

А за мое оскорбление ты налупи меня как сидорову козу при первой же нашей встрече. Думаю, что наша совместная жизнь еще будет и не просто жизнь вообще, а жизнь хорошая, светлая – счастливая жизнь!

Ты должна быть уверена в свое хорошее будущее. Желаю тебе скорее перенести все трудности, невзгоды и любя друг друга выйди с победой здоровой, веселой.

Надеюсь, что мои чистосердечные раскаяния примешь и скажешь сама себе: «Да, я еще сильна и мы увидим друг друга»!, хотя «Митя отнесся ко мне безучастно!»

О себе: живу неплохо. Но не забыть долгое время того, что я позволил по отношению к тебе. Успокоится смогу я только тогда, как получу от тебя прощенья. Пиши скорее! А то вот последние эти две ночи сильно беспокоили меня. Я все время думал, что будет с бедной Анюткой когда она получит мои бесчеловечные соображения. Черкни скорее, подними мое настроение и тогда я снова возьмусь за работу и любя тебя преодолею все трудности, которые встретиться на пути.

Может я опять займусь глупостью, но будет неплохо и согласовать такой вопрос как дать имя новорожденному.

Мое личное мнение — если дочка, то назвать Риной
<окончание утеряно>

<18>

[г. Москва, 18 июня 1940 г.]

18 июня 1940 г.

Здравствуй моя дорогая Анюта и дочка Эльба!

Сообщаю, что твое Анютка письмо я получил, за что даю сердечное спасибо.

Сегодня у нас выходной день, но отдыхать не приходится. Совершили 10ти километровый марш в противогазах за 1 час 40 минут, после чего пообедали и вот я взял чернила, ручку — развалился на лужок и решил черкнуть пару слов о моей жизни.

Вот лежу на животе, а он «дурик» начинает тревожиться, по всей вероятности вспоминает прошлое. Из твоего письма видно, что жизнь в Койнассе у тебя не так сладкая. Я лично бы советовал тебе уехать к родным. Не принимай того, что Игнат ничего не говорит по этому вопросу, а с отцом прожить сложно, т. к. он вообще хорошего мнения о тебе. Полагаю, что с первой же возможностью уедешь. Но опять таки обдумай хорошенько сама все. Заставить я не могу, но мой совет такой.

Ты можешь думать дожидаться меня, но я должен сказать тебе, что все это еще вилами по воде писано. Ведь наша жизнь такая «Сегодня здесь, а завтра неизвестно где».

Не подумай опять того, что якобы я не хочу вообще встречаться с тобой! Нет!

Вот только плохо дело у меня по части рекомендации. Одну уже от Саукова Н. К. получил да Марфа Мардр. вышлет, а третью не знаю где взять. Вы писали на счет заверки, то прямо пускай шлет в РКВКП(б), укажите мой адрес, а райком вышлет по данному адресу мне.

Хотел многое написать, но т. к. писал не так давно, то на этом выдержусь.

Живите, не скучайте. Берегите Эльбинку, а Эльбинка маму.

Ваш Митя.

Адрес старый.

<19>

[г. Москва, 12 июля 1940 г.]

12 июля 1940 г.

Здравствуй Анюта, Эльба!

С приветом к вам Ваш Митя!

Сообщаю, что после долгого ожидания, наконец то получил от тебя Анюта письмо. Надо прямо сказать, оно меня несколько не обрадовало: во первых потому что плохое твое состояние здоровья, а во вторых мои ожидания оказались напрасными. В смысле «мужика», а выходят все «бабы».

Но это все ерунда, если бы твое здоровье не подкачало. Ведь женщина в нашем обществе не лишний человек. Пускай растет, питается.

Да Анютка положение твое в настоящее время самое трудное. Жаль, но что поделаешь.

Чем я могу тебе помочь — просто не знаю. Сама конечно понимаешь это дело.

Кажется, я писал тебе в том письме, чтобы ты уехала в Вожгору, но ведь ты опять таки не слушаешь меня.

Я лично считал бы уехать. Моя мать не прочь бы и поныничится с детишками и в случае твоей тяжелой болезни не осталась без надзора. Думаю, родители не допустят такой пакости.

Я опять таки не против того, что ты находишься у своей мамы, но я боюсь одного — а хочет ли она твоего

присутствия. Не лишних ли ртов ты привезла на их кусок хлеба. Черт знает, что и делать. Как будет протекать твоя дальнейшая жизнь, как ты будешь обеспечивать себя и детишек – невысказано.

Дак вот Анютка подумай хорошенько, сделай для себя соответствующие выводы и напиши мне, как ты все таки думаешь жить.

Прошу одно. Побереги себя, детишек, не падай духом – держитесь, а будущее счастливое все впереди, но когда – точно сказать конечно было бы глупо.

Надеюсь что соберешь свои утерянные силы и опять будешь более жизнерадостной.

О себе: живу неплохо. Учеба идет своим чередом, сильного отставания по сравнению с другими не имею.

Но знаешь, что от таких сообщений, что вы мне пишете работа иногда валится из рук, а особенно сейчас. Мысли рассеиваются и иногда делаешь не то, что полагается. Вот сегодня, узнав о таком состоянии тебя, я просто чувствую себя неважно. Пишу, а руки трясутся.

Поправляйся скорее, тем лучше будет для меня и для тебя.

У меня есть к тебе Анютка вопрос: долго ли ты думаешь жить у мамы, и как она на тебя и

<продолжение отсутствует>

<20>

[г. Москва, 27 июля 1940 г.]

27/VII – 40 г.

Здравствуй Анюта, дочки: Эля, Миля!

С приветом к вам ваш Митя. Наконец-то дождался, Анютка, от тебя письма. Получил его сегодня, за что благодарю.

Ты знаешь ведь за то время до получения от тебя ответа я написал тебе 3 письма. Адрес писал на Белоощелье на имя твоей маме с передачей тебе. По моему если ты сейчас в Койнассе, то тебе эти письма не достанутся, а попадут в руки мамы, и она постарается их вскрыть, что было

<страница оборвана>

Второе что мне показалось смешным в твоём письме это то, что ты меня кажется похоронила и чуть ли не произносишь надгробную речь. Жалко, но что сделаешь. По моему

умирать я еще не собирался и не собираюсь, а тебе хорошо живых не советую. Когда, если удастся, встретимся, то эти слова я постараюсь произнести тебе, как ты тогда посмотришь. Считаю, что покраснеешь!

Дак вот мое пожелание к тебе: не думай не об чем, считай, что я всегда с тобой.

<страница оборвана>

<21>

[г. Москва, 9 августа 1940 г.]

9 августа 1940 г.

Здравствуй Анята, Эльба, Миля!

С приветом к Вам Митя!

Твое письмо Анятка я получил и вероятно предполагаешь мое положение и настроение после читки его. Да. Это извещение принесло мне болезнь и больше ничего. Я просто не знаю, может мне снится, а может еще чтонибудь, или я не мог понять твоего письма. Нет! Как будто я еще в уме и понимаю, а вот не могу понять, что такое с вами. Ведь как тут не волноваться, как на ум пойдет работа, учеба, когда письмо пропитано смертью и больше ничего! Кажется, мне больше этого ничего не написать, т. к. трясутся руки и в голове пусто. Но подумаю, авось чтонибудь выйдет.

Да Анятка, это первое такое твое письмо, подобных я не встречал. Ты раньше была совершенно другая. В тебе чувствовалась сила, мужество — чего сейчас не видно. Я охотно верю твоему положению, жаль мне тебя, и я нинахожу слов, чтобы выразить свои чувства к тебе. Но чем я могу помочь. Хотя вылезай из кожи — ничего неподделаешь. Я знаю, ты меня прокляла, обругала на чем только свет держится, но я Анятка не желал тебе худого.

<окончание утрачено>

<22>

[г. Москва, 21 августа 1940 г.]

21/VIII — 1940

Здравствуй Анятка, Эля, Миля!

Вот как уже неделю времени жду от тебя Анятка письма, но никак не могу дождаться. Принесли почту, бегу туда с воодушевлением, что вот наконец то увижу знакомый по-

черк на конверте — но все напрасно. Опять как говорится несолоно хлебавши и в голову приходят такие мысли, что может быть ее уже и не существует.

Ты хотя бы черкнула слово (я уже не прошу многого) и это было бы для меня большой радостью. Смогу ли я получить знакомые строки в недалеком будущем — сомневаюсь.

Может быть Анютка я не достоин твоих писем, может быть чемнибудь я оскорбил тебя, — а ты мстишь мне за это. Твои действия не совместимы с теми, что ты являешься моей женой, другом жизни.

Я просил бы объяснения о поведении тебя по отношению ко мне. Может быть это будет немного грубовато, но ничего обидного нет.

Вот видишь, Анюк, что я не знаю про твое житье бытие в настоящее время, а ты не хочешь видимо чтобы я знал. Напрасно. Считаю долгом твоим не забывать меня. Может быть будет время что я и пригожусь тебе. Прошу только не серчать на меня, а давай пиши как можно чаще.

О себе пару слов. Живу Анютка и все также как и раньше скучаю по тебе, а особенно в последнее время это стало литься через края.

Работенки хватает и упорно приходится трудится. Учеба идет пока хорошо, хотя достигается с большими потерями пота. Конечно, без этого обойтись нельзя.

Новостей каких либо писать не думаю, т. к. ничего не знаю, а врать пока не собираюсь.

Из дома вчера получил письмо. Отец пишет, что живет хорошо как деньгами, так и хлебом.

Пишет и о тебе, что Анюта почему то не едет к нам, видимо боится.

Писать много не собирался, т. к. недавно написал 3—4 письма, а ответа не получил. Буду ждать.

Твой Митя.

Адрес старый.

Жду, Жду, Жду, Жду, Жду и еще раз Жду!

Д. С.

<23>

[г. Москва, 5 сентября 1940 г.]

5/IX — 40 г.

Здравствуй Анютка, Эльба, Миля!

С чистосердечным приветом к Вам Митя.

Может тебе, Анютка, покажется странным, что я стал так часто беспокоить тебя своими письмами, может они уже надоели тебе как горькая редька, но что сделаешь – против своего желания не попрешь.

Я лично думаю так, что хотя немного черкнуть, но почаще – лучше, чем написать много, но раз в год. Думаю, что не будешь перечить против моего решения и полагаю, что не откажешь дать ответ на каждое мое письмо (конечно письмом нельзя назвать).

Да, Анюк, время идет, все течет, все изменяется. Если в июле, августе чувствовали жару, то сейчас только в начале сентября – наоборот начинает пробираться «цыганский пот». Вот сижу пишу, а сам озяб, а руки чуть движутся по бумаге.

Конечно, она бы остановилась, но зная, что эти строки дойдут до тебя – все таки подчиняется.

Солнце уже стало реже показываться, а это холодит сердце, а найти тепло для него – дело невозможное в настоящее время.

Но думаю, что будет время и на сердце тепло будет. Это время – наша встреча с тобой! Я не хочу тебя, Анюк, этим успокаивать, а положи руку на сердце прямо сказать, что дожидаться минуты нашего свидания надо еще порядочно времени, а сказать точно – не могу. Прошу только не отчаиваться, а спокойно перенести все, что встретиться на твоём пути. Уверен и надеюсь на тебя, как друга жизни, что это тобой будет выполнено в любой обстановке.

Я ведь прекрасно знаю, да и у меня душа ни какогонибудь безчувственного человека, что тебе исключительно тяжело воспитывать и кормить детишек, но также с уверенностью заявляю, что любя их, и надеясь на свое неплохое будущее, ты сделаешь все, что нужно для жизни.

Знаю также, что особого доверия ты ко мне не питаешь, считая меня человеком в высшей степени грубым, холодным – я этого отрицать не могу, но скажу раз и навсегда тебе, Анюк, что я никогда тебя не ставил в унижительном положении перед прочими женщинами, всегда где бы только не находился в моем сознании. Ты – никого другого. Короче – я всегда с тобой!

Тебе конечно эти строки покажутся глупыми, может быть, все это сочтешь пустыми мечтами, как это бывает с людь-

ми 15–16 летнего возраста, объясняющихся в любви, но я этих слов никогда в жизни при любых условиях обратно взять не могу. Верь!

Ну об этом хватит.

О себе. Живу по старому. Учеба идет неплохо. Только скука порой доходит до предела. В лагерях по всей вероятности пробудем до октября. В палатках спать стало уже холодно, а согреть некому — ерунда, надо закаляться.

Ну как ты, Анютка, живешь и чувствуешь? Каковы дочурки, а особенно Эльба? Напиши поподробнее, да обязательно пошли карточку, а то осерчаю на тебя.

Что нового в Койнассе, кто учителя работают в школе, как дела обстоят в детдоме и прочее. Посылаю дочкам по карточке — это свое производство, хотя плохо, но свое фото сам графировал, а поэтому должна принять как лучшее из лучших.

Ну пока. Остаюсь здоров.

Твой Митя.

Адрес старый, а с числа 15 сентября пиши на Москву, т. е. Москва 71, 18 П.У. им. Ленина, литер «Д»

<24>

[г. Москва, 8 сентября 1940 г.]

8/ IX — 40г.

Здравствуй Аня!

С чистосердечным приветом к тебе Митя!

Сообщаю, что твое письмо получил, за которое сердечно благодарю.

Ты вероятно за это время получила ряд от меня писем, некоторые тебя может обрадовали, но были и такие, которые пришлись не по сердцу. Знаю, что это тебя волновало, но ничего. Ведь я был в таком положении и думал, что эдак ты совсем могла забыть меня и не вспомнить. Последнему письму твоему я был рад до безумия.

Наконец то узнал, что твоя жизнь направляется в лучшую сторону и дело как будто направляется и со здоровьем, что было очень важным для меня.

Знаешь Анютка, я лично бы считал необходимым тебе точнее определиться на житье. Если нет возможности поступить на работу в Койнассе, то не советовал бы отказываться от предложения твоей мамы, которая якобы зовет тебя к себе.

Вот что значит сожительство и какую силу имеет оно. Когда находишься вместе не чувствуешь этой тяги, а сейчас носил бы на руках. Поверь Анюк, это чистая правда. Так что оказывается любить я тоже могу, а ты все смотришь на меня как не на человека. Думаю, что пора бы отказаться от такого мнения обо мне.

Ну у меня пока и все.

По приветам дочуркам, мамаше, Ивану Павл. (они кажется тоже нехорошего мнения обо мне как и ты)

Тебя любящий —

твой Митя.

Адрес старый.

В следующем письме жду от тебя фотокарточку.

Митька.

<25>

[г. Москва, 13 сентября 1940 г.]

13/IX — 40 г.

Здравствуй Анютка, Эля, Миля!

С приветом к Вам Митя!

Твое, Анюк, письмо только что получил, за что сердечно благодарен.

Рад что твое здоровье улучшается, а ты как видно начинаешь дышать полной грудью. Поправляйся скорее, а то может получится так, что я приеду к тебе и тебя не узнать, и могу перепутать с кемнибудь другим. Кроме всего прочего к этому времени <нрзб>

Ну не сердись, Анюк, что у меня часто выливается такая глупость в письмах. Ведь этот вопрос житейского характера и на что либо сердится не приходится.

Также приветствую твое решение вопроса урегулирования своего места положения. Я не против того, что ты живешь у мамы, это с одной стороны очень хорошо.

Но с другой хочу тебя предупредить. Не унижайся пожалуйста перед Иваном Павловичем, а то случится нехорошая вещь. Серьезно подумай и на удочки прошу не ходить.

Я так открыто пишу и заявляю потому, что я его изучил как свои пять пальцев. Может быть за такое недоверие со стороны меня к нему ты опять ругнешь — дело

твое. В случае паче чаяния что получится, то ответственность за это я снимаю, виновна будешь только ты и никто больше.

Дак поэтому то и надо быть осторожней, чуткой и знать политику его действий.

Не подумай, что затронутый мной вопрос есть только абсурд, выдумки. Нет! Не учтя этого я уверен, что ты останешься в сетях. Думаю, ты поняла меня и об этом заикаться больше не намерен.

Я что то стал скучать больше и больше. Редкая бывает минута, когда я не вспоминаю дом, семью.

А когда сбудется мечта побывать дома, увидеться тебя – не известно. Но в общем и в целом надеюсь, что такое время придет. Но тогда то будет все по другому. Тех лишений, которые ты сейчас переживаешь, полагаю в будущем не будет.

Я кажется тебе писал, что срок учебы продлен. Кроме того впереди ожидается большое напряжение сил, т. к. вопрос о сдаче государственных экзаменов стоит очень остро. Вот сидишь и думаешь, а может быть и не сдать последних, сама знаешь, какая у меня общеобразовательная подготовка.

Духом все же не падаю. Приложу все силы, но добьюсь того, что требуется от меня.

Правда моя учеба идет не так то уже плохо. От других пока не отстаю, а даже по некоторым дисциплинам иду впереди, хотя они имеют и высшее образование.

В лагерях живем последний месяц. Числа 29–30 сентября поедем в Москву на зимние квартиры, где и будем учиться.

За последнее время у меня чувствуется усталость. Опять появляется головная боль, особенно в последние часы появляется головная боль, да это и не секрет, т. к. занимаемся вот уже 8 месяцев и каждый день по 11–12 часов. Нужна чугунная голова, чтобы вынести такую нагрузку. Но это все ерунда. Только было бы все в порядке у тебя, а я любя тебя все трудности перенесу, какие только бы не встретились на моем пути.

Живи, Анюк, не скучай, не печалься. Будь терпеливой, выносливой. Береги детишек, а главное себя во всех отношениях и наверняка победа будет за нами.

Рад, что дочурки растут и видно по твоим словам неплохие девочки. Ухаживай, люби, проявляй материнскую заботу, не бросай на произвол судьбы, как иногда это делают в погоне «за другим делом».

Не подумай, я конечно надеюсь, что ты такой пакости не позволишь.

Я хотел спросить тебя по одному вопросу. Хотя этот вопрос был задан в одном из писем к тебе, но ты почему то уклонилась от ответа.

Скажи, Анюк, правду как смотрит на нашу жизнь с тобой мамаша? Я слышал, хотя неточно, что она меня величает «дурачком», а вместе с тем и тебе достается из-за меня от нее. Она, как было мне раньше известно, ставит перед тобой так вопрос: «что ты терпишь все невзгоды, потому что вышла замуж за этого...»

На самом деле становится обидно, когда мне приписывают, что якобы я виновен в твоей болезни, что ты потеряла свое счастье только из-за того, что вышла и полюбила меня.

Я просил бы не стеснясь ответить на этот вопрос и терпеть то, что мне приписывают как виновника твоего несчастья я не намерен.

Ведь тогда можно и мне поставить так вопрос:
«ИЩИТЕ ТАКОГО КОТОРЫЙ ДАСТ ВСЕ!»

Но постановка такого вопроса с моей стороны была бы не коммунистической и этого я никогда себе не позволю!

Верь, Анюк!

Твоя Митя.

Привет мамаше, Ив. Павл. — хотя они меня и ругают.

<написано на полях> Адрес пиши на Москву, его ты знаешь

Москва 71, В.П.У. им. Ленина, Литер «Д».

Жду фото и скоро ответа.

<26>

[г. Москва, 3 октября 1940 г.]

3 октября 1940 года

Привет из Москвы.

Здравствуй дорогая Анюк, дочурки Эля, Миля!

С самыми наилучшими пожеланиями к Вам Митя!

Твое, Анютка, письмо — Спасибо. С ответом немного задержался, но ничего. Лучше поздно, чем никогда.

В настоящее время нахожусь в Москве. Из лагерей прибыли 1 октября. Лагерный период закончился, итоги которого <нрзб> неплохие. Конец лагерного периода определяет конец первого года обучения. С 1/Х – начался новый учебный год. Задачи которого состоят еще более серьезные. Сейчас в основном сидим на изучении основ марксизма – ленинизма, истории международных отношений, по которым придется держать гос.экзамены.

В Москве устроились неплохо, но хуже чем это было в прошлую зиму, т. к. людей стало больше, и это несколько стеснило.

Личная жизнь идет без особых изменений. Только вот сижу и скучаю – покурить нет, зарплата израсходована!, а до новой еще 15 дней.

Со здоровьем пока не обижаюсь. На днях ходил в баню и прикинул свой вес на весах. Оказывается вместо 57 кг, с которыми я уехал из дома – стал 65,8 кг. Чувствуешь! Так что и ты набирай силы, а то трудненько будет тебе. Ха! Ха!

Знаешь Анютка! Я скрывать не стану, а прямо скажу, что скучновато без тех удовольствий, которые можно было получить при совместной жизни. Как ты смотришь на эту вещь? Но есть знаменитая пословица: «На каждое хотенье – есть терпенье». Так что приходится смиряться со всем.

Ну как ты живешь. По всей вероятности меньше скучаешь, чем я, т. к. живешь в кругу своих родных и чувствуешь себя свободно. А наше дело совершенно другое.

Хочу ругать тебя за долгое молчание. Ты что начинаешь отворачиваться от меня. Мотивировка твоя не основательная. Что значит нет времени и лень ответить на письмо. Тогда как же я нахожу это время, хотя занимаемся по 11–12 часов. Стыдно давать такие оправдания. Учти!

Как чувствуют дочурки, особенно Эльба. Жаль, что она стала забывать папу. Эдак и мама может забыть, а признаки уже есть.

Пиши, Анютка, получила нет 2 письма, адресованные тебе на Устькыму.

Ну меня пока и все.

Твой Митя!

Привет мамаше, Ив. Павловичу и всем остальным.

<27>

[г. Москва, 13 октября 1940 г.]

13/X – 40 г.

Здравствуй Анютка, дочки – Эля и Миля!

С дружеским и отцовским приветом к Вам Митя! Сообщаю, что письмо твое получил дня 21 тому назад, с ответом немного задержался, т. к. не мог найти пару минут свободного времени. Сегодня эта возможность представилась, ну и давай чертить тебе писулину.

Твое письмо, Анютка, не особо меня обрадовало. Во первых мне стало известно, что ты видимо не по матерински смотришь на детей. Подумать страшно, чтобы они могли болеть нарывами. Это плоды плохого ухода и питания. Возьмись за лечение по настоящему и в следующем письме сообщишь о результатах.

Во вторых то, что я якобы тебя заставлял силой ехать к моим родителям. Ну как тебе не совестно врать. Ведь я никогда вопроса так не ставил. Посмотри мои письма, которые писал раньше и убедись в этом сама. Не ожидал никогда такой пакости от тебя!

Ну и в третьих, что особенно мне показалось странным, это твое заявление о том, что любить и гулять кого-то... и с кем-то мешают дети, забота о них. А если бы их не было? Тогда (это видно из твоих слов), не нашла бы нужным вспомнить обо мне! Интересно!

Я не думал, что ты такая, а оказывается вот что! Ну и чтож, ладно!

Живу по старому, изменений больших нет. Вчера подготовил посылку с личными вещами, но не знаю, когда смогу отправить.

Вчера же сдавали государственный экзамен по истории международных отношений, сдал на посредственно. Многие провалились.

Знаешь Анютка, сомневаться в том, что нам не удастся встретиться – напрасно. Будет время, не беспокойся и наши мечты сбудутся.

Срок учебы рассчитан до 1 мая. Ну и весной или летом по всей вероятности будет отпуск. Здоровьем не обижусь. Чувствую себя прекрасно. Только одно не покидает меня – это ты, нет минуты, чтобы я не думал о тебе.

Хорошо, что имеешь деньги и это меня на первое время успокаивает.

Но еще раз прошу тебя – не доверяйся Ивану Павловичу, ибо доверчивость может привести не к хорошему.

Ну у меня кажется пока и все.

Не обижайся слишком то, что грубо начеркал, ну и подумай над тем, что ты мне написала по этому вопросу. Смешно!

Всего хорошего. Жду.

Твой Митя.

Мой адрес: Москва 71, п/я 4108 7я рота.

<28>

[г. Москва, 16 октября 1940 г.]

16/X -40

Здравствуй Анютка!

Не хотел писать тебе сегодня письма, но так как вчера получил от тебя, то думаю надо черкнуть хотя парочку словечек.

До получения этого письма ты получишь или вернее получила письмо и я вот вижу, что ты сидишь такая сердитая. Да я грубовато иногда пишу, но знаю, что на такие вещи ты смотришь совершенно спокойно, и я за тебя спокоен.

Живу по старому. Трудиться приходится очень много, в особенности сейчас, когда началась подготовка к параду. Придется опять побывать на Красной Площади и посмотреть вождей партии и правительства.

В выходной день ходили всем училищем в МХАТ (Московский Художественный Академический Театр). Посмотрел второй раз постановку «Любовь Яровая».

Еще хотел отослать, но оказывается в Пм отд. связи не принимают, придется в следующий выходной ехать в главный почтамт, только не знаю, возьмут или нет.

К вопросу об устройстве тебя на работу – то я вполне согласен с твоим мнением. Подрастут дочки, тогда конечно надо будет работать, т. к. ждать меня – дело далекого будущего.

Погода здесь стоит сравнительно теплая, а как у вас? По всей вероятности уже выпал снег. Я прошу тебя Анютка не

опечаливаться в жизни. Набери мужества, перенесем все трудности, а там будет лучше.

Мне известно, что ты особо доверяешься мне, но я должен сказать, что мои слова не разойдутся делом. Будь Анюк уверена в этом и мысли, которые у тебя есть по этому вопросу – выкинь их!

По моему ты не можешь меня ругать за что либо. Да это было бы глупо. Ведь я никогда где бы я ни был, не забываю тебя, а особенно <нрзб.> чем либо другим помочь я не в силах.

Думаю, что наша дальнейшая жизнь, если только ничего не случится, будет куда лучше, чем была. Мы могли друг друга любить, уважать, а почему не можешь делать это теперь? Конечно все зависит от тебя и больше ни от кого.

Надеюсь поймешь меня и мои заявления, и сделаешь все, что требуется для дальнейшей нашей жизни.

Трудно – это я знаю, скучно – мне это тоже <нрзб.> Но любя можно перенести все.

Ну у меня и все.

Привет дочкам: Эли, Мили. Ивану Павл. Мамаши, Жени <нрзб.> получил ли Ив. Пав. мое письмо, если да, то почему не хочет ответить.

Мой адрес: Москва, 11 п/я № 4108, 7я рота.

Твой Митя.

<29>

[г. Москва, 21 октября 1940 г.]

21/X – 40 г.

Здравствуй Анютка, дочки Эля, Миля!

С наилучшими пожеланиями в вашей жизни Митя. Что ты Анютка так часто смотришь в окно, почему так сильно грустишь, из-за чего иногда катятся слезы по твоему лицу?

И вот, чтобы у тебя этого не повторялось, я решил тебя веселить хотя (письмами – зачеркнуто. – Л. Г.), т. к. личное присутствие невозможно.

Но поверь Анюк я порой бываю в твоём положении. Правда у меня не бывает слез, я смотрю часто <нрзб.> но на счет скуки – хоть отбавляй.

У меня никогда не бывало такого положения, чтобы я скучал и другим не верил. Не чувствовал скуки, потому что мы с тобой всегда были вместе. А сейчас вот уж как год прошел не выдаючи друг друга.

А любить как хочется! Но кого? Ты может думаешь что себе нашел здесь? Брось эти мысли, никогда не советую к ним возвращаться. Моя любовь — это Анюк.

Вот сидишь и думаешь, что было, если бы в эти самые минуты был с тобой. Полагаю, мы сумели бы найти общий язык, сумели бы приласкать друг друга и обогреть свои сердца горячими поцелуями.

Но что поделаешь, пока этой возможности не предвидится. Но ведь, Анюк, она будет, но тогда мы посмотрим друг на друга в очи, широко и весело, как майское солнце улыбаешься — будем в крепких объятьях.

Я уже не раз тебе писал, что может быть ты и сейчас смотришь на меня с презрением за то, что когда то я был грубоват к тебе. Ты должна мне простить все прошлое, а мечтай жить с новым вкусом, но мечта должна претвориться в жизнь. Я думаю, что ты мои слова вполне понимаешь и не скажешь заочно про меня: «Ну мол Митя и дурачок же ты». Кажется об этом довольно, всего здесь не напишешь.

Живу без особых изменений. Время идет все ближе к концу. Вот остается проучиться еще 6 месяцев, конечно они пройдут скоро, если только все будет в порядке.

Учеба идет неплохо. Пока справляюсь, а про дальнейшее сказать трудно.

Ну как живут и чувствуют дочки. Эльба повидимому уже стала большая. Подросла нет она? Или будет такая «карапет», как я <оборвана страница>

Пиши, как смотрят на тебя <оборвана страница> только не скрывай, а <оборвана страница> твоей жизни.

Ну у меня пока и <оборвана страница>

Целую

Твой Митя.

Адрес: Москва 71 <оборвана страница>

SI посылку думаю в выходной <оборвана страница>

<30>

[г. Москва, 30 октября 1940 г.]

30/X — 40

Здравствуй Анютка, дочки Эля, Миля!

С приветом и горячим поцелуем к Вам Митя! Кажется давно я уже не писал тебе Анютка, даже скучно стало. Решил в ночной тишине черкнуть о немногом.

Время 2 часа ночи. Я вижу – ты словно спишь. Тебе видятся ночные грезы, может в них ты видишь чтонибудь хорошее. А я вот сижу и мечтаю о тебе, пишу как бы разговариваю с тобой. Но нет. Близко не чувствую тебя. А как охота побыть вместе, хотя бы пару минут, понаслаждаться тем, что дано. Даже сердце начинает замирать от одних только мыслей. А чтобы могло быть в действительности.

Вероятно и ты Анютка также не спокойна, ты тоже я предполагаю вспоминаешь наше прошлое, когда была возможность лепетать ласковые слова под уху друг другу. Жалко, но ничего не поделаешь. Приходится мириться с тем, что есть.

Живу все также, изменений никаких. Только за последнее время стал сильно скучать, даже заметно похудел. А сколько еще скучать из-за тебя? Конца не видно. Учеба идет сравнительно ничего, но выше описанное значительно отражается.

Вот не знаю, как пойдет дело с подготовкой к экзаменам. Боюсь, как бы не провалится. Прошлый выходной носил свои вещи на почту, хотел отправить, но не берут, т. к. запрещено в связи с распутой. Сейчас приходится ждать до 10 декабря.

Ну как живете, как ваше здоровье. Сейчас тебе нужно будет поправляться, а то знаешь тебе будет не выдержать... Ха! Ха!

Ну не сердись, что опять немного загнул. Знаешь Анютка веселее становится, когда хотя это удастся сделать, т. е. написать.

Ну каково чувствуется и живется дочкам, ты говоришь Эльба забыла меня, а может у нее и другой папа есть, не так ли, а?

Как смотрит на тебя Иван Павлович, каково его к тебе отношение. Пиши, не скрывай, лучше будет.

Ну у меня пока и все.

Не хочу тревожить многим твоего сна. Я только посмотрел на тебя, поцеловал спящую и только.

Спи, Анюк, спи.

Твой Митя.

Адрес: Москва 71, п/я 4108, 7я рота.

Не сердчай, что мало написал, да к тому ж и глупо.

Жду с нетерпением.

Митя.

<31>

[г. Москва, 26 ноября 1940 г.]

26/XI – 40 г.

Здравствуй Анютка, Эльба, Миля!

С наилучшими пожеланиями в вашей жизни – ваш Митя!

Рад, очень рад, что не забываете меня. Твои письма вливают чувства бодрости и считаешь в эти минуты, что я самый счастливый человек. Но ведь это одна сторона. А когда думаешь поглубже, то становится жаль и вас, и себя. Вот в эти минуты, когда я пишу, я не нахожу слов, которыми мы еще сильнее придать и тебе Анюк бодрости.

Ты считаешь, что мои слова есть только слова и больше ничего, что я только сейчас проявляю к тебе уважение, но так ли? Конечно нет. Был всегда с тобой, с тобой и остаюсь пока в моей груди будет стучать сердце.

Правда я не хочу оправдываться. Я был зол, а жизнь научила к лучшему. Она дала мне понять, что значит одиночество.

Днем один, ложиться тоже, встаешь также, а как хочется быть вдвоем. Неправда, мы обязаны быть вместе. Никакие преграды не смогут остановить нашего сближения. Так все время продолжаться не может, придет момент, когда мы окажемся в объятьях друг друга.

Живу Анюк все по-старому. Изменений никаких. Учеба идет все такими же темпами. Про дальнейшую жизнь гадать не стоит. Сказать о том, а когда же все таки мы сможем увидеть друг друга – это равносильно взлететь на луну.

О празднике я писал тебе уже, кажется, а если нет, то скажу одно: он прошел также, как прошли обычные дни.

Но и вы не лучше справили эти торжества. Мне становится не по себе, когда я считаю, что ты меняешь существующую возможность – это смотреть на «божий» свет только через окно. Жалко, но ничего не поделаешь. Рад тому, как видно из твоего письма твое здоровье улучшается.

Крепись Анюк, будь уверенной в себе и дело наверняка выйдет. Ну а дочки пускай живут, резвятся – ведь это самое хорошее время, когда они не знают ни нужды, ни печали. Быть бы такими и нам – но не тут то было! Наше дело трудиться и принести своим трудом хотя небольшую пользу своей Родине.

Едва не забыл, хорошо что вспомнил. Я ведь фотографировался и числа 2–3 думаю вам послать – хорошо! Ждите.

От табака еще не отказался. Наоборот еще крепче задуваю, но хреновато тем, что деньги-то на фото затратил, а купить табачку то и не на что, а без него так скучно. Ведь это существенное наслаждение.

Живите Анюк и вы дочки. Не беспокойтесь, если все будет в порядке, то и будущее будет лучше.

Пишите, жду.

Целую крепко-на крепко

Твоя Митя.

Адрес: Москва 71, п/я 4108, 7я рота.

Привет Ив. Павл., маме, Жени.

Дмитрий.

<32>

[г. Москва, 1 декабря 1940 г.]

Добрый день! 1/XII – 40г.

Здравствуй Аня, дочки Эля и Миля!

С дружеским и отцовским приветом, а также горячим поцелуем Митя.

Твое письмо получил – тысяча благодарностей тебе Анюк от всего сердца за это. По этому я заключаю, что все таки ты не хочешь забыть меня, видимо и твое сердце имеет какое отношение к моему «жалкому» образу.

А ведь черт знает Анютка как хочется жить, любить – одним словом чувства переполнены, только беда в том, что вылить эти силы наружу некому

– Нет тебя, но будешь ты – будешь!

Вот сегодня выходной день не просто, а особый. Особенность в том, что вчера и сегодня празднуем двадцатилетие нашего училища. Знаешь, Анюк, наше училище президиум верховного Совета ССР наградил орденом «Красного Знамени». Мы сейчас не простые – а краснознаменцы. Наградили за то, что училище действительно является кузницей кадров для Р.К.К.А.

Вчера ходил в Московский художественный академический театр, смотрел постановку Чехова «Три сестры» – замечательная вещь. В общем живя в Москве посмотрел не раз Заслуженных артистов и деятелей искусств. А посмотре-

ла бы ты, как они играют! Не найти слов, чтобы выразить свое мнение.

Живу все также. Здоровье неплохое, только сильный кашель – простыл. Учебка идет пока хорошо. Не так давно пришлось сдавать зачеты по 9й главе основ марксизма-ленинизма. Сдал на 4, что означает хорошо. Настроение же не совсем хорошее.

Скука одолевает молодца! А сколько еще скучать – конца не видно.

Но ничего, Анюк, живи голубушка, не отчаивайся – наверняка дело будет лучше.

Я жалею тебя, люблю как никогда, но ничего не подедаешь, мы далеко друг от друга! Написал за тебя гораздо больше, любезнее только боюсь, что придется читать тебе ее со слезам на глазах, – чего я и не хочу.

Пишите. Ждите от меня не в далеком будущем фото.

Твой Митя.

Адрес: Москва, 71, п/я 4108, 7я рота.

Привет мамаша, жени и Ив.Павл. пожалуй не стоит, т. к. не хочет отвечать на мое письмо – ну его...

<33>

[г. Москва, 22 декабря 1940 г.]

Москва. 22/XII – 40 г.

Здравствуй Анютка, Эля, Миля!

С наилучшими пожеланиями в твоей жизни – твой Митя.

Письмо твое получил – спасибо. Ты пишешь, что я якобы начинаю забывать. И в свою очередь пишу тебе тоже. Знаешь, Анютка, брось ты мне это говорить, ибо чтобы забыть, то надо сойти с ума. Позволить себе такое прости не могу.

Причиной редкого сообщения о своей жизни является недостаток времени. Возможность написать письмо есть только в выходной день, да и то не в каждый. Раньше как-то было больше свободной минуты, а посему чаще и писал. Не обижайся, что буду писать не больше одного письма в неделю. Этого думаю будет достаточно.

Живу все по-старому. Вот только вчера ходил кататься на лыжах и ушиб задницу. Сильно болит – не могу ходить. Но закончу письмо думаю итти в санчасть. Не беспокойся – это самая ерунда, а вообще здоровье прекрасное.

Учеба идет неплохо. Оценки имею хорошие и отличные. Отставать не думаю. В городе бываю редко, да и куда пойдешь, а бродить по улицам интереса мало. Посылку с личными вещами высылал. Прошу тебя о получении ее зимнее пальто отослать брату. Ладно?

На днях отослал большущий пакет тебе с 2я фотокарточками, о получении сообщи как ты смотришь на мою «образину».

Срок учебы рассчитывают до 1 мая, вот только бы эти слова да богу в уши, то хорошо было бы. Но вероятно к маю все закончим, а там не известно что будет. Учиться осталось не так много – всего 4 месяца.

Письма получаю от Никифора Саукова, от Алимова П. В. (он в <нрзб> служит). Лешуков Н. Н. кажется выпускается в марте м-це.

Ну как ты живешь? Мне кажется, что ты все горюешь. Брось это дело, не отчаивайся. А Эли скажи, что папа не бросит маму и ее, он скоро будет в семье с Вами.

Ну пока.

Целую Митя.

Адрес старый.

<34>

[г. Москва, 1 марта 1941 г.]

1/III – 41

Здравствуй Анютка!

К тебе Митя.

Не знаю, что случилось с тобой, и может быть тебя уже не существует или еще что другое. Пишу уже 4е письмо – ответа нет месяца два жду.

Если что случилось, то почему боишься сообщить, или я уже посторонний для тебя человек. Хотя бы и так, то опять таки надо бы черкнуть. Вот что Анюк, брось мучить меня, я и так обижен судьбой.

Надеюсь ответишь и примешь мои искренние слова ко своему сердцу. В настоящее время болею. Лежал в лазарете трое суток, хотя и вышел, но придется опять видимо лечь. Учеба идет хорошо. Учиться остается немного, м-ца 2. А потом будет видно.

Может ты испугалась моей новой профессии военного человека, которого ждет ежечасно случайность быть не возле

тебя, а где то. Этого боишься! Если так, скажи лучше, что мне с тобой не попути. Я не думал, Анюк, от тебя таких вещей, но если я ваши мысли угадал, то опять таки я не навязываюсь, тебе конечно жить, ничего не поделаешь.

Пиши, «обрадуй» чем нибудь. Или напиши, чтобы я не беспокоился и не надоедал тебе своими не благоразумными письмами.

Пока – твой, а может быть уже нет – Митя.

<На полях> привет дочкам от папы. Адрес: Москва 71, п/я 4108, литер Ж. Д. С.

<35>

[Без даты]

Здравствуй Анютка, Эля, Миля!

С наилучшими пожеланиями в Вашей жизни к Вам ваш Митя.

Наконец-то дождался от тебя, Анюк, письма. Сразу получил два – тысячу тебе благодарностей, а то я уже начал по-серьезному беспокоиться и достаточно грубо отнесся к тебе в своих письмах. Сейчас раскаиваюсь, извиняюсь перед тобой, сам себя ругаю за нетоварищеское отношение. Прости меня за «свинство».

Я, конечно, виноват в том, что набрался нахальства так написать, но доля вины есть и твоя. Ведь пришлось дожидаться ответа нимного нимало, а почти 1 ½ – 2 м-ца. Шутишь!

Если ты задаешь вопрос, что мол я забыл тебя, Анюк, чуть ли не нашел другую, ласкал и вдруг то просил у тебя взять эти слова обратно и полагаю выбросишь эти мысли, если они у тебя есть, из головы. Верь, я твой до тех пор, пока хотя одна капля крови будет в моем теле.

Уверен, что и ты, хотя немного симпатизировать мне. Надеюсь, будет время, обогреешь! Вот пожалуй и все, что я хотел черкнуть в первой части своего письма, а теперь о себе.

Скучаю, Анюк, а так как некогда все больше и больше разочаровываюсь, а не стоило бы в такое время, когда решается судьба. Учиться остается ерунда. С 10 апреля начнутся государственные испытания, а к числу 25 апреля, видимо, закончим все. Впрочем выпуск будет 1-2 мая. Только сумею ли сдать зачеты, уж больно строго подходят. Но то, что в моих силах – отдам все.

Влияет и наступление весны. Погода стоит теплая, бегут ручьи, щепка на щепку лезет, а я... Знаешь, Анюк, приложи все, а детей сохрани, особенно Элю. Ведь она уже большая и постольку, поскольку я ее знаю, то жалко становится. Больше труда сейчас, меньше слез будет потом, когда подрастут.

А на счет твоей поездки в Возгору, то я считал бы тебе подумать, а возможно и отложить.

Я на это смотрю так: если можно жить у мамы и не гонят тебя, то живи до весны, а там видно будет. Если не удастся приехать и буду выпущен, то тогда и тужить не о чем — все будет в порядке.

Вот сейчас и все.

Приветы мамыши, Жени, Полины, Ив. Павл. крепко жму руку и целую тебя моя Анюк

Твой Митя.

Адрес: Москва 71, п/я 4108, литер «Ж».

Живи не скучай — Митя.

<36>

[Без даты]

Здравствуй Анютка!

Наконец то дождался от тебя ответ. Сколько радости, вос-торга — нет границ!

Даже ранец, который раньше был довольно солидным грузом и сильно давил плечи, с получением письма его не замечаю. Вот и узнал о твоём житье. Рад, очень рад, что твоё здоровье стало улучшаться. С улучшением его и я вступил в нормальную колею жизни. Как то сразу стало легко, весело и работа пошла куда лучше. Поправляйся, Анюк, скорее, пиши чаще — будет лучше, веселее и время пойдет быстрее. Ну не сердись на то, что я опять тебе грубовато написал те письма, которые может быть уже получила. Знаешь, твоё молчание бесило меня, я не знал, что делать — думал может тебя уже нет. Хорошо, очень хорошо, что самочувствие твоё стало лучше.

Вот что Аннушка! Сейчас меня волнует другая сторона вопроса. Как ты будешь обеспечивать семью материально. Трудно будет при таком твоём положении. Я тебе давал там некоторые советы, ну как ты смотришь на них, а может чтонибудь уже сделала, если нет, то напиши. Вчера приехали на неделю нести караульную службу. В лагерьа уедем 2 сентября.

Учеба идет неплохо. Думаю, что при всем благополучии тебя и я подтянусь.

В городе не был, да и не предвидится, чтобы быть и кроме всего и охоты нет, т. к. без копейки не важно.

Знаешь, что Анютка, личные вещи мои все еще лежат в Москве. Скоро их отослать не придется. Вышлю не раньше как ноября да кроме того не во что их запечатать. Придется найти ящик и сунуть туда.

Ну пока и все.

Целую – Твой Митя.

Адрес старый. Жду.

* * *

<37>

[г. Кисловодск, 26 июня 1938 г.]

Привет из Кисловодска!

Здравствуйте Анютка, Эльбиночка!

С чистосердечным признанием к вам Ваш муж и папа Дмитрий.

Анюта! О том, о чем я долго читал – теперь вижу своими собственными глазами. В санатории уже живу 3 дня и надо сказать, что партия действительно заботится о здоровье трудящихся. Жизнь протекает прилично.

Режим дня таков:

Встаем утром в 7 часов.

Завтрак в 8 час

Обед в 1 час дня

Чай в 5 часов

Ужин: в 7 часов вечера

Спать ложимся в 11 часов.

Кормят отлично, было желание есть, т. е. аппетит, а у меня аппетит большой, получаю норму дополнительно.

Болезнь у меня не серьезная – это неврастения. Вчера был на приеме у доктора, дали принять 2 сосновые <нрзб>, одну из них уже принял.

Нарзанские ванны пока не дают, говорят, вы слишком слабые, нужно подкрепиться. Производили анализ мочи, крови. Чувствую себя гораздо лучше, чем было.

На счет города: г. Кисловодск находится вокруг гор. Небольшой зелени очень много, но также в нем много различных курортов. Их насчитывается 63. Основное население

почти курортники. Есть замечательный сад, площадь которого 93 га. Ходили туда гулять. Вчера ходили в горы на экскурсию, хотя мне врач не велел ходить, но там очень красивые места, не вытерпел.

Но днем жарко: Ночи здесь очень теплые, воздух настолько хорош, что дышишь во всю грудь.

Как вы, Анюта, живете. Ваше здоровье и Эльбина какова. Почему долго не пишете письма. Я Вам пишу уже 4е письмо, но ответа не получал.

На счет денег. Хреново положение. Если не вышлете, то не знаю что и делать. Хотя плач. Товарищей знакомых нет, занять негде. Быстро какнибудь шлите, назад есть облигации.

Ну пока.

Адрес: г. Кисловодск, санаторий им 15 парт. Съезда.

26/VI – 38 Назарову Д. С.

Целую вас Дмитрий.

Привет из Кисловодска!

Михаилу Ивановичу, привет!

Ну, как дружище живешь? Каковы ваши успехи в работе.

Я живу на большой. Работать не велят, а кормят как быков, что только <нрзб.> Конечно живу от вас далеко за 10 тыс километров. Хочу спросить, как обстоят дела на счет ремонта школы. Полагаю, что вы это провернете или подпомянете с/совету, а что ремонтировать, вы знаете. Домой буду числа 10 августа, не раньше.

С прив. Назаров

Привет: Елене Андр., Люси, Анаст. Петров. Евдок. Григ. с детками.

Дмитрий.

Сведения об авторах

- Адоньева Светлана Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета СПбГУ.
- Барсукова Оксана Петровна – студент филологического факультета СПбГУ.
- Баукова Ксения Станиславовна – студент филологического факультета СПбГУ.
- Борисова Анна Александровна – студент филологического факультета СПбГУ.
- Веселова Инна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета СПбГУ.
- Гавриленко Анастасия Александровна – магистрант филологического факультета СПбГУ.
- Голубева Любовь Викторовна – магистр филологии (филологический факультет СПбГУ).
- Егорова Мария Сергеевна – студент филологического факультета СПбГУ.
- Каретникова Анастасия Сергеевна – специалист (филологический факультет СПбГУ), программист Кабинета фольклора филологического факультета СПбГУ.
- Куприянова Софья Олеговна – аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета СПбГУ.
- Курзина Надежда Александровна – студент филологического факультета СПбГУ.
- Мамаева Екатерина Сергеевна – аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета СПбГУ, лаборант Кабинета фольклора филологического факультета СПбГУ.
- Мариничева Юлия Юрьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории русской литературы филологического факультета СПбГУ.
- Пономарева Марина Валерьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории русской литературы филологического факультета СПбГУ.
- Семенова Антонина Сергеевна – аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета СПбГУ, программист Кабинета фольклора филологического факультета СПбГУ.
- Степанов Андрей Викторович – аспирант МАЭ РАН (Кунсткамера), программист Кабинета фольклора филологического факультета СПбГУ.
- Хон Ольга Георгиевна – аспирант кафедры экономики предприятия и производственного менеджмента Санкт-Петербургского государственного экономического университета.
- Хотина Светлана Васильевна – специалист (филологический факультет СПбГУ).

Список сокращений

БАС – Большой академический словарь русского языка: в 17 т. М.; СПб., 2005–2011.

БСЭ – Большая советская энциклопедия: в 30 т. М., 1969–1978.

ПОС – Псковский областной словарь (с историческими данными). Вып. 1–20. СПб., 1967–2008.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–26. Л., 1965–1991. Вып. 27–... СПб., 1991–...

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. М., 1981–1984.

СРЯ – Словарь русского языка XVIII века: в 19 т. Вып. 1–6. Л., 1984–1991; Вып. 7–... СПб., 1992–...

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. М., 1991–...

СЦРЯ – Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук: в 2 т. СПб., 2001.

ФА ПЦ – Фольклорный архив АНО «Пропповский центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры».

ФА СПбГУ – Фольклорный архив Санкт-Петербургского государственного университета.

ЭСБЕ – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890–1907.

Список иллюстраций

К статье Л. Голубевой

Ил. 1. Участницы Лешуконского любительского хора (Н. В. Радюшина, Г. И. Карманова, М. Г. Понтюхина) демонстрируют рипсовые шали. Во время празднования свадьбы из шалей они выстроили коридор, через который должны были пройти молодожены. Фото А. В. Козловой. Июль 2010 г. Село Лешуконское Лешуконского района Архангельской области.

Ил. 2. Р. С. Сидорова показывает собирателю, как правильно носить рипсовый платок с праздничным костюмом. Фото Д. Д. Сытниковой. Июль 2009 г. Деревня Селище Лешуконского района Архангельской области.

Ил. 3. Женщины в лодке на переправе. Фото И. С. Веселовой. Июль 2009 г. Деревня Селище Лешуконского района Архангельской области.

Ил. 4. А. И. Жирохова, 1955 г. р., идет доить корову. Фото Д. Д. Сытниковой. Июль 2009 г. Деревня Селище Лешуконского района Архангельской области.

Ил. 5. Женщины (Л. И. Саукова, 1930 г. р., В. П., 1936 г. р.) у деревенского клуба в ожидании пенсии. Фото Н. А. Курзиной. Июль 2012 г. Деревня Родома Лешуконского района Архангельской области.

Ил. 6. Женщина в траурном платке (после смерти сына М. К. Галева носила траурный платок до сорокового дня). Фото Л. В. Голубевой. Июль 2012 г. Деревня Вожгора Лешуконского района Архангельской области.

К статье Е. Мамаевой

Ил. 1. «Боевая подруга» Марии Октябрьской. Источник: Танковый фронт: сайт. URL: http://tankfront.ru/ussr/nominal_tanks/boevaya_podruga.html

Ил. 2. Фотокорреспондент ТАСС Евгений Ананьевич Халдей (в центре) в Берлине возле Бранденбургских ворот. На заднем плане ИС-2 из состава 7-й гвардейской танковой бригады – один из трех (№ 414, 432, 434 «Боевая подруга»). Источник: Там же.

Ил. 3. Передача танка «Боевая подруга» (II) танкистам 93-й тбр. Зима 1944 г. Источник: Там же.

Ил. 4. «Боевая подруга» № 434. Источник: Там же.

К статье А. Семеновой

Ил. 1. Лешуконский хор «Родина» выступает на Дне деревни. Фото Л. Гайны. Июль 2010 г. Деревня Березник Лешуконского района Архангельской области.

Ил. 2. Хористки и балалаечник. Фото А. С. Семеновой. Июль 2008 г. Мезенский район Архангельской области.

Ил. 3. Лешуконский любительский хор в народных костюмах (между 1936 и 1956 г.). Из собрания Лешуконского музея. Фото И. С. Веселовой. Июль 2009 г. Село Лешуконское Лешуконского района Архангельской области.

Ил. 4. Хор села Койнас в народных костюмах. Из личного архива Зои Семеновны Елуковой, 1941 г. р. Фото А. Т. Джафаровой. Июль 2013 г. Село Койнас Лешуконского района Архангельской области.

Ил. 5. Лешуконский любительский хор. Фото А. В. Козловой. Июль 2010 г. Село Лешуконское Лешуконского района Архангельской области.

К статье О. Барсуковой

Ил. 1. Семья Сафоновых (муж, жена). Кому принадлежит третья могила — неизвестно. Фото О. П. Барсуковой. Июль 2011 г. Деревня Чуласа Лешуконского района Архангельской области.

Ил. 2. Ряд могил Федуловых без ограды. Здесь похоронены муж с женой и их сыновья. Фото О. П. Барсуковой. Июль 2011 г. Там же.

Ил. 3–5. Род Ивановых. Фото О. П. Барсуковой. Июль 2011 г. Там же.

К статье М. Егоровой

Ил.1. Плакат рекламной кампании “Dove real beauty” (2004). Источник: adverbox: сайт. URL: <http://www.adverbox.com/ads/dove/>

Ил. 2. Кадры из ролика “Dove Evolution” из статьи “Beauty and the (Media) Beast”, опубликованной на сайте “Womenology”. Источник: womenology: сайт. URL: <http://womenology.ogilvypr.com/2011/02/beauty-and-the-media-beast>

Ил. 3. Плакаты рекламных кампаний “Dove real beauty” (2005) и “Victorias Secret Love my body campaign” (2010), соединенные в одно изображение неизвестным пользователем Интернета. Источник: Body Love Wellness: сайт. URL: <http://www.bodylovewellness.com/2012/08/06/dangerous-beauty/>

Ил. 4. Образы, выбранные большинством москвичек, участвовавших в опросе Михаила Рюмина в 2004 г., как наименее привлекательные. Из статьи М. Рюмина. Источник: Позитивный маркетинг: сайт. URL: <http://www.pmarketing.ru/publications/general-questions/customers-trends/woman-in-ad>

Ил. 5. Джемс О'Шонесси, 60 лет. Рекламная кампания "American Apparel" (2012). Источник: Fashion Forward: сайт. URL: <http://www.ffw.com.br/noticias/category/cultura-pop/page/13/>

К публикации Л. Голубевой

Ил. 1. Дмитрий Степанович Назаров. 1939 г. Из архива Э. Д. Грязновой. Переснято Л. В. Голубевой. Июль 2012 г. Село Вождора Лешуконского района Архангельской области.

Ил. 2. Д. С. Назаров с сокурсниками в РККА. 1940 г. Из архива Э. Д. Грязновой. Там же.

Ил. 3. Анна Михайловна Ляпунова. 1934 г. Из архива Э. Д. Грязновой. Там же.

Ил. 4. Фрагмент письма Д. С. Назарова от 21 августа 1940 г. Из архива Э. Д. Грязновой. Там же.

Ил. 5. Фрагмент письма Д. С. Назарова от 12 июня 1940 г. Из архива Э. Д. Грязновой. Там же.

Ил. 6. Фрагмент письма Д. С. Назарова от 1 марта 1941 г. Из архива Э. Д. Грязновой. Там же.

Научное издание

КОММУНИКАТИВНЫЕ КОНВЕНЦИИ
И СОЦИАЛЬНЫЕ СЦЕНАРИИ

Филологический практикум

Составители: С. Б. Адоньева, С. О. Куприянова

Ответственный редактор: С. Б. Адоньева

Редакторы: С. О. Куприянова, А. С. Семенова

Корректоры: А. С. Семенова, С. А. Бутовская

Компьютерная верстка: М. А. Василенко

Подписано в печать 14.02.2014.

Формат 70 × 90^{1/16}. Объем 28 печ. л. Печать офсетная.

Тираж 500 экз. Заказ № 108.

Типография издательства СПбГУ.

199034, Санкт-Петербург, Средний пр., 41